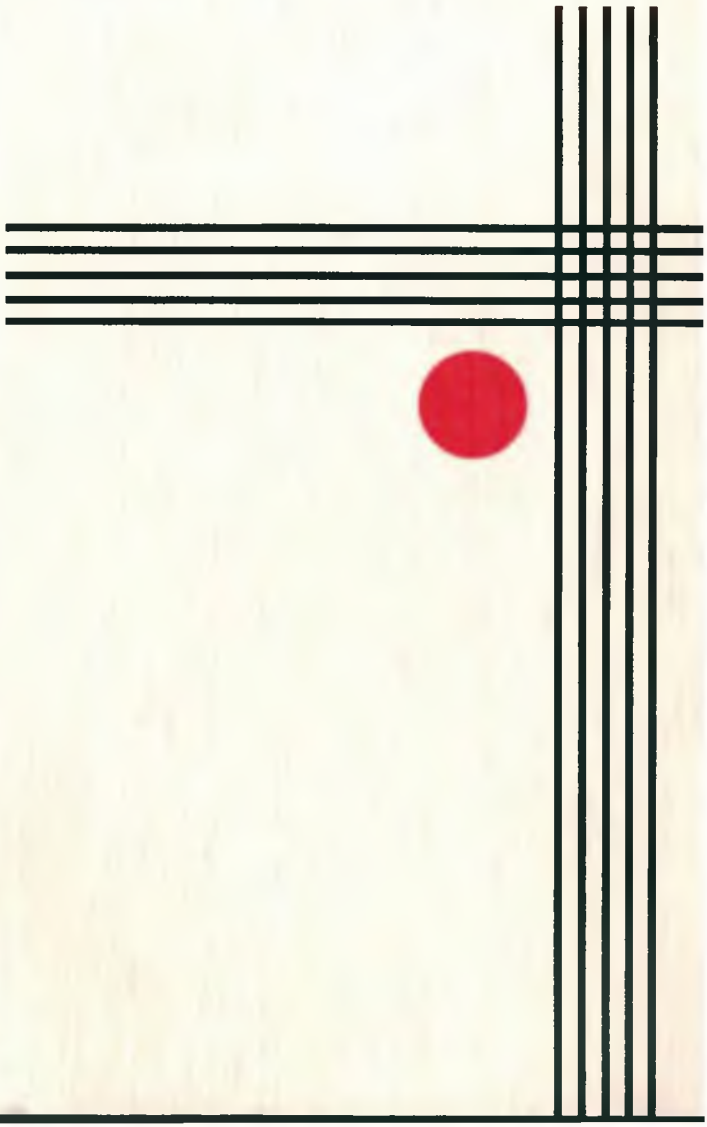
ЯПОНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП



JAPANESE KALEIDOSCOPE

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ
THE CENTER FOR CONTEMPORARY JAPANESE STUDIES

ЯПОНСКИЙ ФОНД
THE JAPAN FOUNDATION

ЯПОНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

JAPANESE KALEIDOSCOPE

Москва
Moscow
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2006

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
Я70

Ответственный редактор
В.Б. Рамзес

Ed. by *V. Ramzes*

Японский калейдоскоп = Japanese Kaleidoscope. — М. : Вост. лит., 2006. — 311 с. — ISBN 5-02-018512-4

Я70

В книгу включены статьи российских ученых, посвященные отношениям между Японией и ее соседями, а также различным аспектам японской внутренней политики, экономики, проблемам литературы и искусства.

ББК 63.3(5Япо)

© Центр по изучению современной Японии, 2006
The Center for Contemporary Japanese Studies, 2006
© Оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006

ISBN 5-02-018512-4

Проект «Японский калейдоскоп» выполнен в 2005 г. в рамках деятельности Центра по изучению современной Японии, созданного на базе заключенного в 1991 г. соглашения между Академией наук СССР (ныне — Российская академия наук) и Японским фондом (Япония) о поддержке и развитии японоведческих исследований в России.

The Project «Japanese Kaleidoscope» was conceived and implemented by the Center for Contemporary Japanese Studies in 2005 under the Agreement concluded between the Academy of Sciences of the USSR (now, the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation in 1991 to promote these studies in Russia with effective technical and financial support from the said Foundation.

V. Ramzes

RÉSUMÉ

The Project «Japanese Kaleidoscope» was, first of all, intended to present a panoramic view of the country emerging at last from prolonged recession and demonstrating renewed energy in economy, domestic and foreign policy, as well as in various spheres of social life.

The authors have also decided to attract readers' attention to the fact that Japan's cultural heritage continued to be held in the highest esteem possible despite numerous calamities the country experienced during the final decade of the 20th century.

Taking into consideration some significant events on the international arena the authors deemed it wise to touch upon several deep-rooted reasons poisoning Russo-Japanese relations and preventing them from becoming really friendly and confidential.

As it was in the past, the Project had as its base the Agreement between the Academy of Sciences of the USSR (now, the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation, concluded in 1991 and prolonged in 1997 to promote Japanese studies in Russia with effective technical and financial support form the said Foundation. All the preparatory measures concerning the Project were realized by the Center for Contemporary Japanese Studies.

Following the well-established tradition, the selection of the team of researchers to whom the task of implementing the Project have been entrusted was organized through an open contest. This time twelve prospective candidates have presented their suggestions, theses, or articles.

After protracted considerations by the authoritative members of the specially established Panel eleven pretenders were included in the team (subsequently one of the "included" failed to produce an article and was replaced). They represent the Institute of World Economy and International Relations, the Moscow State University, the Institute for Oriental Studies, the Institute of Asian and African countries, and the Russian Artists' Union.

The services of the following persons were enlisted (in alphabetical order): Mr. K. Anin, Mr. Yu. Denisov, Mr. G. Kunadze, Mrs. E. Leontieva, Mrs. S. Markaryan, Mrs. N. Nikolaeva, Mr. V. Ramzes, Mrs. A. Sadokova, Mrs. I. Tikhotskaya, Mr. V. Zaitsev.

© V. Ramzes, 2006

We find it absolutely necessary to express our profound gratitude for advice and suggestions from our well-tried consultants, guest-speakers, councilors and other cooperators concerning the general direction of the research, the themes deserving special attention, and final results.

It must be emphasized that the presented reports have been exhaustively discussed with active participation of the undergraduate and master's course students some of whom demonstrated amazing maturity and made extremely penetrating observations and proposals.

In the process of preparing the manuscript of the Project for publication inesteemable services were rendered by Ms. T. Agafonova and Ms. A. Guryanova.

During the implementation of the Project the authors' team was constantly aware of the generous assistance on the part of Japan's Embassy officials, namely, Mr. K. Abe and Mr. I. Kawabata for which we are very thankful. We also express our sincere gratitude to Mr. T. Ito, the Plenipotentiary Minister of Japan's Embassy, for supplying the Center for Contemporary Japanese Studies with unique information materials, which made it possible for us to be posted about the latest events in Japan. Moreover, at the Seminars on economic, political, social, and cultural problems of Japan, which were organized by him, the authors were afforded the golden opportunity to present their ideas, to exchange opinions with colleagues and in so doing to raise the quality of their articles, which were being written for the Project.

Lastly, we are very much obliged to the directors of the Japan Foundation for understanding our various problems and their firm support of our scientific work.

It turned out that the following themes were subjected to the most thorough investigation by the authors' team: latest causes of unsatisfactory Russo-Japanese relations; economic reforms and political achievements by Junichiro Koizumi; financial crisis and Bank of Japan policy, trends of state and personal savings; financial crisis in Japans' agriculture; innovation resources of Japanese economy; special features of relations between Japan and China; economic, political and social characteristics of Okinawa prefecture; role of landscape painting (in 14th and 15th centuries) in Japan's cultural development; symbolic meaning of water in Japan's narrative folklore.

To the overwhelming majority of observers and general public the so-called territorial problem seems to be the main obstacle blocking the way to a decisive improvement of Russo-Japanese relations. It is a serious obstacle, indeed, but not the main one.

In reality this problem serves only as a certain medium, a «civilized» means to give vent to enmity toward Japan firmly implanted in the consciousness of a considerable part of Russia's population.

True enough, a great number of citizens are totally absorbed in trying to secure physical survival and completely indifferent to matters of «high poli-

tics». Still, when specifically asked, they, as a rule, do not hesitate to express anti-Japanese feelings.

As for the reasons of such an unfortunate state of affairs, one can name at least four of them.

Firstly, a colossal flaw in Russia's adequate perception and understanding of Japan's realities.

Secondly, unfavorable historical experience of bilateral relations, including, particularly, Russo-Japanese war (1904–1905) which left an indelible trace in Russia's national memory.

Thirdly, an acute envy of victors in the Second World War at miraculous achievements of the vanquished in that war.

Fourthly, ultra nationalism, or, more exactly, Nazism with its racial prejudices which rears its ugly head in Russia and attracts the attention of the authorities.

Between September 2003 and September 2005, Japan's Prime Minister took part in four election campaigns and despite various unfavorable circumstances succeeded in keeping intact his positions inside the Liberal-Democratic Party and Government. Thus he has secured further implementation of his reforms till, at least, September 2006 when his term of office is due to expire. The first campaign was connected with the election of the LDP's president.

Mr. Koizumi has skillfully used gradual economic recovery for proving the effectiveness of his programs and overcome the resistance of the opposition in the Party. His speedy and convincing victory has helped him to reorganize the Cabinet distributing ministerial posts independently of the Party factions' will and to form a team of adherents ready to push forward radical reforms.

The second campaign was connected with the general election of the House of Representatives of the Diet. LDP was seriously challenged by the Democratic Party of Japan and had to wage a seemingly losing battle for deputies' mandates.

The campaign was marked by real competition and bore the signs of moving toward a bipartisan system in the country — a cherished dream of many advanced politicians.

The governing coalition (LDP plus New Komeito) has received 275 mandates securing absolute majority in the House, but the results were considered by authoritative observers as mediocre because 13 mandates were lost.

However, Mr. Koizumi has explained election failures by people's wish to accelerate the process of reforms, which was hindered by opposition forces within LPD, and expressed unswerving determination to adequately response to that wish.

In accordance with such a course he has decided to reform Japan's pension system right in the middle of the third campaign, this time in connection with the election of the House of Counselors. It was rather a dangerously cou-

rageous undertaking because the proposed reform was not particularly beneficial for pensioners and economically active population as well.

Probably, Mr. Koizumi has somewhat overestimated his popularity among voters and though the governing coalition has kept its solid majority in the House, it was the Democratic Party of Japan that has miraculously increased its representation from 59 to 82 mandates and became a legitimate leader of opposition.

Still, Mr. Koizumi has remained at the helm and brilliantly proved his capacity to survive by his overwhelming victory in the fourth campaign — snap election of the House of Representatives on September 11, 2005.

Meanwhile it is absolutely evident that in 1992–2003 Japan experienced a prolonged recession unprecedented for a developed country. The recession was accompanied by a prolonged deflation of prices — the one and only example in modern economic history.

Prolonged, albeit slow, deflation is a result of chronic deficit of effective demand and depresses economic activity no less than high inflation.

The mechanism of deflation is related to the monetary policy of Bank of Japan which started inflating «a bubble» in the securities and land markets and failed to stop it in time.

Deflation in contemporary Japan has also a non-monetary, i.e. structural, origin. First of all, this is the accumulation of debts by companies to lending banks. In building, real estate, wholesale and retail trade there appeared many insolvent firms. These «zombies» were supported by the archaic system of relations with creditors («constant partnership» and «debts forgiving»).

During the first five years deflationary crisis has become the main task of economic policy. To solve this task two kinds of means were used: anti-crisis management (concentrated on «clearing» companies' balances and the «sanitation» of banks) and structural reforms (directed to the adaptation of basic economic institutions to functioning under globalization of goods, labor and capital markets).

Anti-crisis management was being implemented by the methods of strict administrative intervention into activities of financial institutions and corporations and accompanied by unusual monetary and credit policy.

Structural reforms have embraced all formal and informal institutions which formed the so-called national economic model (lack of institute of independent firm; lack of normally functioning financial markets; lack of normal structure of corporate management; inflexibility of labor market because of «life employment» and «seniority pay system»; abnormally great economic role played by the state).

Now reforms are laying new institutional structure. It is the main condition of economic growth and institutions' functioning under global economy.

On the background of such reforms many significant changes are being observed in the spheres of state and personal savings, scientific and technological progress, and agriculture.

Unusually high level of savings in postwar Japan is a phenomenon that attracted attention of economists throughout the world. As in the case with all developed countries, the overwhelming share of total saving consists of personal ones.

However, up to the early 90's Japan's domestic households saved much more than their counterparts in other developed countries. At the start of the 21st century the total sum of personal savings accumulated by millions of Japanese has reached approximately 12 trillion dollars. During postwar industrialization and in years of Japan's economic miracle these savings have been turning into «cheap capital» for industry. Subsequently they have become a serious reason for building «bubble economy», because banks began to eagerly supply buyers of real estate with personal deposits.

Meanwhile, even under almost chronic recession the Japanese continued to save. It would not be an exaggeration to say that every domestic household took part in rescuing the archaic Japan's financial system from seemingly inevitable collapse. Even now astronomical sums, which are being kept on personal accounts in commercial banks and in postal savings system, are being spent for buying state bonds. The latter, in their turn, are being used for financing the huge government debt, including budget deficits reaching nearly 10% of GNP.

Authors of innumerable investigations tried to make clear Japanese's motives for saving but could not reach consensus on the matter.

Some considered high saving rate a source of capital supply for all the world preventing global interest rates from excessive rising while others see in it a sign of sluggish domestic demand leading to trade conflicts.

While these discussions went on a new tendency has appeared: saving rate in domestic households began to fall. In the middle of the 70's it exceeded 20% of their income but at the start of the 90's it fell by 14% and now equals about 7%. It is nearly American level (about 4%) and is less than French and German ones.

Usually, this tendency is explained by aging population. It's certainly true. In the 21st century Japan's society will doubtlessly be an old one. According to official prognoses, the share of persons aged 65 years or more will equal 25.2% in 2015 and reach its peak (32.3) in 2049.

Such a big share of aged population is bound to exert comprehensive influence on Japan's economic development as a whole, on the functioning of the pension system, labor productivity, and, of course, on the saving rate.

According to the theory of life cycle of domestic households, this rate decreases without fail together with population's aging. Moreover, in aging society payments form social security funds increase more rapidly than receipts and it depresses state savings.

At the end of the 20th century all developed nations have concluded transition to the innovative economy. Innovations, i.e. the results of scientific and technological progress, realized in various spheres (first of all in the

sphere of production), bring now a decisive contribution to economic and social development.

It is a well-known fact that every success of economic activities is being defined nowadays by absolute novelty of goods, their highest quality and attractive design.

New knowledge becomes the main economic resource. Production of knowledge and its practical utilization define final results of economic performance. That is why innovative economy is characterized as knowledge economy, or as economy based on knowledge.

Investigations of the problems of the current stage of economic development can be advanced, among other things, by a comprehensive analysis of Japan's innovative resources because this country is one of the world leaders in the spheres of scientific and technological progress and industry.

As a basic feature of nation's scientific and technological development a quantitative scope of R&D is normally used. In 2002 fiscal year Japan has spent on R&D 16.7 billion yen (3.35% of GDP). State spending equaled 20.7% of this sum; about 70% of R&D are being carried out by companies, 20% by universities and approximately 9% by state laboratories

The number of researchers in Japan has reached 757 thousand (2003) and with auxiliary personnel 970 thousand. From 1946 to 2003 9 Japanese scientists have become Nobel laureates.

Between 1981 and 1995 the number of patent claims by the Japanese in the country has exceeded 400 thousand and abroad 140 thousand.

Scientific and technological as well as economic development of Japan is being speeded up by import of licenses and know-how. Between 1981 and 2000 about 50 thousand licenses were bought. Companies in electrical and electronic industry were the biggest importers.

The production mechanism of industry is one of the most valuable resources of Japan's innovative development. To support the innovative process at its final stage (commercialization of achievements in the sphere of science and technology) high-productivity equipment, flexible automation technics and control systems are absolutely necessary. Just because the Japanese have succeeded in creating such a mechanism and continuously perfect it they are capable of implementing structured economic reforms.

Contemporary condition of Japan's innovative resources can secure high social and economic «parameters» of society's everyday life. However, in practice they completely used up in civil sectors of economy and a radical strengthening of the country's innovative potential is hardly possible.

The end of the 20th century and the start of the 21st one are marked in Japan by structural reforms in various social and economic spheres including agriculture. New agrarian laws and amendments to the «old» ones seem to be forerunners of radical changes in this sector.

The problems of agriculture to be solved are very complicated. As early as at the end of the 50's it became clear that small farmer households cre-

ated by postwar land reforms cannot effectively use new technology and fully meet the various needs of consumers and food industry.

To improve the situation a program of structural reform in agriculture was worked out and Basic Agricultural Law was adopted in 1961. In conformity with this Law and several other laws adopted later, the creation of bigger farmer households, the increase of labor productivity and diversification of production were stipulated and encouraged.

Regretfully, this program has not been completely fulfilled. Though agriculture as a whole moved in the right direction, the number of big farmer households failed to reach the expected level and the structure of production underwent no radical changes.

Subsequently, various measures aimed at decreasing rice production, increasing competitiveness, cutting production costs, etc., have been repeatedly taken. However, the expected goals could not be reached because of the inconsistent government policy (the ruling circles had feared farmers' unrest, on the one hand, and losing their votes in elections, on the other).

Meanwhile, new problems were added to the old ones: big deficit of agricultural budget because of constantly rising fixed prices of production and falling rate of food self-providedness because of importing cheaper produce under pressure from Japan's trade partners and several international organizations, of which she is a member.

In the 80's government measures, aimed at softening administrative methods of regulation and broadening the zone of functioning of market mechanisms in agriculture (decreasing budget assignations for supporting prices of agricultural production; the liberalization of import of its certain kinds; relaxing limits in the sphere of its circulation) as well as at creating bigger farmer households (encouraging the development of the so-called joint households, supplying credits on favorable terms for land buying), reforming the structure of agriculture (increasing «addressed» assignations, introducing tax and credit preferences) and increasing state expenditures on R&D, have intensified the differentation of farmer households but failed to cause radical changes.

In 1995 the Law on stabilizing demand and supply of basic foods and prices was adopted. It defined the general course of agricultural policy in the sphere of production circulation and stimulated a broader functioning of market mechanisms in agriculture. The methods of enforcing the Law were the same as before and brought no significant results.

Beginning from 2002 the government has been working out and implementing measures which will probably prove to be of a different, much more effective kind compared to their past analogues. Worth mentioning among them are steps bound to facilitate the penetration of non-agricultural firms with their specific methods of management in agriculture.

It looks like the government is going to put an end to the privileged status of agricultural cooperatives, which are exempted from the jurisdiction of the anti-monopoly law while being actually monopolists in the

sphere of supplying farmers with machines, pesticides, fertilizers, etc., and selling their produce.

Moreover, agricultural cooperatives manipulate prices in order to prevent nonagricultural firms from operating in agriculture.

Despite the opposition from cooperatives and agrarian lobby, more than forty non-agricultural companies have already established bases in the so-called deregulated zones. For example, «Vatami» corporation cultivates «ecologically clean» vegetables on rented land in Chiba prefecture. According to «Vatami's» information, many farmers are ready to lease their land to the company.

Premier Koizumi is inclined to vigorously implement structural reforms in agriculture and hopes to crush resistance of the agrarian lobby within his own Liberal-Democratic party. As he sees it, Japan cannot afford to postpone these reforms because only they can minimize negative consequences of the recently signed agreements on free trade. They are also important for preserving agriculture in its role of the food producer and a branch of paramount social and political significance.

In the sphere of Japan's foreign policy her «particular relations» with China are of great scientific as well as practical interest. Relations of this type emerge on the basis of ethnic, religious or cultural affinity, similarity of historical fortunes, fundamental choice of national strategy, strong interdependence, national offence or historical rivalry.

The main feature of «particular relations» is their high emotional saturation, combination of love and hatred.

Japan's politicians never forgot China as an important factor of domestic policy, as an object of foreign policy and as a subject of international relations, sometimes capable of exerting definite influence on Japan's fortunes even by the mere fact of its existence.

Suffice it to recollect that the so-called «reverse course», taken by the US which has instantly transformed Japan from vanquished enemy into the main ally of the US in Asia, was caused by revolutionary changes in China. A quarter of century later another American strategical about-face (this time rapporochement with China) has come as a bolt from the blue for Japan, forced her to reconsider its attitude and, moreover, stressed with humiliating clarity her political «secondariness».

For the very emotional and touchy Japanese with their strong historical memory such a state of affairs was completely intolerable. In their turn, the Chinese with no weaker memory always considered the Japanese at best as a nation of imitators and at worst as people of hostile state guilty of almost all of China's misfortunes, trying to self-affirm herself at China's expense and particularly dangerous because of her ethnic and cultural affinity.

A mixture of arrogance and enmity, typical of China's position in relation to Japan, is not a sound basis for any policy, particularly for policy of intensive cooperation with the object of such complex emotions.

Still, during the last two decades China wages just such a policy toward Japan. Objective interests of national development make China borrow modern industrial technologies from Japan, learn from her rich experience. All of this is of course for China's benefit, but not necessarily for the Chinese to feel pleasure about.

Be that as it may, the Japanese never treated China with indifference. Even in the middle of the 20th century, when Japan obediently followed American political line, her politicians sent China symbolical signals about their country's readiness to develop informal Japanese — Chinese relations ignoring Japan's treaty with Taiwan.

As is well-known, on September 29, 1972, Japan and China have signed the joint Statement that put an end to the «abnormal state of relations» between the two countries and restored mutual diplomatic ties. From that moment on, the contemporary stage of their «particular relations» began.

Three phases are clearly seen in this stage. The first one (1972–1978) can be characterized as «rambling in the dark». Nothing too «particular» occurred then except some events the real meaning of which became evident later.

But negotiations in Peking have brought into the open several problems undoubtedly connected with historical heritage of bilateral relations (Japan's excuses for the crimes committed against China; Japan's reluctance to touch upon Taiwan's status, etc.).

The second phase proved to be much more definite as to its logic and dynamics but, paradoxically, less «clear» chronologically.

It was marked by unusually high intensity of official contacts and growing mutual understanding in the sphere of security (both countries thought that their interests were in danger because of Soviet hegemonism).

The third phase was unprecedently successful for China and Japan owing, mainly, to economic reforms in the former. It is extremely difficult to point when it exactly started but it's not earlier than the mid-80's that Japan finally and irrevocably believed in the serious character of those reforms.

Just then the contemporary model of «particular relations» between Japan and China began to take visible outlines. It was based on (1) similarity and complementarity of economic strategies; (2) coincidence or, at least, not too sharply expressed controversiality of main political interests; (3) high level of cultural and entrepreneurial compatibility; (4) modally comparable perception of such Western values as «freedom», «democracy», «human rights», etc.

This basis appeared to be sufficiently solid to secure blossoming bilateral relations. Ironically, however, that «happy» period turned out to be short-lived.

There were many reasons for that (for example, the new context of global and regional policy; unprecedently speedy China's economic growth; peculiar psychological «tiredness» of «particular relations» on both sides).

At the end of 1993 China has restored relations with the USA and European members of the «Big Seven», established or restored diplomatic ties with Republic of Korea, Indonesia and Singapore. Under new conditions Japan remained the main economic partner of China, but ceased to be an irreplaceable one. Realizing it China's leadership has become more exacting to Japan in all spheres of bilateral relations and much less tolerant to her real and far-fetched «sins».

Raising various accusations against Japan has led in 1996 to the deep crisis in those relations, though the Japanese pretended it did not exist. As a matter of fact, trade between the two countries continued to grow as well as Japan's investments, and millions of the Japanese visited China as before.

But in reality, Chinese accusations were an outburst of irrational emotions and it is just by such emotions that «particular relations» take its shape. And China deliberately «exploits» the phenomenon of those relations.

While Japan uncomplainingly receives Chinese accusations practically ignoring them, the Chinese openly discuss various versions of their future strategy addressed to her. Among those versions are: (1) the strategy of «open embraces»; (2) the strategy of «embraces which are opened on certain conditions»; (3) the strategy of «power deterrent».

For a long time Okinawa prefecture was also in the center of Japan's foreign policy. Occupied after bloody battles by American forces in 1945 the prefecture has become a key military base in the region.

The process of returning it to Japan's jurisdiction took almost thirty years during which its economic, political and social differences from the rest of Japan have been incessantly growing. Okinawa has even become known as a «Non-Japanese Japan». However, the desire of Okinawan population to get rid of the occupation regime and rejoin the community of sister-prefectures always remained strong.

In 1969, it had become clear that the continued American governance of Okinawa, more than 25 years after the end of the Pacific War was the source of political tensions between the United States and Japan. Those tensions fed into the communist assertion that the US was a «neo-imperialist» power.

Yet this presented a major dilemma: the US felt that it needed Okinawa's location for strategic defense and peacekeeping purposes, but good relations with Tokyo were also crucial.

The negotiations were carried out in 1970 and 1971 between the Ministry of Foreign Affairs and the US Embassy in Tokyo. The participants needed to deal with almost a thousand problems ranging from how to reduce the size and number of US military facilities to how to reassure small American enterprises that they would not be immediately put out of business.

At last, the Agreement between Japan and the United States of America concerning the Ryukyu Islands and the Daito Islands was signed and a new life of Okinawa has begun.

Overall economic progress of the prefecture in the following years was not very conspicuous, but various handicrafts and tourism as well as other service industries were booming. Considerable improvements are being observed in the quality of life of the islanders. Life expectancy in the prefecture is among the longest in Japan.

Okinawans carefully preserve their historical and cultural heritage, ancient rituals and traditions as well as unique flora, fauna and ecological balance.

The concluding parts of the Project are also dedicated to cultural phenomena. Landscape painting had come to Japan from China and developed into an amazing and magnificent genre helping to define structures of artistic images. It symbolizes a close link between art and religion and enjoys the deserved admiration of connoisseurs and general public.

No less popularity is won by narrative folklore the history of which goes back to times immemorial. It is an inalienable part of traditional beliefs and it intensively uses various symbols to «embellish» narrations, to give them a deep metaphorical meaning. Water plays an outstanding role in Japanese folklore as a means of purification, a habitat for fantastic creatures, a substance of miraculous properties, etc. Water symbolics is notable for its diversity, richness of colors, regional shades, and refined beauty.

В. Рамзес

НЕЮБИЛЕЙНЫЕ МЫСЛИ К ЮБИЛЕЮ

Полтораста лет тому назад, 7 февраля 1855 г. полномочные представители России и Японии подписали в городе Симода Трактат о торговле и границах, ознаменовавший собой установление официальных отношений между обеими странами. Важнейшими в этом документе были две первые статьи, безусловно заслуживающие приведения их здесь без каких-либо изъятий. «Статья I. Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией. Во владениях обоих Государств Русские и Японцы да пользуются покровительством и защитою, как относительно их личной безопасности, так и неприкосновенности их собственности. Статья II. Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается не разделенным между Россией и Японией, как было до сего времени»[1].

Обе статьи, с единственной поправкой насчет Сахалина[2], могли бы украсить мирный российско-японский договор, вот уже 60 лет ждущий своего заключения (такого трагедийно-фарсового рекорда не знает книга Гиннесса). Его отсутствие не дает оснований для пышных юбилейных торжеств.

Непосредственной, лежащей на поверхности причиной нескончаемо абсурдной ситуации является неурегулированная проблема территориального размежевания. Да, конечно, проблема, при всей ее невероятной раздутости (о ней речь ниже), настолько серьезна, насколько может быть серьезна проблема отношений между грабителем и ограбленным. Но чем дальше, тем больше я убеждаюсь в том, что проблема эта объективно служит средством канализирования весьма прискорбного феномена, а именно давным-давно укорененной в национальном сознании неприязни к нашему дальневосточному соседу. Нередко она и субъективно используется в этом качестве.

Большинство населения России отчаянно бьется за физическое выживание и бесконечно далеко от мира «высокой» внешней политики.

© В. Рамзес, 2006

Но на вопросы о Японии в ходе статистических исследований оно откликается довольно активно. По данным ВЦИОМ, полученным после осеннего (2005 г.) визита В. Путина в Токио, у 48% респондентов Япония ассоциировалась с аудио-, видео- и бытовой техникой, а у 36% — с автомобилями. 54% видели в современной Японии пример экономического успеха, 31% отмечали выпуск ею высококачественных товаров, 14% полагают, что Япония — образец защитницы своих национальных интересов (см.: http://www.ng.ru/politics/2005-11-21/2_kartblansh.htm). И в то же самое время, согласно данным Центра Левады, лишь 4% опрошенных относили Японию к дружественным России государствам. А среди врагов России из числа стран, не входивших в состав СССР, Японию помещали на третье место. В общем же списке этих самых врагов Япония находилась во второй пятерке (http://www.levada.ru/press/2005060800.html).

Неприязненное отношение к Японии поддерживают крупнотиражные средства массовой информации, которые, с одной стороны, отражают соответствующий настрой своей аудитории, а с другой стороны, нагнетают его вроде по собственной инициативе, но непременно с учетом веяний «сверху»[3].

На протяжении 150 российско-японские, затем советско-японские и, наконец, снова российско-японские контакты неоднократно испытывали довольно резкие колебания. Потепления сменялись похолоданиями, и наоборот. Однако дух подлинного добрососедства, честного партнерства и прочного взаимодоверия никогда в контакты эти не проникал.

Япония постоянно опасалась экономической и военной экспансии Российской империи в зону ее «канонических» интересов. А после большевистского путча с отважно заявленными его организаторами претензиями на мировое господство коммунистических идей к прежним добавились опасения идеологического вторжения. Будучи вполне оправданными, они превратились в чуть ли не навязчивую идею, обернулись не всегда адекватными, соответствующими обстановке поступками.

Царская Россия, в свою очередь, непрерывно ожидала от японцев всяческих подвохов. У нее тоже имелись разнообразные экономические и военные интересы в сопредельном с Японией регионе. Что касается СССР, то для него на первом плане стояли идеологические интересы: сотни миллионов нищих азиатов являли собой отличный горючий материал для коммунистических авантюр, а японская империя располагала, пожалуй, наибольшими возможностями предупреждать вспышки революционного пожара, прежде всего на необъятных просторах вожделенного Китая. Поэтому Японии никак не светила перспектива сделаться предметом российской любви.

Шарль де Костер подарил одному из персонажей своего нетленного произведения следующую максиму: «Женщины, когда полюбят, готовы отдать мужчине все до последней рубахи»[4]. Очень похоже на Советский

Союз. Влюблялся он и неистово и безоглядно и действительно раздавал последние рубахи. Еще не выветрился из памяти его для многих (не для всех!) внезапный, краткий, но зато бурный роман с Адольфом Гитлером (фюрера тогда решительно предпочли западным демократиям). О накале романа свидетельствуют и знаменитая телеграмма Молотова вождю германской нации, где превозносится дружба, скрепленная кровью, и поезда с нефтью, углем и пшеницей, следовавшие в Германию даже в ночь на 22 июня 1941 г., и осуждение на пять лет за «антигерманские настроения» бывшего поверенного в делах СССР во Франции Николая Иванова в сентябре того же года (!)[5].

Специфический характер советской влюбчивости так и не претерпел радикальных сдвигов. В десятилетия «холодной войны» чувства беспрекословно подчинялись одному из ее фундаментальных законов: враг твоего врага — твой друг. И в фавориты державы победившего социализма поочередно попадали самые знаковые (или самые одиозные?) фигуры эпохи из Юго-Восточной Азии, с Ближнего Востока, из Африки и Латинской Америки.

Развал Советского Союза многое изменил, но только не роковую предрасположенность его преемницы России к любовной горячке. Последний по времени всплеск неуемного российского темперамента адресовался Китаю. В одночасье Китай возвели в ранг стратегического партнера, в его пользу решили долголетний спор о принадлежности амурских островов[6], запустили грандиозные программы снабжения Поднебесной сырьевыми материалами и военной техникой, провели небывало крупные совместные маневры[7], активизировали сотрудничество в региональных организациях[8] и т.д.

В принципе улучшение межгосударственных отношений надо всемерно приветствовать. Настораживает лишь совершенная безбрежность российской открытости навстречу коммунистическому строю — аморальному по определению. От него можно ждать чего угодно и когда угодно. В наши дни не одна Россия, а весь мир зачарован успехами Китая (несомненно, преувеличенными тамошней статистикой) и закрывает глаза на фатальную, толкающую на агрессивный курс ущербность китайских позиций из-за умопомрачительной численности и «недозанятости» населения, равно как и перекосов в его структуре, чудовищного разрыва между центром и провинциями, нехватки природных, главным образом энергетических, ресурсов, латентного брожения национальных меньшинств.

По-прежнему оставаясь наглухо замкнутой, жесткой, иерархической системой, Китай неумолимо набирает экспансионистский потенциал. Было бы верхом наивности (если не преступной глупости) убаюкивать себя иллюзиями китайского безразличия к богатствам необозримых и пустеющих земель к северу от границы. Массовая китайская иммиграция на российский Дальний Восток, в Сибирь и «далее везде»,

причем не стихийная, а тщательно организованная, с четко поставленными колонизационными задачами, — это свершившийся факт[9].

Что бы ни имел в виду В. Маяковский, сочиняя в 1926 г. стихотворение «Московский Китай», его строчки воспринимаются на заре XXI в. не иначе как мрачное предостережение: «Знаю, / что когда / в Китай / придут / октябрьские повторы / и сшибется / класс о класс — / он покажет им, / народ, / который / косоглаз»[10]. Он и в самом деле «покажет»! В более или менее отдаленном будущем российско-китайская конфронтация неизбежна, и представляется крайне желательным заблаговременно обзавестись противовесом ханьскому напору. Таким противовесом могла бы стать солидарность демократических стран региона (в первую очередь России и Японии), облаченная в форму хотя бы совместного заявления о намерениях твердо придерживаться общечеловеческих гуманных принципов и защищать их от тоталитаристских поползновений. Понимаю безнадежную утопичность подобного развития событий, хотя его альтернатива — противостояние Китаю в полном одиночестве с апокалиптическими последствиями (первое, что приходит на ум, — неотвратимая и безвозвратная утрата восточных окраин).

К сожалению, Россия умеет не только нежно любить, но и проявлять прямо противоположные чувства. Счастливо избежав российской любви, Япония не смогла уклониться от российской неприязни на всем протяжении «юбилейного периода». Подспудная и явная неприязнь к ней вносит ощутимую лепту в никак не преодолеваемую отчужденность обоих государств, вызывает и ответную реакцию японской стороны[11]. На чем же взросло это малоприятное чувство, что подпитывает его по сию пору?

Не исключено, что начальный импульс дал высокомерный отказ России заметить и постичь непохожесть японцев на народы, покорявшиеся ею по мере продвижения на юг и восток. Ведь за время пресловутого «приращения богатства Сибирью», т.е. возведения колониальной империи, у примитивно наивных туземцев, в чьи земли вторгались разбойного пошиба первопроходцы, сложился стабильный стереотип поведения. Ни материальных средств, ни духовных сил воспротивиться давлению царевых дружин у них не было. И сдавшись на милость пришельцев, они в конце концов почти целиком исчезли, растворились в своих лесах и горах.

Иное дело японцы. Будучи насильственно вырванными тогдашними сверхдержавами (в том числе и Россией) из 250-летней отгороженности от остального мира, они категорически отвергли предписанную им было дорогу в колониальное иго. Более того, они провозгласили стратегическими целями вхождение в клуб «великих» и заимствование их правил военно-политических игр, да еще обнаружили безошибочные способы реализации этих целей за ничтожные с точки зрения истории сроки. Такие матерые империалистические хищники, как Англия и

Франция, а также Германия и США, довольно быстро сообразили, что коса нашла на камень, примирились с нежданным «исключением» и постарались выстроить с Японией до поры до времени взаимоприемлемый modus vivendi.

В гордом одиночестве осталась Россия. Несколько месяцев тому назад известный российский журналист С. Агафонов пополнил библиотечную «Япониану» книгой «Тень сурка». Это сборник лаконичных, но емких зарисовок японской жизни. Памятуя о «плинтусовом» уровне познаний нашей широкой общественности в данной области, прощаешь автору несколько чрезмерную сосредоточенность на фрагментах уходящей японской натуры. А вот нюансы былого и нынешнего нежелания России по-настоящему разобраться в японском феномене, а отсюда — непонимания, ежеминутно рождающего и воспроизводящего раздражение и неприязнь, поданы С. Агафоновым безупречно, и я собираюсь обильно их цитировать.

Касаясь обстановки конца XIX в., С. Агафонов указывает на «колоссальный пробел в адекватном восприятии и понимании японских реалий с российской стороны, обусловленный и одновременно усугубленный нашей фирменной отечественной приправой — дремучей имперской фанаберией и спесью. С той поры, когда японский изоляционизм был „вскрыт" с помощью пушек американского командора (правильно: коммодора. — *В.Р.*) Перри, Россия, оказавшаяся в числе ведущих „цивилизаторов" Японии на правах великой державы, имела все шансы занять уникальные позиции в этой стране. Однако шанс не был использован, поскольку просто не был замечен — для России Япония изначально была и, увы, слишком долго оставалась всего лишь малозначительной и слаборазвитой частью окраинной периферии, примыкающей к малодоступным и малоосвоенным рубежам империи. Отношение к японцам как к малограмотному туземному населению с экзотическими нравами и порядками, сформированное еще в пору первых российских посольств и экспедиций, в чиновных недрах Петербурга не менялось десятилетиями. Даже в ту пору, когда японские порты стали использоваться как зимняя база для русского военного флота и когда четко обозначился тихоокеанский вектор в политике конкурирующих с Россией мировых держав, в подходах к „туземцам" перемен не случилось. Образно говоря, „Иван" не перекрестился даже после того, как грянул гром: реставрация Мэйдзи (исторический период с 1868 по 1912 год, когда вся полнота власти была возвращена императору) пробудила повышенный интерес к бурно развивающейся Японии как в Старом, так и в Новом свете, но только не в географически ближайшей России, обнаружившей, что „японский паровоз" вместе с „темными туземцами" ушел за горизонт, только к самому концу XIX века»[12].

Пронесся XX век перенасыщенный сдвигами тектонической мощи и космического масштаба, но Япония так и остается для России страной

незнакомой[13], непонятой и в силу одного только этого обстоятельства продолжающей вызывать раздражение и неприязнь. Число подобных обстоятельств, впрочем, за XX в. заметно увеличилось.

Виднейшее место среди них занимает русско-японская война 1904–1905 гг. — как видим, тоже «инцидент» из разряда юбилейных.

Я не согласен с С. Агафоновым, считающим, что эта война, или, как он выражается, «русско-японская неурядица», «возникла, в сущности, на пустом месте»[14]. Она была закономерным результатом неудержимого встречного движения двух претендентов на богатое в геополитическом и геоэкономическом планах «китайско-корейское» наследство. Ни тот ни другой и помыслить не могли об уступке столь соблазнительного «пустого места», что и перенесло решение конфликта на сопки Маньчжурии.

Русско-японская война была, вероятно, последней «джентльменской» войной современной эпохи[15]. Но нескончаемая вереница тяжких поражений на суше и на море, фантастические потери в живой силе и технике, крушение надежд на монопольное доминирование в регионе — все это сильнейшим образом травмировало российское массовое сознание, осело в нем саднящей раной, подпитывавшей неприязнь к «недостойному» триумфатору.

Как подчеркивает С. Агафонов, война «велась вне пределов воевавших сторон и была скоротечной, но таким чудовищным рикошетом отозвалась на просторах нашей раскоряченной евразийской империи, что ее нынешнему остатку в чине правопреемника „икается“ едва ли не до сих пор»[16].

Возможно, именно этому источнику неприязни к японцам было суждено относительно быстро иссякнуть.

С одной стороны, Россия и Япония вскоре после заключения мира наладили деловое сотрудничество, а в 1916 г. подписали секретный договор с примечательной статьей II, гласившей: «...если бы последствием мер, принятых по общему согласию России и Японии... явилось бы объявление какой-либо третьей Державой... войны одной из Договаривающихся сторон, другая сторона по первому требованию своей союзницы должна прийти ей на помощь; каждая из Высоко Договаривающихся Сторон настоящим обязывается в случае наступления такого рода положения не заключать мира с общим врагом, не получив на то предварительного согласия своей союзницы»[17].

С другой стороны, внутренняя смута 1905 г., большевистский путч 1917 г., иностранная интервенция и Гражданская война 1918–1920 гг. были такими немыслимыми потрясениями для России, что вполне могли бы заслонить собой психологические последствия маньчжурско-цусимской катастрофы.

Нет, тему оживили и гальванизировали. И как ни парадоксально — верные ленинцы, т.е. непреклонные пораженцы времен русско-япон-

ской войны. Пока шли боевые действия, их вождь во всеуслышание призывал к разгрому русских войск и злорадствовал по поводу каждого японского успеха. А 3 сентября 1945 г. величайший полководец всех времен и народов, этот «Ленин сегодня», объявил своей несколько ошеломленной советской пастве, что он вместе с людьми старшего поколения, оказывается, целых сорок лет ждал часа отмщения японцам все за ту же войну. Тем самым неприязнь к ним получила мощный дополнительный заряд.

Нагнеталась она, так сказать, и по другим линиям. В двадцатые и тридцатые годы Кремль, руководя через Коминтерн беззастенчивой подрывной деятельностью в Японии, направленной на низвержение ее государственного строя, любил в то же самое время выставлять себя (реже с основанием, чаще без оного[18]) жертвой коварных японских происков и прилежно воспитывал в россиянах все большую и большую неприязнь к «самурайскому племени»[19].

В самом преддверии Великой Отечественной войны, когда Сталин лихорадочно взвешивал возможности сколачивания блока с государствами «оси», и в ее первой, трагической фазе, когда судьба СССР висела на волоске, педалирование неприязни к Японии представлялось нецелесообразным и опасным. Как-никак, Советский Союз имел с Японией Пакт о нейтралитете[20], и как-никак, на дальневосточных рубежах стояла тогда еще могучая Квантунская армия.

Ну, а когда в войне произошел перелом, когда вследствие массовых переброс элитных частей Квантунской армии на южные театры военных действий от ее былого могущества остались лишь «сладкие» воспоминания, приглушать или скрывать истинные чувства к Японии, действовавшей в тандеме с гитлеровской Германией, больше не понадобилось. Во всем, что планировал и совершал Советский Союз в отношении Японии на финальных отрезках Второй мировой войны и по ее окончании, фигурировала изрядная доза неприязни. Буквально ослепленное ею, сталинское руководство растоптало Пакт о нейтралитете[21], нарушило августовскую (1941 г.) Атлантическую хартию[22], пренебрегло важным положением Потсдамской декларации[23] и, не дожидаясь международного правового урегулирования итогов войны, оккупировало все Курильские острова[24].

Последняя акция и создала территориальную проблему — великолепное средство канализирования антияпонских настроений в более или менее благопристойных формах. «Территориальными притязаниями» Японии (на самом деле речь идет о возвращении обворованному законно принадлежащего ему «имущества») сделалось в СССР и России чертовски удобным оправдывать в собственных глазах неистребимую неприязнь к Стране восходящего солнца.

Тем временем этот ненасытный Молох искал и находил себе все новую и новую пищу.

В общем контексте отношений с Японией японское «экономическое чудо» 60-х годов прошлого века стало убийственным шоком для России. Страна, превращенная в руины ковровыми бомбардировками да еще подвергнутая двум атомным ударам, восстала из пепла подобно фениксу. За каких-нибудь десять лет она более чем удвоила ВВП, поразила мир научно-техническими разработками и продолжала бурно развиваться, обеспечивая своим гражданам стремительный подъем жизненных стандартов, неведомую и немыслимую ранее зажиточность.

На фоне волшебной метаморфозы, библейских масштабов преображения Японии донельзя разрекламированные «эпохальные достижения» советского народа в части уровня и качества жизни выглядели крайне убогими. Бытовал он в условиях, недостойных современного человека. Перелома не произошло и после бесславного конца реального, развитого или какого там еще социализма. Бедность была и остается привычной разновидностью существования строителей «нового общества». Она, может быть, и не порок, но, как правило, неподходящая почва для произрастания благородных чувств.

Зато зависть, например, она производит поточным методом. «Сделайте человека нищим, — замечает английская писательница, — и им овладеет зависть»[25]. Добро бы, если бы зависть стимулировала энергичные попытки вырваться из оков бедности. В России, однако, ограничиваются горестными ламентациями по адресу якобы непреодолимого стечения объективных обстоятельств и иждивенческими расчетами на помощь извне. Протестантская трудовая этика здесь не ночевала. А от зависти уникально российского «розлива» — один шаг до неприязни, а то и ненависти. А. Боссарт пишет: «Ненависть россиян, в огромном большинстве людей на грани нищеты, к богатым (своим и чужим. — *В.Р.*) понятна и обусловлена. Сейчас — особенно, потому что такого тотального обнищания, провала на самое дно страна не переживала никогда»[26].

И вот эти обездоленные люди, вконец оболваненные бредовым мифом о решающем вкладе Советского Союза в победу над Японией, должны спокойно наблюдать за неправдоподобным процветанием некогда поверженного врага? Нет, не в их характере такое пассивное, бесстрастное созерцание. От него одна фрустрация. Взвинчивать в себе неприязнь, давать ей выход, камуфлируя цивилизованным отпором японским претензиям на «исконно» российские земли, — это все же приносит хоть какое-то удовлетворение!

Было бы непростительной ошибкой, если не преступлением, оставлять вне поля зрения еще один источник российской неприязни к японскому соседу. С глубокой печалью констатирую, что быстротекущее время придает ей все более очевидную националистическую окраску. Еще в послевоенный период квасной советский патриотизм стал год от года круче и круче замешиваться на ксенофобии. Ныне, подогреваемая

обостряющимися приступами давней мании государственного величия, она эволюционировала в самую настоящую нацистскую пандемию.

На страницах газет, в радио- и телепередачах время от времени звучат предупреждения об угрозе прихода нацизма. По-моему, СМИ сильно запаздывают — он уже пришел. Легко узнаваемые догматы нацистской идеологии проникают даже в документы чуть ли не всех политических партий[27], нацистские взгляды свободно и со вкусом излагают политики общестранового калибра[28], нацистские активисты маршируют по городским магистралям[29], нацистские головорезы терроризируют, калечат и убивают лиц «неправильных» национальностей, а также «упрямых» оппонентов, нацистские воззрения не чужды представителям администрации по меньшей мере одного, но немаловажного субъекта Российской Федерации[30].

Японцы для теперешних российских нацистов — презренные недочеловеки желтого колера. Чистокровному арийцу и замечать-то их не пристало, не то что вести с ними какие-нибудь переговоры или, упаси Боже, терпеть от них какие бы то ни было унижения или уступать им где-то и в чем-то. Надо не упускать случая показывать им «кузькину мать» (мало ли, например, кому проигрывали футбольные сборные Советского Союза и России, но только после поражения от Японии на чемпионате мира 2002 г. в центре Москвы вспыхнули беспорядки, сопровождавшиеся поджогами автомобилей, погромами кафе и избиениями японских студентов и дипломатов).

Разномастные нацисты успели набрать внушительный политический вес, внедрились в законодательные и исполнительные структуры и вынуждают власти учитывать их мнения при принятии судьбоносных решений. Особенно накануне или в процессе избирательных кампаний.

К российско-японским отношениям это имеет непосредственное касательство. Для нацистского сообщества безудержное расширение «жизненного пространства» любыми средствами — стержневая составляющая, несущая конструкция фундаментальной доктрины, и Япония со своими островами стоит у него поперек горла. Нацистам мало шумных протестных митингов, собираемых при малейших, эфемерных признаках позитивных подвижек на российско-японском направлении, им мало умиротворяющих «промежуточных» визитов в их логова высокопоставленных российских деятелей, направляющихся в Японию, — в ультимативном тоне они поговаривают даже о высадке вооруженных казачьих десантов на Южно-Курильские острова в случае необходимости.

Трудно объяснить чем-либо иным, кроме осознания российским истеблишментом своего расового превосходства, диаметральное различие его подходов к Японии и к западным контрагентам, прежде всего к Германии.

Россия пошла на историческое примирение с Германией, что не может не радовать. Недюжинные усилия к его достижению приложили

и президент СССР, и оба президента постсоветского российского государства, несмотря на зияющие различия между ними как личностями и политиками. В свете векового опыта российско-германских отношений значение этого великого события невозможно переоценить. Опыт, надо сказать, не внушал и тени оптимизма.

На заре XX в. Германия не просто воевала с Россией на полях Восточной Европы. В запломбированном вагоне и с солидным золотым запасом она переправила в страну коммунистических вурдалаков, подавивших демократическую Февральскую революцию 1917 г., совершивших в октябре того же года предательский путч и почти на целый век погрузивших россиян в бездну нечеловеческих страданий. Затем, подготовив многих танкистов, летчиков, артиллеристов и прочих специалистов на советских полигонах и в военных учебных заведениях и освоив многие передовые военные и промышленные технологии в советских конструкторских бюро и на заводах, Германия обрушилась на сталинскую империю совокупной мощью армии, авиации и флота.

И на сей раз она не просто воевала. Третий рейх неукоснительно реализовывал план тотального опустошения захваченных российских земель с истреблением или угоном в рабство миллионов мирных жителей, разрушением культурной инфраструктуры.

Казалось, пропасть, отделявшая Германию от России, никогда не будет ликвидирована. Однако, хотя «никто не забыт и ничто не забыто», примирение все-таки состоялось. Об аналогичном примирении с Японией никто не помышляет и ничто на него не намекает, хотя она не причинила России и миллионной доли материального и морального урона, нанесенного Германией. И какие бы планы нападения на СССР японская военщина ни готовила (а все генеральные штабы мира, включая и советский, и российский, обязаны заниматься подготовкой наступательных и оборонительных планов), критической осенью 1941 г., когда вермахт и люфтваффе железом и кровью прокладывали дорогу к Москве, атаки на Дальний Восток не произошло (причины этого значения не имеют, но тут уж очень хочется вспомнить о сослагательном наклонении, которого вроде бы не терпит история: что было бы, если бы атака произошла?), что позволило перебросить на Запад дивизии, спасшие нашу столицу.

Тем не менее те же исследования, которые ставят Японию во вторую пятерку враждебных России государств, отдают Германии вторые-третьи места в перечне государств, ей дружественных. Если тут бок о бок со множеством других факторов не действуют факторы расовой близости и расовой отдаленности, побейте меня камнями.

Выше упор делался на роль территориальной проблемы в качестве транслятора потока неприязни к Японии. Но проблема эта, безусловно, имеет и самостоятельное значение. Я неоднократно излагал личную точку зрения на нее[31]. Поэтому здесь хочу выделить три момента, отно-

ящиеся не к аргументам и контраргументам, которые выдвигаются сторонниками и противниками возвращения японцам Южно-Курильских островов, а скорее, к внешней характеристике проблемы и сопутствующим условиям ее эвентуального решения.

Во-первых, проблема эта раздута сверх всякой разумной меры, раздута преимущественно чиновниками, соорудившими на ней благополучную карьеру и рискующими потерять лицо в случае ее снятия с повестки дня. Им по мере сил и возможностей подыгрывают некоторые ученые мужи, имеющие широкий доступ к СМИ и выступающие в неблаговидной роли «отравителей колодцев». Хорошо сказал об этих доморощенных ястребах (пусть и по другому поводу) депутат Госдумы А. Лебедев: «Для них... свары — как хлеб насущный, им чем больше "горячих точек", тем лучше — они на них руки греют»[32]. Именно эта публика кровно заинтересована в том, чтобы Россия и Япония были навечно заморожены в знакомой всем любителям сумо позиции «нирамиаи»[33].

Между тем по сравнению с отводом российских войск из Центральной и Восточной Европы и закрытием баз на Кубе и в заливе Камран проблема возвращения Южно-Курильских островов не стоит, простите, и выеденного яйца. Такова же цена рассуждениям военных об *уникальном* значении межостровных проливов для переброски подводных лодок в открытый океан и уверениям заправил рыбной мафии об *уникальности* запасов морепродуктов в приостровных водах. За этой пропагандистской суетой, проходящей по ведомству патриотизма, не угадывается ничего, кроме шкурных интересов.

Во-вторых, серьезный, а не показушный приступ к поиску выхода из злокачественного тупика следовало бы начинать не с составления очередной и успевшей набить оскомину сметы российских обид и не со столь же надоевших вариаций на тему «кому от кого больше нужно»[34], а с разгребания завалов лжи, клеветы, домыслов, искажений и передергиваний, похоронивших под собой, если можно так выразиться, примитивность территориальной проблемы.

В-третьих, круг причастных к только что упомянутому поиску надо было бы жестко ограничить лицами, обладающими верховными властными полномочиями, способными проявлять политическую волю и двигаться против течения[35]. Привлечение любителей и дилетантов к столь деликатному предприятию, экспериментирование с организационными формами управления поисковым процессом не приносят ожидаемых плодов.

Не могу не привести в связи с этим соображения С. Агафонова, считающего неубедительной официальную жизнерадостность по поводу состояния российско-японских отношений: «В качестве примера достаточно привести один лишь эпизод, достаточно свежий по времени (это 2004 год) и связанный с формированием диковинного органа меж-

государственного российско-японского общения под названием „совет мудрецов“[36].

Ну разве мог кто-нибудь в здравом уме предположить, что дипломатический анекдот с многолетней бородой в состоянии дозреть до полной и персональной материализации? Между тем именно это и случилось с „мудреным советом“ — застольная „фишка“ жизнелюба Ельцина, рожденная во время одного из расслабляющих свиданий без галстука с японским премьером Хасимото, странным образом спустя годы перекочевала в разряд вполне серьезных инициатив к аскетичному Путину.

Наш Владимир Владимирович реанимировал сюжет с мудрецами уже не за рюмкой, а в ходе официальных переговоров с японской стороной, предложив „совет мудрецов“ в качестве некой альтернативы зашедшим в полный тупик диалогам на уровне официальных структур. Японцы по поводу не очень свежей и совершенно бессмысленной идеи восторга не испытали, но сильно упираться не стали, благо было желание хоть как-нибудь, хоть на чуть-чуть продвинуться в отношениях с Москвой. Присутствовала и робкая надежда: а вдруг под мудрецами имеющий опыт секретной работы Путин имел в виду реальных и влиятельных экспертов, которые будут уполномочены заняться поиском выхода из двусторонних трудностей по неформальным каналам и по излюбленной японцами закулисной схеме?

Увы, надежды обвалились сразу же, как только в качестве главного мудреца с российской стороны президент РФ назвал московского мэра — человека несомненно достойного, но абсолютно лишнего в тонкой дипломатической игре[37]. Для японцев это был четкий сигнал: никакой закулисной схемы, никаких уполномоченных экспертов не будет, зато наверняка будет нечто пафосное и совершенно ненужное. Когда в Москве был оглашен полный список „уполномоченных“, стало ясно, что японский прогноз триумфально подтвердился — среди засланных в совет российских персоналий нет ни одного (!) человека, знакомого с материей двусторонних отношений и знакомого в деталях с подводными камнями (и вообще ни единого япониста! — *В.Р.*). Есть неувядающая участница почетных президиумов Терешкова, есть такой же Вольский, есть еще академик, ректор и даже пара „новых русских“. Но категорически не с кем разговаривать по существу. В дипломатических кулуарах после этого конфуза родилась скорбная шутка: российско-японским отношениям пришел мудрец.

Неужели ничего другого в них так и не произойдет?

Вопрос можно смело полагать риторическим, но справедливости ради отметим, что пессимисты в оценках перспектив выглядят более убедительными. За ними — весь нерадостный исторический „багаж“, вся невеселая современная быль»[38].

Пока суд да дело, невеселая быль остается уделом населения островов, которые российское государство ревниво оберегает от япон-

цев. В 1992 г. на волне перестроечной гласности молодой журналист О. Бондаренко выпустил сенсационную книгу «Неизвестные Курилы». Сенсационную потому, что благодаря ей достоянием общественности стали, между прочим, и шокирующие сведения о повседневной жизни курильчан.

Познакомлю читателей с несколькими личными наблюдениями автора: «Обращает на себя [внимание] бедность и нищета поселков. При всей экзотике они явно не соответствуют нашему понятию о „великом и могучем советском Дальнем Востоке". Много домов из фанеры, есть лачуги, обитые толем и жестянками из-под консервов. Разумеется, никакой канализации, элементарных удобств... Главным врагом считается сырость. Она порождает древесный грибок, который предательски пожирает здания; известны случаи, когда дома попросту падали (например, рушились потолочные перекрытия). Таким образом в 1985-м пришли в негодность малокурильские Дом культуры и столовая. А в 1988-м малокурильчанка Г., к своему ужасу, провалилась вместе с мебелью в квартиру к нижележавшей соседке... Особо надо сказать о благоустройстве поселков. Оно ужасно. Во всем чувствуется какая-то психологическая усталость, отупелость; подгнившие деревянные тротуары, перегоревшие лампочки ночного освещения, ухабистые улицы, которые превращаются осенью и весной в месиво грязи... В последние годы в большую проблему превратилась уборка мусора. Население явно выдает на-гора больше бытовых отходов, чем местные власти способны захоронить или переработать. Тут и там в поселках красуются переполненные мусорные контейнеры, помойные ямы; в центре острова Шикотан организовали одну огромную свалку, непрестанно курящуюся от бесконечных пожаров. Рыбозаводы заимели привычку сбрасывать отходы производства непосредственно в бухты, на берегу которых они расположены (скажем, в бухтах Крабовая и Малокурильская на Шикотане слой рыбьего жира у дна достигает 4 метров). Туда же сбрасываются и городские фекалии по специальным трубам. Воды бухт стали от этого грязными, неприветливыми; добавьте к этому и обычные морские загрязнения, свойственные для любого порта (мазут, льяльные воды и т.п.)...

Теперь о дорогах. Эх, дороги... Вот прелюбопытнейшая тема. Есть ли они на Курилах вообще? Смотря что понимать под дорогами. Шоссейных трасс не строят, железных дорог, разумеется, тоже. Проблема связи между поселками была мучительно обострена еще в начале 1970-х годов. Тогда и вовсе предпочитали пользоваться лошадьми или служебными лодками. Лишь с приходом армии в 1978-м стали прокладывать более или менее приличные тропы и дорожки. Все они грунтовые. Зачастую прокладка их абсолютно не увязывалась с характером местности, что привело к большой эрозии почв. Ныне общая длина всех грунтовых дорог на островах не превышает нескольких сотен ки-

лометров. В сильный дождь, слякоть ездить по ним может разве что военная техника...

Ничего другого, кроме полуубыточной рыбной промышленности, Курилы не знают. Небольшая побочная деятельность — выработка электроэнергии, льда, мизерное строительство — носит второстепенный характер и привязана к рыбе. Все это в полузачаточном состоянии, без каких-либо предпринимательских перспектив... Икра лососевых, как это ни странно, является в высшей степени редкостью. Ее можно добыть лишь браконьерским образом или вынести нелегально с заводов Итурупа... Иногда на советское правительство нисходит озарение. Так было, например, в 1989 году, когда Курилами заинтересовалась зарубежная общественность. Тогда Кунаширу пообещали огромные деньги для развития жилья, мощения улиц и т.п.; очень быстро эти планы рассеялись как дым»[39].

Суммируя увиденное, О. Бондаренко писал: «Курилы — это мрачная сторона советской действительности, это торжество силы (победителя над побежденными), это НЕТЕРПИМОСТЬ, это нарушение всех христианских заповедей и моралей. Но — о, чудо! — поддержанное запуганным обывателем, наивно полагающим, что его внутренняя озлобленность поможет ему хоть в чем-то сравниться с гигантским чудовищным аппаратом власти. В одной точке — в Курильских островах — слились воедино худшие проявления сталинизма (административно-бюрократическая система, агрессивность, безапелляционность и тотальная ложь) с остатками нашей внутренней великодержавности как средства самоутверждения самих себя. Именно в Курилах обывательщина и командно-коммунистическая система нашли друг друга, образовав страшный и цепкий альянс. По-моему, пора отказаться от этого, если мы хотим войти в XXI век подготовленными и очищенными»[40].

Со времени собирания материалов для книги и подготовки ее к изданию прошло пятнадцать лет. Поздней осенью 2005 г. корреспондентка «Московского комсомольца» Е. Павлова побывала на Итурупе и поместила в своей газете отчет с характерным заголовком: «Итуруп еще не труп, но близок к тому» (к репортажу приложено фото автора на фоне обязательного транспаранта: «Курильские острова — исконно русская земля»).

Отметив улучшения быта доблестных защитников острова от самурайских козней («свежепокрашенные в пастельные тона трехэтажные домики — военный городок... на выезде большое бревенчатое строение, оказавшееся только что открытым кафе... рядом такая же, из бревен, церковь с синей крышей и золотыми куполами... Наташа, жена офицера, рассказала, что квартирный вопрос здесь давно не стоит...»), Е. Павлова перешла к описанию жизни «подзащитных».

И тут из-под ее пера полились до боли знакомые «бондаренковские» мелодии... Передаю ей слово: «У военных... появилась надежда

на светлое будущее, а у гражданских оптимизма поменьше. До начала 1990-х годов в самом крупном городе острова — Курильске — устойчиво развивались культура и экономика (об этом журналистке, скорее всего, напели местные руководители — О. Бондаренко «устойчивого развития» что-то не заметил. — *В.Р.*). Сейчас — полный упадок. На острове нет асфальтированных дорог — ни одной. В некоторых поселках люди по сей день живут в покосившихся бараках, никогда не ведавших даже косметического ремонта. Новое жилье строить крайне сложно, точнее — дорого, ведь весь стройматериал нужно везти через Охотское море, и он станет если не золотым, то уж позолоченным — точно. С отоплением тоже проблемы, год назад даже были планы эвакуировать население до начала зимы, так как не завезли топливо и люди просто могли замерзнуть. Рабочих мест не хватает. 70% жителей Курильска трудятся на рыбоперерабатывающем предприятии, где регулярно выплачивали зарплату, благодаря чему удалось приостановить миграцию населения на материк. Но в марте нынешнего года только что прошедший модернизацию завод почти полностью сгорел. Для местных жителей это трагедия. В результате многим пришлось просто браконьерствовать — затариваться икрой. Иначе не проживешь. Подчас это единственный способ заработка на год вперед... Вдоль асфальтовой дорожки лежит что-то, прикрытое камуфляжной сеткой. Но если присмотреться, легко увидеть... развалины и строительный мусор. Оказывается, вывоз громоздких отходов отсюда — проблема...»[41].

Осенью 2005 г. на российское правительство «низошло» очередное озарение (или очередной приступ неприязни к японцам[42], которым решили наглядно продемонстрировать трогательную заботу об «исконной русской земле»). Южные Курилы посетили министр обороны С. Иванов и министр экономического развития Г. Греф. Е. Павлова пишет: «„На уровне правительства уже существует твердое понимание того, что в Дальний Восток и в Курилы в частности нужно вкладывать значительные федеральные средства, — сказал во время пребывания на Итурупе... Сергей Иванов. — Это нужно делать не за счет Минобороны или других ведомств, это должна быть государственная целевая программа“... Герман Греф, побывав... на Курильских островах... заострил внимание на тамошних проблемах. После этого правительство пообещало выделить дополнительно 15 млрд. руб. — на развитие инфраструктуры и отраслей Южных Курил. Герман Греф считает, что эта адресная инвестиционная программа „в течение 10 лет позволит Курилам стать самоокупаемым регионом“». И резюме журналистки: «Но рядовые россияне, привыкшие к словоблудию „свыше“, этому не слишком-то верят. Что показывают и данные опросов. Добавить к сказанному пока нечего, кроме как: поживем — увидим»[43].

Да, если поживем, то увидим. И не только судьбу щедрых авансов Южным Курилам. Ее-то как раз легко предсказать с большой долей

вероятности — деньги разворуют еще на дальних подступах к точкам приложения. Сложнее дать оценку будущему неприязни к Японии и территориальной проблемы.

Неприязнь как следствие незнания и непонимания, сурового исторического опыта, зависти и расизма с течением времени, возможно, и отступит, но не автоматически, не самопроизвольно, а под систематическим и непрерывным давлением просветительской информации, массовых и индивидуальных людских контактов, прежде всего на уровне «корней травы». Но и при самом благоприятном раскладе процесс обещает быть длительным, противоречивым, зигзагообразным.

Придать ему ускорение могло бы, конечно, устранение территориальной проблемы (проецировать вовне низменные чувства без прикрытия было бы не совсем прилично и удобно). Однако на пути к нему человеческие невежество и глупость возвели такие высокие барьеры, что сроки и формы выхода на заветную цель теряются в туманных далях.

Бросить взгляд в эти самые дали отважился П. Фельгенгауэр: «В результате Второй мировой войны СССР досталась Восточная Пруссия, которая также (как и Южные Курилы. — *В.Р.*) никогда прежде нам не принадлежала. Но присоединение Кенигсберга (Калининграда) было юридически оформлено и никаких вопросов сегодня не вызывает, а Южные Курилы остались в подвешенном состоянии. Сегодня не только Япония, но также США и другие партнеры по „большой восьмерке" считают Южные Курилы незаконно оккупированной территорией, и нет никаких надежд на изменение [их] статуса и международно-правовое признание российского суверенитета без согласия на то самой Японии. Известно (как, например, с Прибалтикой) — земли с подобным статусом можно долго удерживать, но в конце концов неизбежно приходится уходить. Невозможно бесконечно долго притворяться, что мы успешно противостоим Западу с Японией, имея совокупный военный бюджет и общий объем экономики в 100 раз меньше, чем у „вероятных противников", и, уступая им все больше во всех компонентах современной государственности, в состоянии успешно запереться хоть в Охотском море. Придет когда-то печальный день очередного отступления, остается только надеяться, что уже при жизни другого поколения»[44].

Что ж, в общем и целом реалистичный и удобоваримый сценарий. Думается только, что автор чрезмерно акцентирует военные и экономические слагаемые решения проблемы. Если она и исчезнет, то лишь на основе законности и справедливости («вероятных противников» Россия усердно и искусно лепит своими руками из потенциальных партнеров, союзников и друзей). Напрасно также он называет «день Х» печальным днем и откладывает его на время жизни другого поколения. Это будет радостный день избавления от увесистой порции сталинского наследия, и чем раньше он наступит, тем лучше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Гузанов В.* Евфимий Путятин. М., 2005, с. 56.

[2] Совместное владение островом Сахалин продолжалось до 1875 г. По заключенному тогда Петербургскому договору он целиком отошел к России, а Япония получила взамен Курильские острова (кроме «четверки», и так находившейся под ее юрисдикцией), которые были до того российской территорией. Вот этот мирный обмен по невежеству или со злым умыслом игнорируют некоторые отечественные авторы. Приведу только два примера. Они выделяются из серии себе подобных только тем, что запущены в оборот японистами.

В 2001 г. Д. Бандура, А. Фесюн, И. Федоренко, а также «соучастники» Д. Дмитриев, С. Мочульский, И. Романовский и «многие другие» выпустили книгу-юмореску «Жапоналия» (М.–СПб.). И в этой книге (с. 49) содержится совсем не смешное утверждение, что в промежутке между 1900 и 1910 гг. японцы «отняли (у России. — *В.Р.*) Курилы». Юмористы, видать, имели в виду Портсмутский договор 1905 г., но к моменту его подписания Курилы находились под суверенитетом Японии целых 30 лет! Через три года Е. Богоявленская «в помощь начинающим изучать японский язык» опубликовала книгу «Страноведение Японии» (М., 2004). На с. 79 она особенно сильно «помогла» им, указав: «После русско-японской войны 1904–1905 гг. эти острова (т.е. Итуруп, Кунашир, Сикотан и Хабомаи. — *В.Р.*), как и вся Курильская гряда, отошли к Японии». Здесь уже два наглых и циничных вранья. Первое — Курилы, кроме «этих островов», как только что отмечалось, к концу русско-японской войны уже треть века пребывали под юрисдикцией Японии. Второе — «эти острова» вообще никуда тогда не отходили. О них и речи не было в Портсмутском договоре (ниже мне придется продолжить цитирование «помогающей» в изучении японского языка с необходимыми комментариями). Так же беспардонно лжет и некий С. Брилев, заявляя, что Южно-Курильские острова «были японскими после войны 1905-го» (http://www.vesti7.ru/news/id=7385). Уж не знаю, японист ли он, но заодно сообщу и еще об одной его лжи: «Коидзуми... не боится проявлять чувства, если надо извиниться перед обездоленными японскими переселенцами в Бразилии. Хотя таких же извинений за японскую оккупацию так и не дождались жители соседних Кореи и Китая» (там же). Полноте, господин Брилев! Десятки раз Япония извинялась, причем устами императора и премьеров. Китай, к примеру, приноровился вовсю спекулировать этими извинениями, требуя их и никак не насыщаясь. Хотя лучше бы красным китайским мандаринам самим извиниться перед своим народом: они перебили такое количество соотечественников, которое и не снилось японским оккупантам [только за три года, с 1958 по 1961 г., жертвами коллективизации в КНР пали 20 млн. человек — куда там Сталину с его «ликвидацией кулачества как класса»! (Новая газета. 20–22.03.2006)].

[3] У нас пока нет агитпропа при ЦК правящей партии. Тот в директивном порядке определял поведенческие установки субъектов четвертой власти. Ныне целенаправленное воздействие на средства массовой информации не столь грубо и прямолинейно. Но отрицать его наличие и быстрое усиление просто смешно.

[4] *Шарль де Костер.* Легенда об Уленшпигеле. М., 1955, с. 431.

[5] См.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 1963, с. 755–756. «Трудно себе это представить, — писал И. Эренбург, — гитлеровцы рвались к Москве, газеты писали о „псах-рыцарях", а какой-то чиновник ГБ спокойно оформлял дело, затеянное еще во времена германо-советского пакта; поставил номер и положил в папку, чтобы все сохранилось для потомства...».

[6] Когда президент Путин говорил о сорока годах дискуссий вокруг территориального вопроса с Китаем, о прорывном типе решения этого вопроса, трудно было отделаться от мысли об идеальной применимости данных им описаний и формулировок к соответствующему аспекту российско-японских отношений. По всей видимости, в Токио рассчитывали на логическое развитие президентской инициативы. П. Фельгенгауэр высказал ряд весьма здравых соображений по этому поводу: «В Токио по-

чувствовали ревность, но и надежду, что раз уступили китайцам столько, то и Курилы можем отдать, что личной самодержавной власти Путина и пропагандистских возможностей гостелерадио хватит, чтобы общественность только поперхнулась, да съела. Если отдают плодородные, хорошо освоенные земли в пригороде Хабаровска, то чего цепляться за скалы Южных Курил, от которых казне один убыток? Очень трудно объяснить японцам, что отношения с Китаем намного важнее, что китайцев и китайской экспансии на Дальнем Востоке очень боятся, а японской — не слишком. Сила Китая стремительно возрастает, и если тянуть, то соотношение будет меняться исключительно в китайскую пользу, потому разумно закрыть территориальный вопрос сегодня, чем ждать, пока еще больше потребуют» (Новая газета. 21–23.11.2005).

Но Москва ограничилась лишь подтверждением Совместной советско-японской декларации 1956 г., т.е. вариантом, давно отвергнутым японской стороной. Тем не менее в ответ на это подтверждение, как писал Н. Симония, «по российским СМИ прокатилась волна „патриотических" протестов с традиционным набором обвинений в „предательстве", „продаже Родины"... Уже сам факт того, что „сенсация" была сфабрикована на пустом месте, наглядно свидетельствует: люди, причастные к этой кампании, руководствовались отнюдь не патриотическими целями, преследовали свои узкопартийные интересы» (Известия. 12.01.2005). Единственное добавление к сказанному — люди эти руководствовались не только узкопартийными интересами, а еще и органической неприязнью к Японии.

[7] Любопытная деталь — по словам министра обороны, маневры не были направлены против кого бы то ни было. Однако начальник его генерального штаба охарактеризовал их как ответ на вызовы, бросаемые России на Дальнем Востоке. Кто же бросает вызовы? Не знаю, как о других странах, а вот о Японии в данном плане бывшие военные, а ныне ученые с армейским менталитетом пишут много и охотно. Вынужден повторить здесь выдержки из книги «Вызовы и угрозы национальной безопасности России в АТР» (М., 2001), выпущенной Институтом Дальнего Востока РАН. Два ее соавтора, допуская возможность «перевода решения проблемы „северных территорий" в силовое русло», подчеркивают: «...Япония уже сегодня располагает достаточными ресурсами для чисто военного решения этого вопроса... К тому же силы здесь могут быть очень быстро и скрытно наращены, хотя бы через построенный несколько лет назад подводный туннель, соединяющий острова Хонсю и Хоккайдо. И наконец, протяженность акватории моря, отделяющей Хоккайдо от спорных островов, не превышает 10–20 миль и не может серьезно затруднить вторжение на них... Таким образом, в районе Курильских островов налицо усугубление военной опасности для России, которая при определенных условиях, причем в достаточно сжатые сроки, может перерасти в непосредственную угрозу территориальной целостности нашей страны» (с. 141, 142). Чем, кроме стойкой неприязни к Японии, можно объяснить эти насквозь лживые, провокационные и прямо-таки безумные замечания?

[8] Одна из них — ШОС (Шанхайская организация сотрудничества). Вот как определяет В. Гельбрас задачи Китая в этой организации: «Китай добивается скорейшего превращения ШОС в единое интегрированное экономическое пространство. Для Китая ШОС — один из методов экономического отвоевания тех пространств, которые, как Китай считает, ему принадлежали и раньше. То есть все вплоть до Балхаша. Этого же в Китае никто и не скрывает — внедриться туда, где они были. Утвердиться на Дальнем Востоке — во всем Приморском крае, на Сахалине... Китайцы считают это своей территорией. А также и Казахстан, и Киргизию» (Новая газета. 11–13.07.2005).

[9] Красноречивые сведения о китайской иммиграции мобилизовал В. Гельбрас: «...в наши руки попал один из китайских планов, рассматривавшихся на политбюро ЦК КПК в качестве важной идеи. Иркутску там выделялась специальная роль. План состоял в том, чтобы через Амурскую область организовать вселение китайцев по всей территории России и таким образом, держа в своих руках товарную массу, сосредоточивая ее в своих руках в узловых пунктах Транссиба вплоть до Москвы, излучать свое влияние. Иркутск был важен китайцам тем, что одновременно связывал

движение товаров и людей из Казахстана и на Алтай, с охватом Бурятии... есть и второй план о внедрении через Хэйхэ — на Благовещенск и Сюйфэнхэ — в Амурскую область и дальше. Хэйхэ и Сюйфэнхэ — это крупные населенные пункты. План предполагает потоки и мигрантов, и товаров. Сегодня можно говорить, что если в 1998–1999 годах, даже в 2000-м, эти потоки были стихийными, то сейчас возникли крупные китайские фирмы — они стали направлять людей с четкими заданиями продажи конкретных товаров... Теперь, как китайцы говорят, если мужчина женится в России на русской, ему за это платят... „Платит" правительство. За то, что пустил корни на нашей территории. Своей политикой планирования рождаемости (оставляли по одному ребенку и в пользу мальчика) китайцы нарушили естественное воспроизводство полов. В ряде районов — гигантский перекос в пользу мужчин. 40–50 млн. из них ни при каких обстоятельствах не обзаведутся женами. И теперь руководители ищут паллиативы... После 16-го съезда в 2000 году, когда в стране сменилось руководство, оно пришло к выводу, что нация не дает импульсов для роста производства. Китай – это 20 процентов населения земного шара, для производства они (китайские крестьяне. — *В.Р.*) мало что дают — настолько бедны. Около 60 процентов крестьян имеют меньше доллара в день. Около 60 процентов — меньше полдоллара в день. Что такой человек может хотеть на рынке? Его интересует обновление продукции? Нет. Было подсчитано, что надо оставить в национальном сельском хозяйстве 150–170 млн. крестьян, а 250–300 млн. надо изъять из деревень. Куда? Так наступила пора расширения Китая — „идти вовне"... Возникло новое миграционное явление. Китай стал как бы расходиться на две части. Одна идет к нашей границе — к Синьцзяну. Другая — к побережью» (Новая газета. 04–06.07.2005).

[10] *Маяковский В.* Стихотворения, поэмы. Т. 3. М., 1951, с. 48.

[11] По данным опроса 1978 г., с симпатией к СССР тогда относилось 11,3% населения Японии и отказали ему в дружеских чувствах 74,2%. Аналогичное исследование, проведенное в октябре 2003 г., принесло соответственно следующие результаты: 15,1% и 77,7% (см.: Знакомьтесь — Япония. 2004, № 37).

[12] *Агафонов С.* Тень сурка. М., 2005, с. 7–9.

[13] Вот что пишет по этому поводу С. Агафонов: «Уровень знакомства российской публики с Японией, правда, слегка перерос планку „рикша–гейша–кимоно" полувековой давности, но дальше горизонта „суси–сони–лэнд-крузер" все равно не распространяется... Второй по мощи финансово-промышленный центр современной цивилизации, гигантский резервуар инвестиционных и технологических ресурсов, крупнейший источник заемных средств — эти ключевые японские характеристики ни широкой, ни даже узкой отечественной аудитории в деталях практически не знакомы. В России в последние годы эти сюжеты не звучат вовсе, хотя именно в этом наше безнадежно отстающее от времени Отечество должно быть заинтересовано в первую очередь. Между тем Япония уходит все дальше и дальше — в уровне развития, в технологиях, в степени влияния на мир. Время ускоряется для нас и для японцев в разных пропорциях. И России в обозримой перспективе не суждено Японию догнать, поскольку у нас отсутствуют главные составляющие успеха в цивилизационной гонке — стремление понять и способность перенять» (Цит. соч., с. 12–13).

[14] *Агафонов С.* Цит. соч., с. 7.

[15] Многочисленными примерами «джентльменства» изобилует вышедший в 2005 г. из печати двухтомник «Малоизвестные страницы русско-японской войны 1904–1905 годов». Он содержит массу документов, газетных и журнальных статей, извлечений из книг и брошюр, рисунков и фотографий военных корреспондентов, свидетельствующих о напрочь забытых впоследствии нормах отношений противников. Читатель, к примеру, узнает о предложении (отклоненном) японского командования эвакуировать из осажденного Порт-Артура женщин и детей, об уходе за военнопленными в японских и российских госпиталях и лагерях, о разрешении японского адмирала поместить раненых моряков с крейсера «Варяг» в японскую больницу в Чемульпо, о посланных им туда подарках и необходимых вещах, о выносе русским

солдатом раненого японского офицера с поля боя, о визите адмирала Того в госпиталь к раненому адмиралу Рожественскому и т.д.

[16] *Агафонов С.* Цит. соч., с. 4.

[17] Сборник секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел. СПб., 1917, с. 5. Когда недавно я упомянул этот договор в присутствии сотрудника российского МИДа, выяснилось, что он и понятия о нем не имеет.

[18] Среди реальных оснований — «сибирская экспедиция», предпринятая в 1918 г. правящими кругами Японии не с альтруистическими целями (в наши дни японцы принесли за нее извинения). Среди ложных оснований: а) шумиха вокруг судьбы С. Лазо, захватившая, среди прочих, и «лучшего и талантливейшего поэта нашей, советской эпохи» (помните: «В паровозных топках / сжигали нас японцы»?); должен сказать, что, хотя вежливость и обходительность не входили в набор добродетелей солдат императорской армии, Лазо они не сжигали (по самой известной версии это сделали люди атамана Семенова); б) история с «Меморандумом генерала Танаки» — фальшивкой, составленной ГПУ и подброшенной миру в качестве доказательства претензий Японии на мировое господство; в) хасанский инцидент (ответственность за него советских пограничников была признана командующим войсками на Дальнем Востоке маршалом В. Блюхером, перенесшим средневековые пытки и расстрелянным в назидание любителям истины); среди сомнительных оснований — номонханский инцидент, вызванный отсутствием согласованно демаркированной границы.

[19] Подробности см. в моей статье «„Битье" Японии идет своим чередом» (Знакомьтесь — Япония. 2004, № 36).

[20] «Чтобы подчеркнуть значимость Пакта о нейтралитете, — пишет А. Кириченко, — лидер СССР И.В. Сталин неожиданно приехал на Ярославский вокзал проводить хотя и важного японского гостя (министра иностранных дел Ё. Мацуока. — *В.Р.*), но не равного ему по рангу. Для мировой общественности было ясно, что это лишь дипломатические игры. Но за каждой такой игрой скрывается определенный смысл» (*Гузанов В., Кириченко А.* Взаимопонимание. М., 2005, с. 11).

[21] Пакт о нейтралитете был заключен на пять лет (1941–1946), причем он должен был сохраняться в силе до истечения пятилетнего срока даже в случае его досрочной денонсации одной из сторон. Советский Союз денонсировал пакт 5 апреля 1945 г., но Молотов заверил японского посла, что «срок действия пакта не кончился». «Цену заверений Молотова, — указывает А. Кириченко, — японский посол узнал 8 августа 1945 г. в 17.00, когда нарком иностранных дел зачитал ему заявление о вступлении СССР в войну с Японией» (Япония без предвзятостей. М., 2003, с. 314).

[22] В Атлантической хартии (Советский Союз, терзаемый в тот момент гитлеровскими дивизиями, поспешил примкнуть к ней) значилось, что союзники не стремятся к территориальным приобретениям и лишат стран «оси» только территорий, отошедших к ним вследствие алчности и агрессий. Если говорить начистоту, то придется признать: **все** Курильские острова трудно отнести к территориям подобной категории, а про Южные Курилы и упоминать-то в этой связи неудобно. Тем не менее Е. Богоявленская, продолжая нести факел просветительства начинающим изучать японский язык, выступает с собственным видением истории и демонстрирует при этом поистине сногсшибательную логику: «После окончания второй мировой войны и заключения Сан-Францисского мирного договора (без участия СССР) было определено, что „Япония лишается всех территорий, приобретенных во время захватнических войн". Однако в этом соглашении не указывалось, какому именно государству должны были бы отойти эти территории. *Поэтому, как само собой разумеющееся, Южно-Курильские острова и Сахалин вновь вернулись к России* (курсив мой. — *В.Р.*)» (*Богоявленская Е.* Цит. соч., с. 79). Умри, лучше не скажешь!

[23] Слово А. Кириченко: «СССР присоединился к Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., чтобы оправдать необходимость своего вступления в войну с Японией. Но признал лишь ту ее часть, которая была выгодна ему. А что же касается 9-й статьи указанной декларации, в которой говорится, что военнослужащим „япон-

ских вооруженных сил после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь", то Сталин ее просто проигнорировал или не заметил. При решении проблемы „японских военнопленных" для всех военнослужащих Квантунской армии и нескольких тысяч японских чиновников Советский Союз воспользовался статьей 10-й Потсдамской декларации, которая определяла отношение к японским военным преступникам: „...все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести наказание". Но таких преступлений японские войска в отношении СССР не совершали, так как на его территории не воевали и в плен красноармейцев не брали и в лагерях их не содержали. Но советские власти априори зачислили всех японских военнослужащих в преступники, вывезли их из оккупированных территорий и без суда и следствия заточили на несколько лет в советские лагеря» (*Гузанов В., Кириченко А.* Цит. соч., с. 14–15).

[24] Операции по захвату Южных Курил начались почти через две недели после императорского рескрипта о капитуляции, когда Д. Макартур успел издать приказ о прекращении каких бы то ни было военных действий. 28 августа был оккупирован остров Итуруп, 1 сентября — острова Кунашир и Сикотан, 4 и 5 сентября — Хабомаи. Интересная деталь: «...официального приказа оккупировать Хабомаи советское командование не направляло. Штаб ТОФ потребовал от ответственного за проведение операций на южнокурильских островах капитана 1-го ранга Леонова представить ему 3-го сентября план возможной оккупации Малой Курильской гряды. Однако из-за плохой работы радиосвязи капитан 1-го ранга Чичерин, которому была направлена эта директива, понял ее как приказ к действию. В итоге отряд под его командованием к исходу 5 сентября пленил все японские гарнизоны на островах Хабомаи и установил на них советские посты. Так как действия капитана 1-го ранга Чичерина не имели в то время политических последствий, то они были одобрены командованием Тихоокеанского флота» (*Славинский Б.* Советская оккупация Курильских островов (август–сентябрь 1945 года). М., 1993, с. 128).

[25] *Уолтерс М.* Эхо. М., 2002, с. 96.

[26] Новая газета. 03–06.11.2005.

[27] Достаточно назвать «Родину», ЛДПР, КПРФ, НБП, не говоря уж об РНЕ и прочих маргинальных организациях. Стремясь к оформлению единого оппозиционного блока, российские либералы, видимо, позабыли уроки недавней истории и тесно общаются с некоторыми из этих партий. Результат — предсказуем.

[28] Мне довелось слушать по радио выступление Д. Рогозина на студенческом митинге у Белого дома. Полагаю, что по молодости лет он не читал речей гитлеровских бонз еще до избрания их «на царство». Спешу заверить родинца — по содержанию и тональности его выступление совпадает с теми речами на все сто процентов. Думаю, Дмитрия Олеговича обрадовала бы моя информация.

[29] Я — дитя Отечественной войны. В предпоследний раз наблюдал за проходом нацистов по Москве в июле 1944 г. От тротуара до тротуара Садовой толпы немецких пленных из Минского котла брели понуро, подгоняемые конниками-конвойными, и посмел бы кто-нибудь из них вскинуть руку в гитлеровском приветствии! А следом за этими развенчанными «сверхчеловеками» ехали поливальные машины и смывали нацистскую грязь с мостовой. Вообразите же мое настроение 4 ноября 2005 г. при виде победного марша наци и при известии о запрете марша антинацистского!

[30] Я, конечно, имею в виду Краснодарский край, где жертвами всесторонней дискриминации стали целые национальные меньшинства (турки-месхетинцы, езиды, курды). Слава Всевышнему, их «лишь» выталкивают в эмиграцию. Могло быть и куда хуже: в 1943 г. как раз в этом крае идейные предки нынешних нацистски настроенных деятелей договорились с эсэсовскими зондеркомандами о запуске в эксплуатацию машин-душегубок. Кинохроника с показом суда и публичной казни через повешение участников этой акции производила неизгладимое впечатление, была предельно поучительной.

[31] См.: Знакомьтесь — Япония. 2000, № 30; 2004, № 36.

[32] Новая газета 22–25.12.2005.

[33] По авторитетному толкованию О. Иванова, «злобный взгляд» — «разновидность психологической настройки к поединку, во время которой борцы, сидя на корточках и упираясь кулаками в землю, неотрывно смотрят друг на друга в глаза» (*Иванов О.* Сумо: живые традиции древней Японии. Пермь, 2004, с. 245).

[34] Мимо «взвешивания» взаимных потребностей С. Брилев пройти не смог: «Нам, гайдзинам, как называют в Японии чужестранцев, всего в японской жизни, конечно, не понять. Но даже при первом взгляде видно, что это одна из самых завидно ухоженных и завидно благополучных стран. Впрочем, прошли те времена, когда Россия в отношениях с такими государствами выступала просителем. И сейчас парадокс ситуации заключается в том, что на самом деле Японии от России нужно куда больше, чем России от Японии. Судите сами: поддержка Москвой заявки Токио на постоянное членство в Совете Безопасности ООН, подвижки в „курильском вопросе", поставки российских энергоносителей — вот все те фаворы, которые Токио просит у Москвы. Что касается списка фаворов, которые Москва просит у Токио, то этот список значительно короче» (Цит. соч.). На этом интересном месте красноречие С. Брилева иссякает. А жаль, ибо Россия просит, нет — должна просить у Японии нечто гораздо большее. Н. Симония высказывается на этот счет безо всяких экивоков: «Некоторые политики говорят: жили без мирного договора с Японией и поживем еще. Но задумываются ли они над вопросом: а как жили и как живем? *И можно ли то, что происходит на просторах Восточной Сибири и Дальнего Востока, назвать нормальной жизнью? Для России, для ее социально-экономического развития сотрудничество с Японией имеет огромное значение* (курсив мой. — *В.Р.*)» (Цит. соч.).

[35] Еще не выветрилась из памяти *прынципиальная* позиция ключевых российских министерств в вопросе о сроках вывода военных баз с грузинской территории. Стоило президенту внять голосу разума и занять «антиосновную» позицию, как от этих *прынципов* не осталось и следа.

[36] Еще до «совета мудрецов» возник не менее диковинный орган — Комитет XXI века — с тем же руководителем и с той же бессмысленностью.

[37] Отличным образчиком праведных трудов столичного мэра на поприще улучшения российско-японских отношений может служить его семистраничная публикация на сайте http://www.rg.ru/2005/08/08/rossia-yaponia.html. Все эти страницы, кроме четырех последних строчек, заняты скрупулезным перечислением прегрешений Японии перед Советским Союзом и Россией в период «до исторического материализма» и оправданиями делишек последних. Но под конец сопредседатель «совета мудрецов» и председатель российско-японского Комитета XXI века пишет: «В заключение хотел бы сказать, что считаю современную Японию миролюбивым и дружественным России государством. Все, что я сказал или, вернее, процитировал, — относится к истории. А в истории многих стран есть и такие страницы, о которых совсем не хотелось говорить. Но знать и помнить о них надо».

[38] *Агафонов С.* Цит. соч., с. 273–276.

[39] *Бондаренко О.* Неизвестные Курилы. М., 1992, с. 146, 147, 156–157, 159–161.

[40] Там же, с. 264–265.

[41] Московский комсомолец. 29.11.2005.

[42] В последнее время такие припадки случаются все чаще и по все менее значимым поводам. Так, в начале сентября 2004 г., когда визит В. Путина в Японию планировался на начало следующего года, премьер Коидзуми, находясь, естественно, в японских территориальных водах, объехал Южно-Курильские острова. Эта «прогулка» вызвала в России явно инспирированную «сверху» и совершенно неадекватную реакцию. Корреспондент «Известий» в Токио В. Головин сообщил: «. .высокопоставленный российский дипломат в Токио уже дал понять, что поездка премьера к островам может „поставить под вопрос визит президента РФ в Японию в будущем году". „В Токио, — сказал он, — неверно оценивают реакцию России на случившееся, а эта

реакция болезненная". По мнению дипломата, нынешняя поездка премьера в район Южных Курил проходила на фоне усиления консервативных, националистических тенденций в Японии. „Уже идут разговоры о каких-то маршах по всей стране под лозунгами борьбы за 'северные территории', — сказал дипломат. — Если это состоится накануне визита, его проведение станет бессмысленным... В Японии надеются, что кто-то им подарит острова. Это невозможно, этого не будет никогда. Конечно, мы понимаем наличие этой проблемы и хотим ее снять. Однако решить ее можно только на основе компромисса, над которым надо долго работать. И, разумеется, без пересмотра итогов Второй мировой войны" (вот такая «извилистая» логика. — *В.Р.*). По некоторым данным, Москва уже готовит жесткий ответ на „инспекционную поездку" Коидзуми, которая, похоже, может привести к некоторому откату в отношениях — по крайней мере на время» (Известия. 03.09.2004).

[43] Московский комсомолец. 29.11.2005.

[44] *Фельгенгауэр П.* Цит. соч.

В. Рамзес

ХЕТ-ТРИК ДЗЮНЪИТИРО КОИДЗУМИ

Хет-трик, или «шляпный трюк», — термин сугубо спортивный. Он означает тройную удачу какого-либо игрока в одной игре. Это, к примеру, три гола, забитых футболистом за матч, три последовательных мяча боулера, выводящие из партии трех подающих в крикете, первенство в трех следующих один за другим забегах. В свое время подобные подвиги вознаграждались клубной шапочкой.

Дело, таким образом, — в шляпе. Физкультурная лексика давно и решительно перекочевала за границы своего изначального обитания. Поэтому я не испытываю ни малейших колебаний, собираясь, как то следует из названия работы, охарактеризовать «шляпным трюком» деяния Д. Коидзуми в период, начавшийся с выборов президента Либерально-демократической партии — ЛДП (сентябрь 2003 г.), продолжившийся выборами в палату представителей парламента (ноябрь 2003 г.) и завершившийся выборами в палату советников того же парламента (июль 2004 г.).

Тот факт, что три выборные кампании укладываются в рамки одного, пусть и воистину стайерского, «состязания», вряд ли может быть оспорен. Другой вопрос — имела ли место в нем тройная удача премьера? Если в отношении выборов президента правящей партии об этом можно говорить с достаточной определенностью, то, на взгляд преобладающего большинства японских и западных экспертов, и ноябрьские и июльские выборы обернулись для Д. Коидзуми чуть ли не поражением или по меньшей мере серьезным откатом от завоеванных было позиций.

Действительно, динамика соотношения депутатских мест правительственной коалиции в составе ЛДП, Новой Комэйто (НК) и Консервативной партии (КП), с одной стороны, и оппозиции, представленной в первую очередь Демократической партией Японии (ДПЯ), — с другой, не была благоприятной для коидзумиевской администрации. Электорат внятно информировал ее о своем недовольстве некоторыми существенными элементами правительственного курса и откровенно предупредил о готовности сменить иерархию предпочтений.

© В. Рамзес, 2006

Однако в силу многочисленных объективных обстоятельств и в очередной раз проявленных личностных качеств (те и другие будут в подробностях рассмотрены в ходе дальнейшего изложения) Д. Коидзуми удалось остаться на капитанском мостике, удержать в руках штурвал управления собственной и отнюдь не единодушно расположенной к нему партии, а также кабинетом министров и даже получить более широкие, чем раньше, возможности радикализации своей реформаторской политики.

Это ли не тройная удача, не классический хэт-трик, да еще состоявшийся в неустойчивой, зыбкой экономической ситуации!?

Но начну по порядку.

Преддверие схватки за президентский пост в ЛДП было отмечено причудливой комбинацией факторов, одни из которых подкрепляли претензии Д. Коидзуми на второй срок лидерства, а другие могли расцениваться как более или менее трудные препятствия на его пути. Примечательно при этом, что некоторые факторы носили противоречивый характер, т.е. могли под давлением разнообразных причин изменять плюсовой знак для премьера на минусовый и наоборот.

Так, экономика страны подавала признаки долгожданного оживления вопреки предсказаниям многих специалистов, суливших ей второе десятилетие застоя. Рост ВВП в реальном выражении за 2002 г. составил 2,1% — примерно столько же, что и в США. 12 августа 2003 г. правительство объявило, что соответствующий показатель в апреле–июне увеличивался темпами, предвещавшими выход на уровень в 2,3% в годовом исчислении[1].

8 августа появилось сообщение о резком, на 17,5% в мае–июне, возрастании заказов на продукцию машиностроения. Другими словами, во втором квартале 2003 г. заказы эти перекрыли аналогичный показатель за второй квартал 2002 г. на 18,3%[2]. Неизжитая общая слабость национальной экономики и восстановление спроса со стороны азиатских стран, переживших его сокращение вследствие вспышки эпидемии атипичного воспаления легких, обусловили крупнейший сдвиг в совокупном объеме названных заказов на оборудование, предназначенное для экспортных поставок. В июне 2003 г. они «скакнули» на 44,3% по сравнению с июнем 2002 г. Третий месяц подряд показатель их роста выражался двузначной цифрой. В мае–июне на 2,4% увеличились и заказы частного сектора на продукцию машиностроения (исключая суда и электроэнергетическое оборудование) для внутреннего рынка — не столь уж грандиозный, но все-таки ободряющий сдвиг, указывающий, помимо прочего, на усиление чувства уверенности в среде предпринимателей[3].

С конца апреля до начала августа индекс Никкэй, фиксирующий цены акций ведущих японских компаний, поднялся на 34%, или в три раза больше, чем индекс Доу–Джонс на Уолл-стрит[4].

Внушительную когорту экспертов перечисленные данные побудили к быстрому (по всей видимости, к слишком быстрому!) пересмотру прогнозов развития японской экономики. Еще в начале августа опрос прогнозистов, проведенный редакцией журнала «Экономист», показал, что они предсказывают рост ВВП Японии в 2003 и 2004 гг. в пределах 0,9%. По итогам сентябрьского опроса соответствующий показатель для 2003 г. превысил 2%, а показатель для 2004 г. составил 1,5–2%[5].

После десяти лет, в течение которых средний темп годового прироста едва-едва приближался к 1%, симптомы оживления были, несомненно, приятны Д. Коидзуми, ссылавшимся на них в полемике со своими оппонентами как на закономерные итоги его деятельности.

Однако и в оппозиционных партиях, и внутри ЛДП, что на тот момент представлялось особенно важным, находилось немалое количество скептиков, которые имели веские основания не поддаваться эйфории, раздуваемой премьером. Стоит суммировать здесь вкратце их аргументы, чтобы подчеркнуть противоречивость экономического фактора, его способность к превращению из желанного союзника Д. Коидзуми в опасного противника.

Во-первых, японские данные о росте ВВП в реальном выражении не следовало воспринимать безоговорочно. Во втором квартале 2003 г. ВВП страны в номинальном выражении практически не возрастал, а в 2002 г. он сократился. Между тем ВВП в номинальном выражении является очень важным показателем, ибо в среднесрочной перспективе он определяет темпы роста прибылей и возможности компаний обслуживать свои долговые обязательства.

Можно ли было называть экономику «расширяющейся», когда денежная стоимость ее продукции, сумма всех прибылей и заработных плат продолжали сокращаться? Проблема сводилась к высокоскоростному продвижению дефляции.

В самом деле, одна из причин, ввиду которой ВВП Японии в реальном выражении рос в первых кварталах 2003 г. быстрее, чем ожидалось, заключалась в том, что цены, измеренные статистикой национальных счетов, падали еще быстрее, преобразуя сокращение номинальных расходов в существенное увеличение их в реальном выражении.

Кое-какие компоненты дефлятора ВВП выглядели в высшей степени подозрительными. Например, дефляция в секторе инвестиционных товаров усилилась — за год, закончившийся вторым кварталом 2003 г., цены снизились на 6,9%. В итоге реальные инвестиции выглядели растущими, хотя компании расходовали меньше денег. Не были ли преувеличены данные о дефляции, фигурировавшие в статистике национальных счетов? Если это так, то, к счастью, дефляция не была так серьезна, как убеждала официальная статистика, если нет, то, к несчастью, сведения о росте японского ВВП в реальном выражении были сильно завышены.

Во-вторых, финансовая система страны оставалась на редкость хрупкой. Банки изнывали под тяжестью безнадежных долгов, а многие фирмы, которым они ранее отпустили кредиты, пребывали в агонии, и им следовало бы позволить тихо скончаться. А дефляция продолжала наращивать реальное бремя задолженности этих фирм и сумму банковских безнадежных долгов.

Подлинное оживление напрямую зависело от чистки банковской системы и победы над дефляцией. Даже если бы внезапно ставшие радужными прогнозы экономического роста оправдались, все равно потребовалось бы несколько лет для устранения избыточных производственных мощностей страны и одоления дефляции. Без такого устранения о прекращении падения цен нечего было и мечтать.

В-третьих, признаки оживления неоднократно наблюдались в годы, последовавшие за крахом экономики «мыльного пузыря». Скажем, в 1996 и 2000 гг. с этими признаками ассоциировалось начало длительных этапов устойчивого роста. Однако оба спурта сорвали фатальные ошибки правительства.

В 1997 г. в попытке резко сократить бюджетный дефицит оно повысило налоги, собственноручно спровоцировав погружение экономики в рецессию. В 2000 г. Банк Японии, опасавшийся, что оживление в кратчайшие сроки усилит инфляцию, поспешил повысить процентные ставки и опять придушил спрос. Было бы непростительным заблуждением считать страну застрахованной от повторения старых и совершения новых ошибок. Намерения правительства осуществить в 2004 г. крупномасштабное сжатие бюджетных расходов параллельно с чувствительным увеличением взносов в систему социального обеспечения — лучшее тому доказательство.

Конечно, умозаключения скептиков давали оппонентам Д. Коидзуми обильную пищу для нападок на тактику и стратегию правительства. Сам же он, похоже, отчетливо сознавал уязвимость экономической конъюнктуры, сложившейся на подступах к наступлению его звездного часа, и, не желая в столь деликатный момент сверх меры активизировать противную сторону, с завидным усердием разбавлял грозную реформаторскую риторику послаблениями, адресованными наиболее одиозным объектам своей политической линии, и компромиссами с ними.

Вот два красноречивых примера.

В июне 2003 г. вспыхнул скандал, связанный с крупнейшей в стране Японской общественной корпорацией шоссейных дорог (ЯОКШД) и ее президентом Харухо Фукуи. Корпорация заявила об избытке капитала в размере 5,7 трлн. иен. Но вскоре один из ее высших менеджеров обнаружил неофициальные счета, из которых следовало наличие дефицита капитала на сумму в 617 млрд. иен.

Х. Фукуи с возмущением опроверг факт существования этих счетов. Однако спустя несколько недель они нашлись в компьютерном файле

бухгалтерии ЯОКШД. Хотя, по словам господина Фукуи, документы были составлены группой рядовых работников, и менеджеры высшего эшелона их не видели, члены комиссии, созданной по инициативе премьер-министра и рассматривавшей, в частности, проблему приватизации ЯОКШД, отказались признать достоверность отчетных данных корпорации, в том числе и данных об избытке капитала.

В этом не было ничего удивительного, поскольку, как ни странно, корпорация отнесла процентные выплаты по займам, использованным для прокладки новых дорог, к активам. Далее, согласно господину Фукуи, у ЯОКШД не было полного набора документов, которые показывали бы, сколько она уплатила за прежние проекты, но через некоторое время документы эти появились на свет. К этому следует добавить список убыточных проектов (например, туннель под Токийским заливом, ежедневные убытки от которого равняются 100 млн. иен). ЯОКШД проложила немало шоссе с настолько слабым движением, что плата за проезд по ним не покрывает стоимости ее сбора.

Несмотря на требования общественности об увольнении Фукуи, Д. Коидзуми и министр строительства Т. Оги заступились за него. Крупные аудиторские фирмы, почуяв, откуда ветер дует, отклонили предложения о проверке официальных счетов ЯОКШД, и она должна была пройти несравненно менее строгое обследование (характерно, что через несколько месяцев после переизбрания Д. Коидзуми от проштрафившегося руководителя ЯОКШД все-таки избавились).

Второй пример касается пятого по величине банка страны — «Ресона». В соответствии с планом принудительного списания банками безнадежных долгов и обеспечения их доходности к 2005 г., «Ресоне», обнаружившей дефицит капиталов на своих счетах, грозили суровые санкции. Назначенная проверка состояния банка была в самом разгаре, когда в средства массовой информации просочились сенсационные сведения о попытках чиновников Агентства финансовых услуг — главной регулирующей инстанции — повлиять на аудиторов «Ресоны» с тем, чтобы они дали по возможности благоприятную оценку ее капиталов. В конечном счете никаких санкций в отношении этого банка не последовало. Более того, в мае 2003 г. «Ресона» получила с благословения премьера 2 трлн. иен из государственных фондов, т.е. из средств налогоплательщиков, на приведение в порядок своего хозяйства[6].

Указанные и другие сходные по сути уступки (напомню среди прочего о невыполненном обещании не переступать тридцатитриллионный порог дефицитного финансирования) выставляли фундаментальные принципы генеральной доктрины Д. Коидзуми в невыгодном свете, но для успеха маневров, затеянных им ради удержания президентства (а значит, и премьерства), они, думается, были необходимыми и неизбежными.

Это становится особенно ясным, если учесть, что старательно выносившаяся на суд публики часть борьбы за президентскую должность

в ЛДП концентрировалась вокруг проблемы расходов, в первую очередь бюджетных.

Однако прежде чем заняться ее разбором, надо сказать хотя бы несколько слов о менее заметной, но, возможно, более важной части этой борьбы. При том, что основной мишенью соперников Д. Коидзуми являлась его экономическая политика, они диаметрально расходились с ним в отношении того, как именно ЛДП должна управлять страной.

Д. Коидзуми отстаивал подход, родственный западной парламентской демократии. К примеру, премьер, по его мнению, должен был быть наделен гораздо более широкими полномочиями, чем вмененные ему действующей практикой. У него должно быть неограниченное право выбора министров, право держать их на постах достаточно долго для достижения нужных результатов. Неоднократно заявляя о болезненности намеченных им реформ, он с первых дней своего правления внушал членам партии, прежде всего из местных ячеек, что преобразование Японии немыслимо без преобразования ЛДП.

Система с кабинетом министров в центре представляла бы собой крутую смену декораций для Японии, где лидеры ЛДП обычно заправляли делами страны как некая группа, оперирующая из-за кулис. До прихода Д. Коидзуми к власти премьер-министры часто перетряхивали кабинеты, что было частью так называемой схемы вращающихся дверей карьерного продвижения, призванной гарантировать бесперебойную работу режима внутрипартийного старшинства. Слом или по меньшей мере ослабление этого режима были неотъемлемыми элементами стратегии премьера в борьбе за высший партийный пост. Соперников же его вполне устраивал статус-кво.

Ну, а что до проблемы бюджетных расходов, то многие, и в первую очередь высокопоставленные либерал-демократы, не смущавшиеся наличием государственного долга, который в полтора раза превышал размеры национального дохода, настоятельно требовали от правительства предпринять атаку на экономические беды страны с помощью фактически не лимитированных затрат денежных средств. Эти люди возмущались премьером, который, с их точки зрения, проявлял чрезмерную скаредность на протяжении всего срока нахождения у власти. Поэтому на выборах президента ЛДП, дававших Д. Коидзуми в случае победы три дополнительных года лидерства, они собирались сыграть на приписывавшейся ему характерной черте и отстранить от должности.

Три деятеля ЛДП — Такао Фудзии, Сидзука Камэй и Масахико Комура — бросили вызов Д. Коидзуми, и каждый сосредоточился на откровенно популистской критике его бюджетной политики. Такао Фудзии из крупнейшей фракции ЛДП во главе с бывшим премьер-министром Рютаро Хасимото, а также Сидзука Камэй, сам возглавляющий немалую по численности фракцию, для начала пообещали в случае их избрания увеличить размеры дефицитного финансирования на

десять триллионов иен. Повторяю, это только для начала. Господин Камэй высказал затем пожелание израсходовать дополнительно в 2003 фин. г. (он заканчивался 31 марта 2004 г.) от 30 до 50 трлн. иен на инфраструктурные проекты и прочие стимуляторы спроса. И это еще не все! В последующие три года он намечал расширять масштабы дефицитного финансирования на 5–10% ежегодно[7].

В том же духе выступал Такао Фудзии; и даже Масахико Комура, представлявший микроскопическую фракцию и не угрожавший реально позициям Д. Коидзуми, в попытке выделиться своим «оригинальным» экономическим подходом тоже отстаивал идею избавления Японии от ее бед с помощью существенного роста дефицитного финансирования.

Ратуя за быстрое и значительное расширение расходования денежных средств, в чем их поддерживали партийные круги, связанные со строительной индустрией, малыми сельскими регионами и другими обильно субсидируемыми секторами экономики, конкуренты Д. Коидзуми опирались на две посылки, так сказать, количественного свойства[8].

Во-первых, утверждали они, государственный сектор располагает различными активами (как, например, социальное обеспечение), которые частично перевешивают его долговые обязательства. Да, Международный валютный фонд (МВФ) оценивает валовой государственный долг Японии, по состоянию на конец 2002 г., равным 158% ВВП, но названные активы снижают его чистую величину до 72%.

Но и этот последний показатель не слишком обнадеживает. Не говоря уж о громадных ежегодных дефицитах, которые стремительно наращивают гору долгов, Японии приходится беспокоиться о неотвратимо стареющем населении и расшатанной финансовой системе. От обоих объектов беспокойства исходят нешуточные угрозы состоянию государственных финансов.

Во-вторых (и эта посылка более основательна, чем первая), как заявляла троица претендентов на президентство в ЛДП, одна из причин неприглядно смотрящихся японских долговых обязательств и дефицитов заключалась в отсутствии роста их «знаменателя» — ВВП. Господин Камэй указывал также на драматическое снижение налоговых поступлений в 2002 г. (когда экономика погрузилась в очередной застой), что передвинуло уровень долговых обязательств к новой, более высокой отметке.

Какими бы ни были в долгосрочной перспективе риски, проистекающие из продолжения заимствований, риски от незаимствований могли бы, по словам претендентов, быть худшими, если ввиду этого экономика оставалась бы стагнирующей. Поэтому, заключала троица, осторожность Д. Коидзуми в отношении дефицитного финансирования и его структурные реформы не только не способствовали бюджетному оздоровлению Японии, но и ухудшали положение государственных финансов.

Дефектом этой посылки, при всех ее достоинствах, являлась убежденность в том, что одним лишь увеличением бюджетных затрат можно

добиться возобновления стабильного экономического роста. Частью решения этой задачи увеличение могло бы быть — хотя Япония находилась в рецессии с 1991 г. и без весомых порций инъекций из бюджета дефляционная спираль, по всей вероятности, продемонстрировала бы куда большую крутизну.

Однако данный стимул сработал бы несопоставимо эффективнее, если бы бюджет перестроили в направлении экспансии спроса, пожертвовав, хотя бы частично, выдачей откупных традиционному электорату ЛДП. Правда, обязательным условием успеха подобной перестройки должна была бы стать ее подпитка реформаторскими идеями типа коидзумиевских.

В их числе усилия по расчистке авгиевых конюшен безнадежных банковских долгов, открывшей бы кредитный поток и вернувшей бы предпринимательским кругам чувство уверенности, по приватизации почтово-сберегательной системы с ее пулом неправильно распределяемых депозитов и фондов страхования жизни, по дерегулированию экономики и деконцентрации власти с тем, чтобы новые фирмы и отрасли сумели обрести твердую почву под ногами, по преобразованию налоговой системы с упором на подталкивание экономического роста и т.п.

Три оппонента премьера убеждали партийную общественность, что его идеи не выдержали испытания практикой, но по большому счету им не дали возможность по-настоящему подвергнуться этому испытанию, поскольку определенные силы в ЛДП на каждом шагу пытались сорвать их реализацию. Одни оракулы интересов этих сил говорили, что они поддерживают структурные реформы, но им должны предшествовать бюджетные стимуляторы. Другие рассуждали о направленности реформ «не в ту сторону» вне зависимости от того или иного их расписания. А третьи умудрялись конструировать формулировки, в которых противоестественно объединялись точки зрения первых и вторых.

Так, на одной из пресс-конференций Камэй сообщил журналистам, что он согласен с тезисом премьера о необходимости структурных реформ, но, не переводя дыхания, обвинил его в придании непропорционально большого значения конкуренции, в желании явить миру образ Японии, где «сильные поедают слабых»[9]. Не сомневаюсь, господин Камэй отлично знал, что структурные реформы без конкуренции невозможны, что упомянутый им процесс «поедания» развивается совсем не так, как он утверждал. Как раз легионы немощных, неконкурентных компаний, поддерживаемых консервативными силами в ЛДП, «пьют живую кровь» горстки авангардных компаний, достойных всемерной помощи.

На фоне подобного порядка вещей победа Д. Коидзуми на президентских выборах в партии имела бы для него полновесный смысл лишь в том случае, если бы она помогла преодолеть сопротивление реформам. Увы, победа состоялась, но сопротивление так и не было преодолено.

Вообще-то мало кто верил в поражение премьера. Несмотря на легко объяснимую внешнюю браваду, на успех слабо рассчитывали (или вовсе не рассчитывали) сами его соперники. Безоговорочно высокий рейтинг популярности Д. Коидзуми в стране надежно защищал его от поползновений со стороны «товарищей по партии». Только с таким ценнейшим «активом» в своих рядах ЛДП и могла идти на всеобщие выборы, которые должны были быть проведены до конца года. Сдается поэтому, что затаенная цель участников президентской гонки, противостоявших Д. Коидзуми, заключалась в том, чтобы, не покушаясь всерьез на его пост, разводнить, а то и выхолостить ревниво оберегавшуюся им реформаторскую программу и продолжать при этом прикрываться харизматической фигурой премьер-министра на общенациональной политической арене.

Будучи искушенным знатоком затейливых интриг при либерал-демократическом «дворе», Д. Коидзуми наверняка знал или догадывался о замыслах своих соперников, но тем не менее не допустил неконтролируемого, стихийного развития событий, не отдал их на волю волн.

Во-первых, он провел большую разъяснительно-мобилизационную работу в префектурных организациях ЛДП, благодаря которым ему и удалось стать лидером партии в 2001 г. Эта его миссия была предпринята с расчетом на выигрыш президентской кампании уже в первом туре голосования. С одной стороны, это был вопрос престижа, дело чести для авторитетного политика. С другой стороны, во втором туре, если бы таковой потребовался, низовые партийные отделения не имели права участвовать. Электорат ограничивался бы членами парламента от ЛДП, среди которых недругов премьера было великое множество и которым, хотя бы теоретически, было бы легче объединиться вокруг одного соперника[10].

Во-вторых, Д. Коидзуми сделал все возможное, чтобы расколоть крупнейшие и влиятельнейшие фракции ЛДП, предотвратить сколачивание ими единого фронта против его кандидатуры, выдвижение альтернативного претендента, согласованного всеми фракционерами. В результате в его лагерь попала довольно большая часть из 357 выборщиков–членов парламента от правящей партии.

Вот примеры «подрывной» деятельности премьера в мире либерал-демократических фракций.

Самая крупная из них — фракция Хасимото — оставила попытки поддержать единого кандидата (Такао Фудзии не завоевал единодушного одобрения членов фракции, хотя, кроме него, она никого не выдвинула). Лидер ЛДП в палате советников Микио Аоки не только перешел под знамена Д. Коидзуми (политические круги и средства массовой информации интенсивно дебатировали условия этого перехода, сходясь во мнении, что он был продиктован тактическими, а не идеологическими мотивами), но и увлек за собой 42 депутата из той же фрак-

ции Хасимото. Представляется, что столь безрадостная картина ускорила решение Хирому Нонака, «тяжеловеса» хасимотовской фракции и непримиримого врага Д. Коидзуми, о предстоящем уходе из политики. И хотя Нонака пообещал отдать до своей отставки все силы свержению премьера, сама перспектива его выпадения из строя действующих лиц политического истеблишмента повергла антикоидзумиевских депутатов в глубокое уныние.

Раскололась и достаточно многочисленная фракция Мицуо Хориути, заявившего, что он и большинство его сотоварищей проголосуют за премьер-министра. Несогласные члены фракции буквально сбились с ног в тщетных поисках другого претендента.

Таким образом, общую атмосферу, в которой должно было совершиться избрание президента ЛДП, без всякого преувеличения оценивали как благоприятную для Д. Коидзуми. И благоприятность эта многократно усиливалась подвижками в стане партий парламентской оппозиции.

В преддверии неминуемых всеобщих выборов в палату представителей зримое присутствие крепкого оппозиционного орешка (вопреки непредсказуемым рискам, которыми чревато любое народное голосование) было выгодно премьеру, поскольку объективно наделяло его законными полномочиями призывать к сплочению своих сторонников и противников в ЛДП перед лицом внешнего врага с позиций верховного защитника либерал-демократической веры.

Что же необходимо сказать об этих подвижках? Кратким комментарием тут не обойтись.

Хронически правящей партии скорее чаще, чем реже недоставало живости, динамичности, маневренности, творческой энергии. Но и наделенность этими качествами партий оппозиции ничего, кроме разочарования и раздражения, вызвать не могла. ЛДП принесла стране долгие годы экономической рецессии, а оппозиционные партии показали поразительную неспособность бросать вызов ее правлению.

Однако в канун выборов президента ЛДП, что правомерно считать случайным совпадением, и в предвидении всеобщих парламентских выборов, что исключало какую бы то ни было роль случайности, бурную деятельность развил Наото Кан, лидер Демократической партии Японии (ДПЯ), взявшей на себя амплуа ударной силы оппозиции.

Во-первых, ДПЯ договорилась о слиянии с Либеральной партией (ЛП) Итиро Одзава. Слияние, или, точнее, поглощение демократами либералов, дало им 137 депутатских мест в нижней палате против 284 мест правящей коалиции. Не так много, но, по мнению Наото Кан, альянсу, что называется, на роду было написано решительно поднять планку своей конкурентоспособности, так как во многих округах он должен был облегчить избирателям объединение вокруг одного оппозиционного кандидата.

Во-вторых, ДПЯ запустила в оборот невиданную доселе концепцию предвыборного манифеста, в котором излагались бы в подробностях намечаемые партией политические меры с контрольными цифрами, четкими расписаниями и разбитыми на серии шагов программами их реализации. По мысли Наото Кан, манифест должен был оснастить избирателей инструментарием точного измерения цены партийных обещаний, сопоставления обещаний, исходящих от различных партий.

Для избирательных кампаний на Западе манифесты подобного рода давно успели стать частью набившей оскомину рутины, но в Японии, где место строго документированных обязательств той или иной партии обычно занимают расплывчатые посулы, забвение которых не считают смертным грехом, инициатива ДПЯ явилась ценной новинкой, породившей длинную цепную реакцию подражаний[11]. Не выдержал позу стороннего наблюдателя и Д. Коидзуми, заявивший, что в случае переизбрания на пост президента ЛДП партии придется принять его реформаторские предначертания в качестве официального манифеста.

Пикантность происходившего видится в том, что большинство тех нескольких десятков пунктов, которые находились в поле зрения Наото Кан и которые он впоследствии включил в корпус манифеста ДПЯ (от сокращения сельскохозяйственных субсидий, объема общественных работ, уменьшения числа чиновников и запрета на их переход в подведомственные компании после отставки, делегирования властных полномочий на места, «капитального ремонта» налогового законодательства и до модернизации пенсионной системы и всеохватывающего дерегулирования), текстуально воспроизводили соответствующие коидзумиевские проекты. Критиковался же премьер в манифесте лишь за недостаточное упорство в переводе этих проектов на язык практических мероприятий, в то время как ДПЯ заверяла электорат в своей несгибаемой настроенности на безотлагательное и тотальное реформирование всех социально-экономических структур страны.

Вот поэтому-то активизация ДПЯ, осложняя жизнь Д. Коидзуми как главе партии, приближавшейся к всеобщим выборам, давала ему превосходные козыри как кандидату в либерал-демократические президенты. К чести премьера-министра, он распорядился и плюсами, и минусами консолидации парламентской оппозиции самым что ни есть оптимальным образом.

Внутрипартийным недругам направлялся нескончаемый поток напоминаний о высоком рейтинге популярности Д. Коидзуми, которой ЛДП только и была обязана достойным исходом выборов в палату советников летом 2001 г. И это тогда, когда оппозиция в парламенте не представляла такой угрозы представительству либерал-демократов, как на сей раз! О какой же «смене лошадей на переправе» можно заикаться теперь, в пору очевидного подъема ДПЯ? Видите, неустанно повторял Д. Коидзуми, — при всей своей амбициозности ДПЯ не нашла

ничего лучшего, кроме копирования в манифесте моих планов реформ, но какую из партий с практически одинаковыми манифестами предпочтут избиратели на всеобщих выборах — ту, которая сплочена вокруг провозглашенного ею манифеста, или ту, многие члены руководства которой такой манифест отвергают?

Это было слегка замаскированное устрашение, если не прямой шантаж, но цели своей Д. Коидзуми добился: в первом же туре голосования за кандидатов на должность президента ЛДП его переизбрали с подавляющим преимуществом перед соперниками. Быстрота и убедительность победы в одночасье умножили политический капитал премьера и унизили его оппонентов, которые, точно так же, как летом 2001 г., приумолкли, затаились в ожидании всеобщих выборов и довольно неуклюже постарались создать видимость общепартийного единства.

Яркими индикаторами укрепившихся позиций Д. Коидзуми в коридорах власти ЛДП были, во-первых, превращение манифеста, использованного в борьбе за партийное президентство, в платформу для кампании по выборам в палату представителей, назначенным на ноябрь 2003 г., а во-вторых, переформирование кабинета.

«Гамбит» с манифестом можно со спокойной душой причислить к разряду революционных, поскольку в соответствии с обычаями, бытовавшими в ЛДП, содержание предвыборной платформы должна была определять партийная машина, т.е. в данном случае люди, намеревавшиеся свалить своего лидера. Нарушая традицию, Д. Коидзуми с его ограниченным опытом завоевателя голосов избирателей (за плечами у него в то время были только частичные перевыборы членов верхней палаты парламента) изрядно рисковал, хотя известность его как политика не имела себе равных. Но программа подкупала четкой очерченностью, и ко всему прочему, он лично подобрал кабинет министров, обозвать который «аморфным желе» не осмелился бы самый бойкий журналист.

В процессе комплектования своего второго со времени прихода к власти правительства премьер не сделал ни одной уступки старой гвардии ЛДП.

Так, он сохранил за Хэйдзо Такэнака посты творца банковской и макроэкономической политики (под угрозой всеобщего восстания партийные «динозавры» требовали лишить неугодного им за необыкновенную твердость министра минимум одной из его должностей). «Я поддерживаю проводимые Такэнака реформы, — безапелляционно заявил Д. Коидзуми. — Курс его политики правилен. Я намеренно не сменил министра Такэнака, невзирая на хор требовавших его отставки. Я желаю показать публике, что в нашей реформаторской программе не произошло абсолютно никаких перемен». В свою очередь, Такэнака отметил: «Я намереваюсь ускорить процесс реформ. Думаю, мое назначение подтверждает те большие ожидания, которые премьер-министр возлагает на структурные реформы»[12].

Портфель министра финансов Д. Коидзуми вручил одному из самых преданных своих союзников — 58-летнему адвокату Садакадзу Танигаки, сменившему ушедшего на покой Масадзюро Сиокава, которому был 81 год. Как полагал премьер, Танигаки, бывший в 90-х годах заместителем министра финансов, а затем руководивший Комиссией по финансовой реконструкции и Корпорацией по возрождению индустрии (временное государственное убежище для слабых компаний), наилучшим образом подходил для балансирования между мерами, нацеленными на сдерживание госдолга (сокращение расходов, повышение налогов) и реструктуризацию дефицитной пенсионной системы, и противоречащими им мерами по предотвращению отчуждения и умиротворению избирателей (сохранение в неизменном виде налога на продажи). Впрочем, для начала Танигаки решил показать себя прежде всего рачительным хозяином. На пресс-конференции, посвященной его вступлению в должность, он подчеркнул: «Мы не можем выпускать государственные облигации бесконечно. Нам необходима дисциплина для контроля над расходами»[13].

Продолжая хранить верность принципу отказа от распределения министерских постов в соответствии с удельным весом фракций внутри ЛДП, Д. Коидзуми воспротивился давлению доморощенных консерваторов, требовавших выдвижения на эти посты депутатов парламента, и назначил министром иностранных дел Ёрико Кавагути, политический вес которой сильно не дотягивал до приемлемого в столь важной должности.

Кресла министра национальной территории, инфраструктуры и транспорта удостоился энергичный реформатор Нобутэру Исихара, в чью зону компетенции попал «казенный пирог» различного рода субсидий и ассигнований, подлежащих неослабному контролю.

Безусловно с прицелом на предстоящие всеобщие выборы Д. Коидзуми выдвинул 49-летнего Синдзо Абэ, бывшего главным секретарем кабинета, на пост генерального секретаря ЛДП, чем несказанно удивил экспертов. Пост этот обычно резервировался для куда более старшей по возрасту и опытной персоны. Перед Абэ его занимал Таку Ямасаки, 66 лет, вынужденный уйти из-за причастности к сексуальным скандалам. Новоназначенный «младотурок» завоевал общенациональную популярность своей твердой позицией в вопросе о похищениях японских граждан агентами северокорейского режима.

Перетряска кабинета дала Д. Коидзуми команду *своих людей*, единомышленников, свободных от кровных уз с закулисным аппаратом ЛДП, наделенных повышенной сопротивляемостью прессингу разномастных лоббистов и знавших, как вести себя на критическом временном отрезке, начинавшемся с визита в Токио президента Буша[14] и завершавшемся всеобщими выборами.

Теперь, когда компоненты механизма интенсификации реформационного процесса легли на отведенные им места, казалось бы, премье-

ру стоило протянуть руку к рычагу переключения передач и успеть еще до дня голосования доказать, что прозвище «Львиное сердце» дано ему не зря. К сожалению, только «казалось бы». Тяжкие и где-то загадочные хвори японской экономики не могли быть излечены легкой кавалерийской атакой, а Д. Коидзуми, которому после победы в борьбе за президентство ЛДП стало неудобно оправдывать пробуксовку реформ ссылками на козни всесильных либерал-демократических динозавров, испытывал слишком жестокий цейтнот, чтобы вовремя умаслить избирателей чудесными метаморфозами.

Чтобы составить лучшее представление о «громадье» проблем, требовавших от премьера если не незамедлительного решения, то хотя бы какого-то отклика, надо, по-моему, привести кое-какие дополнительные сведения о только что упомянутых хворях и путях выздоровления пациента.

В промежутке между 1997 и 2002 гг., т.е. по прошествии половины «потерянного десятилетия» и спустя целую вечность после взрыва «мыльного пузыря» на рынке акций и недвижимости, среднегодовой объем японской экономики сжался с 523 трлн. иен до 500 трлн. иен. Возрастай этот объем в номинальном выражении всего на какие-то 2% в год, и он был бы на 16% больше, чем в реальности. Кумулятивный итог такого роста выразился бы примерно в 78 трлн. иен «прибавочного» выпуска. Потеря этой колоссальной суммы является примером несравненно более вопиющего расточительства, чем, допустим, субсидирование выращивания риса[15].

Что же вызвало такой ужасный ущерб, в чем главный недуг Японии, кажущийся кое-кому неизлечимым?

Это, само собой, не обычный вид спада деловой активности, который может быть остановлен и повернут вспять с помощью сокращения штатов, закрытия части предприятий и (иногда) государственных денежных инъекций. Нельзя связывать причины недуга единственно со взрывом «мыльного пузыря» и обесценением активов, хотя они сыграли роль в его возникновении. Чем-то похожим были поражены многие страны, но им удалось оправиться. Японию же с краткими интервалами злокачественно лихорадит почти полтора десятка лет.

Любопытный диагноз японским невзгодам поставил журнал «Экономист»[16]. Он определил их как *дисфляцию*, т.е. специфическую форму дефляции. При ней дисфункциональные, или функционирующие с дефектами, в анормальном режиме, институты экономической политики ограничивают, нейтрализуют, сводят на нет воздействие лекарственных препаратов, которые в иных условиях могли бы быть эффективными средствами борьбы с падающими ценами.

Политические мероприятия, особенно касающиеся банков, комбинируются таким образом, что приносят больше вреда, чем пользы. Более важно другое — сами творцы этих мероприятий предпочитают из-

бегать проблем, а не заниматься ими. Победы в бюрократических распрях они оценивают выше оперативного сотрудничества и большинство решений основывают на эмоциях (например, на страхе перед возможностью опозориться), а не на объективных потребностях.

Разнообразные аспекты дисфляции следует постоянно иметь в виду, анализируя поразившие Японию напасти. Неплохо иллюстрирует эти аспекты линия центрального Банка Японии в период водительства Масару Хаями (только в марте 2003 г. его сменил Тосихико Фукуи — человек с более конструктивными взглядами, но все-таки не свободный полностью от родимых пятен дисфункционального подхода).

Обычным ответом на моровое поветрие дефляции, т.е. на снижающиеся в масштабе всей экономики (а не на какие-то отдельно взятые продукты) цены, должны были бы стать более низкие процентные ставки и неудержимое печатание денег. С 1999 г. процентные ставки в Японии держатся на нулевой отметке, а с 2001 г. предложение денег в стране растет как на дрожжах. Тем не менее цены продолжают катиться вниз[17].

В конечном счете все напечатанные Банком Японии деньги просочатся сквозь финансовую систему и будут вышвырнуты в экономику, оборачиваясь повышением цен и номинальных процентных ставок. Но процесс этот длится озадачивающе долго.

Центральный Банк объясняет такую заторможенность весьма редкой разновидностью японской дефляции. Указывается, к примеру, на непомерное количество неработающих займов, скопившихся в банковской системе, на то, что темпы роста новых безнадежных долгов превышают темпы списывания банками старых, на бездеятельность Агентства финансовых услуг, регулирующего работу банков, на привычку последних кредитовать главным образом своих наихудших заемщиков, на отсутствие надлежащего функционирования каналов кредитования, ввиду чего не может работать как следует и механизм проводки денежных средств.

Доля истины в этих объяснениях есть. Однако они игнорируют как доминирующую роль, которую играют ожидания фирм, работников, потребителей и инвесторов в доведении политики центрального Банка до реального движения цен в ту или другую сторону, так и необходимость его умения обращаться с этими ожиданиями. Банк Японии не только провалил дело в данной сфере своих обязанностей, но и раз за разом отказывался взять на себя ответственность за попытку исправить положение.

При Масару Хаями каждая мера созидательной политики, предпринимавшаяся Банком, подрывалась заявлением, согласно которому Банк не рассчитывает, что эта мера приведет к возобновлению роста цен, по крайней мере в ближайшее время. Подобная практика напоминала «эффект плацебо наоборот»: даже в тех случаях, когда Банк при-

менял сильнодействующие средства, господин Хаями уверял, что подведомственное ему учреждение прописывает безвредные кусочки сахара.

Т. Фукуи не без оснований рассматривали идейно более близким к Д. Коидзуми по сравнению с его предшественником. Эксперты сходились в одном мнении: у «новичка» больше шансов убедить народ в том, что все свободные деньги Банка Японии не будут в какой-то определенный момент «придержаны» им и не попадут по изначальному назначению.

Но при любом курсе, избранном Т. Фукуи, влияние на этот курс со стороны премьера оставалось по-прежнему сугубо ограниченным в силу независимости (настоящей, а не формальной!) Банка Японии. На то, чтобы идти дальше совершенствования координации с данным финансовым учреждением и тем более чтобы использовать его для нужд кампании по выборам в палату представителей, у Д. Коидзуми попросту не имелось полномочий.

Перенести центр тяжести манифеста ЛДП на вопросы устранения самых дисфункциональных звеньев экономики страны ему было, так сказать, не с руки, поскольку он окончательно не закрепил для себя последовательность приоритетов — поставить во главу угла генерирование роста или сокращение бюджетного дефицита[18].

Поэтому, как мне кажется, таранным орудием борьбы за места в палате представителей Д. Коидзуми избрал свою все еще необыкновенно высокую популярность, то, что журналисты и политологи окрестили «коидзумиевским эффектом».

А предвыборная кампания заметно отличалась от всего того, чему до тех пор была свидетельницей послевоенная Япония, причем инициативы в ней принадлежали ДПЯ, раз за разом заставлявшие ЛДП реагировать на них. И это несмотря на то, что до последнего дня перед открытием избирательных участков либерал-демократы ходили в фаворитах, а демократам отводилась роль мальчиков для битья.

О дуэли предвыборных манифестов уже говорилось. Здесь только стоит добавить, что, хотя в Японии имеется слишком мало независимых «мозговых трестов», умеющих анализировать требования соперничающих партий и действовать в качестве нейтральных судей, что, хотя и японские СМИ не больно сведущи в этой области, всем было ясно — ЛДП в беспрецедентных масштабах пришлось дебатировать с ДПЯ о важнейших проблемах страны.

И еще одно: манифест ДПЯ помог четко высветить разногласия внутри правящей партии. Многие кандидаты от ЛДП в консервативных сельских округах открыто раскритиковали ответный манифест Д. Коидзуми и составили свой, альтернативный манифест, отвергавший радикальные предложения премьера.

Другой инициативой ДПЯ, на которую ЛДП не могла не откликнуться, была атака на традиции перехода депутатских мандатов в ее рядах

по наследству и на ее геронтократию. В ходе предвыборной кампании ДПЯ не упускала случая, чтобы не указать на изобилие в кандидатском корпусе ЛДП политиков из так называемых династий, т.е. избиравшихся в парламент на места своих дедов и отцов, которые за долгие годы успели наладить прочные и прибыльные связи с представителями укорененных интересов в деловых кругах, а также на ее многочисленных престарелых деятелей, не желавших покидать мир политики[19].

Ответ Д. Коидзуми на этот вызов был скорым и недвусмысленным. Как говорилось выше, генеральным секретарем ЛДП в сентябре 2003 г. стал 49-летний Синдзо Абэ — политический «малыш», — которому было поручено руководство предвыборной кампанией. Почти одновременно премьер, невзирая на протесты 85-летнего Ясухиро Накасонэ, бывшего главы кабинета и весьма авторитетного члена либерал-демократической элиты, вывел его из парламента (сообщить ветерану пренеприятную весть выпало на долю Абэ).

«Увольняя» Накасонэ, премьер мог сослаться на существующие правила, запрещающие лицам старше 73 лет участвовать в выборах по системе пропорционального представительства, т.е. на первых местах в партийных списках для привилегированных кандидатов, а не в одномандатных округах с куда более суровыми условиями борьбы. Мог Д. Коидзуми и сделать для Накасонэ исключение из правил: в конце концов в 1996 г. тогдашний премьер Рютаро Хасимото пообещал Накасонэ пожизненное «пропорциональное» место в парламента. Однако нынешний премьер-министр показал, что он больше заинтересован в победе на выборах, чем в верности партийным традициям. Практически одновременно с Накасонэ из парламента по просьбе Д. Коидзуми без шума удалился 84-летний Киити Миядзава, еще один бывший премьер. Симпатизирующая консерваторам пресса поняла намек «сверху» и принялась всячески восхвалять моложавость действующего премьера, генерального секретаря партии и министра транспорта. По геронтократии — этому очень и очень уязвимому «подбрюшью» ЛДП — было нанесено и еще несколько сильных, но менее сенсационных ударов, которые в значительной мере, хотя и не окончательно, нейтрализовали выпад ДПЯ[20].

Исключительно важным отличием осенней (2003 г.) предвыборной кампании следует назвать привнесение в политический мир Японии настоящей, не показной конкуренции и начавшийся на этой основе дрейф в направлении двухпартийной системы.

С тех самых пор, как генерал Макартур навязал стране демократию, парламентские выборы там могли вызвать одну лишь зевоту. Не считая восьмимесячного временного отрезка в 1993–1994 годах, ЛДП правила Японией с даты своего основания в 1955 г. Десятилетиями борьба за власть велась не в парламенте и не на митингах, а в прокуренных кабинетах, где соперничали мало кому известные фракции ЛДП, на которые

японский избиратель мог влиять примерно так же, как китайский заводской рабочий на состав политбюро КПК. Разумеется, в Японии действовало множество оппозиционных партий, но они только распыляли поданные голоса и непрерывно враждовали друг с другом. В этой атмосфере сколачивались и беспрепятственно процветали глубоко порочные альянсы между политиками, банками, бюрократами и крупным бизнесом, и фактическое отсутствие конкуренции «наверху» воспроизводилось на каждом из уровней, лежащих ниже.

Многие дальновидные японские политологи давно мечтали о возникновении ясно обозначенной двухпартийной системы, в рамках которой электорату могла бы быть предложена заслуживающая доверие альтернатива либерал-демократической монополии на власть. В годы «холодной войны» на роль такой альтернативы претендовала Социалистическая партия Японии (СПЯ). но она была настолько антипредпринимательской, настолько враждебной японо-американскому Договору об обеспечении безопасности, что ее шансы на приход к руководству страной никогда не превышали нулевую отметку.

На короткий период времени в начале 90-х годов интерес к внутриполитическому положению несколько повысился ввиду утраты ЛДП статуса правящей партии. Однако коалиция, перехватившая у нее бразды правления, быстро раскололась, и либерал-демократы вернулись, правда на этот раз в сопровождении союзнических партий, на политический Олимп.

И вот наконец превращение ДПЯ, поглотившей ЛП, в повсеместно признанного конкурента ЛДП предоставило недовольным избирателям возможность на удивление строгого выбора той или иной партии мейнстрима, и мир японской внутренней политики вдруг сделался несравненно более интересным, чем когда-либо раньше.

И Д. Коидзуми, и Н. Кан вели предвыборную кампанию на реформистских, в широком смысле этого слова прорыночных платформах. И в ЛДП, и в ДПЯ отмечались внутренние разногласия — некоторые кандидаты в депутаты отдавали предпочтение привычной линии на выхолащивание, удушение конкуренции.

Д. Коидзуми, рейтинг поддержки которого даже после заметного снижения составлял 46–48%, значительно опережал своего основного противника и эффективно использовал СМИ для усиления своей привлекательности. Он давал понять избирателям, что постепенно усиливает контроль над собственной партией и поэтому является наилучшим кандидатом для тех из них, кто желает реформ.

Н. Кан, со своей стороны, старался убедить электорат в том, что Д. Коидзуми не в состоянии установить подлинный контроль над ЛДП, что реформистские предложения туманны и что тридцатимесячное правление премьера неоспоримо подтверждает эти выводы.

На самом-то деле за месяцы, предшествовавшие предвыборной кампании, Д. Коидзуми решительно укрепил свои позиции в ЛДП,

и в этом ему очень помогли... Н. Кан со своими демократами. Поставив либерал-демократов перед лицом реальной конкуренции, они побудили премьера к действию и ослабили сопротивление ему в партийных рядах.

А теперь настал черед ознакомления с результатами ноябрьских выборов, оценки этих результатов и места в них «коидзумиевского эффекта».

Итак, ЛДП получила в ноябре 2003 г. 237 мандатов по сравнению с 233, завоеванными ею на предыдущих выборах в палату представителей в 2000 г. Соответствующие показатели для ДПЯ составили 177 и 127, для НК — 34 и 31, для Коммунистической партии Японии (КПЯ) — 9 и 20, для Социал-демократической партии Японии (СДПЯ) — 6 и 19, для НКП — 4 и 7, для ЛП — 0 и 22 и для прочих — 13 и 21.

Как видим, наибольшая прибавка досталась ДПЯ, которая участвовала всего в третьих всеобщих выборах с 1996 г., когда она была учреждена, и которая лучше всего выступила в городах и пригородных зонах. Продвинулась главная оппозиционная партия главным образом за счет крайнего левого и крайнего правого крыла политического спектра. Тяжелые потери, понесенные КПЯ и СДПЯ (ее лидер потерпел поражение в своем собственном округе), засвидетельствовали необратимое крушение марксистской идеологии в умах оппозиционно настроенных избирателей, наконец понявших, пусть и с большим опозданием, что голосование за ультралевых лишь помогает ультраправым, и решивших в порядке смены предпочтений поддержать консолидацию в мире партийной политики.

Для НКП, так же как и СДПЯ, не сумевшей провести в парламент своего лидера, выборы обернулись полной катастрофой, и она влилась в ЛДП. Три места независимых депутатов, примкнувших после выборов к либерал-демократам, дали им как раз половину мандатов в нижней палате. Четыре места, оставшиеся от НКП, принесли ЛДП простое большинство, а 34 места депутатов от НК снабдили правящую партию чем-то вроде предохранительной подушки.

Наутро после дня голосования консервативная газета «Ёмиури» вышла с громадным, через всю полосу заголовком, извещавшим японский народ о завоевании коалицией ЛДП, НК и НКП «абсолютного большинства» в Палате представителей[21]. И. Кабасима и Т. Сугавара писали: «„Ёмиури симбун" не исказила факты. В самом деле, ЛДП и ее партнеры по коалиции получили 275 мест, т.е. на четыре места больше, чем на выборах 2000 г. 275 мест действительно дают коалиции абсолютное большинство, означающее, что она может заполнить посты неголосующих председателей всех комитетов в Палате представителей и все равно сохранить там доминирующие позиции»[22].

Восторги газеты, однако, были несколько наигранными. Руководство ЛДП во главе с Д. Коидзуми отчетливо сознавало посредствен-

ность результатов, показанных партией на избирательных участках, — своими силами выйти на запланированные рубежи (241 место) ей не было суждено, да и ведомая ею коалиция набрала 275 мандатов вместо 287 в прежнем составе парламента. К тому же ДПЯ собрала больше голосов на выборах в округах с пропорциональным представительством и улучшила свои позиции в одномандатных округах. Удержаться либерал-демократы у власти смогли не по причине своего «электорального могущества»[23], а во многом благодаря довольно переменчивым факторам — налаженному премьером и его предшественниками взаимовыгодному сотрудничеству с НК и «коидзумиевскому эффекту».

Сотрудничество ЛДП с НК в форме «бартерных сделок», в соответствии с которыми партии поддерживали наиболее «проходимых» кандидатов от того или иного партнера по коалиции, принесло особые выгоды либерал-демократам, поскольку НК отличается непревзойденным умением мобилизовывать свой дисциплинированный актив, действующий в строгом соответствии со спущенными сверху рекомендациями, а иногда и угадывающий «правильную» линию избирательного поведения даже без их получения.

И. Кабасима и Т. Сугавара отмечают: «Если предположить, что 60% голосовавших за НК в округах с пропорциональным представительством поддерживали кандидатов от ЛДП в одномандатных округах, то, судя по нашим подсчетам, 34 последних избежали благодаря помощи со стороны НК поражения на выборах 2000 г. и 53 — на выборах 2003 г. Если бы не 60, а 80% электората НК, которые отдали голоса своей партии в округах с пропорциональным представительством, поддерживали кандидатов от ЛДП в одномандатных округах, то, согласно нашим подсчетам, соответствующие показатели для либерал-демократических кандидатов, избежавших благодаря помощи со стороны НК поражения на выборах 2000 и 2003 гг., увеличились бы до 44 и 77 соответственно. Отсюда следует, что без помощи со стороны НК ЛДП потеряла бы в одномандатных округах почти половину своих депутатских мест»[24].

Что и говорить, удачное совместное предприятие! Но какие бы дивиденды ни порождало подобное взаимодействие, перед ЛДП как «старшим братом» в коалиции не мог не возникнуть вопрос о растущей зависимости от младшего партнера, лояльность которого нельзя было гарантировать на вечные времена.

Что до «коидзумиевского эффекта», то в предвыборной кампании ноября 2003 г. он в целом сработал на славу. В особенности это относится к округам с пропорциональным представительством и в несколько меньшей степени к одномандатным округам.

На общестрановом уровне обнаружилась тесная связь между долей избирателей, одобрявших деятельность кабинета (т.е. Д. Коидзуми), и голосовавших за ЛДП. Доля эта составила 56,2%, тогда как удельный

вес отдавших голоса за либерал-демократов, но не поддержавших кабинет, выражался показателем в 13,9%.

В округах с пропорциональным представительством, где голосуют за партию, имидж ее руководителя находит непосредственное отражение в итогах выборов. В 2000 г., когда во главе ЛДП стоял непопулярный Ё. Мори, партия провела через округа с пропорциональным представительством 56 кандидатов в нижнюю палату парламента. Соответствующий показатель для 2003 г. равнялся 69, или на 6,6 процентных пункта больше.

В одномандатных округах воздействие партийного лидера на исход выборов не столь заметно, но, если верить подсчетам И. Кабасима и Т. Сугавара, то станет очевидным, что и в данном случае «коидзумиевский эффект» сыграл для ЛДП благотворную роль.

Вот что они пишут: «В общем и целом величина рассматриваемого эффекта может быть исчислена на основе процентной добавки к голосам за ЛДП в округах с пропорциональным представительством на выборах 2003 г. по сравнению с выборами 2000 г. Мы приняли чистую величину коидзумиевского эффекта в одномандатных округах равной одной трети от указанной добавки и осуществили гипотетическую оценку числа кандидатов от ЛДП, избежавших провала на выборах благодаря Коидзуми... Как показывают наши подсчеты, при отсутствии коидзумиевского эффекта ЛДП получила бы в одномандатных округах на 14 мест меньше полученных фактически... И если дополнительно предположить, что позитивный эффект, эквивалентный коидзумиевскому, работал бы в пользу кандидатов не от ЛДП, занявших вторые места вслед за избранными либерал-демократами, то, на наш взгляд, ЛДП потеряла бы 30 мест»[25].

Так что популярность политика — вещь желанная и ценная. Нужно только не забывать об одном моменте. И она — популярность эта — непостоянна, подвержена неожиданным и не всегда благоприятным колебаниям, а порой и высокий ее индекс не спасает от горьких разочарований.

Генеральным итогом ноябрьских выборов явилась концентрация 87% депутатских мандатов в руках ЛДП и ДПЯ. Данное обстоятельство подготовило сцену для ничем не ограниченной конкуренции между ними, т.е. для эвентуального утверждения двухпартийной системы западного типа.

Наблюдатели говорили об этом еще накануне дня голосования. Так, Норимицу Ониси отмечал: «Судя по результатам опросов, ожидается, что Либерально-демократическая партия премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми, которая почти без перерыва правила с 1955 г., одержит победу на выборах в нижнюю палату парламента. Но если Демократическая партия Японии, которой всего пять лет от роду, продолжит в воскресенье расширять масштабы своего вторжения в законодатель-

ном органе страны, то, по мнению многих экспертов, выборы могут ознаменовать приход эры двухпартийной системы»[26].

Очень много распространялся на эту тему и Наото Кан: «Речь на этих выборах идет о возможности создания нами японской демократии нового типа. Сможем ли мы построить двухпартийную систему? Ответ на этот вопрос зависит от исхода голосования»[27].

После того как голоса были подсчитаны, уверенность наблюдателей в наступлении новой эпохи во внутренней политике страны возросла на порядок. Тот же Норимицу Ониси подчеркивал: «В дополнение к успехам оппозиции это голосование впервые предоставило избирателям реальный выбор между двумя жизнеспособными партиями и двумя кандидатами в премьер-министры. И это там, где премьеры обычно выбирались горсткой авторитетов внутри ЛДП»[28].

Хидэкадзу Каваи, профессор политологии в университете Гакусюин, добавил: «Эти выборы означают водораздел в послевоенной истории этой страны, поскольку, во-первых, в них участвовала оппозиция, способная прийти к власти, и, во-вторых, партии вели дебаты о конкретных политических мероприятиях. Впервые избиратели получили возможность выбирать одного или другого премьера. Тенденция эта необратима»[29].

По словам Коити Набэсима, «крупный успех оппозиционной ДПЯ на выборах в Палату представителей обозначил решительное продвижение страны к двухпартийной системе. Выборы эти запомнят как важную веху в японской политической истории, во-первых, по этой причине, а во-вторых, потому, что борьба в предвыборной кампании впервые велась вокруг манифестов соперничавших партий. В условиях парламентской демократии избиратели имели возможность оценивать партии в ходе дебатов об их политике и решать, какая из них должна прийти к власти... Правомерно отметить, что эти выборы создали новый настрой в японской внутренней политике XXI в.»[30].

Наото Кан заявил о начале новой эры в поведении избирателей, которые «отныне и присно» будут голосовать, основываясь на предлагаемых им партиями политических мероприятиях: «Думаю, избиратели высоко оценили тот факт, что мы предложили дискуссии вокруг нашего манифеста. Многие голосовали, опираясь на свои суждения о нем. Отступления к прошлым порядкам от этого нового настроя никогда не произойдет»[31].

Гораздо более сдержанно оценил итоги выборов американский журналист Стюарт Джемисон: «Японские избиратели сделали большой шаг к созданию двухпартийной политической системы, но, как свидетельствует исторический опыт, Японии предстоит еще одолеть долгий путь, прежде чем она станет страной с периодическими сменами правительств. Выборы в Палату представителей парламента ослабили господство либерал-демократов и усилили их зависимость от после-

дователей буддийской организации „Сока гаккай", которая является главной опорой партии НК. В то же время голосование не обеспечило ДПЯ достаточно обширным плацдармом для вступления в схватку за парламентское большинство на следующих выборах»[32].

По всей видимости, аналогичной точки зрения придерживался и Д. Коидзуми, который в своих первых комментариях об итогах выборов не счел необходимым касаться проблемы двухпартийной системы, а сразу перешел к предстоявшим задачам: «Наша позиция в отношении реформ не изменилась. Мы будем продолжать их реализацию. Поскольку ЛДП правит на протяжении длительного времени, у людей, подозреваю, проснулось желание перемен, и значительные успехи ДПЯ отражают это желание. Многих в Японии обуревает нетерпение в ожидании результатов реформ»[33].

Как тут не восхититься профессиональной ловкостью премьера?! Обойдя неприятную проблему более или менее регулярной ротации держателей власти, Д. Коидзуми по-джентльменски воздал должное достижениям ДПЯ и связал неудачи ЛДП со стремлениями народа к переменам, которых добивался именно он со своими программами реформ, остающимися на повестке дня, несмотря ни на что. В том-то и заключался второй (после занятия президентского поста в ЛДП) победный трюк господина Коидзуми, что его стараниями неблагоприятный для ЛДП исход выборов был истолкован как потенциально полезный для реформационного процесса.

Старая либерал-демократическая гвардия, само собой разумеется, заявила, что увеличение государственных расходов вместо их сокращения обеспечило бы более приемлемые результаты голосования. Однако, по глубокому убеждению преобладающего большинства партийцев, Д. Коидзуми продолжал оставаться «ценным активом», и в обстановке бурного продвижения ДПЯ устранение его с лидерской должности в ЛДП представлялось менее вероятным, чем когда-либо раньше, особенно если бы он набрался достаточной смелости для шантажа партийных динозавров апокалиптическими последствиями своего ухода.

Гарантией незаменимости Д. Коидзуми можно было считать и инициированную выборами беспощадную конкуренцию политических идей, не собиравшуюся легко и быстро прекратиться. Общественность замерла в ожидании, чтобы увидеть, как премьер и его правительство используют дарованную им электоратом передышку.

Но перспективам структурных реформ Д. Коидзуми — пакету мер в сфере предложения, призванных капитально отремонтировать экономику и пробудить ее к жизни, — предстояло в течение какого-то времени не проясняться. Одна из причин — наследие полувекового однопартийного господства в стране, ограничивавшего важнейшие политические битвы рамками ЛДП. В самом деле, с тех пор как Д. Коидзуми пришел к власти в апреле 2001 г., в главных из этих битв участвовали

противостоявшие друг другу либерал-демократы, поддерживавшие премьера, и либерал-демократы, презиравшие его за склонность к соблюдению бюджетной дисциплины и за проконкуренционные мероприятия.

Сдвиг к двухпартийной системе, если его действительно привел в движение успех ДПЯ на выборах, должен был оказать существенное влияние на названные битвы, хотя ожидалось, что их ближайший раунд, как обычно, не выплеснется за границы ЛДП.

Могли ли голоса избирателей помочь с определением результатов этого очередного раунда? Может быть. К сожалению, сохранялась неясность относительно того, что все-таки сказали избиратели по поводу коидзумиевских реформ. Им, без сомнения, понравилась ситуация политической конкуренции. Как показало обследование, проведенное после выборов, 69% респондентов приветствовали появление ростков двухпартийной системы[34]. Вместе с тем они еще полностью не восприняли концепцию экономической конкуренции и многочисленные преобразования в сфере предложения, за которые ратовали Д. Коидзуми и часть оппозиционной ДПЯ.

Изучение японского электорального ландшафта поздней осени 2003 г. вызывает в памяти аналоги, стоявшие перед глазами Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. С этими зарубежными деятелями горячие поклонники Д. Коидзуми часто сравнивают своего кумира, призывая народ к терпению.

В 1984 г., когда организаторы кампании за переизбрание Р. Рейгана провозгласили «утро в Америке», наступившее после мрачных ночей экономического спада, перемены, которые он «проталкивал» (большее дерегулирование, меры по приданию большей гибкости рынку рабочей силы, сопряженные с немалыми рисками, сокращение субсидий), пугали многих американцев не меньше, чем перспективы развертывания конкуренции на внутреннем рынке и массового закрытия предприятий малого бизнеса страшили большинство нынешних японцев, направлявшихся к избирательным урнам.

То же самое можно сказать о Великобритании, где в 1983 г. госпожа Тэтчер смогла, по истечении первого срока пребывания на Даунинг-стрит 10, сообщить электорату о весьма малом количестве достижений, но продолжала подчеркивать неизбежность дальнейшей либерализации.

Оба лидера задавали своим гражданам, в сущности, одинаковый вопрос: «Обладаете ли вы достаточной смелостью для того, чтобы продолжать делать то, что необходимо?». Многие избиратели дали на этот вопрос утвердительный ответ, и как Р. Рейган, так и М. Тэтчер остались на своих постах на второй срок.

Во время предвыборной кампании подобный прямой и нелицеприятный вопрос Д. Коидзуми не задавал. Это казалось странноватым, ибо

вообще-то он только и говорил о сокращении расходов на общественные работы, урезывании государственных субсидий, приватизации дорожных корпораций и почтовой системы, списывании банками безнадежных долгов и т.д.

Дело в том, что незадолго до выборов наметились признаки непопулярности наиболее болезненных для граждан элементов реформационных программ премьера. Как начали показывать итоги обследований общественного мнения, избирателям нравилась, скорее, личность Д. Коидзуми, чем структурные преобразования как таковые. В некотором смысле поэтому вызов, брошенный демократами, послужил первой по-настоящему хорошей проверкой настроенности избирателей на либерализацию экономики. Поскольку ДПЯ преуспела на выборах, критикуя Д. Коидзуми за его недостаточное реформаторство, уместно выяснить, не желают ли избиратели большего количества и большей радикальности реформ.

Если ограничиваться поверхностью явлений, то, может быть, это и так. Но стоит копнуть глубже, как обнаружится довольно мало доказательств их истинной расположенности к широкомасштабной экономической конкуренции.

Многие руководители крупных компаний, конечно, за нее, особенно те, кто провел реструктуризацию и снизил издержки. Они устали наблюдать за неконкурентоспособными фирмами, поддерживаемыми государственными субсидиями и снисходительными банками-кредиторами, за тем, как они подрывают цены и связывают ресурсы. Есть в стране и молодые, преисполненные уверенности в себе индивиды, не так уж много инвестировавшие в нынешнюю систему и готовые попробовать нечто новое, например жесткую конкуренцию.

Однако перемены в обществе и экономике приводят в ужас множество других японцев, включая голосовавших за обе партии мейнстрима. И хотя большинство этих людей никогда не сталкивалось с конкуренцией, они, повторяю, испытывают перед ней чувство безумного страха.

Это выглядит как-то анормально для страны, еще недавно терроризировавшей Запад дешевой и высококачественной продукцией автомобильной и электронной промышленности. Кстати, целый ряд предприятий японской обрабатывающей промышленности остается впечатляюще эффективным вследствие перестроечных мер, осуществленных в 90-е годы в ответ на обострение глобальной конкуренции.

Совсем по-иному ведут себя многие предприятия в так называемых защищенных отраслях. Для торговли, строительства, коммунального и сельского хозяйства, здравоохранения, телекоммуникаций характерны низкий уровень производительности труда и отсутствие потребностей в исправлении положения. Когда японская экономика процветала, проблемы этих секторов хозяйства с легкостью игнорировались. Ко-

лоссальные внешнеторговые сальдо способствовали росту доходов, а эгалитарная деловая практика позволяла предприятиям защищенных отраслей откачивать внушительную долю богатства.

После более чем десятилетней рецессии главным препятствием на пути преобразования этих обширных зон отсталости является государственная финансовая система, не побуждающая слабые фирмы к выходу из бизнеса. Налоговой кодекс, бюджеты общественных работ, сомнительные субсидии играют определенную роль в поддержании их на плаву.

К сходному результату ведет и великодушие некоторых крупных компаний, не ощущающих надлежащего давления со стороны банков или акциедержателей, заинтересованных в росте прибылей, и продолжающих трогательно заботиться о своих долговременных, но ни к чему не пригодных поставщиках. Да и государственные органы регулирования оказывают слишком слабое давление на банки с тем, чтобы они прекратили отпускать займы фирмам, дышащим на ладан.

Другими словами, на практике в число представителей укорененных интересов, сдерживающих движение Японии «вперед и выше», входит основная масса электората. На протяжении долгого времени избиратели смотрели сквозь пальцы на неэффективность и коррупцию, порождаемые сложившимися порядками, потому что «на выходе» они имели экономику, функционировавшую наподобие механизма всеобщего благосостояния.

Ныне увеличение, пусть и небольшое, материальных трудностей и социальной неустойчивости начинает собирать свою жатву, и избиратели, похоже, занимаются поисками таких средств нападок на существующую систему, которые не задевали бы их самих. Это нелегкая задача, но они непрерывно совершенствуются в ее решении.

Например, избиратели, проживающие в городах и субурбии, всё с большей горячностью обвиняют провинцию в торможении хозяйственного прогресса урбанистических зон. Призывы к сокращению расходов на строительные проекты в отдаленных местностях были на выборах отличными «собирателями» голосов. Охотно отдавали их и за кандидатов, не отягощенных давними узами с политическим истеблишментом, за возбудителей скандалов, сотрясавших бюрократию, и за сторонников предоставления большей автономии префектуральным органам власти.

Но в списке перечисленных и оставленных за скобками предпочтений электората положительного восприятия всеохватывающей конкуренции нечего было бы искать. Его отсутствие подчеркивает та страстность, с которой в Японии оберегают малый бизнес, точнее его архаичную часть. Так, господин Кан поносил премьера за недостаточность средств, предоставляемых этому сектору экономики. Соглашаясь с Д. Коидзуми в том, что деньги на почтово-сберегательных счетах используются неправильно, главный оппозиционер выступал не за инвестирование этих денег в области с максимальной капиталоотдачей,

а за направление их на субсидирование все того же архаичного малого бизнеса. Принимая в расчет «вклад» банков в поддержку низкопроизводительных малых предприятий, предвыборное молчание ДПЯ о неработающих займах представлялось весьма красноречивым.

Что же оставили после себя ноябрьские выборы в лагере ЛДП? И противники, и сторонники Д. Коидзуми имели веские основания для беспокойства по поводу их исхода. В первый момент старая гвардия еле-еле сдерживала удовлетворение невыразительностью спектакля, сыгранного партией 9 ноября. Неуспех, говорили ее главари, доказывает, что Д. Коидзуми — на ошибочной трассе. Он-де не подмазал традиционную электоральную машину ЛДП (крестьян, строительные фирмы, малый бизнес), и партия не сумела получить достаточное число голосов во многих округах, где борьба была особенно упорной. Более того, они продолжали твердить, что курс премьера на свертывание общественных работ и прекращение поддержки слабых заемщиков банками нанесли непоправимый урон экономике.

Беда с аргументами антикоидзумиевского крыла ЛДП одна — предложить оно может только давно знакомый набор: больше общественных работ, больше седовласых ветеранов на ключевых постах и больше обещаний сохранять статус-кво. Предложениями этими нельзя перетянуть на свою сторону разгневанных и обеспокоенных мейнстримовских избирателей.

Тем не менее перед Д. Коидзуми встала, в дополнение ко всем прочим, и задача умиротворения этой публики, убеждения ее в том, что господин Кан был неправ, обзывая его завзятым примиренцем.

Чтобы опровергнуть столь обидный навет, надо было ужесточать позицию в отношении внутрипартийных оппонентов. Имелось три пути к этой цели, и все рискованные.

Один — безоглядное, энергичнейшее «продавливание» сквозь все препятствия сердцевинных, самых революционных компонентов программ структурных реформ (скажем, штурмовой приступ к проблеме неработающих займов с одновременной готовностью к росту банкротств). Но путь этот немыслим без брошенного избирателям призыва проявить смелость, а премьер и ранее не раз уклонялся от поступков такого рода, так как они были чреваты риском получить отказ.

Второй путь — интенсивная фронтальная атака на политику и лоббистские группы, которые не по душе мейнстримовскому электорату (скажем, перекрытие всех значимых каналов финансовой подпитки общественных работ и безоговорочная приватизация большинства общественных корпораций). Но одна такая атака, не сопровождаемая глубокими структурными реформами (а одновременное продвижение по обоим путям стране сегодня не вынести), вряд ли улучшила бы общее состояние экономики, и тогда возник бы риск превращения Д. Коидзуми в объект праведного гнева избирателей.

Третий путь — усиление децентрализации. Премьер сделал кое-что на этом направлении, санкционировав формирование особых экономических зон, где обычные правила ведения бизнеса могут быть смягчены. Однако осуществление подлинной децентрализации бюджетов потребовало бы от него взятия на себя серьезного риска, потому что ему пришлось бы стать небывало «крутым» противником центральной бюрократии, чего прежде он себе не позволял. Зато ему было бы уготовано место в компании любимчиков японского электората — мятежных губернаторов, имеющих богатый опыт борьбы с токийским чиновничеством за локальные интересы.

Таким образом, и неудовлетворительные итоги выборов оставляли Д. Коидзуми немалую свободу маневра. Сказать, что он целиком и полностью использовал эту свободу, я бы затруднился. За годы единоличного господства ЛДП ее вожди привыкли выстраивать политику либо при наличии ничтожного количества внутренних и внешних ограничителей, либо при их отсутствии. Теперь, когда ограничителей не счесть и когда они как никогда сильны, с ними надо согласовывать буквально каждый шаг. Вынужденное лавирование между требованиями ДПЯ, нацелившейся на верховную власть в стране[35], и требованиями либерал-демократических динозавров, ощутивших после ноябрьских выборов прилив полузабытой эйфории, предопределило характер политики Д. Коидзуми в конце 2003 — начале 2004 г. Она предстала перед народом в виде смеси компромиссов и паллиативов, конечно несовместимых с описанными выше рисками.

И премьера, как ни печально, можно было понять: едва выбравшись в относительной целости и сохранности из выборов в нижнюю палату парламента, он вошел в «режим ожидания» выборов в палату советников. В данном случае законы жанра предписывают политику воздерживаться от резких движений и жонглировать популистским реквизитом умеренного свойства.

Д. Коидзуми принял было предлагавшиеся правила игры, но уже вскоре непреодолимым искушением для него явились симптомы прямо-таки бурного оживления экономики, диагностированного экспертами (несколько поспешно!) как бесповоротный выход из рецессии. Сочтя это радостное событие своей персональной заслугой (что было лишь отчасти верно!) и по-прежнему полагаясь на высокий рейтинг популярности, премьер задумал продвинуть вперед на попутной волне давно лелеемую им, но не свободную от противоречивостей пенсионную реформу и записать ее себе в предвыборный актив. Он, следовательно, сознательно пошел на нарушение законов жанра, и, как будет показано ниже, это не прошло ему даром.

Но обо всем по порядку.

Сначала об оживлении.

За четвертый квартал 2003 г. ВВП страны увеличился в реальном выражении на 1,4% по сравнению с третьим кварталом, а в первом

квартале 2004 г. — на 1,4% по сравнению с четвертым кварталом 2003 г. Ввиду некоторого смягчения дефляционного прессинга застопорилась понижательная тенденция ВВП в номинальном выражении. Число банкротств в 2003 г. сократилось более чем на 14% по сравнению с 2002 г. (с 19 000 до 16 624). Уменьшилась (на 14,4% — до 11,8 трлн. иен — минимальный уровень с 1996 г.) и сумма оставленных банкротами долговых обязательств[36]. Было отмечено также постепенное облегчение бремени безнадежных долгов, лежащего на банках. Общая величина корпоративных долгов достигла пикового значения в 1996 г., когда она составила примерно 125% от ВВП. К концу 2003 г. компании выплатили долгов на сумму в 190 трлн. иен, снизив их общую величину до 90% от ВВП[37]. Этому способствовал стремительный рост прибылей. Согласно итогам обследования 155 нефинансовых фирм, проведенного газетой «Нихон кэйдзай симбун» в начале февраля 2004 г., их прибыли до вычета налогов возросли за первые три квартала 2003 фин. г. более чем на треть[38]. Рост прибылей вызвал и рост цен на акции. С апреля 2003 г. до февраля 2004 г. их общий уровень поднялся на 30%. Позитивные сдвиги наблюдались и в сфере личного потребления. В феврале 2004 г. личные потребительские расходы увеличились на 5,2% по сравнению с февралем 2003 г. На 0,9% за тот же период возрос и объем розничных продаж[39].

Оживление было обусловлено сочетанием циклических факторов с порой случайными событиями. Хозяйственная активность имеет обыкновение возобновляться после периодов застоя, когда компании немного увеличивают инвестиции и восстанавливают производственные мощности. Экономический бум в Китае создал повышенный спрос на японские инвестиционные товары. Принесла свои плоды реструктуризация, главным образом в крупных фирмах. Денежная политика Банка Японии стала с приходом Тосихико Фукуи устойчиво экспансионистской.

Теперь о пенсионной реформе, которая, по мысли Д. Коидзуми, должна была украсить его рабочую повестку дня на 2004 г.

Все жители Японии в возрасте от 20 до 59 лет должны присоединяться к государственной пенсионной системе и в принципе выплачивать ежемесячные взносы независимо от их статуса на рынке труда и уровня дохода. Работающие «от себя» или безработные, включая крестьян, 100%-ных домашних хозяек и студентов, охватываются Национальной пенсионной системой, которая предоставляет бенефицию, именуемую базовой пенсией. Участники этой системы ежемесячно выплачивают 13 300 иен вплоть до достижения 60-летнего возраста и с 65 лет получают максимум 66 000 иен (базовая пенсия) в месяц, исходя из продолжительности участия.

Другие системы обеспечивают пенсиями наемных работников, причем пенсии эти добавляются к базовой (иначе говоря, эта последняя является первым слагаемым общей пенсии), а величина взносов уве-

зывается с размерами дохода. Различные категории наемных работников подладают под действие различных пенсионных систем. 33 млн. человек в корпоративном секторе покрываются Пенсионной системой занятых, 1,1 млн. служащих центральных органов власти и 3,2 млн. служащих органов местного самоуправления включены в отдельные системы взаимопомощи, равно как и 430 тыс. учителей и прочих занятых в частных учебных заведениях.

В последние годы пенсионная система страны столкнулась с рядом критических проблем. Самая крупная из них — колоссальный финансовый дефицит. Превышение долговых обязательств системы над ее активами настолько велико, что реально угрожает ее стабильности. К тому же растет число лиц, которые не считают нужным выплачивать взносы в казну Национальной пенсионной системы. Наконец, пенсионной системе в целом присущ вызывающий споры подход к обслуживанию 100%-ных домашних хозяек-иждивенок[40].

10 февраля 2004 г. правительство внесло в парламент законопроекты о реформе пенсионной системы, и 5 июня они вступили в силу.

В соответствии с положениями новых законов взносы в Национальную пенсионную систему будут увеличиваться с нынешних 13 300 иен на 280 иен каждого 1 апреля до тех пор, пока они не достигнут 16 900 иен (в ценах 2004 г.) в апреле 2017 г. Повышение этих взносов в реальном выражении будет регулироваться ростом общего уровня заработной платы. Государство при этом поэтапно увеличит свою долю в субсидировании базовой пенсии с нынешней одной трети до половины в 2009 г.

Взносы в Пенсионную систему занятых, составлявшие с октября 1996 г. 13,58% от их годового дохода и выплачивавшиеся в равных долях работниками и нанимателями, начиная с октября 2004 г. должны были увеличиваться на 0,354 процентных пункта каждого 1 сентября вплоть до 2017 г., после чего они зафиксируются на уровне 18,30%. При этом доля, выплачиваемая работниками, возрастет с нынешних 6,79% от годового дохода до 9,15%. У «среднего» работника компании, получающего в месяц 360 тыс. иен плюс ежегодные бонусы, эквивалентные зарплате за 3,6 месяца, пенсионные взносы с октября 2004 г. должны были возрастать примерно на 20 тыс. иен в год вплоть до сентября 2017 г., когда они достигнут 1,03 млн. иен. При этом доля, уплачиваемая самим работником, слегка превысит 514 тыс. иен. Это будет означать 35%-ное увеличение взноса по сравнению с нынешним уровнем.

Бенефиции в рамках Пенсионной системы занятых состоят, как указывалось выше, из двух частей: фиксированной базовой пенсии, которая выплачивается всем участникам государственных пенсионных систем, и отдельного компонента, привязанного к заработкам. Последний исчисляется на основе среднего дохода работника за весь период до ухода на пенсию с переводом в текущие ценностные величины. До ре-

формы переводным индексом служил темп увеличения располагаемого дохода. Отныне же он будет подвергаться на протяжении «особого периода» (он, как предполагается, продлится до 2023 г.) так называемой минусовой корректировке, опирающейся на два демографических фактора. Первый — сокращение числа участников пенсионной системы, второй — увеличение продолжительности жизни населения.

Использование первого фактора будет означать сокращение размеров пенсий, отражающее уменьшение числа лиц, поддерживающих пенсионную систему. Ежегодно будет устанавливаться реальное число лиц, участвующих во всех государственных пенсионных системах, и полученный показатель станет основой для исчисления масштабов сокращения размеров пенсий. Полагают, что в среднем сокращение это составит примерно 0,9 процентных пункта.

Использование второго фактора позволит принять в расчет то обстоятельство, что люди живут дольше и будут дольше получать свои пенсии. Его цель — замедлить процесс увеличения общей величины пенсионных бенефиций, вызываемый большей продолжительностью жизни. Количественное значение этого фактора не будет определяться ожидаемыми подвижками в сроках пребывания индивидов на этом свете. Исходя из нынешних демографических прогнозов, рассчитанных до 2025 г., ему «придан» размер в 0,3 процентных пункта ежегодно.

Таким образом, «минусовая корректировка» достигнет в силу действия обоих факторов примерно 0,9 процентных пункта.

Вот как указанные перемены повлияют на обеспечение «модельной», по определению Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, пары бенефициаров Пенсионной системы занятых. Пара эта состоит из 65-летнего мужчины–участника системы, получавшего среднюю заработную плату на протяжении сорокалетней карьеры, и его 65-летней жены, бывшей все эти годы, начиная с двадцатилетнего возраста, 100%-ной домохозяйкой. По состоянию на 2004 фин. г. им полагалась ежемесячная пенсия в размере 233 тыс. иен, складывавшаяся из базовой пенсии на двоих (по 66 тыс. иен) и 100 тыс. иен, увязанных с величиной заработка супруга.

Как эта сумма соотносится с нынешним располагаемым доходом занятых? Средняя зарплата наемного работника в 2004 г. равнялась, как указывалось выше, 360 тыс. иен (до вычета налогов и взносов в систему социального обеспечения) и дополнялась, как опять-таки указывалось выше, бонусами, эквивалентными зарплате за 3,6 месяца. Следовательно, размер среднегодового дохода занятого достигал примерно 5,6 млн. иен. После вычета 16% налоговых платежей и взносов в систему социального обеспечения оставалось 4,7 млн. иен годового или 393 тыс. иен ежемесячного располагаемого дохода.

Как видим, пенсия «модельной» пары пенсионеров (233 тыс. иен) составляла 59,3% от величины располагаемого дохода (напоминаю,

что это соотношение именуется «коэффициентом замещения дохода»). В соответствии с положениями реформы этот коэффициент к 2023 г. постепенно снизится до 50,2% (при условии, что, согласно правительственным наметкам, потребительские цены будут повышаться на 1%, а номинальная заработная плата — на 2,1% в год). Итак, за предстоящие двадцать лет уровень пенсионных бенефиций снизится примерно на 15% по сравнению с уровнем заработной платы.

Пересмотренное пенсионное законодательство предусматривает, что «коэффициент замещения дохода» для «модельной» пары не может миновать в процессе своего понижения 50%-ный уровень. Другими словами, «особый период» «минусовой корректировки» должен закончиться, если рассматриваемый коэффициент станет равным 50%. Сделано это с целью умерить опасения пенсионеров по поводу возможности ничем не ограниченного сокращения их бенефиций.

Преобразования, естественно, коснутся и тех, кто получает пенсии уже теперь. До сих пор бенефиции лицам в возрасте 65 и более лет варьировались в зависимости от колебаний индекса потребительских цен. Это обеспечивало неизменность покупательной способности пенсионеров и помогало снимать их беспокойства по поводу условий существования после выхода в отставку. Однако в рамках «особого периода» связь бенефиций со стоимостью жизни прервется, ибо использование двух упомянутых выше демографических факторов приведет к падению этих бенефиций в реальном выражении на 0,9 процентных пункта в год. Правда, в номинальном выражении они не будут снижаться, если не произойдет сокращение потребительских цен. По истечении «особого периода» связь пенсионных бенефиций с индексом потребительских цен восстановится.

До пересмотра пенсионного законодательства у лиц в возрасте от 60 до 64 лет, получавших и пенсию, и доход от заработной платы, размер пенсии урезáлся на 20% вне зависимости от величины зарплаты. Правило это теперь отменяется с целью поощрения пожилых к продолжению работы по найму. Тем не менее для них останется в силе правило, в соответствии с которым при превышении суммой зарплаты и пенсии 280 тыс. иен в месяц (в эту сумму включаются и годовые бонусы) пенсионные бенефиции сокращаются на 50% величины превышения.

Лица в возрасте 70 и более лет, находившиеся в платежных ведомостях компаний, освобождались от взносов в Пенсионную систему занятых. Их пенсионные бенефиции не подлежали сокращению, сколько они бы ни зарабатывали. Однако начиная с апреля 2007 г. сокращение это будет производиться у получателей высоких доходов. Те, у кого сумма заработной платы и пенсии превышает 480 тыс. иен в месяц, лишатся 50% величины превышения. Ныне действующее аналогичное правило для лиц в возрасте от 65 до 69 лет сохранится и впредь. Лица, которым

перевалило за 70, будут по-прежнему получать базовую пенсию в полном объеме, и им не придется уплачивать пенсионные взносы.

Пока еще разведенные жены не располагают правом на получение какой бы то ни было доли пенсии их бывшего мужа, увязанной с размерами его заработков. Теперь ситуация изменяется. Пары, которые будут разводиться после апреля 2007 г., смогут «делить» права на получение указанной доли пенсии мужа, накопленной за период брака. Жена сможет претендовать на не более чем 50% этих прав (реальная величина этой доли будет определяться соглашением между бывшими супругами).

Более того, начиная с апреля 2008 г. 100%-ная домохозяйка автоматически обретет возможность получать при разводе 50% пенсионных бенефиций бывшего мужа, для чего ей понадобится лишь соответствующее заявление в органы социального обеспечения. Введение этого правила обосновывается учетом того обстоятельства, что, хотя пенсионные взносы уплачивались от имени мужа, работа жены в домашнем хозяйстве обеспечивала половину средств существования семьи (правило это будет действовать и в тех случаях, когда ведение домашнего хозяйства ляжет на плечи неработающего мужа, находящегося на иждивении у работающей жены).

Овдовевшие супруги в возрасте до 30 лет, которые не имели детей, не достигших 18 лет, пользовались правом на пожизненные бенефиции в соответствии с системой пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца (размер бенефиций определялся заработками умерших мужа или жены). Однако начиная с апреля 2007 г. срок получения бенефиций этими лицами ограничивается пятью годами.

Работники, берущие отпуск по уходу за новорожденными, как и раньше, освобождаются от пенсионных взносов, и, чтобы не допустить уменьшения их будущих бенефиций за время отсутствия платежей, они рассматриваются как лица, от которых продолжают поступать необходимые суммы, хотя никаких доходов к ним не притекает. Этот льготный период, протяженность которого составляла максимум один год с даты рождения ребенка, был продлен с апреля 2005 г. до трех лет.

Так же с апреля 2005 г. родители, договаривающиеся по месту службы о сокращении продолжительности рабочего дня для ухода за детьми, не достигшими трехлетнего возраста, и о соответствующем сокращении заработной платы, рассматриваются как лица, занятые полный рабочий день и получающие полную зарплату. Однако величина пенсионных взносов в этот максимум трехлетний период определяется исходя из размеров сокращенной заработной платы.

Как правило, индивид не имел права получать более одного вида государственной пенсии. Отныне вводится важное исключение. Лицам, ставшим ограниченно трудоспособными, которые имели до этого занятие, приносившее доход, и которые выплачивали пенсионные взно-

сы, предоставляется с апреля 2006 г. возможность добавлять к базовой пенсии по инвалидности часть пенсии по старости, определяемой прежними заработками, или пенсию по утрате кормильца. Сделано это с целью поощрить занятость среди ограниченно трудоспособных[41].

Таковы в основном и главном черты пенсионной реформы. Не нужно обладать гениальной проницательностью, чтобы разглядеть ее вынужденность, ее ущемляющую интересы и тех, кто молод, и тех, кто стар, направленность, ее слабую отзывчивость на проблемы, которые неизбежно возникнут в не очень отдаленном будущем. Д. Коидзуми не раз с похвальной откровенностью предупреждал народ, что его реформаторская программа неразрывно связана с преодолением трудностей. «Нет болей — нет прибылей», — часто приговаривал он. Нововведения в пенсионном обеспечении, по крайней мере на обозримом временно́м отрезке, принесут немало «боли» и не принесут ощутимых «прибылей» ни уже ставшим пенсионерами, ни тем, кого раньше или позже ожидает этот статус.

Подчинены они в первую очередь задаче покрытия устрашающе разбухающей дефицитности системы социального страхования в целом и пенсионной системы в особенности (превышение обязательствами активов в одной лишь Пенсионной системе занятых составляет 500 трлн. иен)[42]. Правительство планирует когда-нибудь залатать эту зияющую брешь с помощью (1) увеличения размеров пенсионных взносов, (2) сокращения размеров пенсионных бенефиций и (3) повышения уровня государственных субсидий (в резерве у него и продление возраста, дающего право на получение пенсии, до 70 лет).

Комбинация более крупных взносов с менее крупными выплатами грозит будущим участникам пенсионных систем значительным дисбалансом между теми и другими (по имеющимся оценкам, к ним вернутся в виде пенсий около 80% их вкладов)[43]. Сомнительно, что такая перспектива побудит людей к вхождению в эти самые системы (даже согласно правительственным прогнозам, число участников государственных пенсионных систем сократится с 69,4 млн. в 2005 г. до 45,3 млн. в 2050 г. и 29,2 млн. в 2100 г.)[44]. Легко предсказуема и реакция компаний на утяжеление бремени взносов в пенсионные фонды. Стремясь уклониться от дополнительных расходов, они могут, например, сузить масштабы найма выпускников вузов, стать нестерпимо привередливыми при зачислении в штаты лиц, меняющих место работы в середине карьеры, поставить большинство пожилых служащих перед выбором между сокращением зарплаты и уходом в отставку, предоставлять только низкооплачиваемые должности женщинам, возвращающимся в состав рабочей силы после перерыва, связанного с вступлением в брак и рождением детей,

Невозможно предположить, что Д. Коидзуми пребывал в неведении относительно перечисленных «дефектов». Велика же была его вера

в магическую силу собственного рейтинга, во вдохновляющую нацию энергию оживления экономики, если он решился предложить обновленную версию пенсионного обеспечения парламенту фактически накануне выборов в палату советников, внушительная победа на которых нанесла бы сокрушительный удар амбициям ДПЯ.

Надежды премьера на триумф заметно окрепли в мае 2004 г., когда в политическом мире страны разгорелся очередной громкий скандал, будто нарочно связанный с невзгодами пенсионной системы.

Затеял скандал Н. Кан. Его известили, что видные деятели ЛДП, в том числе шесть министров кабинета, в течение различных сроков не вносили взносы в Национальную пенсионную систему. Лидер ДПЯ немедленно обрушился с обвинениями по адресу нарушителей, но совершил при этом непростительный политический грех, пренебрегши элементарной предосторожностью, а именно проверкой своих личных квитанций о платежах.

И вот в тот момент, когда он ради запредельного обострения неутихавших дебатов вокруг пенсионной реформы громил либерал-демократических неплательщиков, в прессу поступили неопровержимые сведения о том, что сам Н. Кан целых десять месяцев в середине 90-х годов не вносил ни иены на счета Национальной пенсионной системы. К этому моменту он успел «свалить» знаковую фигуру ЛДП — Я. Фукуда, главного секретаря кабинета и ближайшего соратника премьера. Попав в ряды неплательщиков, этот всесильный политик 7 мая 2004 г. ушел в отставку, взяв на себя ответственность за аналогичные проступки своих коллег. Ответить должным образом на этот благородный шаг политического противника Н. Кан мог только одним способом — «упав на свой меч», т.е. покинуть занимаемый пост, что он и сделал 10 мая.

Неожиданная потеря испытанного популярного и харизматического руководителя ввергла ДПЯ в глубокое замешательство. Первым, кому предложили заполнить образовавшуюся вакансию, был Итиро Одзава, лидер либералов, партию которого поглотила ДПЯ годом раньше. Господин Одзава обещал «серьезно рассмотреть» предложение. Но данная кандидатура в престолонаследники вызвала к жизни сложные проблемы для демократов, и не только потому, что И. Одзава, кочующий от одной партии к другой, заслужил репутацию раскольника в каждой из них. Бывшие члены ЛП, ведомые им, желают ослабить ограничения, налагаемые на военный потенциал Японии, против чего твердо выступает пацифистское крыло внутри ДПЯ. Сторонники Одзава расходятся с другими демократами и в вопросе о реформе пенсионной системы. Первые отвергают ее целиком, вторые соглашаются с ее отдельными аспектами.

В конце концов И. Одзава решил не принимать от Н. Кан эстафетную палочку, рассчитывая, помимо всего прочего, оказать моральное

давление на Д. Коидзуми с целью принудить его к отставке. Выяснилось, что премьер с некоторым запозданием и после ряда отрицаний признал факт периодической неуплаты и им пенсионных взносов в первой половине 80-х годов. Уходить в отставку он, однако, отказался, поскольку закона не преступал (взносы эти стали обязательными для законодателей только с 1986 г.)[45].

Хотя И. Одзава, который тоже несколько раз не вносил взносы до 1986 г., и другие оппозиционеры призывали премьера показать пример отличного поведения государственного мужа, карающего себя за попытки сокрыть неблагоприятную для него информацию и вообще за содеянное, несмотря на необязательность платежей, Д. Коидзуми не уступил.

Более того, предупреждая падение своего боготворимого рейтинга вследствие скандала со взносами, он нанес смелый контрудар, отправившись с визитом к северокорейскому деспоту, отшельничество которого известно не менее его непредсказуемости. В Пхеньяне японский премьер добился своего: он вернулся домой с пятью рожденными в Северной Корее японцами, чьих родителей похитили северокорейские агенты в годы «холодной войны» и освободили лишь в 2003 г.

Недруги визит раскритиковали. Д. Коидзуми не удалось ничего узнать о еще десяти пропавших соотечественниках (северокорейцы утверждали, что они умерли, и передача тамошним властям более 10 млн. долл. и 250 тыс. т продуктов питания так и не прояснила обстановку), не получил он и каких-либо обнадеживающих сведений о позиции Пхеньяна на переговорах, касающихся его ядерных программ. Тем не менее общественность сочла премьера победителем: его рейтинг поднялся на десять процентных пунктов и достиг планки, о которой и мечтать не мог ни один японский премьер, не говоря уж о премьере, заканчивавшем третий год нахождения у власти (до прихода Д. Коидзуми у руля Японии побывали семь премьеров за восемь лет)[46].

В ДПЯ же судорожные метания функционеров, охотившихся за преемниками Н. Кан, завершились выдвижением упоминавшегося выше Кацуя Окада, относительная молодость которого (51 год) сочеталась с относительно малой известностью. Обозреватели оценили его, скажем прямо, невысоко и в один голос заговорили о критическом ослаблении штурмового отряда оппозиции на ближних подступах к выборам.

Для ЛДП и лично Д. Коидзуми неурядицы в ДПЯ и происшедшая там смена лидеров были в одно и то же время и благом и напастью. Благом — потому, что они давали либерал-демократам определенную фору в предвыборной гонке. Напастью — потому, что создавали им определенный гандикап в виде усиления настроений самоуспокоенности, беспечности и шапкозакидательства.

А К. Окада нежданно-негаданно посрамил скептически отнесшихся к нему обозревателей. Оперевшись на широкую прослойку демократов — «одно- и двухсрочников» (т.е. депутатов, только впервые или во

второй раз избранных в парламент), которых приход к власти в стране и возможности наслаждаться ею, пока они молоды, интересовали куда больше увязания во фракционных междоусобицах, новый лидер ДПЯ умело провел остававшуюся часть предвыборных баталий.

Ему удалось добиться благосклонности многих избирателей, придав яркую нравственно-этическую окраску двум актуальным вопросам — о пенсионном скандале и о посылке Сил самообороны в Ирак. Оба вопроса К. Окада призвал рассмотреть с точки зрения таких моральных категорий, как политическая транспарентность и подотчетность политиков обществу.

Быстрое, мужественное и открытое всей стране самоочищение ДПЯ, принявшей жертву своего руководителя, было противопоставлено либерал-демократическим проволочкам с идентификацией неплательщиков. Поспешное проведение пенсионной реформы через парламент было охарактеризовано как типичный пример высокомерия правящей партии, постаравшейся избежать демократических дискуссий. Высокомерным уклонением от демократических процедур было названо и решение о переименовании контингента Сил самообороны, командированного в Ирак. Первоначально военнослужащие направлялись туда в качестве «нон-комбатантов», т.е. невоюющего персонала, и половина населения Японии поддержала этот их статус. Однако затем правительство, «не посоветовавшись с народом», превратило японские подразделения в часть новых многонациональных сил, оперирующих в Ираке с санкции ООН. Эти силы могут участвовать в боевых действиях, хотя для японцев запрет на вовлечение в них сохранен.

Как ни удивительно, эти «шпильки» больно укололи Д. Коидзуми на финальной фазе предвыборного марафона и оставили неизгладимый след на результатах голосования.

Коалиция ЛДП и НК не упустила прочного большинства мест в палате советников. Общее их количество осталось прежним (ЛДП потеряла одно место, а НК одно приобрела). Имея 139 из 242 мандатов, она сохранила за собой право возглавлять все комитеты в этой палате. Но либерал-демократы завоевали на выборах 49 мест (на два ниже запланированного ими минимума), а ДПЯ — 50, увеличив свое представительство с 59 до 82[47].

На предыдущих выборах в палату советников летом 2001 г. ЛДП, в первую очередь благодаря огромной популярности Д. Коидзуми, получила 64 из 122 разыгрывавшихся мест и помогла НК обрести еще 13. Но на выборах 11 июля 2004 г. коалиция защитила свои позиции только потому, что она боролась за места, которые в последний раз оспаривались в 1998 г., когда слабое выступление ЛДП вынудило тогдашнего премьера Рютаро Хасимото уйти в отставку.

Д. Коидзуми обеспечил все-таки несколько лучшие показатели, чем его предшественник шестью годами раньше. За ЛДП проголосовали

30% избирателей в округах с пропорциональным представительством (в 1998 г. — 25%) и 35% в одномандатных округах (в 1998 г. — 31%). Однако падение рейтинга премьера, начавшееся в последние недели перед выборами (он опустился с более чем 60% до примерно 40%), подрезало крылья этому успеху.

Тем не менее факт остается фактом — в течение одного года Д. Коидзуми выигрывал трижды, причем в прогрессивно усложнявшихся и ухудшавшихся условиях, непрерывно находясь меж двух огней.

С одной стороны, злейший враг премьера — внутрипартийная консервативная оппозиция, с трудом удерживаемая в узде его популярностью и отсутствием равноценной замены, но не приемлющая коидзумиевский реформаторский радикализм и не отказывающая себе в удовольствии при каждом удобном случае «потрошить» наиболее ценимые им планы (наведение порядка в дорожном строительстве, приватизация почты, дерегулирование сферы услуг, переосмысление устарелой политики обеспечения безопасности страны, меры по сокращению бюджетного дефицита и т.д.).

С другой стороны, внешняя оппозиция, возглавляемая (конечно, неформально) ДПЯ и атакующая премьера за неспособность справиться с фрондерами «у себя дома» и за связанный с этим обстоятельством недостаточный радикализм в процессе реализации его реформаторских идей, кое-какие из которых она готова поддержать.

Не таится ли за столь полярными оценками деятельности Д. Коидзуми высокое искусство политической выживаемости? Как знать, многое еще может произойти за время, остающееся до официальной даты истечения его полномочий (сентябрь 2006 г.)...

И подумать только — произошло! Летом 2005 г. премьер распустил парламент и назначил внеочередные выборы после того, как его законопроекты о приватизации почтово-сберегательной системы, с трудом прошедшие через нижнюю палату, были отклонены палатой советников. ДПЯ сочла реформу этой системы несущественной и несвоевременной, а оппозиционеры внутри ЛДП решили воспользоваться благоприятной, как им казалось, возможностью для очередной попытки свалить Д. Коидзуми.

Однако электорат приватизацию почтово-сберегательной системы поддержал. Победа Д. Коидзуми была триумфальной. Правда, для этого избирателям пришлось голосовать и за либерал-демократов из числа динозавров, но зато уж по ДПЯ был нанесен сокрушительный удар. К. Окада пришлось уйти с поста ее руководителя, а перспективы создания двухпартийной системы в Японии снова поблекли.

Но это, как говорится, уже другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нихон кэйдзай симбун. 13.08.2003.

[2] Нихон кэйдзай симбун. 09.08.2003.

[3] Нихон кэйдзай симбун. 15.08.2003.

[4] Нихон кэйдзай симбун. 10.08.2003. Стратег токийского отделения банка «Голдман–Сакс» Кэти Мацуи привела следующие соображения в поддержку своего прогноза о позитивных тенденциях японского рынка акций: во-первых, растущие прибыли компаний будут подталкивать вверх цены акций; во-вторых, в том же направлении будет действовать повысившееся качество фирменного управления; в-третьих, сокращение издержек и прочие реструктуризационные меры компаний создают условия для ускорения процесса роста прибылей; в-четвертых, сброс компаниями и банками акций друг друга, т.е. отход на задний план системы перекрестного владения ими, ослабит тягу к дальнейшим продажам этих ценных бумаг; в-пятых, банки понемногу решают проблему безнадежных долгов, пробуждая надежды на возобновление кредитного водопада; в-шестых, частный внутренний спрос, а не экспорт или ослабление бюджетных ограничений, будет на сей раз придавать экономике столь необходимые ей импульсы (Асахи симбун. 05.09.2003).

[5] The Economist. 30.08.2003.

[6] Экономисуто. 23.09.2003.

[7] Нихон кэйдзай симбун. 03.09.2003.

[8] Сэкай. 2003, № 8, с.129; Кэйдзай хёрон. 2003, № 8, с. 56.

[9] Ёмиури симбун. 17.08.2003.

[10] «Миссия в народ» завершилась успешно. Газеты докладывали, что премьер победит в 36 из 47 префектур, что даст ему необходимое большинство среди тех трехсот голосов, которые выделяются для выборщиков с мест (Майнити симбун. 10.08.2003).

[11] Справедливости ради надо признать, что сам Наото Кан заимствовал концепцию предвыборных манифестов у горсточки «мятежных» губернаторов префектур, которые выступили против засилья центральной бюрократии и переизбрались во многом благодаря составлению перечня конкретных обязательств (сокращение числа учеников в классах, изменение расстановки полицейских постов и т.п.), пришедшихся по душе локальному электорату.

[12] The International Herald Tribune. 23.09.2003.

[13] Нихон кэйдзай симбун. 23.09.2003.

[14] Монолитность кабинета помогла Д. Коидзуми без сучка без задоринки провести переговоры с американским гостем о командировании японских военнослужащих в Ирак. Открытость этих переговоров и легкость, с которой на них было достигнуто взаимопонимание, показали, что Япония необратимо избавляется от ханжества, лицемерия и двоемыслия, пропитывавших оценки ее военного потенциала с середины 50-х годов.

Оценки эти невозможно было воспринимать без иронии, но пользовались ими без тени смущения. Перечислю несколько казусов, на которых держался странный мир японской политики в сфере обеспечения безопасности. Так, Конституция запрещает стране иметь вооруженные силы, но под ружьем у нее находятся 240 тыс. человек. Они, сами понимаете, не солдаты, а члены наземных, морских и воздушных Сил самообороны. У Японии нет танков — ведь таковые могли бы быть у армии, а ее не существует. Зато она располагает «специальными транспортными средствами», удивительно похожими на... танки. Нет у Японии и бомбардировщиков — они ведь, скорее, наступательные, чем оборонительные виды вооружений, но «истребители поддержки», несущие бомбы, у нее имеются. Япония второй по удельному весу донор миротворческого бюджета ООН и первый кандидат на постоянное место в Совете Безопасности, если он когда-нибудь будет реформирован. Тем не менее ее участие в ооновских операциях по поддержанию мира вряд ли можно было назвать иначе чем ничтожным.

Д. Коидзуми, учитывавший сильнейшие пацифистские настроения соотечественников, вынужден был действовать на этом участке медленно и осторожно. И все-таки он пробил через парламент законопроект, санкционирующий быстрые действия правительства при нападении на территорию страны. Совершил он и следующий, гораздо более важный шаг: обеспечил парламентское одобрение отправки примерно тысячи военных в Ирак на помощь американцам и англичанам, не дожидаясь соответствующей резолюции Совета Безопасности. Влиятельные члены коидзумиевской администрации надеются (может ли премьер не поддерживать эти надежды?!) и на обретение Японией права на коллективную оборону, что позволило бы ее войскам защищать не только собственную территорию и самих себя.

Итак, даже в условиях предвыборной кампании Д. Коидзуми ни на йоту не отклонился от линии на легитимизацию вооруженных сил, пренебрегая множеством сопутствующих рисков (самый большой из них — возможность потерь убитыми и ранеными в экспедиционном контингенте), ради возвращения Японии профилирующих черт «нормальной державы».

[15] Нихон кэйдзай симбун. 05.09.2003. Немало ученых мужей предсказывали, что стабильный рост японской экономики либо никогда не возобновится, либо возобновится в отдаленном будущем. От отмеченных выше признаков оживления они или отмахивались, или считали их такими же эфемерными и недолговечными, как и не раз появлявшиеся раньше. Но высоколобые авторитеты были неправы. Какими бы слабыми и мимолетными ни были бы признаки оживления, они свидетельствовали о непрекращавшейся работе рыночных сил в стране, напоминали о том, что пациент жив и при правильном уходе может подняться на ноги.

[16] The Economist. 27.09.2003.

[17] Если верить наиболее надежному измерителю — дефлятору ВВП, — с 1997 по 2003 г. они упали на 7,6% и на том не остановились (Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо. 15.11.2004).

[18] Было бы преувеличением заявить, что Япония исчерпала возможности применения фискального стимула для решения своих проблем. Заимствования, конечно, достигли умопомрачительных величин, но внушительная их доля шла на обслуживание долговых обязательств и трансферты в сфере социального обеспечения, не возносящие темпы экономического роста. Так, может быть, дело не в заимствованиях самих по себе, а в их объектах, например в безнадежных долгах, которые являются не только следствием рецессии, но и фактором ее затягивания? Если обеспечение роста признать более важным, чем сокращение бюджетного дефицита, и если согласиться с тем, что безнадежные долги препятствуют росту, то почему бы не бросить государственные деньги на убыстрение списания банками этих долгов? Увы, на это Д. Коидзуми никак не мог решиться.

[19] Примерно треть кандидатов от ЛДП, включая самого Д. Коидзуми, принадлежала к этим династиям, в то время как лишь несколько их соперников из ДПЯ унаследовали свои округа от предков. Контраст подчеркивали генеральные секретари ЛДП и ДПЯ. Если отец Синдзо Абэ был министром, а дед — премьером, то родителем Кацуя Окада из ДПЯ являлся бизнесмен. Наото Кан всего на четыре года младше Д. Коидзуми, но средний возраст кандидатов от ДПЯ на восемь лет отставал от соответствующего показателя для кандидатов от ЛДП. Тот же Кацуя Окада был на шестнадцать лет моложе Таку Ямасаки, занимавшего пост генерального секретаря ЛДП до сентября 2003 г.

[20] Итоги выборов подтвердили настроенность электората на омоложение депутатского корпуса и его прохладное отношение к «наследным принцам» и парламентским долгожителям. Матерым волкам политических баталий с их разветвленными системами связи с партийными организациями на уровне «корней травы» оказалось в ходе этих выборов значительно труднее (особенно в городах) обеспечивать своим чадам прохождение в парламент. Избиратели, к примеру, отвергли и третьего сына популярного токийского губернатора Синтаро Исихара, и сына самого Наото Кан. В немалое число потерпевших поражение парламентских ветеранов попал также 84-летний Хидэюки

Аидзава, могущественный председатель антидефляционного и налогового комитетов ЛДП, главный опекун «больных» японских банков. С другой стороны, ДПЯ удалось завоевать 43 места для своих кандидатов в возрасте до сорока лет, в четыре раза больше соответствующего показателя для ЛДП (Асахи симбун. 10.11.2003).

[21] Ёмиури симбун. 10.11.2003.

[22] Тюокорон. № 1, 2004, с. 90.

[23] «Электоральное могущество» ЛДП, выражающееся числом голосов, подаваемых за нее на всеобщих выборах, в течение длительного времени демонстрирует либо устойчиво понижательную тенденцию, либо топтание на одном месте. В 1993 г. число это равнялось 23 млн., в 1996 г. — 22 млн., в 2000 г. — 21 млн. и в 2003 г. — 22 млн. (на двух последних выборах в «копилку» ЛДП поступало по 4 млн. дополнительных голосов членов НК, лидеры которой специально рекомендовали им поддерживать «одобренных» кандидатов от ЛДП в округах, где свои претенденты на парламентские места либо не выдвигались, либо снимались в пользу партнера по коалиции (Social Science Japan. № 29, 2004, p. 3–4).

[24] Тюокорон. № 1, 2004, с. 95.

[25] Там же, с. 93.

[26] Ёмиури симбун. 09.11.2003.

[27] Майнити симбун. 10.11.2003.

[28] The International Herald Tribune. 11.11.2003.

[29] The Japan Times. 10.11.2003.

[30] The International Herald Tribune. 10.11.2003.

[31] The New York Times. 10.11.2003.

[32] The International Herald Tribune. 11.11.2003.

[33] Асахи симбун. 11.11.2003.

[34] Там же.

[35] Сразу после выборов Наото Кан не замедлил заявить следующее: «Общественность дала нам значительное число депутатских мест. В качестве крупнейшей оппозиционной партии мы будем стремиться к построению ответственной политической организации, способной управлять страной» (The Nikkei Weekly. 11.11.2003).

[36] Monthly Economic Report. February 2005, p. 11–15.

[37] Асахи симбун. 20.02.2004.

[38] Нихон кэйдзай симбун. 15.02.2004. Участвовавшие в обследовании представляли чуть больше 10% японских фирм, торгующих акциями на бирже, причем фирм элитных. Однако и многие другие компании могли похвастаться в тот момент быстро растущими прибылями.

[39] The Economist. 24.04.2004.

[40] Финансовая проблема государственной пенсионной системы является прямым следствием неблагоприятных демографических процессов. В Японии уже теперь более 24 млн. человек в возрасте 65 лет и больше (свыше 19% общей численности населения). В предстоящее тридцатилетие эта группа будет увеличиваться по меньшей мере на 600 тыс. человек ежегодно, и к 2050 г. ее доля, вероятно, превысит 35% общей численности населения. Далее, в Японии достигнута исключительно высокая продолжительность жизни (согласно имеющимся оценкам, к 2050 г. она может составить примерно 81 год для мужчин и почти 90 лет для женщин). Это значит, что пенсионной системе придется справляться не только с растущим числом бенефициаров, но и с фактом увеличивающихся периодов выплат бенефиций. Между тем рождаемость в стране сокращается быстрее, чем где-либо в мире. Сводный коэффициент фертильности (среднее число детей в расчете на каждую женщину в детородные годы) снизился в 2002 г. до рекордной отметки в 1,32 и до 1,29 в 2003 г. Даже если государственные прогнозы о переломе этой тенденции оправдаются, рассматриваемый коэффициент повысится к 2050 г. всего до 1,39. Быстрое увеличение числа бенефициаров в сочетании с ожидаемым падением уплачивающих взносы участников пенсионной системы — причина ее обостряющегося финансового кризиса. Например, поддержание нынешнего соот-

ношения размеров пенсии и зарплаты (так называемого «коэффициента замещения дохода»), равняющегося в Пенсионной системе занятых 59,3%, потребовало бы в ближайшем будущем увеличить норму взносов с 13,58% до 26% от годового дохода. Маловероятно, что такое утяжеление бремени выплат будет приемлемым для плательщиков, и это подчеркивает неотложность реформы.

Вторая проблема государственной пенсионной системы — неуплата взносов. У работников корпоративного и государственного секторов взносы вычитаются из заработной платы, так что в своей ипостаси наемного персонала они не несут ответственности за проблему неплатежей. По-другому выглядит тот 21 млн. лиц трудоспособного возраста, которые охвачены Национальной пенсионной системой и многие из которых либо забывают уплачивать взносы, либо намеренно игнорируют эту обязанность. По данным на 2003 г., доля неплательщиков равнялась 37% (другими словами, лишь трое из пяти индивидов вносили взносы в эту систему). Конечно, власти располагают полномочиями арестовывать депозиты и прочие активы неплательщиков, но на практике это происходит только в самых экстремальных случаях, и эта снисходительность частично объясняет продолжающийся рост неплатежей. Разумеется, неплательщики не получат пенсионные бенефиции. Однако дело не в них одних. Поскольку при выплате базовой пенсии нынешним бенефициарам используются взносы всех лиц трудоспособного возраста, все более значительная доля неплатежей означает, что бремя поддержки Национальной пенсионной системы все в большей степени перекладывается на наемных работников и прочих «честных» доноров.

Третья проблема пенсионной системы связана с переформулированием прав и обязанностей 100%-ных домохозяек. В прошлом присоединение к Национальной пенсионной системе было для жен-иждивенок факультативным, и немалое их число предпочитало не участвовать в ней. При разводах они не получали вообще никакой пенсии. В 1986 г. в систему были внесены изменения, учитывающие интересы этой прослойки населения. Домохозяйки с годовым доходом до 1,3 млн. иен, чьи мужья участвовали в Пенсионной системе занятых или в других системах для наемных работников, стали получать базовую пенсию, не уплачивая взносы в Национальную пенсионную систему. При этом исходили из того, что за них платят мужья и наниматели. Но удельный вес домашних хозяйств со 100%-ными домохозяйками сокращается, и, напротив, растет доля семей, в которых по найму работают оба супруга. И они вместе со своими нанимателями должны платить пенсионные взносы. Многие работающие жены считают этот порядок несправедливым, полагая, что практически их заставляют субсидировать пенсионные бенефиции 100%-ных домохозяек. Последние же требуют, чтобы к ним относились не как к «придаткам» работающих мужей, а как к обладателям суверенных прав на эти самые бенефиции (см.: Нихон кэйдзай симбун. 12.03.2004; Japan Echo. 10.10.2004, p. 9–12; Тюокорон. 2004, № 7, с. 138–147).

[41] См.: Нихон кэйдзай симбун. 12.03.2004; Сёкун. 2004, № 4, с. 65–84; Сэкай. 2004, № 4, с. 85–102; Бунгэй сюндзю. 2004, № 5, с. 123–137.

[42] The Nikkei Weekly. 03.04.2004.

[43] Ibid.

[44] Асахи симбун. 15.04.2004.

[45] Нихон кэйдзай симбун. 11.04.2004.

[46] Ловкость премьера, вовремя организовавшего вояж в Северную Корею, заслужила несколько двусмысленный комплимент английского журнала: «Особого удовольствия схватка с Дзюнъитиро Коидзуми по правилам дзюдо вам не доставит. Вы прижимаете его к ковру, но искусным поворотом он освобождается. Вы приближаетесь к нему, чтобы совершить победный бросок, но он проворно ставит подножку, опрокидывает вас на лопатки и зарабатывает необходимое для выигрыша очко» (The Economist. 29.05.2004).

[47] Нихон кэйдзай симбун. 13.07.2004. Нельзя не отметить, что ДПЯ вновь отобрала голоса у партий левой оппозиции. Коммунисты и социал-демократы отстаивали в ходе выборов 17 мест в палате советников, но отстояли всего 6 (там же).

Е. Леонтьева

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА БАНКА ЯПОНИИ

В 1992–2003 гг. Япония пережила длительный застой, беспрецедентный для крупной развитой страны. Его можно назвать автономным кризисом национальной экономики, может быть последним в условиях глобализации, так как он не был спровоцирован внешними ударами. Не было ни войны, ни природных катаклизмов, которые могли бы уничтожить существенную часть людского потенциала и накопленного богатства.

Япония вышла из застоя только после глубоких реформ, многое изменивших в ее экономическом укладе.

Снижение темпов роста началось в 1991 г. (см. табл. 1 в Прил.), а отрицательные приросты ВВП на годовом уровне были в 1998 и 2002 гг. Дважды начинался подъем: в 1996 г. ВВП увеличился на 3,4%, в 2000 г. — на 2,9%, и казалось, что стагнация вот-вот закончится. Но только в 2003–2004 гг. экономика вернулась на траекторию роста.

В Японии стало общепринятым называть период застоя «потерянным десятилетием» и даже проводить параллели с кризисом в США в 1929–1933 гг. По оценке западных экономистов, если бы в 1992–2002 гг. среднегодовые темпы роста остались бы на уровне 1980-х годов (3,7%), то ВВП Японии оказался бы на $^1/_3$ больше[1]. Официальные эксперты из Института ESRI при кабинете министров Японии считают такую потерю (исчисляемую в 500 с небольшим трлн. иен за 1990-е годы, что примерно равно годовому объему ВВП) достаточной, чтобы назвать данную ситуацию «великой рецессией». «Конечно, Япония не испытала ни глубокого экономического кризиса, ни 25%-ной безработицы. Но последствия длительного спада оказались даже большими, чем результаты Великой депрессии в Соединенных Штатах, где потеря измерялась валовым внутренним продуктом за три года», — пишут они[2].

Правда, статистические данные говорят о потере темпа, но не о тяжелых экономических последствиях. Индекс промышленного производства в 2004 г. (100,2 при 2000 г. = 100) остался практически на уровне 1991 г. (101,6), хотя в низшей точке (2003 г.) глубина спада составляла 8,5 процентного пункта (см. табл. 1 в Прил.). Уровень сбережений в 26–

© Е. Леонтьева, 2006

27% национального дохода — один из самых высоких в мире[3]. Безработица в 5,4% экономически активного населения (максимум, достигнутый в 2002 г.). выглядит вполне благополучно по международным меркам. Уровень реальной заработной платы — один из самых высоких в мире. По ВВП в долларах на душу населения в 2003 г. Япония уступала только Норвегии, Швейцарии, Дании, США и Швеции[4].

Потеря темпа — следствие замедления капиталовложений, которые даже абсолютно сокращались в отдельные годы (см. табл. 1 в Прил.). Если в 1990 г. новые инвестиции составляли 11,5% валового основного капитала корпораций, то в 1995 г. — 7,3, а в 2002 г. только 6,5%. Соотношение между приростом активов Японии за границей и валовыми внутренними капиталовложениями показывает, что значительная часть внутренних сбережений уходила из страны. В 1990 г. за границу был вывезен эквивалент 8,6% внутренних инвестиций, в 1995 г. — 13,8, в 2000 г. — 10,3 и в 2002 г. — 11,0%. Япония — главный кредитор в мировой экономике. У нее самые большие в мире зарубежные активы (433,9 трлн. иен, или 4 трлн. 180 млрд. долл. на конец 2004 г.)[5].

Япония «выбилась» из ритма экономической динамики развитых экономик и потеряла в рейтинге конкурентоспособности[6], но не утратила позиции в международной торговле. Она удерживала третье место в мировом экспорте (после Германии и США) вплоть до 2004 г., когда ее обогнал Китай. У нее активное сальдо по внешним платежам и самые крупные в мире золотовалютные резервы — 844,5 млрд. долл. на конец 2004 г. (за «потерянные» годы они увеличились в 12 раз).

Японская «великая рецессия» совсем не была трагедией в новейшей экономической истории. Но основания для исторической параллели с американской Великой депрессией есть. В обоих случаях спаду предшествовал бум на кредитном и фондовом рынках, и оба сопровождались дефляцией — снижением товарных цен и цен финансовых активов (акций и недвижимости). В обоих случаях это был дефляционный кризис, в США его форма была острой, а в Японии — смягченной.

1. Дефляция цен в историческом ракурсе

Дефляцией считается беспрерывное снижение агрегатного измерителя цен в течение более полугода[7]. В качестве стандартного измерителя принято брать индекс потребительских цен, в которых оценивается 55–60% внутреннего оборота товаров и услуг, или близкий к этому индексу дефлятор ВВП. Для детального анализа принимаются в расчет показатели динамики оптовых цен и цен на финансовые активы (ценные бумаги, недвижимость, землю). Абсолютное или относительное снижение цен на отраслевую продукцию к дефляции не относится — это следствие нормальной работы рыночного механизма. В основе падения общего уровня цен лежит длительное нарушение макроэко-

номического равновесия — хронический недостаток платежеспособного спроса на товары и услуги, так называемый дефляционный разрыв.

В современном мире дефляция — это хорошо забытое явление. В экономической истории XIX и начала XX в. периоды инфляции и дефляции сменяли друг друга. Эпизоды дефляции различались по происхождению и по воздействию падающих цен на экономику. По этим двум признакам специалисты по экономической истории из американского Национального бюро экономических исследований различают дефляцию «хорошую», «плохую» и «опасную»[8].

«Хорошая» — результат прироста предложения товаров и услуг, опережающего предложение денег. Это явление сопутствовало второй промышленной революции. Строительство железных дорог, распространение многочисленных новых технологий, электрификация производства и быта увеличивали потребность в деньгах. Золотодобыча и предложение монетарного золота не поспевали за этой потребностью. Отсюда — снижение цен у производителей, повышение прибылей и зарплат, удорожание реальных активов и золота.

Такая дефляция сопровождала экономический подъем во многих странах по окончании Первой мировой войны. Она была связана с послевоенным восстановлением и с распространением новых технологий (автомобили, телефоны, холодильники, радиоприемники). Возвращение к золотому стандарту по довоенным паритетам в 1925 г. помогло возобновить международную торговлю и движение капиталов между США, Европой и Латинской Америкой.

«Плохая» дефляция ассоциируется со спадом в экономике — следствием кризиса перепроизводства. Ей сопутствовали банкротства компаний и банков и массовая безработица, еще больше снижавшая спрос. Такими эпизодами были кризисы в угледобыче и металлургии в Англии, Франции, Германии, Голландии и США в 1857 г., текстильный кризис в Англии и Франции в 1866 г., а также кризисы в США после прекращения военных заказов по окончании Гражданской войны (1865) и в России в связи с сокращением железнодорожного строительства после достройки Транссибирской магистрали (1901–1904).

«Опасная» дефляция определяется как сочетание глубокого падения деловой активности с сильной дефляцией. История дала единственный пример такого сочетания — Великую депрессию 1929–1933 гг. За эти годы индекс потребительских цен и дефлятор ВВП в Соединенных Штатах упали на 24%, а реальный объем ВВП — на 30%. Снижение ВВП продолжалось четыре года, докризисный уровень восстановился только в 1939 г.

Все приведенные выше эпизоды дефляции произошли при золотовалютном обращении. При классическом золотом стандарте уровень мировых цен определялся спросом и предложением золота для нужд денежного хозяйства. Уровни цен в национальных экономиках были привя-

заны к золотому содержанию валют, как к номинальному якорю. Отклонение от уровня цен и процентных ставок в мировом финансовом центре — Лондоне — было стимулом для движения золота и потоков краткосрочного капитала. Поэтому кризис в США 1929–1933 гг. передался в другие страны через фиксированные золотые паритеты валют. Они не позволяли денежным властям расширять предложение денег, чтобы поддержать падающий спрос и остановить банковскую панику, так как тем самым можно было спровоцировать спекулятивную атаку на золотые запасы. От золотого стандарта первыми отказались Великобритания и Швеция (1931 г.), и они сумели быстро восстановить экономический рост при помощи денежной экспансии. США отказались от него в марте 1933 г., когда американское казначейство стало покупать золото и девальвировало доллар. В 1936 г. золотой стандарт, восстановленный после Первой мировой войны, окончательно рухнул. После этого вышли из депрессии страны так называемого золотого блока: Франция, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Италия, Польша, Чехословакия.

Споры о первопричине и механизмах Великой депрессии начались в 30-х годах XX в. Ее изучение положило начало макроэкономике как направлению экономической науки. Идеологизированное марксистское понимание Великой депрессии как «циклического кризиса в рамках всеобщего кризиса капиталистической системы»[9] находится за пределами этой науки. Современники усматривали причины Великой депрессии в самых разных явлениях: в неэластичности заработной платы в сторону понижения, в монопольных ценах, в последствиях биржевого краха 1929 г. и в ошибочной политике денежных властей.

Связь Великой депрессии с биржевым крахом 1929 г. и образовавшимся после него долговым навесом была впервые сформулирована И. Фишером. Фишер выдвинул положения своей долговой и дефляционной теории Великой депрессии в лекциях, прочитанных в Йельском университете в 1931 г. Он развил эту теорию в работе, опубликованной в 1933 г.[10].

Причиной формирования «финансового пузыря» и долгового навеса в 1929 г. послужили «легкие деньги», заимствованные компаниями в банках для получения спекулятивной прибыли. Займы отпускались под внедрение изобретений и новой техники. Были также невыплаченные военные долги и проекты послевоенного восстановления.

«Чрезмерная задолженность» (over-indebtedness), по Фишеру, — это не менее, но даже более существенный фактор дестабилизации экономики, чем товарное перепроизводство или товарный дефицит. Чрезмерные инвестиции и спекулятивный спрос имеют серьезные последствия, если они основываются на заемных деньгах.

Виртуальный предел этих последствий — «ликвидация либо должников, либо кредиторов, либо тех и других». Цепочка последствий, изображенная Фишером, состоит из девяти звеньев:

(1) Должники продают имущество по описи для погашения долгов банкам (distress selling).

(2) По мере погашения банковских кредитов снижается объем депозитов и замедляется скорость обращения денег.

(3) Начинается снижение уровня цен, т.е. удорожание денег. За этим должно последовать

(4) еще большее падение чистой стоимости имущества деловых предприятий (net worth), стремительные банкротства,

(5) такое же падение прибылей и

(6) сокращение выпуска продукции, оборота торговли и занятости. Все это ведет к

(7) пессимизму и потере уверенности (loss of confidence) и

(8) к тезаврированию денег и дальнейшему снижению скорости обращения. Все эти восемь звеньев вызывают

(9) сложное нарушение структуры процентных ставок, а именно падение номинальных (денежных) ставок и повышение реальных (товарных) ставок.

Как замечает Фишер, накопление долгов само по себе не приводит к падению цен, если ему противодействуют инфляционные силы (случайно или преднамеренно)[11]. Но если прежний уровень цен не восстанавливается, непогашенные долги растут. Ликвидация долгов не поспевает за снижением цен, которое вызывается ею же. Каждая попытка должников уменьшить долговое бремя только увеличивает его. «В этом заключен великий парадокс, который, я полагаю, есть секрет многих, если не всех великих депрессий: чем больше должники выплачивают, тем больше они должны», — писал Фишер. Это порочный круг, это круговорот долгов, который в предельном варианте остановится только после «почти всеобщего банкротства». Такой «естественный выход» очень жесток. «Искусственный выход есть: повышение уровня цен настолько, чтобы все невыплаченные долги были погашены»[12]. Выход был найден администрацией Ф.Д. Рузвельта в операциях Федеральной резервной системы по покупке финансовых активов на открытом рынке в 1932 г. Эти операции дали вливание ликвидности в экономику и оживили цены и хозяйственную деятельность. За ними последовало снижение золотого содержания доллара — его девальвация. Так был открыт «искусственный выход», предложенный Фишером.

Логика рационального поведения частных предприятий и банков в чистом виде ведет частное предпринимательство к самоуничтожению, если не вмешается «видимая рука» государства, которое создаст добавочный денежный спрос. Увеличение денежного предложения и удешевление денег — единственный способ вывести экономику из дефляционной спирали. Как это сделать, Фишер не говорит. Другие способы, например обращение к внешнему рынку, он не рассматривает: его схема описывает закрытую экономику. Линия поведения потреби-

тельского спроса (это наибольшая часть совокупного спроса) у него не намечена.

Д.М. Кейнс, искавший, как это сделать, указывал, что действенность денежной политики по стимулированию эффективного спроса имеет предел. В «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) он показал, что есть ситуация, в которой рост денежной массы вызывает не падение процентной ставки, а только увеличение объема неиспользуемых денежных средств — так называемая ловушка ликвидности. Это ситуация, когда экономические агенты считают ставку процента ниже того критического значения, при котором имеет смысл держать деньги только в наличности, но не в облигациях и на банковских счетах. Удешевление кредита может привести к тому, что кредит перестанут использовать[13].

Это был довод в пользу тезиса, согласно которому денежная политика сама по себе не может вывести экономику из депрессии и потому должна дополняться активной бюджетной политикой — организацией бюджетных закупок товаров и услуг, «общественных работ» и пр. Стимулирование инвестиций посредством расширения бюджетных расходов стало основой политики роста в развитых странах в послевоенный период.

Аргумент Кейнса развил Д. Хикс, подробно объяснивший, как экономика может попасть в эту «ловушку ликвидности»[14]. Он показал, что краткосрочные денежные ставки не могут быть ниже нуля, а если они близки к нулю, экономические агенты менее склонны тратить свои доходы на инвестиции и потребление, жертвуя процентным доходом. А именно, «если издержками хранения денег можно пренебречь, то при условии, что ставка процента находится не выше нуля, всегда будет выгоднее хранить деньги, чем давать их в долг. Следовательно, ставка процента всегда должна быть положительной. В крайнем случае самая короткая ставка может быть близкой к нулю. Но если так, то долгосрочная ставка всегда должна быть выше ее, чтобы компенсировать риск того, что краткосрочная ставка может подняться до окончания срока займа. При этом следует помнить, что короткая ставка может повышаться, но не падать»[15].

Цитируемая работа Хикса имеет чисто теоретический характер и не привязана к объяснению причин Великой депрессии. Это формализованная модель реального экономического цикла, причем очень простая («a skeleton apparatus», по определению автора). Хикс показал, какой риск таит увеличение денежного предложения для вывода экономики из депрессии. Это риск потери управления денежным хозяйством. При номинальной ставке процента, стремящейся к нулю (zero bound interest rate), денежная политика неэффективна. В этом положении количество денег в экономике не имеет значения, так как деньги и денежные обязательства полностью взаимозаменяемы.

Великая депрессия в экономической истории США — ключевое событие XX в. и непреходящий источник споров среди экономистов. Обращение к ее опыту до сих пор стимулирует развитие макроэкономических теорий и провоцирует споры о том, насколько денежная политика может воздействовать на реальную экономику и какими методами следует пользоваться для регулирования спроса. Так, М. Фридман и А. Шварц в фундаментальной «Истории денежного обращения в США» (1963) утверждали, что биржевой крах в августе 1929 г. был спровоцирован Федеральной резервной системой (ФРС), сократившей в 1928 г. денежное предложение в стремлении сдержать спекулятивный бум. Они считали, что депрессия затянулась потому, что ФРС слишком долго не могла решиться на расширение денежной массы[16].

Напротив, Б. Бернанке (впоследствии ставший преемником А. Гринспена на посту главы ФРС) в статье «Макроэкономическая картина Великой депрессии: сравнительный подход» выразил согласие с логикой Фишера. Бернанке показал, что именно банковская паника разрушила каналы кредитования экономики и в конечном счете привела к сокращению промышленного производства, к снижению номинальной и реальной заработной платы, подорвала конкурентоспособность и экспортные возможности американской экономики[17]. Депрессия затянулась потому, что Соединенные Штаты промедлили с отказом от золотого стандарта и девальвацией доллара до 1933 г.

По подсчету американских экономистов Т. Каргилла и Т. Майера, выполненному по научным публикациям на 1998 г., мнение монетаристов, что Великая депрессия была результатом «ошибки ФРС», разделялось очень многими. Только 22% историков и 25% экономистов не были согласны с этим представлением[18]. Другие не уверены, что падение цен усугубило депрессию по той схеме, которую изобразил И. Фишер, и предполагают, что она продолжалась, пока цены не достигли равновесного уровня[19].

Что касается «ловушки ликвидности», в которой денежная политика неэффективна, то в экономической литературе долгое время преобладало мнение, вошедшее в стандартные учебники макроэкономики, что это только «любопытный теоретический пример»[20]. В популярном словаре говорится, что «на практике... эмпирические свидетельства в пользу существования ликвидной ловушки так и не были найдены»[21]. До сих пор многие авторы считают, что даже если ее существование доказано, то оно, во всяком случае, «крайне эфемерно и неуловимо»[22].

2. Дефляция цен в глобальной экономике

Самый трагический эпизод «опасной» дефляции, переросший в кризис мирового масштаба, связан с жесткой денежной политикой, обусловленной привязкой национальных валют к золоту. Позже были

и более мягкие режимы фиксированных курсов: привязка к фунту стерлингов, в свою очередь привязанному к золоту в межвоенные годы, и привязка к доллару, привязанному к золоту, с 1958 по 1971 г. После этого золото в принципе перестало быть номинальным якорем денежного обращения.

Сразу после Второй мировой войны многие страны Запада пережили высокую инфляцию, но в целом вторая половины XX в. прошла под знаком инфляции умеренной. Повсюду инфляция признавалась главным врагом экономического роста, а главным средством борьбы с ней стала жесткая и ответственная денежная политика. Она проводится двумя способами: объявление целевого ориентира инфляции (в виде темпа прироста цен или денежного предложения) и процентная политика (обычно это выбор номинальной ставки рефинансирования банков под дисконт векселей). Номинальная ставка должна быть выше ожидаемого темпа инфляции.

Центральные банки развитых стран в 1980–1990-х годах сумели «если не полностью приручить, то посадить в клетку инфляционного дракона»[23] и снизили инфляцию до самых низких отметок (см. табл. 1). В США в 1990-х годах был продолжительный экономический подъем при невысокой инфляции. Низкие темпы роста цен в странах Евросоюза стали одним из важнейших условий перехода на единую валюту — евро.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста потребительских цен в развитых странах, %

Страна	1980–1984 гг.	1985–1989 гг.	1990–1994 гг.	1995–1999 гг.	2000–2004 гг.
Великобритания	9,4	4,7	5,0	2,7	2,3
Германия	4,6	1,3	3,7	1,1	1,2
Италия	16,6	6,2	5,4	3,0	2,5
Канада	8,7	4,3	2,8	1,6	2,4
США	7,5	3,6	3,6	2,3	2,2
Франция	11,1	3,6	2,6	1,3	1,8
Япония	3,9	1,1	2,0	0,4	-0,7

Источник: International Monetary Fund. World Economic Outlook. April 2004.

Но не только успехи центральных банков в борьбе с этим врагом замедлили инфляцию в ведущих странах мира. Неденежные факторы тоже внесли свой вклад. Конкуренция в глобальной экономике при свободном движении товаров, капиталов, людей, информации изменяет ценообразование на многих рынках товаров и услуг, приближая цены к равновесным. Издержки снижают при помощи переноса произ-

водственных мощностей и частичных операций (аутсорсинга) в страны с дешевой рабочей силой. Наплыв на рынки дешевых товаров из новых индустриальных стран (прежде всего Китая) оказывает давление на цены. Технический прогресс укорачивает жизненные циклы многих товаров, и цены на них падают. Повышение курса национальной валюты удешевляет импортные товары на внутреннем рынке любой страны. Рынки естественных монополий становятся конкурентными благодаря техническому прогрессу (появлению новых технологий связи) и дерегулированию (либерализации рынка электроэнергии).

Тем не менее никто не ждал, что во второй промышленной стране мира начнется дефляционный кризис. Когда же он стал очевидным, то вызвал колоссальный интерес и большую дискуссию. В центре дискуссии — сущность и история этого явления, его симптомы («мыльные пузыри» на финансовых рынках и банковские кризисы), его последствия для экономики, способы его преодоления и предотвращения, пределы эффективности национальной денежной и валютной политики при глобализации.

Так, этой проблеме была посвящена конференция Базельского банка международных расчетов[24], а Экспертная группа МВФ в апреле 2003 г. опубликовала доклад под заголовком «Дефляция: определяющие факторы, риски и варианты политики»[25].

Внимание к дефляции продиктовано не только событиями в экономике Японии. Хотя международный передаточный механизм в виде золотого стандарта сейчас отсутствует[26], денежные власти знают, что есть и другие шансы поймать «дефляционный вирус»[27].

«Общее снижение цен наблюдается на рынках ряда промышленно развитых и новых рыночных стран — Японии, Китая, других стран Азии, — говорилось в преамбуле доклада. — Есть опасность, что эта тенденция распространится шире и станет глубже, так как она развивается на фоне снижения курсов ценных бумаг на глобальных фондовых рынках при значительном избытке мощностей и недостатке спроса, при разочаровании в темпах восстановления мировой экономической конъюнктуры, в условиях геополитической нестабильности и под давлением растущих цен на нефть»[28].

Центральные банки развитых стран осторожничают при установлении контрольных цифр инфляции, чтобы не оказаться в «ловушке», описанной еще Кейнсом и Хиксом[29]. Они пристально следят за ситуацией и действиями Банка Японии.

Эффективность денежной политики, дефляция и «ловушка ликвидности» — главные объекты дискуссии о причинах и характере нынешней японской депрессии. Параллели и противопоставления Соединенных Штатов в 1929–1933 гг. и Японии конца XX — начала XXI в. — один из излюбленных сюжетов полемики о современном «дефляционном кризисе». Ведь как Великая депрессия в США, так и Великая рецессия

в Японии начались с биржевого краха. В ретроспективе движение цен на активы между 1985 и 1995 гг. в Японии описываются как классический «финансовый пузырь», один из самых эффектных в истории. Но снижение товарных цен началось не сразу после того, как «пузырь» лопнул, а позже. Спад деловой активности в Японии был несравненно мягче. Банковские кредиты начали непрерывно сокращаться лишь с 1999 г. Ставки по краткосрочным кредитам держатся ниже единицы с 2000 г., а доходность государственных облигаций с 10-летним сроком погашения (главный индикатор долгосрочного кредитования) упала ниже 0,5% только в середине 2002 г. Такие неприятности, как «ловушка ликвидности» и «дефляционная спираль», относятся только к периоду 1998–2002 гг.

Если Великая депрессия обсуждалась только в академической среде, то споры о японской Великой рецессии ведутся очень широко — не только в аналитических докладах и на семинарах исследовательских центров Запада и Японии и в научной периодике, но и в прессе. За финансовой ситуацией в Японии следят лондонские «Экономист», «Файнэншл таймс», «Уолл-стрит джорнэл», не говоря уже о ведущей деловой газете Японии «Нихон кэйдзай симбун». На эту тему опубликовано более десятка книг.

Споры дают новый импульс развитию макроэкономической теории. Но их участники ищут ответа на вполне прикладные вопросы. Ими движет мотив извлечения уроков из японского опыта (что делать, чтобы не попасть в аналогичную ситуацию) и мотив преподавания уроков (какие рекомендации можно дать правительству Японии, чтобы найти выход из этой ситуации). Спорящие стороны выясняют, виновен ли Банк Японии в развитии дефляционного кризиса, где та граница, за которой забота о стабилизации цен может привести к «срыву» в дефляцию, и что могут сделать денежные власти, чтобы вывести экономику из дефляционной спирали.

3. «Пузырь» на финансовых рынках Японии. Кто виноват?

Известно, что рыночные «пузыри» появляются довольно часто[30]. Экономисты Международного валютного фонда подсчитали, что в развитых странах только после 1970 г. было 24 спекулятивных бума на рынках ценных бумаг и 18 «пузырей» на рынках недвижимости[31]. Но такие последствия, как в Японии 1990-х годов, — большая редкость. Что вызвало цепь отрицательных последствий — стечение обстоятельств, просчеты в экономической политике или то и другое вместе?

«Финансовый мыльный пузырь» — это инфляция финансовых активов. Так называется длительное отклонение рыночной цены актива вверх от базовых параметров (fundamentals), которыми она должна

определяться. Цена актива определяется ожидаемой прибылью с поправкой на рыночную ставку процента и зависит также от представления о будущей конъюнктуре, общеэкономической и на рынке данного актива. Когда цены отрываются от них и начинают зависеть только от прибыли на перепродаже, раздувается «пузырь». Его раздувает эйфория неоправданных ожиданий, что рынок данного актива будет расти бесконечно.

В 1990-х годах, когда дефляция активов зашла далеко, японское общественное мнение сочло Банк Японии виновным в возникновении «пузыря». Действительные механизмы формирования «пузыря» на рынках ценных бумаг и земельных участков были сложнее. Почему в спекулятивную горячку были одновременно вовлечены курсы акций и цены земельных участков? Почему земельные участки стали финансовыми активами?

В 1985–1987 гг. Министерство финансов начало постепенную либерализацию финансовых рынков: отменило контроль над ставками по банковским депозитам и ввело в обращение финансовые инструменты, составившие конкуренцию краткосрочному кредиту[32]. Японские корпорации помещали свободные средства в эти финансовые инструменты, и клиентская база крупных банков оказалась в опасности. Банки резко расширили свою клиентуру посредством кредитования средних и даже мелких компаний, которые раньше финансировались местными небольшими банками и кредитными кооперативами. Банки не могли вести мониторинг массы мелких заемщиков так же эффективно, как ранее они следили за платежеспособностью крупных корпоративных клиентов.

Валютная и денежная политика Банка Японии внесла свой вклад в образование «пузыря», хотя, по-видимому, не он сыграл решающую роль.

Банк Японии связывали международные обязательства по Соглашению Плаза от 22 сентября 1985 г. (решение министров финансов G5 о координированной валютной интервенции центральных банков, с тем чтобы предотвратить повышение курса американского доллара). Продажа Банком долларов из золотовалютного резерва[33] привела к тому, что к 1988 г. курс национальной валюты поднялся с 265 до 138 иен за доллар, т.е. практически удвоился.

При высоком курсе иены номинальная заработная плата в валютном выражении поднялась настолько, что промышленность начала терять конкурентоспособность. Японские производители автомобилей и электроники начали переводить свои мощности в Северную Америку, Западную Европу и Восточную Азию. В Японии заговорили об «опустошении» национальной промышленности, о потере рабочих мест. Как путь спасения рабочих мест был предложен радикальный отход от привычных направлений экономической политики. С обоснованием решительного поворота выступила назначенная премьером Я. Накасонэ частная консультативная комиссия при кабинете министров во главе с управляющим Банком Японии Х. Маэкавой[34].

Согласно концепции Маэкавы, в Японии сформировался избыток сбережений, которые не инвестируются на внутреннем рынке. Из-за слишком активной внешнеторговой экспансии страна не может избавиться от конфликтов с промышленно развитыми странами. Плотная защита внутреннего рынка[35] поддерживает высокие цены и высокие зарплаты в неэффективных отраслях японской экономики. Это порочный круг, который должна разорвать либерализация импорта. Движущей силой экономического роста Японии должен стать внутренний спрос. Нужны новые приоритеты для расширения внутреннего рынка: помощь частному жилищному строительству, реформа сельского хозяйства, поощрение иностранных инвестиций и импорта потребительских товаров.

Наступление на субсидии и картели, защищавшие внутренний рынок, не входило в намерения правящей Либерально-демократической партии, и предложения комиссии Маэкавы были приняты в штыки. Вместо этого избыточные сбережения были направлены на внутренний рынок решением Банка Японии, который снизил регулируемую ставку процента (по учету векселей) в 1986–1987 гг. с 4% до 2,5%.

Ведущие специалисты Института монетарных и экономических исследований, входящего в структуру Банка Японии, К. Окина, М. Сиракава и С. Сирацука относят появление «пузыря» к 1987 г., когда совпали во времени три тенденции: 1) бурный рост курсов акций и цен на недвижимость, 2) рост количества денег в обращении и экспансия банковского кредита, 3) высокая конъюнктура в реальном секторе[36]. В 1987 г. в стране начался экономический подъем, и не только широкой публике, но и специалистам он показался новой эпохой экономического роста. К. Окина, М. Сиракава и С. Сирацука сообщили, что Банк Японии еще летом 1986 г. был встревожен быстрым ростом денежного предложения и началом бума на рынках активов. Это «сухие дрова», которые могут легко воспламениться, т.е. спровоцировать инфляцию, считали в руководстве Банка. Но у Банка не оказалось аргументов для ужесточения денежной политики. Товарные цены, на которые традиционно ориентируется денежная политика любого центрального банка, были стабильны. «Те, кто беспокоился об инфляционном давлении, не могли найти в стабильных индексах цен оправдание для своего беспокойства, — писали К. Окина, М. Сиракава и С. Сирацука. — К тому же тогда еще не было общепринятого понимания, какие именно проблемы может вызвать рост цен на активы»[37]. Они добавляют, что атмосфера в стране была полна самонадеянности.

Толчком для роста цен на активы стало превращение Токийской фондовой биржи в международный финансовый центр[38]. Строительный бум начался в деловом центре Токио и быстро распространился на все крупные города, охватив не только коммерческий, но и жилой сектор.

За два года (1986–1988) уровень цен на городские участки поднялся вдвое.

Далее «финансовый пузырь» разрастался следующим образом. У компаний–владельцев земли увеличивались латентные (нереализованные) прибыли — сигнал о том, что в дальнейшем будет расти и реальная прибыль от операций с участками (продажа, сдача в аренду, использование в качестве залога). За этим следовали повышение курсовой стоимости акций и новые эмиссии. Спекуляции акциями и земельными участками охватили множество средних компаний, чьи акции не котировались на биржах.

В круговорот вовлеклись банки, так как они кредитовали все спекулятивные сделки. Земля была залоговым активом для банков, а операции с недвижимостью, строительство и розничная торговля — главными объектами их кредитования. В капитал банков включается рыночная стоимость их собственных акций и латентные прибыли на акции других компаний, которые держат банки. Банки были заинтересованы в буме на фондовом рынке и кредитовали сделки безотносительно к потенциальным рискам.

Политика «легких денег» продолжалась два года и три месяца. «Финансовый мыльный пузырь» набухал в течение 1986–1990 гг.[39]. Момент, когда он лопнул, был предопределен процентной политикой Банка Японии. Официальная ставка учетного процента была поднята Банком с 2,5% в мае 1989 г. до 4,25% в конце декабря 1989 г. и до 6,0% в апреле 1990 г. Фондовый индекс Никкэй в последний день биржевой торговли в 1989 г. достиг 38 915 иен и в январе 1990 г. пошел вниз, дойдя в августе 1992 г. до 14 309 иен. Снижение цен на землю началось только весной 1991 г. С тех пор курсы акций описали два круга подъема и снижения и вышли на третий, а цены на землю достигли своего дна лишь в 2005 г.

Снижение оптовых цен началось в 1992 г., потребительских — в 1999 г. (см. табл. 2 в Прил.). Масштабы падения товарных цен были значительно меньше, темп — много медленнее. Общий уровень цен (дефлятор ВВП) между 1995 и 2004 гг. снизился примерно на 10%. Оптовые цены пошли вверх только в 2004 г. Потребительские остановились в 2003 г.[40].

Общая сумма потерь от падения цен на активы, начиная от верхней точки фондового индекса (в конце 1980-х годов) и до конца 2001 г., оценивалась примерно в 1200 трлн. иен. Это в 2,7 раза больше годового ВВП в 1989 г. и в 2,4 раза больше ВВП в 2001 г.[41]. Впрочем, это очень приблизительная оценка, сделанная по публикуемым балансам компаний и индексам цен на активы.

Правила ведения балансов предприятий в Японии до последних лет, в отличие от международных стандартов финансовой отчетности (IAS), не требовали обязательной переоценки по рыночной стоимости

активов, внесенных в балансы по ценам приобретения. Латентные (нереализованные) прибыли и убытки (их иногда называют «бумажными») отражались в примечаниях к финансовым отчетам и не показывались в балансах и счетах прибылей и убытков[42]. Полная информация о латентных прибылях и убытках фактически находилась в руках инсайдеров.

Главный упрек Банку — почему он допустил «потерянное десятилетие» — не вполне корректен. Денежная политика, безусловно, действует на цены активов, но в цепочке причин формирования «финансового пузыря» она была далеко не единственной причиной. Но справедлив ли другой упрек — почему Банк Японии позволил, чтобы дефляция активов перешла в дефляцию товарных цен?

4. От «финансового пузыря» к дефляции

Действие «лопнувшего пузыря» на реальную экономику было асимметричным по сравнению с «набуханием пузыря», считают японские аналитики[43], т.е. более длительным и глубоким. Оно во многом похоже на те положения долговой и дефляционной теории Великой депрессии, с которой выступил И. Фишер еще в 1931 г.

Спекулятивный рост цен на активы действует на потребительский и инвестиционный спрос. На потребительский — через «эффект богатства» у населения. На инвестиционный — через снижение цены капитала (cost of capital). Ценой капитала называется соотношение стоимости нового капитала с имеющимся капиталом корпораций, котирующих свои акции на биржах. Цена финансирования на рынке акций — дивиденды владельцам акций, которые выплачиваются из прибыли. Курсовая разница — это часть прибыли. Когда курсы акций растут, банки снижают надбавку на риск при кредитовании компаний. Инвестиции становятся дешевле. Когда курсовая прибыль снижается или сменяется убытком, финансировать инвестиции выпуском акций становится дороже.

Небольшие компании, не имеющие доступа на рынок ценных бумаг, финансируются на кредитном рынке. Удорожание имущества, принимаемого банками в залог, облегчает им кредитование. Как только «пузырь» начал сдуваться, появилось много некредитоспособных заемщиков — компаний, у которых обесценилось залоговое имущество и накопились долги. Главными должниками банков были компании ипотечного кредита, риэлторы, компании жилищного строительства. Соответственно, начал падать спрос на банковские кредиты.

«Эффект богатства» у населения исчезал по мере падения цен на финансовые активы (см. табл. 2).

Таблица 2

Стоимость акций и земельных участков в составе имущества японских семей

Стоимость	1990 г.		2002 г.	
	млрд. иен	%	млрд. иен	%
Всего	2 704 563	100,0	2 631 037	100,0
В том числе:				
акций	162 672	6,0	127 539	4,8
земельных участков	1 480 206	54,7	887 999	33,8

Источники: Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). Токио, 1993; 2005 (данные национальных счетов).

Общая потеря имущества составила 6,7%, что не так уж много за двенадцать лет. Но серьезной утратой для населения стало 40%-ное снижение цен на землю — в среднем на 4,2% в год. При таком темпе обесценения земли люди склонны откладывать по меньшей мере на полгода-год решения о строительстве или покупке жилья (частное жилищное строительство составляет около 20% инвестиционного спроса). Неудивительно также, что при вялом, стагнирующем потребительском рынке в конце 1990-х годов начались банкротства сетей универмагов и супермаркетов.

Кризис государственных финансов[44] не входит в «набор» общих положений Фишера. В Соединенных Штатах программа «общественных работ» была развернута в рамках «Нового курса» Рузвельта, пришедшего к власти не в начале кризиса, а на его излете — в 1933 г. Японское правительство накачивало деньги налогоплательщиков в крупные строительные проекты с самого начала кризиса (см. табл. 1 в Прил.) и непрерывно увеличивало объемы «общественных работ» до 2000 г.

Возможно, это позволило остаться на плаву многим неплатежеспособным фирмам (особенно в строительной индустрии). Скорее всего, без этих бюджетных расходов ситуация была бы хуже, но вернуть экономику на траекторию роста не удалось. Результатом стал огромный государственный долг, самый большой в группе развитых стран. Брутто-величина накопленного государственного долга центрального правительства на конец июня 2005 г. составила 795,8 трлн. иен[45], что эквивалентно 7 трлн. 236 млрд. долл., или 155,8% годового ВВП. Японское правительство не может больше полагаться на такой общепринятый способ макроэкономического регулирования, как увеличение бюджетных расходов.

По мере того как развивался кризис государственных финансов, стали свертываться строительные подряды на бюджетные деньги, и в рядах банкротов оказались крупные частные строительные организации.

Результатом снижения спроса стали падение оптовых цен (после 1992 г.) и «дефляционная спираль». Этот термин означает снижение цен на фоне падающего производства. Население и компании откладывают решения об осуществлении расходов «на потом», когда все станет дешевле. Дефляция удорожает долги и зарплаты в реальном выражении и повышает реальные процентные ставки. Тем самым дефляция оказывает давление на прибыли предприятий. Инвестирование в падающую экономику, особенно на базе внешнего финансирования, оказывается слишком рискованным.

Наконец, появились аномальные явления в денежном хозяйстве страны. Банк Японии в 1991 г. начал увеличивать денежную эмиссию, но общее количество денег в обращении росло медленнее, чем эмиссия. Однако оно росло быстрее, чем ВВП — показатель совокупного спроса (см. табл. 3 в Прил.).

Краткосрочные процентные ставки на денежном рынке в конце 1990-х годов опустились практически до нуля. Банковские ставки по депозитам были близки к нулю. Дисконтная ставка, по которой Банк Японии рефинансировал коммерческие банки, упала до десятой доли процента. Спрос на кредиты был низким, объем выданных банками ссуд, начиная с 1999 г., сокращался год от года (см. табл. 4 в Прил.). Это были признаки «ловушки ликвидности», которую в 1937 г. описал Д. Хикс: при номинальной ставке процента, стремящейся к нулю, денежная политика не стимулирует спрос, т.е. управление денежным хозяйством потеряно. Экономика Японии попала в эту «ловушку» не сразу, а только в конце 1990-х годов — через семь лет после того, как прокололся «финансовый пузырь», через пять лет после начала снижения товарных цен.

5. Что делать?

В дискуссии о характере японского дефляционного кризиса были предложены две точки зрения на его природу и, соответственно, два набора рецептов для выхода из него:

1) кризис спровоцирован ошибками в денежной политике, и именно денежная политика должна предложить корректирующие меры;

2) кризис есть результат нарушения функций финансовых рынков, и чтобы выйти из него, нужны институциональные изменения.

Тема дефляции впервые возникла в экономической журналистике. Статья в лондонском «Экономисте» была полна панических предсказаний о неминуемом распространении дефляционной волны в мире, так как «низкие темпы роста и недостаток платежеспособного спроса сигнализируют о слишком жесткой денежной политике в странах Большой семерки». В поисках панацеи от этой напасти журнал ссылался на авторитет М. Фридмана. «Инфляция, как однажды сказал М., „есть всегда

и повсюду денежное явление". Точно так же дефляция. Ее можно предотвратить правильно выбранной политикой»[46]. Эта политика — увеличение денежного предложения. В 1999–2001 гг. журнал опубликовал целую серию статей, убеждавших денежные власти Японии принять «целевой ориентир инфляции» (inflation targeting), чтобы переломить дефляционные ожидания японцев: «Целевой ориентир инфляции зависит от доверия. Если центральный банк сможет убедить население и рынки в том, что он полностью берет на себя обязательство добиться этой цели, ожидания людей изменятся»[47].

П. Кругман, профессор Массачусетского технологического института, нашел, что полузабытую экономистами, абстрактную модель «ловушки ликвидности», построенную Хиксом для экономики с гибкими ценами и полной занятостью, пора «вынуть из подвала, сдуть с нее пыль и заставить работать». Потому что «если это может случиться в Японии, то может случиться где угодно»[48].

В реальной экономике «ловушка ликвидности» — «это дефляционная тенденция, которую расширение денежного предложения не может предотвратить». Денежное предложение нейтрально и не зависит от структурных проблем на микроуровне — ни от тяжелого состояния банков, ни от задолженности корпораций, ни от неэффективности сектора услуг. Все очень просто: при нулевой ставке процента теряют всякий смысл операции центрального банка на открытом рынке, в том числе рефинансирование коммерческих банков путем учета их векселей.

Поэтому, хотя считается, что выходом из «ловушки» может быть только увеличение бюджетных расходов, есть, по мнению Кругмана, и другой путь: «Денежная политика в конце концов станет эффективной, если центральный Банк сумеет убедительно пообещать, что он поведет себя безответственно и будет добиваться повышения уровня цен». Кругман полагал, что в Японии должны быть использованы все приемы: и бюджетная экспансия (пусть она приводит к увеличению государственного долга, при нулевой ставке процента это не так уж важно), и санация банков (она не вытащит страну из «ловушки ликвидности»). Но приоритетом должна быть «управляемая инфляция»: «Для того чтобы перекрыть дефляционный разрыв, Японии потребуется по крайней мере четырехпроцентная инфляция в течение пятнадцати лет».

Кругман выступил застрельщиком широкой дискуссии о возможности выхода из стагнации при помощи одной только денежной политики Банка Японии. Дело в том, что «целевой ориентир инфляции» — это испытанный прием, которым пользуются центральные банки очень многих стран, включая современную Россию. Правда, он служит противоположной цели — снижению темпа инфляции.

Поэтому предложение принять «целевой ориентир инфляции» было встречено с осторожностью и оговорками. Л. Свенссон, профессор Принстонского университета, предложил Банку Японии в качестве са-

мого надежного (fool-proof) способа переломить дефляционные ожидания публики установить целевой ориентир девальвации иены[49].

Уже упоминавшийся Бернанке писал, что, «провозгласив ориентир инфляции в 3–4%, Банк дал бы публике информацию о своих целях и направлении, в котором он собирается привести экономику в движение, но у него нет инструментов, чтобы привести ее в движение»[50]. Бернанке опасался, что, если Банк Японии начнет более широкую эмиссию наличных денег, то потребители просто придержат эти деньги. Он предложил Банку другие средства: во-первых, активно вести интервенции на валютных рынках для девальвации иены, во-вторых, расширить набор активов для операций на открытом рынке (об этом см. ниже. — *Е Л.*), включив в него государственные или корпоративные облигации и даже неработающие активы коммерческих банков. Он писал, что если «нестандартные операции на открытом рынке» помогут поднять цены на активы, то необходимо пойти на них.

В академических кругах Японии к «ориентиру инфляции» отнеслись настороженно. Профессора М. Ито и Н. Симои из Токийского университета отметили, что многие в их стране опасаются, что, «даже если денежная политика сможет генерировать инфляцию, такую инфляцию будет очень трудно контролировать. Такая нестабильность в макроэкономике нежелательна». Они отметили также, что «модель Кругмана относится к инфляции, вызванной денежной политикой. Но мы должны иметь в виду и тот случай, когда экономика попадает в ловушку ликвидности из-за падения цен на активы. У нас нет разработанной модели для такого случая»[51].

Директор Института монетарных и экономических исследований, входящего в структуру Банка Японии, К. Окина довольно резко ответил, почему Банк не принимает на вооружение «монетаристский рецепт». Упреки, «почему Банк не принимает мер, которые кажутся публике необходимыми», он назвал политическим давлением на Банк. Как ответственный работник Банка он заявил, что Банк не будет принимать меры, которые заведомо дают слишком большие побочные эффекты. «В настоящее время Банк отвергает этот метод, так как (1) трудно установить целевой ориентир и (2) трудно его достигнуть». Дело в том, что ценовые показатели — дефлятор ВВП, индексы оптовых и розничных цен — нередко движутся по-разному. Даже если их динамика совпадает по направлению, возможность добиться стабильного развития экономики может зависеть от такого фактора, как стабильность цен на недвижимое имущество. Между тем многие проблемы в сегодняшней Японии, подчеркнул он, были спровоцированы инфляцией цен на активы. Это не проблема экономической науки в чистом виде, заключил Окина и сослался на то, что в протоколе заседания правления Банка было записано: «Если мы не можем дать четкое объяснение, как добиться желаемого темпа инфляции, то принятие целевого ориентира, скорее всего, приведет к тому, что Банку Японии перестанут доверять»[52].

6. Путь от дефляция цен активов к дефляции товарных цен

В современной экономике задача центральных банков — поддерживать стабильные цены и обеспечивать беспрепятственный платежный оборот в национальной экономике. Глобального стандарта для действий центральных банков не существует, но денежное хозяйство везде устроено примерно одинаково и есть традиционный набор инструментов, при помощи которых центральные банки управляют количеством денег в обращении и динамикой цен. Согласно статье 15 Закона о Банке Японии, Банк имеет право:

1) устанавливать и менять базовую ставку учета и сроки коммерческих векселей, которые он покупает у коммерческих банков (продает банкам) по их запросам, со скидкой (дисконтом) против рыночных ставок;

2) устанавливать и менять базовую ставку процента по займам, типы, сроки и условия залогов для обеспечения займов;

3) устанавливать, изменять, отменять нормы обязательного резервирования средств коммерческих банков на своих счетах;

4) устанавливать правила контроля над операциями на денежном рынке, включая виды, сроки погашения и прочие условия векселей и обязательств, используемых для контроля над денежным рынком[53].

В рамках этих полномочий Банк может выбирать инструменты для контроля над количеством денег в обращении, и следовательно, эффективного спроса. При осуществлении операций на открытом рынке Банк может выбирать между «ценой» и «количеством»: он может либо контролировать процентную ставку, по которой покупает или продает облигации, либо покупать или продавать их на определенную сумму. Другими словами, денежные власти выбирают между контролем над той или иной процентной ставкой (interest rate targeting) или контролем над денежным предложением (money targeting).

Активы денежного хозяйства Японии ранжированы в виде нескольких агрегатов по степени ликвидности и широте охвата владельцев денег[54].

Агрегат М0 — это наличные деньги в обращении плюс остатки на счетах финансовых учреждений в Банке Японии. Банки, брокерские компании и дилеры межбанковского рынка — «держатели счетов» (account holders) держат свои средства для расчетов в Банке Японии на беспроцентных счетах до востребования. Контракты с Банком Японии о текущем обслуживании имеют 676 финансовых учреждений: все аккредитованные в Японии коммерческие банки (включая иностранные); траст-банки; кредитные кооперативы; брокерские и инвестиционные компании; брокеры и дилеры денежного рынка («tanshi») и фондовые

биржи[55]. Держатели счетов используют свои вклады для ежедневных взаимных переводов и расчетов между собой, с Банком Японии и бюджетом. В конце каждого операционного дня они «закрывают», т.е. сальдируют свои кассовые позиции на межбанковском рынке, покупая и продавая друг другу ликвидность.

Давление на рынок снимает Банк Японии, покупая/продавая деньги наутро (overnight) и восстанавливая баланс. Через Банк Японии проходят также все кассовые операции казначейства. Дневные и сезонные обороты банкнот и казначейских обязательств очень сильно колеблются. Колебания зависят от поступления налогов, выплаты пенсий и зарплат государственным служащим, оплаты государственных заказов и подрядов, интервенций Министерства финансов на валютном рынке. Эти колебания тоже гасятся Банком Японии в тот же день либо на следующее утро.

По итогам дня Банк определяет среднюю процентную ставку «овернайт» и объявляет ее для расчетов на следующее утро. Если Банк пользуется ею в качестве целевого инструмента, то, повышая и понижая эту ставку, Банк управляет объемом межбанковских расчетов. Ставка «овернайт» — самая короткая из процентных ставок.

Банк имеет право повышать и снижать норму обязательного резервирования, т.е. блокировать или разблокировать часть денег на счетах банков и других финансовых учреждений.

Средства на текущих счетах банков в Банке Японии — это его обязательства (пассивы). Банк Японии ведет на эти средства операции с рыночными ценными бумагами и государственными облигациями. Он покупает и продает банкам и другим финансовым учреждениям денежные инструменты различной срочности: коммерческие векселя (сроком от 30 до 270 дней), казначейские векселя Министерства финансов (сроком в 13 недель), облигации государственного долга (сроком от 1 года до 30 лет). Эта купля-продажа называется «операциями на открытом рынке».

Банк может регулировать процентную ставку по векселям, которая служит нижней границей для рыночных ставок. Тем самым он оказывает влияние на инвестиционные решения частных лиц. Продавая облигации государственного долга[56] частным финансовым учреждениям, Банк изымает деньги с рынка и финансирует правительство, а покупая эти облигации, вливает ликвидность в экономику.

Агрегат M1 — это M0 плюс остатки вкладов граждан и юридических лиц до востребования в банках, плюс чеки на счетах финансовых учреждений. M1 называют также «деньгами высокой мощности», так как это наиболее ликвидные средства — они могут быть использованы немедленно.

Агрегат M2+CDs — это M1 плюс менее ликвидные средства: срочные и валютные вклады граждан и юридических лиц в банках и сертификаты депозитов на счетах банков, лицензированных в Японии. Срочные вкла-

ды считаются «квазиденьгами», так как договоры о срочных вкладах могут быть прекращены и тогда вклады превратятся в наличные.

Агрегат M3+CDs — это M2+CDs плюс срочные вклады граждан в государственной почтово-сберегательной системе[57] и кредитных кооперативах.

Расширенный агрегат — это M3+CDs плюс вложения в паевые фонды, страховки и закладные, банковские облигации, векселя финансовых учреждений, плюс казначейские векселя, государственные и иностранные облигации. Акции компаний менее ликвидны, их курсы чаще колеблются. Они не включаются в денежные агрегаты.

Расширенный агрегат представляет общее количество денег в обращении, или «денежное предложение». Но обычно для характеристики денежной базы аналитики пользуются агрегатом M1, а под денежным предложением (иначе, денежной массой) понимают агрегат M2+CDs.

Лица, учреждения, предприятия, чьи деньги вложены в финансовые учреждения, называются «держателями денег» (money holders)[58]. К держателям денег относятся и некоторые финансовые учреждения: брокерские и инвестиционные компании и дилеры межбанковского рынка. Учреждения, выпускающие финансовые инструменты, называются «эмитентами денег» (money issuers). Кроме самого Банка Японии к ним относятся все частные банки (включая местные и иностранные), почтово-сберегательная система и кредитные кооперативы.

Денежная масса зависит от того, как держатели денег распоряжаются ими (сколько тратят и сколько кладут на банковские счета), от того, сколько положенных на счета денег банки (эмитенты денег) превратят в кредиты и на какие сроки, сколько на эти кредиты будет построено новых предприятий, сколько позаимствует бюджет у банков и т.д. Этими процессами Банк Японии управляет косвенно, через цены денежных инструментов.

В экономике выстраивается иерархия процентных ставок. Изменения коротких ставок (межбанковских «овернайт» или дисконтных) постепенно действуют на банковские ставки для частных клиентов и на ставки по среднесрочным и долгосрочным государственным облигациям. Ставки выстраиваются с учетом риска невозврата и баланса спроса и предложения. Чем продолжительнее сроки, тем, как правило, выше ставки. В свою очередь, эти ставки определяют расходные решения населения и фирм и, далее, баланс спроса и предложения товаров и услуг.

Этот непрямой путь денег от «базы» в реальную экономику называется передаточным механизмом, или «денежной трансмиссией». В ее цепочках могут оказаться разрушенные звенья, и слаженная работа нарушается. Например, если при «набеге» вкладчиков банки потеряли значительные ресурсы или если на счетах банков «зависли» невозвратные долги заемщиков. Именно такое повреждение возникло в «денежной трансмиссии» в Японии.

7. Кризис в банковской системе Японии. Просчеты денежных властей и нестандартное поведение банков

До конца XX в. банковская система Японии сохраняла архаичные черты. Еще в начале 1960-х годов была введена детальная регламентация работы кредитных учреждений, рассчитанная на мобилизацию крупных денежных ресурсов для долгосрочных капиталовложений без риска банкротства кредитных учреждений.

В годы высоких темпов роста (1955–1974) при остром дефиците капитала главным и почти единственным источником внешнего финансирования для японских корпораций были банки. У физических лиц тоже не было выбора, кроме хранения сбережений на банковских счетах либо на счетах государственной почтово-сберегательной системы. Индивидуальным вкладчикам доступ на фондовый рынок был затруднен из-за высоких комиссионных по сделкам.

Финансовые учреждения разделялись по срочности кредита (на коммерческие банки и банки долгосрочного кредита) и по клиентуре. Банки также делились на общенациональные («городские»), имевшие право держать филиальную сеть по всей стране, региональные (с филиалами в рамках префектур) и местные банки и кредитные кооперативы. Право на работу с иностранной валютой было дано только одному банку. Банковское дело было отделено от рынка ценных бумаг, хотя разделение финансовых рынков по принципу Закона Гласса-Стигала[59] устарело и в современных развитых экономиках не применяется. До 1984 г. действовали фиксированные ставки по депозитам. Цены на отдельные виды кредита определялись соотношением фиксированных, регулируемых и свободных ставок. В 1984–1985 гг. была проведена либерализация банковского дела, которая свелась к освобождению ставок по депозитам от контроля, и только в 1993 г. было разрешено создавать дочерние компании банков для операций с ценными бумагами.

Банк Японии рефинансировал слабые банки по льготным ставкам, не афишируя этого. Министерство финансов, исполнявшее функции банковского надзора, фактически гарантировало вклады, организуя спасение слабых банков от разорения силами более благополучных банков (это называлось «системой конвоируемой эскадры» — «convoy fleet system»). В обществе была стойкая иллюзия полной защищенности от банкротства банков.

Национальный норматив достаточности капитала (10%) существовал с 1954 г., но он не был обязательным для исполнения. Фактический средний коэффициент в 1960–1970-х годах был около 6%, в 1980-х — около 4%. В 1988 г. Япония приняла международную систему банковских стандартов, разработанную Базельским банком международных расчетов, согласно которой собственный капитал банка, имеющего фи-

лиалы внутри страны и за границей, должен быть не меньше 8% от суммы рисковых активов.

До 1980-х годов клиентами коммерческих банков были крупные корпорации. Тесные отношения связывали избранных корпоративных заемщиков с кредитными учреждениями — так называемыми «головными банками» (этот институт восходит к «прикреплению» компаний к банкам в условиях войны). Менеджеры «головных банков» следили за финансовым состоянием постоянных клиентов и контролировали их инвестиционные решения. Банки не видели смысла в ранжировании активов по степени риска и создании резервов под каждый рискованный кредит, подобно тому, как это делают европейские и американские банки. Кредитованием мелких и средних предприятий занимались небольшие учреждения типа кредитных кооперативов.

Как говорилось выше, в середине 1980-х годов банки были вовлечены в формирование спекулятивного «пузыря» на рынках ценных бумаг и недвижимости и понесли тяжелые потери после того, как в начале 1990 г. этот «пузырь» лопнул. В балансах банков образовался хронический долговой навес.

Банки должны списывать безнадежные долги компаний-банкротов из прибылей и собственного капитала. Базельская система международных стандартов требует, чтобы банки, не выдерживающие стандарты достаточности капитала, подвергались жестким дисциплинарным мерам. Их публично объявляют неблагополучными, что вызывает смятение в банковском сообществе. Поэтому в тяжелых ситуациях банки продают ценные бумаги своих клиентов и полученные от них залоговые активы и уменьшают выдачу новых ссуд — это их реакция самозащиты.

За поддержание на плаву множества некредитоспособных заемщиков, так называемых «зомби», была ответственна архаичная система отношений с кредиторами — отношений постоянного партнерства и «прощения долгов» (об этом см. ниже). «Зомби» стали уходить с рынка только в середине 1990-х годов. За пять лет (1996–2001) число предприятий в Японии сократилось почти на 370 тыс. (с 6 млн. 717 тыс. до 6 млн. 350 тыс.)[60]. После того как «финансовый пузырь» лопнул, в Японии создавалось меньше новых компаний, чем уходило с рынка.

Банковская деятельность — регулируемая отрасль в рыночной экономике. Работа банков строится на основе признания их услуг общественным благом, и власти стараются избегать системного кризиса банков. Для этого существуют страхование вкладов и надзор за состоянием банковских балансов. Банки, имеющие проблемы с платежеспособностью, склонны прятать негативную информацию от надзорных властей, опасаясь падения курсов своих акций и «набегов» вкладчиков. В свою очередь, надзорные инстанции, для которых обвинения в ошибках весьма опасны, могут скрывать негативную информацию от поли-

тиков. Но эта их манера хорошо известна, и потому политики обычно устраивают им парламентские проверки.

В Японии надзор за состоянием балансов банков был ослаблен из-за слишком тесных неформальных отношений между кредитными учреждениями (Ассоциацией банков Японии) и банковским бюро Министерства финансов, отвечавшего за надзор. Что же касается парламентариев, то в силу особенностей избирательной системы Японии их прежде всего интересуют дела тех отраслевых ассоциаций и групп, которые обеспечивают им электоральную поддержку (сельское хозяйство, мелкий бизнес, строительство). «Минфиновская группировка» в парламенте обычно занималась не столько финансовыми учреждениями, сколько бюджетом и налогами.

В 1971 г. Министерство финансов пыталось ввести систему страхования вкладов. Эта система потребовала от банков прозрачной информации по поводу их платежеспособности, что было встречено Ассоциацией банков в штыки. Политической поддержки, необходимой, чтобы сломить их сопротивление, не последовало. Полугосударственная Корпорация страхования депозитов (DIC) была создана в 1971 г. с маленьким денежным фондом и фактически бездействовала.

В 1990–1995 гг. Министерство финансов не признавало ситуацию достаточно серьезной, чтобы настоять на раскрытии информации, и пыталось задержать публикацию сведений о размерах невозвратных долгов, дабы избежать банкротства банков. Но дело в том, что достоверная информация о «плохих долгах» просто отсутствовала.

Банки продолжали выдавать кредиты строительным компаниям под залог недвижимости, когда стоимость недвижимости уже стремительно падала. Компании ипотечного кредита, у которых в 1991 г. безнадежными были 40% долгов, получили у Министерства финансов десятилетний мораторий для урегулирования долгов. План их оздоровления строился на предположении, что рынок недвижимости восстановится через десять лет. В 1995 г. безнадежными стали 75% их долгов. Неспособность решить проблему «плохих долгов» привела к тому, что драгоценное время было упущено. До 1997 г. Министерство финансов

не пользовалось своим правом отзыва лицензии у неплатежеспособных банков и даже разрешало им выплачивать дивиденды, когда было ясно, что нужно пополнять резервы для покрытия убытков;

не выработало стандартные правила классификации кредитов по степени риска,

но при этом призывало банки соблюдать норматив достаточности капитала, что сдерживало их при списании долгов из прибыли.

Банки скрывали убытки, занижали объемы «плохих долгов» и завышали свои капиталы. В результате точные масштабы бедствия не были известны никому.

Практика рефинансирования под «прощение долгов» во избежание банкротства заемщика — это старая традиция неформальных сговоров, согласно которым банки не требуют возврата кредитов от корпоративных клиентов, стоящих на грани банкротства, в обмен на обещание этих последних восстановить платежеспособность.

Еще в 1998 г. Министерство финансов решило придать легальный статус процедуре «прощения долгов» и выработало законопроект о соответствующих критериях и правилах. Оно руководствовалось предложениями INSOL, международной группы специалистов по проблемам банкротства. Но законопроект Министерства финансов не был даже внесен в парламент. Он вызвал сопротивление не только у потенциальных должников, но и у банков (позиция Ассоциации банков Японии). Федерация экономических организаций (Кэйданрэн) опасалась, что принятие правил увеличит число банкротств. Банки боялись раскрытия таких деталей кредитных договоров, которые они предпочитали не разглашать. По оценке Министерства финансов, списание крупными банками долгов компаний на сумму в 15 трлн. иен увеличило бы численность безработных почти на 200 тыс. человек.

Причины, по которым банки не ответили на изменения в условиях ведения дел с должной быстротой, связаны с дефектами корпоративного управления и с практикой пожизненного трудового контракта менеджеров. В число первой пятерки ведущих акционеров «городских» банков обычно входят компании страхования жизни и промышленные корпорации, акции которых, в свою очередь, держат банки[61]. Это — «дружественные» акционеры. Кроме перекрестного участия в капитале их связывают с банками клиентские отношения, а потому они не склонны к дисциплинарным мерам против банковских менеджеров.

Продвижение менеджеров по возрастной карьерной лестнице независимо от их деловых качеств несет такие же риски. В этом поведение банков отличается от поведения компаний остальных отраслей, которые в 1990-х годах стали принимать иностранный капитал, нанимать менеджеров-иностранцев и решительно отказываться от практики постоянных связей и постоянного найма.

8. «Большой взрыв»

Серьезность кризиса была осознана японскими властями в 1995 г., когда начались банкротства сначала небольших местных банков, затем крупных («Хёго» и «Хоккайдо такусёку»). В конце 1998 г. были объявлены неплатежеспособными Банк долгосрочного кредита (Тёки кинъю) и Японский кредитный банк (Ниппон синъё), т.е. два из трех банков долгосрочного кредита.

В 1998 г. кабинет Р. Хасимото провел реформу регулирования финансовых рынков, получившую название «Big Bang» («Большой взрыв»)[62].

Это был пакетный пересмотр законов о банках, сделках с ценными бумагами и биржах, о страховом деле, а также о контроле над иностранной валютой и внешней торговлей:

Устранялись барьеры доступа на финансовые рынки. Банки, брокерские и страховые компании получили право заниматься всеми видами финансовых операций.

Отменялся запрет доступа на финансовые рынки нефинансовым компаниям.

Разрешались торговля ценными бумагами вне фондовых бирж и создание электронных торговых систем.

Отменялось регулирование брокерских комиссионных.

Вводились жесткие правила, обязывающие финансовые учреждения открывать информацию о «неработающих активах» по стандартам, идентичным установленным Комиссией по ценным бумагам и биржам США.

Отменялось лицензирование доступа к операциям в иностранной валюте. Инвесторы смогли свободно переводить свои средства в любую валюту на внутреннем рынке Японии и за границей.

«Большой взрыв» положил начало крупномасштабной реорганизации финансового сектора Японии. Появились пять холдинговых групп: «Мидзухо», «Токио-Мицубиси», «Сумитомо-Сакура», «UFJ (United Financial of Japan)» и «Рисона». Реформа усилила конкуренцию на финансовых рынках. Но управленческая модель финансового холдинга не решает проблему «плохих долгов». Хуже того, при реорганизации банки объединили и свои неработающие активы.

Принятый в 1998 г. Закон о финансовом оздоровлении разделил заемщиков на четыре категории по степени риска невозврата:

«здоровые»; «требующие внимательного отношения» (работающие с убытком);

«требующие особого подхода» (имеющие просроченные долги);

потенциальные банкроты (обязательства превышают активы);

«фактические банкроты» (абсолютно неплатежеспособные). Соответственно, неработающие активы были разделены на четыре категории по степени риска невозврата.

Банки обязали оценивать «плохие долги» и публиковать соответствующую статистику. Кумулятивная сумма списаний, начиная с 1992 г., составила астрономическую сумму в 717,9 трлн. иен[63]. Эта потеря примерно равна 13% кумулятивной суммы ВВП за 1992–2002 гг.

Чтобы обезопасить банки от «набегов» вкладчиков, в 1998 г. было введено всеохватывающее («безразмерное») гарантирование вкладов из средств полугосударственной Корпорации страхования депозитов[64]. Корпорация была реорганизована, получила заём от Банка Японии, а регулярные взносы коммерческих банков в ее фонд были увеличены.

Это обезопасило Японию от «набега» вкладчиков на банки, но не дало решения проблемы «плохих долгов».

Рекапитализация проблемных банков была проведена путем покупки Корпорацией привилегированных акций банков на условии, что при несоблюдении норматива достаточности капитала она получает право взять их под временное управление с последующей продажей в частные руки или на получение в них голосующего пакета акций. При ликвидации банков Корпорация передает их бизнес, обязательства и активы другим владельцам. В 1999–2003 гг. были ликвидированы 12 коммерческих банков. Несколько крупных банков, в том числе два банка долгосрочного кредита, были поставлены под временное государственное управление, реорганизованы и проданы новым владельцам.

Первая попытка вливания в капиталы банков в 1998 г. не удалась из-за отсутствия нужного надзора и бухучета. После нескольких лет дефляции у компаний-заемщиков образовались новые безнадежные долги, и полученные от государства фонды использовались банками для покрытия новых убытков. В 2002–2003 гг. банки начали выплачивать полученные от государства деньги, так как они предоставлялись на возвратной основе.

Этот первый опыт показал, что «безразмерная» подстраховка банков за счет налогоплательщиков большой пользы не приносит — она позволяет им принимать рискованные решения и не помогает их финансовому оздоровлению[65]. Финансовый сектор остался слабым и хрупким, так как через восемь лет непрерывного списания долгов, «вливаний» средств и распродажи акций из банковских портфелей в 2003 г. средний по 156 банкам коэффициент достаточности капитала составлял всего 9,5%, что довольно близко к абсолютному минимуму[66].

Таким образом, попытки санировать банковскую систему по общепринятым в мире схемам списания долгов и рекапитализации банков не принесли успеха.

9. Реформы в банковской системе и финансовое оздоровление корпораций

В 2000 г. были установлены четкие и прозрачные правила реорганизации неплатежеспособного бизнеса на основе законов и жесткие рамки для практики «прощения долгов». Кредитные учреждения обязаны доказывать, что отказ от возмещения долга принесет меньше потерь, чем ликвидация компании-должника[67].

Процедуры банкротства по законам от 1922 и 1952 гг. были недостаточно гибкими и слишком громоздкими. В 2000 г. был принят новый закон об оздоровлении корпораций, разрешивший ускоренную и облегченную процедуру реорганизации[68]. И только в 2003 г. японские банки перешли к международным правилам бухучета, требующим

оценки риска и создания резервов под каждую сделку для страховки от возможных потерь.

Но до конца 1990-х годов решительная «расчистка» неработающих активов не удавалась из-за недостатка политической воли у реформаторов. Кабинеты Р. Хасимото, К. Обути и Ё. Мори не имели достаточной поддержки в парламенте, чтобы преодолеть сопротивление строительного лобби, защищавшего наиболее злостных должников. В январе 2001 г. при полной реорганизации системы правительственных учреждений надзор над финансовыми учреждениями был передан от Министерства финансов новому Агентству финансовых услуг. Это позволило правительству Д. Коидзуми, получившему парламентское большинство, выработать нестандартные меры для оздоровления банковского сектора.

Ликвидация «плохих долгов» была признана ключевым звеном программы структурных реформ, за которые взялось правительство Коидзуми. «Мы ставим цель решить проблему невозвратных долгов в течение двух-трех лет», — говорилось в преамбуле к этой программе. Под решением проблемы понималось сокращение объема «плохих долгов» наполовину[69].

Главный реформатор в правительстве Коидзуми, Х. Такэнака, занявший посты министра по делам экономики и бюджетной политики и главы Агентства финансовых услуг, предложил свою программу («план Такэнака»)[70], согласно которой проблема оздоровления банков и их корпоративных заемщиков должна решаться «в связке»; на ее решение было отведено от трех до пяти лет.

Управляющий Банком Японии М. Фукуи считает, что традиционные устойчивые взаимосвязи между банками и компаниями, примером которых служит перекрестное владение акциями, ослабили дисциплину деловых отношений между кредиторами и заемщиками. Они не привыкли просчитывать прибыльность или убыточность каждой сделки и контролировать друг друга[71].

Банковский кризис положил начало распаду этой «сетки» акционерных связей, просуществовавшей более полувека. Она появилась в 50-х годах XX в. После роспуска довоенных холдинговых групп «дзайбацу» акции компаний, принадлежавшие холдингам, хлынули на рынок. Последовала волна поглощений. Для защиты от поглощений компании стали покупать акции друг друга, выводя их с рынка. В дальнейшем перекрестное владение акциями стало способом закрепления стабильных связей. Но конкуренция в глобальной экономике требует выбора партнеров по рыночным критериям независимо от старых связей. Распродажу акций начали компании в 1996 г., чтобы хоть немного компенсировать убытки от падения курсов акций. В 1997 г. банки начали продажу крупных пакетов из своих портфелей, чтобы не допустить падения капитализации. Новые правила финансовой отчетности, ставшие

обязательными в 2001 г., не позволяют компаниям манипулировать латентными прибылями для сокрытия текущих убытков.

К ликвидации перекрестных акционерных связей между банками и нефинансовыми компаниями присоединился Банк Японии. Чтобы изолировать капиталы банков от превратностей фондового рынка, Банк в 2002–2004 гг. скупал акции компаний из банковских портфелей на фондовом рынке напрямую — не как «операцию на открытом рынке», но в качестве меры для финансовой стабилизации. Банк Японии пошел на эту нетрадиционную меру, к которой до сих пор не обращался ни один центральный банк ни в Америке, ни в Европе.

Программа скупки акций из банковских портфелей (на сумму свыше 2 трлн. иен, или 19 млрд. долл.) была выполнена Банком к 30 сентября 2004 г. По мнению одного из директоров Банка, Н. Инаба, эта операция позволила банкам ускорить списание невозвратных долгов и в конечном счете дала такой же эффект, как увеличение капиталов банков[72]. Количество акций в перекрестном владении на конец марта 2004 г. составляло около 8% совокупного акционерного капитала всех публичных компаний против 19% в 1991 г.[73]. Распродажа акций начнется в сентябре 2007 г. и, чтобы не обрушить рынок, будет вестись на протяжении десяти лет.

Для реорганизации и ликвидации крупных убыточных корпораций «в связке» с банками-кредиторами была создана специальная внесудебная процедура. В 1999–2002 гг. дочернее предприятие Корпорации страхования депозитов, а в 2003–2004 гг. — государственно-частный Фонд оздоровления промышленности, подконтрольный Банку Японии, скупали у банков неработающие активы и конвертировали их в акции компаний-должников, а затем подбирали спонсоров для реализации этих акций. По существу, это была команда специалистов по кризисному управлению только самыми крупными корпорациями, имевшими перспективные профильные виды деятельности[74].

Между тем при банкротстве регионального банка «Исикава» в декабре 2001 г. обнаружились махинации с кредитованием клиентов[75]. Махинаций было достаточно и раньше: например, при национализации двух банков долгосрочного кредита в 1998 г. выяснилось, что они грубо фальсифицировали свою отчетность. Но скандал с банком «Исикава» показал, что Агентство финансовых услуг не справлялось с возложенной на него надзорной функцией.

Финансовая помощь банкам, которая прежде давалась по их требованию, стала принудительной. Помощь предоставляется в виде покупки правительством привилегированных акций банков. «План Такэнака» предусматривал конвертацию этих акций в обыкновенные, так что государство может стать крупнейшим акционером банков. Эта угроза национализации оказалась действенным способом заставить банки избавляться от наиболее злостных неплательщиков.

Но, откладывая резервы на списание долгов свыше лимита, предусмотренного налоговым законодательством, банки получили законное право на эквивалентный возврат налога на прибыль в течение пяти лет[76]. Эти суммы сверх лимита, так называемые отложенные налоговые активы, банки зачисляют в капитал как нераспределенную прибыль. Уже в конце 2002 г. половина капитала семи ведущих банков состояла из этих, по существу налоговых, кредитов. Агентство финансовых услуг сочло данную практику нездоровой: чем больше списывается долгов, тем больше отложенных активов. Банки показывают искусственно раздутый капитал. Такэнака потребовал, чтобы суммы отложенных активов в балансах банков были рассчитаны не на пять лет, а всего на год.

Если бы банки выполнили это требование, они немедленно получили бы падение коэффициента достаточности капитала ниже стандарта в 8% от стоимости активов. В таком случае Японию ждали бы катастрофическое сжатие кредита и тяжелейшая дефляция. Само собой, требование Агентства шло вразрез с политикой Коидзуми, который сделал освобождение экономики от долгового навеса одним из главных пунктов программы реформ.

Агентству финансовых услуг пришлось вскоре отказаться от этого пункта, но доверие к нему у банковского сообщества было поколеблено и вся программа попала под огонь критики. Такэнака провел несколько раундов переговоров с главами ведущих банков, но не нашел у них понимания. М. Тэрариси, один из руководителей Ассоциации банков Японии, сказал: «Мы не станем терпеть, чтобы правительство вдруг меняло правила во время игры. Мы думали, что играем в европейский футбол, а нам дают правила американского футбола»[77]. Тем не менее Такэнака не утратил поддержки со стороны премьер-министра.

Агентство финансовых услуг поставило перед банками задачу к марту 2005 г. снизить долю невозвратных долгов в их активах наполовину — с 8% до 4%. Крупнейшие банковские холдинги выполнили эту задачу в сентябре 2004 г.[78]. А на конец марта 2005 г. доля невозвратных долгов в активах крупных банков была доведена до 2,9%, а более мелких (региональных) — до 5,5%.

Для разрешения кризиса в банковской системе японские власти прибегли к административным дисциплинарным действиям, жестко вмешиваясь в работу банков. Инспекторские проверки, которые учиняет Агентство финансовых услуг, «вселяют ужас в сердца банковских служащих, — писал еженедельник „Никкэй уикли", — но приходится наводить у них какую-то дисциплину»[79]. Однако проблема также и в том, что банковский сектор слишком велик для потребностей современной Японии. Не случайно его кризис начался тогда, когда прежняя «депозитно-кредитная» модель бизнеса стала давать серьезные сбои, так как не позволяла адаптироваться к экономике с избытком сбережений.

Сокращение этого сектора в размерах, по-видимому, неизбежно, равно как и изменения в структуре его деятельности. Банки снижают объем кредитования экономики в пользу других операций. Они предпочитают работу с меньшим уровнем риска, приносящую купонный доход и плату за комиссию: покупку и продажу государственных ценных бумаг, операции с акциями, облигациями, иностранной валютой, гарантийные операции. Доля банковских заимствований в активах 1638 корпораций, котирующих свои акции на биржах, снизилась с 33% в 1982 г. до 21% в 2005 г.

Финансовое посредничество банков в экономике Японии снижается, в структуре их деятельности происходит качественный сдвиг, приближающий ее к параметрам работы западных банков. По данным Банка Японии, комиссионные за услуги в 2002 г. составили 15,3% совокупного дохода банков против 4,4% в 1992 г. Судя по тому, что в США и европейских странах комиссионные дают банкам около 30% всей выручки, это еще не предел.

Состав банковского сектора изменился радикальным образом. В начале 1990-х годов в нем насчитывалось 11 крупнейших, «городских» банков[80], три банка долгосрочного кредита, 129 региональных и 12 иностранных банков. После банкротств, слияний, поглощений и дроблений в 2005 г. сектор состоял из пяти холдинговых финансовых групп[81], двух банков долгосрочного кредита и 132 региональных. Возникли семь совершенно новых электронных банков, работающих в сети Интернет, а число иностранных банков, имеющих филиалы и представительства в Японии, достигло 84[82].

Разделение функций между банками и рынками ценных бумаг отменено. Банки занимаются подпиской на облигации, продают ценные бумаги и занимаются секьюритизацией активов (обращением пакетов долговых обязательств в ценные бумаги для последующей продажи на фондовом рынке). Банки сократили кредитование под залог недвижимости и все чаще кредитуют заемщиков под будущий доход (который надо уметь оценивать) и под залог интеллектуальной собственности — патентов, торговых марок. Работа крупных банков стала частью инфраструктуры фондовых рынков. В Японии этого не было вплоть до последних лет.

Крупные компании увеличивают прямое финансирование через выпуск облигаций и векселей. Банк Японии считает, что переход корпоративного сектора на прямое финансирование соответствует его пониманию стратегии развития финансовой сферы: необходимо, чтобы «кредитный риск больше не был сосредоточен в банковском секторе, а распределялся среди широкого круга инвесторов»[83].

Общая сумма государственных средств, пошедших на покрытие долгов банков-банкротов и пополнение капиталов проблемных банков, составила около 51 трлн. иен (487 млрд. долл.). Начавшийся в 2003 г.

подъем дал заработать на росте курсовой стоимости акций банков 5 трлн. иен. На конец 2005 г. банки возвратили в казну 22 трлн. иен. Банк Японии считает, что всего удастся вернуть 40–45 трлн. иен, т.е. до 90%[84].

Средний коэффициент достаточности капитала по крупным банкам составил 11,64% при нормативе в 8%[85]. В первом приближении программа оздоровления банков уже выполнена.

Агентство финансовых услуг перевело банковскую систему на «ручное управление» для преодоления системного кризиса. Это чрезвычайная мера, и как таковая она идет вразрез с той генеральной линией, которую проводят правительства последних лет, начиная с кабинета Хасимото: дерегулирование отраслей, приватизация государственной собственности, сокращение бюджетных расходов, уменьшение прямого вмешательства государства в экономику. Переход «от государственного сектора к частному сектору» как базовый принцип экономической политики провозглашен в программе реформ в 2004 г., принятой кабинетом Коидзуми[86].

«Банковские кризисы последнего времени показали, что правила административного вмешательства и „страховочные сетки" не смогли достаточно хорошо контролировать банковские риски, — пишут специалисты из научно-исследовательского института RIETI при Министерстве экономики, торговли и промышленности, одного из ведущих в стране. — Для поддержания банковской системы в стабильном и безопасном состоянии разработчики политики должны уделять все больше внимания дисциплинирующей роли частных игроков — рыночной дисциплине»[87]. Агентство финансовых услуг в своей программе дальнейших реформ[88] называет в числе своих задач создание такой финансовой системы, в которой лидирует не государственный, а частный сектор.

Проблема «плохих долгов», столько лет подавлявших экономическую активность, в целом решена. В 2003 г. начался инвестиционный подъем, хотя дефляция товарных цен еще не закончилась (см. табл. 1 и 2 в Прил.). Японские корпорации увидели, что пришло время реализовать отложенное обновление основного капитала, чтобы не терять конкурентные позиции в мире. Жесткая антикризисная программа на микроуровне помогла Японии в 2003–2004 гг. выйти из полосы длительной экономической стагнации на основе роста внутреннего инвестиционного спроса. Но она вряд ли была бы успешной без поддержки денежных властей на макроуровне.

10. «Чрезвычайная» денежная политика и конец дефляции

Дефляционный кризис в Японии показал, насколько сильно реальная экономическая политика зависит от предвзятых представлений не только в научном сообществе, но и у широкой публики. Реакция на дефляцию запоздала, так как в обществе не сразу был осознан ее вред.

Оглядываясь на недавнее прошлое, профессора К. Хамада и А. Ногути констатировали, что, к их удивлению, «многие экономисты, политики, принимавшие решения, и журналисты считали, что дефляцию можно преодолеть усилением политики государственных расходов. Если она связана с техническим прогрессом и дешевым импортом, то она — благо»[89]. Даже М. Хаями, возглавлявший Банк Японии в 1998–2003 гг., говорил, что в условиях новой промышленной революции и роста производительности труда очень трудно найти направление денежной политики для поддержания стабильных цен[90].

Массмедиа обсуждали, как отличить «хорошую» дефляцию от «плохой», поскольку «хорошая» пойдет на пользу потребителю и к тому же поможет снизить высокий уровень издержек в Японии. Дефляцию следует приветствовать, говорили журналисты, так как она есть результат конкуренции в глобальной экономике. Те из экономистов, кто приветствовал борьбу с дефляцией, считались «врагами» — сторонниками нездоровой денежной политики. Этот «здравый смысл», он же предрассудок, японская пресса поддерживала вплоть до 2002 г., когда связь между снижением цен и стагнацией экономики стала очевидной.

Банк Японии, пытаясь вывести экономику из застоя, снизил ставку рефинансирования коммерческих банков с 6% в 1990 г. до 0,5% в 1995 г. Но некредитоспособных заемщиков было много, и спрос на кредиты упал. В результате ставка рефинансирования дошла почти до нулевой отметки. Поскольку номинальная процентная ставка не может быть отрицательной, в начале 1999 г. Банк выбрал в качестве инструмента денежной политики ставку «овернайт» на межбанковском рынке, близкую к нулю. Управляющий Банком Хаями заявил: «Мы (Банк Японии. — *Е.Л.*) будем продолжать политику нулевого процента до тех пор, пока не добьемся ситуации, при которой опасения дефляции рассеются»[91]. Но эта политика не повлияла на цены.

Правление Банка Японии начало искать альтернативные методы денежной политики эмпирически, наблюдая за поведением финансовых учреждений на межбанковском рынке. В нормальных условиях банки держат для чрезвычайных ситуаций небольшие резервы, так как им было вполне достаточно уровня резервирования, определяемого по закону.

В 1997–1998 гг. банкротства крупных финансовых учреждений (об этом рассказывалось выше) вызвали ощущение кризиса в финансовой системе страны. Осенью 1997 г., после банкротства нескольких банков, на короткое время был парализован рынок коммерческих векселей. Азиатский финансовый кризис 1997 г. и российский суверенный дефолт 1998 г. только усилили панические настроения. Доверие в мире к японским банкам упало. В ноябре 1997 г. на зарубежных рынках была установлена «Japan premium» — наценка за риски для японских банков.

Правление Банка увидело, что финансовые учреждения стали держать средства на своих счетах сверх нормативов обязательного резер-

вирования, хотя, как уже говорилось, текущие вклады в Банке не приносят им никакого дохода. При нестабильности банковской системы вкладчики выбирают банки для помещения денег с большой осторожностью, и как только становится известно, что состояние счетов какого-либо банка ухудшилось, переводят деньги на счета других, более надежных банков. Из-за этого снижаются обязательные резервы в Банке Японии[92] и возникает «риск ликвидности». Так называется опасность оказаться не в состоянии поставить на рынок требуемое количество денег перед лицом внезапного и крупного изъятия вкладов. При «набеге» вкладчиков, когда со счетов снимаются большие денежные ресурсы, банки должны иметь достаточные резервы, чтобы вкладчики не опасались, что не смогут снять свои деньги. Финансироваться «на стороне» стало дорого. Банки ответили на неопределенность условий резким увеличением ресурсов на счетах Банка Японии. Работники Банка подсчитали, что чем больше доля «плохих долгов» в кредитном портфеле или чем сильнее падает курс акций банка, тем больше ему требуется резервов[93].

Казалось бы, этой проблемы не должно быть, если ставка на межбанковском рынке близка к нулю. Но ставка «овернайт», близкая к нулю, почти перестала работать[94]. На межбанковском рынке процентный доход настолько мал, что выгоднее держать деньги на счетах и не пускать их на рынок, тем более что на рынке нужно платить комиссионные дилерам и можно понести потери от неплатежеспособности покупателей.

Чтобы предотвратить сбои в расчетах и разрушение финансовой системы, Банк Японии начал с предоставления «специальных» (беззалоговых) кредитов разорившимся финансовым учреждениям, чтобы они могли выплачивать вкладчикам, в порядке исключения, как предусмотрено Законом о Банке Японии от 1997 г.[95]. Но это была экстренная мера, рассчитанная на недолгий эффект.

Снижать официальную учетную ставку было практически нереально, и правление Банка после острых споров пришло к выводу, по словам Хаями, что «возможности денежной политики лежат за пределами нашего прошлого опыта»[96].

В марте 2001 г. Банк Японии перешел к нетрадиционному методу расширенного предложения ликвидности — так называемым «мерам по количественному послаблению кредита» («quantitative credit-easing measures»). Этот метод означает, что Банк взял на себя обязательство обеспечивать финансовым учреждениям столько средств, чтобы они не опасались сбоев в работе межбанковского рынка. Это беспрецедентная политика — ее не проводил ни один центральный банк в мире.

Политика «количественного послабления кредита» держится на трех условиях:

1) Банк ввел очень высокий верхний предел ликвидности на рынке, используя текущие счета финансовых учреждений. В 2003–2005 гг. ликвидность на текущих счетах «держателей денег» в Банке Японии

поддерживалась на уровне 30–35 трлн. иен при обязательном резервировании в 6 трлн. иен;

2) Банк взял на себя долгосрочное обязательство держать большое количество ликвидности на счетах финансовых учреждений до тех пор, пока индекс потребительских цен в годовом исчислении не станет устойчиво положительным. По оценке правления Банка и его главы Т. Фукуи, этот момент наступит в первой половине 2006 г.;

3) Банк обязался увеличивать объем прямых покупок/продаж облигаций японского правительства, если это необходимо для поддержания постоянного уровня ликвидности.

Разъясняя существо этой программы иностранным экспертам, член правления Банка К. Уэда сказал: «Количественный целевой ориентир денежной политики (обязательство соблюдать его, пока не кончится дефляция) есть практически то же самое, что и целевой ориентир инфляции, только нулевой. Мы установили своего рода автоматический стабилизатор».

«Нам предлагают ввести отрицательные номинальные процентные ставки. То есть ввести налог на банкноты. Это технически сложно и займет много времени. Может быть, этот способ годится для Федеральной резервной системы или для Центрального банка Евросоюза, но не для Банка Японии. Самая серьезная проблема — как объяснить смысл и необходимость такой меры широкой публике».

«Валютные интервенции (покупка долларов для изменения курса иены) Банку Японии запрещены. Этим может заниматься Минфин, и мы не против».

«Когда большинство коротких процентных ставок доведено до нуля, попытки увеличить денежное предложение не дают результата. Мы это недавно испытали».

«Значит, надо выйти за рамки традиционных инструментов и покупать, покупать. Банк расширил меню (набор инструментов). Мы будем покупать коммерческие векселя, корпоративные облигации и ABS (ценные бумаги, обеспеченные активами)[97]. Мы покупаем их либо по соглашениям об обратной продаже (repo), либо в качестве залоговых активов для других операций. Это дополнительный способ вливания денег в экономику»[97].

У политики «количественного послабления кредита» нет одного автора. Ее придумали и реализовали две команды управляющих Банком Японии — команда М. Хаями, работавшая с марта 1998 по март 2003 г., и команда Т. Фукуи, работающая с марта 2003 г. по настоящее время. Это плод коллективной мудрости людей, облеченных огромной реальной властью над экономикой страны и сознающих пределы этой власти.

«Учебники не дают нам никаких руководств, как нам двигаться по той неведомой дороге, на которую мы ступили, — говорил член правления Банка Ю. Ямагути. — Самое большее, что́ мы знаем, это то, что

теоретическая концепция „ловушки ликвидности", выдвинутая Кейнсом, близка к нынешней ситуации в экономике Японии. Правда, Кейнс не дал денежной политике рецепта, как выйти из „ловушки ликвидности", — он просто утверждал, что в такой ситуации денежная политика будет неэффективна и необходимо увеличивать бюджетные расходы. Поэтому, вырабатывая денежную политику, мы старались не связывать себя догматическими представлениями об эффективности или неэффективности имеющихся у нас средств политики»[99].

Технически политика «количественного послабления кредита» работает следующим образом. Банк Японии ежедневно объявляет торги на покупку финансовых инструментов у участников рынка (в этих операциях участвуют не все держатели счетов, но только самые надежные японские и иностранные банки, а также брокерские компании — всего примерно 150 учреждений) в пределах установленного дневного лимита. Это и есть количественный целевой ориентир. В марте 2001 г. Банк поставил целевой ориентир для остатков на своих счетах в 5 трлн. иен в день и в январе 2003 г. довел его до 30–35 трлн. иен в день. Норма обязательного резервирования составляет в среднем 3–4 трлн. иен в день.

Чтобы держать заданный уровень ликвидности на счетах своих клиентов, Банк проводит операции на открытом рынке в очень больших масштабах и очень часто, иногда по нескольку раз в сутки, выкупая у них и продавая им ценные бумаги.

Государственные обязательства — главный «товар» на этом рынке. Банк увеличил покупки долгосрочных государственных облигаций с 400 млрд. иен в день в марте 2001 г. до 1200 млрд. иен в день в 2005 г. Эти облигации составили 66% активов Банка в конце марта 2005 г.[100]. Для этих покупок есть «потолок»: стоимость государственных облигаций на счетах Банка не должна превышать объем эмиссии наличных денег.

В политике «количественного послабления кредита» есть серьезные «подводные камни», на которые указывал Ю. Ямагути. Банк покупает слишком рискованные активы (акции корпораций из банковских портфелей). Скупая разнообразные активы, центральный банк фактически вступает на территорию фискальной политики. Если он понесет убытки, их в конечном счете должны будут покрыть налогоплательщики. Есть ли у него такое право как у независимого учреждения, не нарушит ли он разделение денежной и фискальной политики? Деньгами налогоплательщиков распоряжается выборная власть — парламент. Активы, которые держит центральный банк, не могут быть свободны от состояния экономики и финансовых рынков. Если требовать от Банка, чтобы он покупал любые активы, то следует признать, что он в таком случае будет действовать как агент фискальной политики и его действия должны быть утверждены в парламенте.

Почти шестилетний опыт проведения этой политики показал, что такой опасности не возникло. Банк Японии не раз сталкивался только

с недостаточным предложением активов от участников рынка. Продавая на рынке краткосрочные обязательства Министерства финансов (сроком на 13 недель), Банк Японии покупал обязательства того же министерства сроком на 3–6 месяцев, т.е. выполнял на рынке функцию брокера.

Чтобы удержать спрос на ликвидность, Банк обязывает участников межбанковского рынка принимать активное участие в торгах. Большие объемы продаж Банку для них выгоднее, так как меньше сбивают цены, чем продажи мелких партий на рынке. И в конце концов доходность долгосрочных государственных облигаций не дошла до нуля (см. табл. 4 в Прил.) — на них можно зарабатывать.

Финансовую ситуацию удалось стабилизировать. Политика «нулевой ставки процента» облегчила списание «плохих долгов». Ни события 11 сентября 2001 г. в США, ни крупные банкротства в Японии, ни отмена полного страхования вкладов не вызвали никакой финансовой паники. В 2004 г. начали расти межфирменные кредиты и оборот межбанковского рынка.

У руководства Банка Японии не было иллюзий, что денежная политика, в частности его собственная политика «количественного послабления кредита», может вывести экономику страны из дефляционного спада. «В течение всех 1990-х годов мы вели политику расширенного предложения денег, но экономика Японии не вернулась на траекторию роста, — говорил в 2002 г. М. Хаями. — Отсюда ясно, что расширение денежной базы не может изменить кредитную политику банков, экономическую активность и цены в условиях, когда в экономике существуют такие структурные проблемы, как, например, неработающие активы»[101]. Денежные власти Японии работали в тандеме с реформаторами, которые обеспечили санацию банков и реструктурирование крупного бизнеса. Денежная политика выполнила функцию страховочной сетки под нестабильной и благополучно преобразованной финансовой системой.

В дискуссии о выходе из дефляции звучали голоса, предлагавшие другие, менее сложные и гораздо более традиционные пути выхода из дефляционного кризиса.

11. Альтернативные пути: вариант первый

Путь первый — ничем не лимитированная монетизация государственного долга.

Американский экономист А. Позен в качестве альтернативы советовал провести единовременную, достаточно большую эмиссию наличных денег и «раздать» их населению. Это непременно поднимет цены[102]. Пусть эти деньги упадут с неба, «с вертолета» (Позен пользуется метафорой М. Фридмана: «Представим себе, что в один прекрасный день над местностью пролетает вертолет и сбрасывает с неба тысяче-

долларовые купюры... И еще представим себе, что все уверены: это единственное в своем роде событие, которое никогда не повторится»[103]). «Реальное богатство населения выросло бы безгранично, его затопила бы волна даровых денег от правительства, — писал Позен. — Деньги были бы потрачены на текущее потребление и на покупку активов». Позен боялся только одного: население будет тратить их с опаской, решив, что придется платить налоги, и немалые, на эти дары.

Для рыночной экономики эта идея выглядит абсолютно экзотической. Ее можно реализовать только в плановом хозяйстве, что и было сделано в СССР по Закону 1987 г. о государственном предприятии. В советской экономике лимитирование фонда заработной платы было системным ограничением эмиссии наличных денег. Закон 1987 г. снял это ограничение и открыл (наряду с другими мероприятиями тех лет) дорогу к гиперинфляции[104]. В капиталистической экономике нельзя «раздать» массу наличных денег таким способом — можно только резко снизить налоги. Пусть «с вертолета» упадут новые выпуски облигаций государственного долга, предложил Позен, и пусть Банк Японии купит их и закроет соответствующую брешь в бюджете. К тому же единовременная монетизация государственного долга частично освободит правительство от расходов по его обслуживанию.

Многие теоретики считают, что для выхода из дефляции достаточно сочетать денежную экспансию с бюджетной. Б. Бернанке, выступая перед японскими учеными[105], повторил рекомендации Позена, хотя и в менее экстравагантных выражениях. «Я считаю, что не все возможные способы облегчения денежной политики в Японии были полностью востребованы, — сказал он. — Конец дефляции может положить более тесное сотрудничество, пусть на ограниченный срок, между денежными и бюджетными властями. То есть Банку Японии следует рассмотреть возможность и дальше увеличивать покупку долгов правительства, и было бы желательно увязать это с программой снижения налогов или иных бюджетных стимулов». Довод руководства Банка, что этот вариант поставил бы под угрозу его собственный капитал, Бернанке отвергает как несущественный: «Банк Японии — это не частный коммерческий банк. Он не может обанкротиться, как частная фирма. Если его доходов не хватит для других операций на открытом рынке, Банк может запросить у Министерства финансов дополнительные средства, пусть даже и рискуя своей независимостью».

Какой должна быть единовременная монетизация государственного долга, чтобы получить полноценный эффект? Этим вопросом задался американский экономист Л. Болл[106]. По его оценке, для восстановления объема ВВП до уровня предыдущего года (т.е. для прекращения спада) понадобится дополнительный «фискальный трансферт», эквивалентный 6,6% от ВВП (при том, что в 2004 фин. г. весь выпуск новых облигаций составил 6,9% от ВВП. — *Е.Л.*). Дальше понадобятся только

поддерживающие, небольшие затраты. Дефляция прекратится, процентные ставки станут положительными. Болл рассчитал это при помощи макромодели для 1990–2003 гг., приняв дефицит спроса в 2003 г. (output gap) за -7,5%.

Монетизация государственного долга ведется Банком Японии очень аккуратно, потому что эмиссия долга и действия Банка на рынке государственных облигаций обставлены частоколом правовых ограничений.

Долгами государства управляет Министерство финансов по решениям парламента, и Банк Японии не несет за них ответственности[107]. Закон о Банке Японии (статья 34 в версии 1997 г.) разрешает Банку подписываться на государственные облигации в пределах лимитов, устанавливаемых парламентом, а Закон о государственных финансах от 1947 г. (статья 5) формально запрещает ему кредитовать правительство. Банк не имеет права покупать облигации правительства на первичном рынке (кроме казначейских и финансовых векселей) и кредитует правительство только операциями на вторичном рынке. Парламентские лимиты разрешают Банку подписываться только на суммы, покрывающие возобновление облигаций по истечении их срока.

Банк покупает облигации на сеньораж — доход от эмиссии наличных денег[108], а также за счет своих резервов для покрытия потерь от операций с ценными бумагами и валютой. Как упоминалось выше, в 2001 г. Банк обязался увеличивать объем прямых покупок/продаж облигаций японского правительства, если это необходимо для поддержания постоянного уровня ликвидности на счетах «держателей денег». Но он может увеличить покупки, только запросив у Министерства финансов дополнительные средства (как предложил Бернанке), для чего Министерству пришлось бы выпускать облигации для рефинансирования соответствующих выпусков. Либо замкнутый круг наращивания государственного долга, либо риск для баланса Банка.

Поэтому Банк «держит оборону» — не идет на поводу у политиков, когда они требуют разрешить ему прямую подписку на новые выпуски 10-летних облигаций. С этим требованием фракция ЛДП в парламенте выступила в 1998 г., когда доходность этих бумаг резко пошла вверх. Аргументы против снятия ограничений с монетизации долга, приводившиеся бывшим управляющим Масару Хаями, заключаются в следующем:

«Во-первых, Банк Японии озабочен тем, что без твердой решимости разрешить финансовый кризис более активное обращение денежной политики к банковской системе может быть использовано для того, чтобы еще больше отсрочить необходимые структурные реформы.

Во-вторых, Банк Японии опасается, что крупномасштабные покупки государственных ценных бумаг ослабят бюджетную дисциплину в то время, когда дефицит правительства рекордно велик, а отношение выпущенных государственных облигаций к ВВП приближается к 200%. Банк Японии боится попасть в то же положение, что было в 1930-х го-

дах, когда крупномасштабный бюджетный дефицит был монетизирован и это спровоцировало высокую инфляцию.

В-третьих, Банк Японии беспокоится о своем балансе. Мы считаем, что крупные покупки государственных облигаций правительства Японии подвергнут нас очень серьезному риску, когда вернется инфляция и процентные ставки пойдут вверх»[109].

Япония строго придерживалась принципа бездефицитного бюджета начиная с 1949 г., когда реформа, подготовленная Д. Доджем[110], покончила с послевоенным бюджетным кризисом. По закону о государственных финансах от 1947 г. в принципе запрещалось финансировать бюджетные расходы эмиссией долговых обязательств. Япония отказалась от политики бездефицитного бюджета в 1965 г., когда состояние инфраструктуры стало «узким местом» экономического развития. В порядке исключения, ставшего правилом, было разрешено финансировать программы общественных работ выпуском облигаций «строительных займов».

После нефтяного кризиса 1974 г. дефицит государственного сектора стал использоваться в качестве «встроенного стабилизатора» экономики. По закону от 1975 г. Министерству финансов было разрешено в пределах года, тоже в порядке исключения, финансировать выпуском краткосрочных облигаций кассовый разрыв между текущими расходами бюджета и налоговыми поступлениями. Это исключение тоже стало правилом. Министерство финансов выпускает большой набор ценных бумаг, стремясь диверсифицировать свои долговые инструменты и поддерживать их ликвидность. Это казначейские и финансовые векселя (treasury bills, financial bills) со сроками погашения до одного года; среднесрочные облигации (срочностью в 2 года и 5 лет), долгосрочные (10-летние) и сверхдолгосрочные (15-, 20-, 30-летние) облигации. В структуре выпуска в 2005–2006 гг. по срочности примерно по 20% приходится на 5-летние и 10-летние облигации и по 17% на облигации со сроком погашения в 2 года и сверхдолгосрочные. По видам — 18–20% составляют новые выпуски (в том числе облигации «строительных займов» — всего 3–4%) и 63–65% выпускается в счет погашаемых[111]. Предельная величина («потолок») новых выпусков устанавливается парламентом ежегодно при принятии бюджета.

Монетизация долга изымает у финансовых учреждений ресурсы, которые в ином случае могли бы использоваться для финансирования частных капиталовложений. Облигационные займы размещаются на первичном рынке в финансовых учреждениях-резидентах: это частные коммерческие банки, брокерские компании и компании страхования жизни. Только в 2003 г. началась продажа облигаций индивидуальным владельцам, а в 2004 г. — иностранным инвесторам (впервые за 100 лет после займов, которые японское правительство брало за границей для финансирования русско-японской войны)[112].

Однако значительную часть обязательств правительства держит государственный сектор: Бюро доверительных фондов, управляющее государственной пенсионной системой и сберегательными и страховыми вкладами граждан в почтово-сберегательные кассы, сами почтовые отделения, а также Корпорация страхования депозитов. За вычетом этой части, нетто-долг правительства не выглядит катастрофически огромным (см. табл. 3).

Таблица 3

Относительный объем и структура государственного долга Японии

На конец календарного года	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Валовой долг центрального правительства, % к ВВП	104,2	117,2	131,4	136,6	151,4	160,1
Чистый долг центрального правительства, % к ВВП	56,6	59,0	58,3	82,6	83,3	...
Держатели валового долга, всего (%):	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0*
Правительство	43,4	41,0	41,7	17,3	16,6	17,5*
Банк Японии	13,7	11,0	10,7	12,2	9,8	8,3*
Прочие	42,9	48,0	47,6	70,5	73,6	74,2*

* На конец ноября.

Подсчитано по: Nihon tokei geppo № 536, February 2006.

Государственный долг перемещается в частные банки, но это связано не с его монетизацией, а с реформой государственного сектора, начатой кабинетом Коидзуми[113]. Бюро доверительных фондов больше не покупает облигации по обязательной подписке. Банк Японии даже снизил свою долю среди держателей государственного долга.

Огромный рынок государственных облигаций к тому же не останавливается в росте. Стоимость выпущенных облигаций с 2000 и до конца 2005 г. увеличилась почти на 80%. Операции на открытом рынке, разумеется, увеличили баланс Банка Японии, но всего лишь на 40%. В составе его активов доля государственных бумаг в последнее время даже снижается[114]:

На 20 декабря каждого года	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Государственные ценные бумаги, % ко всем активам Банка Японии	54,3%	65,2%	67,1%	70,9%	65,5%	64,4%
В том числе сроком более года	...	...	44,4%	48,8%	45,0%	40,9%

Во-первых, Закон о банке Японии запрещает ему держать на балансе долгосрочные государственные облигации в объеме, превышаю-

щем эмиссию наличных денег. Во-вторых, вся ситуация с государственным долгом очень рискованна. Почти три четверти долгосрочного долга держит небольшая группа японских финансовых учреждений. Доходность ценных бумаг японского правительства колеблется (по данным за 2005 г.) на очень низком уровне: от 1,165% до 1,475%. В случае, если держатели начнут продавать облигации в массовом порядке, их курсовая цена упадет, а доходность поднимется, так как фиксированный процент исчисляется по текущей цене. Повышение доходности 10-летних облигаций на 1% принесло бы Банку Японии убыток в 1 трлн. иен (8,5 млрд. долл.)[115]. Неудивительно, что нынешний управляющий Банком Тосихико Фукуи не устает напоминать, что центральный банк не может играть роль «кошелька» для правительства[116].

12. Альтернативные пути: варианты второй и третий

Почему при хроническом профиците платежного баланса в Японии не возникает инфляция цен в результате продажи иностранных валютных активов на внутреннем рынке за иены, подобно тому, что мы видим в современной России?

И почему Япония не использует девальвацию иены по отношению к ключевым валютам для повышения уровня внутренних цен?

Действительно, Япония имеет устойчивое положительное сальдо платежного баланса по торговле и доходам от зарубежных инвестиций, но дефицит по статьям услуг и чистый отток капитала. Официальные валютные резервы — 864,9 млрд. долл. — выросли после 2000 г. в 2,3 раза. Казалось бы, приросту валютных резервов должен противостоять огромный приток ликвидности на внутренний рынок. Но это не так.

В отличие от закрытого национального рынка государственных ценных бумаг, валютный рынок Японии представляет собой часть глобального валютного рынка. По характеру операций это два яруса рынка. Один, межбанковский, на котором сделки ведутся между дилерами банков, работает на телефонной, а в последнее десятилетие — на компьютерной связи между валютными дилерскими отделами коммерческих банков. Другой, клиентский, работает по запросам заказчиков, выходя или не выходя на межбанковский рынок.

Операции с иностранной валютой свободны от контроля. Сделки не обязательно проводить через банки: любая фирма (промышленная компания, оператор торговых сетей, туристическое агентство, автомобильный дилер и т.д.) может вести их в качестве банковского агента, получив лицензию Агентства финансовых услуг. По сделкам, проходящим по капитальным статьям платежного баланса (прямым и портфельным инвестициям в акции, покупке и продаже иностранных облигаций, кредитам и займам), требуется только посылать уведомление

Министерству финансов постфактум. Как юридические, так и физические лица имеют право вести операции не только за рубежом, но и внутри страны с оплатой в иностранной валюте[117]. Корпорации ведут валютные расчеты через счета в японских и зарубежных банках и через собственные клиринговые центры. Валютный рынок обслуживает не только экспортеров, но и индивидуальных вкладчиков, имеющих инвалютные счета в банках (японских и зарубежных).

Колебания курса иены к иностранным валютам возникают в результате изменений спроса и предложения на валюту, сделок между всеми участниками рынка. Курс иены крайне чувствителен к ценовым условиям отечественного и зарубежных финансовых рынков. Ожидания важных событий (таких, как пересмотр официальной учетной ставки ФРС) могут сдвигать баланс и финансовые потоки в ту или иную сторону. Тогда курс иены становится волатильным. Долговременные тренды курса иены к доллару порядка 2–4 лет показывают колебания от 83 иен за доллар летом 1995 г. (самая высокая точка) до 133 иен за доллар в начале 2002 г. Эти отклонения сказываются на уровнях цен на товарных рынках и стоимостных объемах экспорта и импорта.

Иена обслуживает в среднем 35–40% экспорта и 20–25% импорта Японии. Доллар преобладает в обслуживании японского торгового оборота. Иена не является ключевой валютой даже для региональных расчетов в ближайшем окружении Японии. Курсы многих азиатских валют, в том числе важнейшей из них, китайского юаня, привязаны к доллару США. Региональной валютной системы, подобной европейской платежной системе, у Японии нет.

Япония — международный кредитор, работающий в чужой валюте — долларах и (в последние годы) евро. Роль страны в международном кредите не подкрепляется соответствующим положением банков. Позиция Японии как финансового посредника не сопровождается использованием иены как валюты посредничества. Иена не годится для этого, так как колеблется слишком непредсказуемо и недостаточно устойчива, чтобы быть привлекательной в качестве международной валюты.

Поэтому для денежной политики курс иены — экзогенная переменная, на которую очень трудно влиять, хотя интересы японских экспортеров, от которых сильно зависит внутренняя конъюнктура, всегда требуют, чтобы иена была дешевой. Правда, уровень внутренних цен не вполне следует за курсом иены (см. табл. 1 и 2 в Прил.). Единственным инструментом, который могут использовать денежные власти для удешевления иены, является интервенция на валютном рынке.

Банк Японии проводит валютные интервенции (покупку или продажу иен за валюту) в качестве агента правительства по распоряжению Министерства финансов. Банк использует ресурсы специального валютного счета в национальном бюджете. Активы этого счета вместе с валютными ресурсами Банка Японии образуют официальные валютные

резервы страны. Это накопленные результаты валютных интервенций. Валютные активы Банка и Министерства финансов вложены в наименее рискованные активы — государственные облигации главных развитых стран, а также размещены на депозитах центральных банков этих стран и Базельского банка международных расчетов.

Отслеживая динамику курса иены день ото дня, денежные власти замечают опасные моменты, когда курс может делать резкие скачки. Министерство финансов отдает Банку Японии срочное распоряжение о вмешательстве. Брокеры валютного отдела покупают или продают иены на Токийском межбанковском валютном рынке и по телефону или по международной связи SWIFT на европейских или нью-йоркском рынках, а в те часы, когда японские банки закрыты, по их поручению сделки могут вести центральные банки зарубежных стран.

Если иеновых ресурсов специального валютного счета не хватает для текущей покупки долларов (или любой другой валюты), Министерство финансов выпускает на рынок финансовые или казначейские векселя, их покупает частный сектор. Банк Японии также покупает их и стерилизует валютные поступления. При продаже долларов (или любой другой валюты) финансовые векселя выкупаются на соответствующую сумму. Денежная эмиссия связана не с притоком активов из-за границы, а с тем, какие суммы покупает государство в порядке валютных интервенций.

С января 2003 г. до конца марта 2004 г. японское правительство по настойчивым требованиям экспортеров проводило массированные валютные интервенции. Оно купило 320 млрд. долл., но «сбить» повышение курса иены не удалось. По-видимому, покупка Банком Японии финансовых векселей целиком уложилась в объем ликвидности, который Банк поддерживал на текущих счетах «держателей денег». Но аналитики не смогли определить, насколько эти операции увеличили денежную базу[118].

Валютные поступления были вложены главным образом в покупку облигаций Казначейства США, которыми финансируется американский бюджетный дефицит.

Валютная интервенция — пассивный и неэффективный инструмент коррекции валютного курса. При полной либерализации валютного рынка второй промышленной державе мира не удается «организовать» девальвацию национальной валюты.

* * *

Экономический подъем в Японии начался в 2003 г. на основе роста экспорта и финансировался главным образом прибылями от него. Денежно-кредитная политика Банка была чрезвычайно выгодна для экспортеров, так как при процентных ставках, близких к нулю, банковский

кредит почти ничего им не стоил. Но затем основой подъема стал внутренний инвестиционный и потребительский спрос. Начался рост потребительских цен на годовом уровне. Банк Японии признал, что условия для окончания «чрезвычайной» денежной политики выполнены, и 9 марта 2006 г. объявил о ее завершении.

Японская «великая рецессия» закончилась.

Нельзя не признать, что на рубеже XX и XXI вв. экономическая история провела эксперимент — более чистый и полноценный, чем все симуляции на эконометрических моделях, — для проверки правильности гипотез и концепций макроэкономической политики, которые сложились после Великой депрессии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Katz R.* Japanese Phoenix. The Long Road to Economic Revival. Princeton, 2003, p. 30.

[2] *Harada Y., Onishi S.* Japan's Great Recession: What Went Wrong? — ESRI Discussion Paper. Series № 77. November 2003, p. 1.

[3] Выше только в Южной Корее — 29% (Keizai Koho Center. Japan 2004. An International Comparison. Tokyo, 2005, p. 112).

[4] В Норвегии — 48 698 долл.; в Швейцарии — 44 885; в Дании — 39 599; в США — 37 427; в Швеции — 33 965 долл., а в Японии — 33 617 долл.

[5] International Department, Bank of Japan. Japan's International Investment Position at Year-End 2004. August 2005.

[6] По сводной оценке конкурентоспособности, которую ежегодно проводит швейцарский институт IMD по 314 критериям (World Competitiveness Report), японская экономика занимала первое место в мире в начале 1990-х годов, ушла на 27-е в 1995 г. и поднялась только на 21-е в 2005 г. («Нихон кэйдзай симбун». 21.05.2005; подробнее см.: www.weforum.org).

[7] Индексы цен несовершенны, так как они рассчитываются от неизменной базы (набора товаров и услуг для базисного года). С течением времени набор теряет репрезентативность. Ошибка может составлять от 5 до 1 процентного пункта. Поэтому темп в ±1% может означать стабильность цен с учетом статистической погрешности.

[8] *Bordo M.D., Filardo A.* Deflation and Monetary Policy in a Historical Perspective: Remembering the Past or Being Condemned to Repeat It? — NBER Working Paper. No. 10833. October 2004.

[9] Политическая экономия. Учебник. М., 1954, с. 274.

[10] *Fisher I.* The Debt-Deflation Theory of Great Depressions. — Econometrica. October 1933, vol. 1, № 4.

[11] Ibid., p. 342–343.

[12] Ibid., p. 344–345.

[13] *Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.

[14] *Hicks J R.* Mr. Keynes and the «Classics»: A Suggested Interpretation. — Econometrica. April 1937, vol. 5, № 2

[15] Ibid., p. 134–135.

[16] *Friedman M., Schwartz A J.* A Monetary History of the United States 1867–1960. Princeton, 1963, p. 407–420. Следует сказать, что руководство ФРС свою ошибку отрицало. На слушаниях в Сенате тогдашний глава ФРС заявил, что причиной депрессии было «неравномерное распределение богатства» и связанный с этим недоста-

точно высокий уровень массового потребления. Об этом сообщает Томас Каргилл (*Cargill T.F.* Monetary Policy, Deflation, and Economic History: Lessons for the Bank of Japan. — Monetary and Economic Studies (Special Edition). February 2001, p. 9).

[17] *Bernanke B.S.* The Macroeconomics of the Great Depression: a Comparative Approach. NBER Working Paper. № 4814. August 1994, p. 29–30.

[18] *Cargill T.F.* Op. cit., p. 9.

[19] *Bordo M.D., Filardo A.* Op. cit., p. 12.

[20] *Сакс Д., Ларрен Ф.Б.* Макроэкономика. Глобальный подход. М., 1999, с. 410.

[21] Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 1997, с. 291.

[22] *Bordo M.D., Filardo A.* Op. cit., p. 21.

[23] Deflation: Making Sure «It» Doesn't Happen Here. Remarks by FRB Governor Ben S. Bernanke before the National Economists Club. Wash., November 21, 2002.

[24] Conference on «Monetary Stability, Financial Stability and the Business Cycle». Basel, March 28–29, 2003.

[25] International Monetary Fund. Deflation: Determinants, Risks, and Policy Options. — Findings of an Interdepartmental Task Force. April 30, 2003.

[26] Валютные курсы не выполняют функцию передаточного механизма, так как фирмы-экспортеры из развитых стран не всегда полностью переносят колебания курсов на цены. Очень часто они ориентируются на цены внутренних рынков в тех странах, где реализуются их товары (pricing-to-market). См.: *Otani A.* Pricing-to-Market (PTM) and the International Monetary Policy Transmission: the «New Open-Economy Macroeconomics» Approach. Tokyo, 2002.

[27] Именно так в Еврозоне восприняли отказ ФРС от политики «сильного доллара» в мае 2003 г. Между тем смена вектора валютной политики в сторону девальвации доллара США имела одной из целей предотвращение дефляции. Глава ФРС А. Гринспен заявил в Конгрессе, что, хотя дефляция — это отдаленная опасность, она сейчас серьезнее, чем старый враг — инфляция (The New York Times. 22.05.2003).

[28] International Monetary Fund. Deflation, p. 4. Эксперты МВФ нашли, что опасность дефляции существовала в Гонконге, на Тайване и в континентальном Китае, где недогруженные мощности и трудовые ресурсы были велики, а в Европе — только в Германии и Швейцарии.

[29] В мае 2003 г. Центральный банк Евросоюза установил нижнюю планку годового прироста цен в 1%, что немедленно вызвало критику со стороны ведущих банков Европы, посчитавших эту цифру опасно низкой (The New York Times. 05.05.2003).

[30] В истории были знаменитые «пузыри»: в XVII в. в Голландии на рынке луковиц тюльпанов; в XVIII в. в Англии с акциями Компании Южных морей (см.: *Аникин А.* История финансовых потрясений от Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000). Последним по времени был «пузырь» на рынке акций Интернет-компаний (dotcom bubble) в США в 2000 г.

[31] International Monetary Fund. World Economic Outlook April 2000, p. III. Asset Prices and the Business Cycle, p. 77–112.

[32] Облигации со свободной ставкой процента, сертификаты депозитов и другие производные ценные бумаги.

[33] Строго говоря, Банк только исполнял решения о валютных интервенциях, принимавшиеся Министерством финансов. По закону о Банке Японии, действовавшему до апреля 1998 г., независимость Банка была неполной.

[34] Ее полное название: Комиссия по проблемам структурной адаптации экономики для развития международного сотрудничества. Полный текст доклада Маэкавы см.: Сюкан тоё кэйдзай. 02.05.1986.

[35] Подробно о внешнеторговой политике Японии см.: Всемирная торговая организация и национальные экономические интересы. М., 2003.

[36] *Okina K., Shirakawa M., Shiratsuka S.* The Asset Price Bubble and Monetary Policy: Japan's Experience in the Late 1980s and the Lessons. Tokyo, February 2001, p. 3–5.

[37] *Okina K., Shirakawa M., Shiratsuka S.* Op. cit., p. 28.

[38] В 1985 г. Министерство финансов Японии объявило политику либерализации и интернационализации денежных рынков и рынков капитала. В 1986–1987 гг. Токийская фондовая биржа приняла в свои члены 29 иностранных брокерских компаний.

[39] Формирование «пузыря» было связано не только с избытком ликвидных средств, но и с олигополистической структурой рынка его профессиональных участников (брокерских компаний) и с жестко зарегулированным доступом корпораций к биржевой котировке своих акций.

[40] Статистика не связывает движение цен активов и товарных цен. Они не учитываются вместе. Так, в индексы потребительских цен включается плата за аренду жилья — рента (для арендуемого жилья) и вмененная рента для собственного жилья, но не стоимость жилья как такового.

[41] Cabinet Office. Annual Report on National Accounts of FY2001. Tokyo, 2002.

[42] *Ballon R.J., Mikitani M.* Japanese Business and Financial Disclosure. Tokyo, 2000, p. 214–215. Оценка активов по рыночной цене (market price accounting method) вводилась в несколько приемов и стала обязательной в апреле 2001 г.

[43] *Shiratsuka S.* Asset Price Bubble in Japan in the 1980s: Lessons for Financial and Macroeconomic Stability. The Bank of Japan, IMES Discussion Paper № 2003-E-15, p. 8.

[44] Это третий бюджетный кризис в послевоенной истории страны. Первый бюджетный кризис случился по окончании Второй мировой войны (1946–1952), второй — после «нефтяных шоков» (1974–1985).

[45] Последние данные Министерства финансов (www.mof.go.jp/english/statistics). Это брутто-величина, включающая взаимные обязательства правительственных учреждений. После очистки от повторного счета накопленный государственный долг частному сектору составляет 62% ВВП.

[46] The Economist. 18.02.1999. «Экономист» ссылается на книгу президента американской консалтинговой фирмы А.Г. Шиллинга: *Shilling A.G.* Deflation: Why It's Coming, Whether It's Good or Bad, and How It Will Affect Your Investments, Business, and Personal Affairs. N.Y., 1998.

[47] The Economist. 30.08.2001.

[48] *Krugman P.R.* It's Baaack! Japan's Slump and the Return of the Liquidity Trap. Brookings Papers on Economic Activity. 1998, № 2. В настоящее время Кругман — профессор Принстонского университета и обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс».

[49] *Svensson L.E.O.* The Zero Bound in an Open Economy. A Foolproof Way to Escape from a Liquidity Trap. — NBER Working Paper. № 7957. October 2000, p. 23.

[50] Цит. по.: *Mikitani R., Posen A S.* (eds.). Japan's Financial Crisis and Its Parallels to U.S. Experience. — Institute for International Economics. Special Report 13. September 2000, p. 160–165.

[51] *Itoh M., Shimoi N.* On the Role of Monetary Policy in a Deflationary Economy: The Case of Japan. The University of Tokyo, Faculty of Economics. Discussion Paper No CIRJE-F-90. Tokyo, September 2000, p. 27.

[52] *Okina K.* Monetary Policy under Zero Inflation: A Response to Criticisms and Questions Regarding Monetary Policy. Tokyo, 1999, p. 164–165.

[53] The Bank of Japan Law (www.boj.or.jp). Составляющие денежных агрегатов в разных странах несколько различаются.

[54] Здесь и далее определения активов приводятся по: Bank of Japan. Guide to Japan's Money Stock Statistics, 2005 (www.boj.or.jp).

[55] Institute for Monetary and Economic Studies (IMES). Functions and Operations of the Bank of Japan. Tokyo, 2004, chapter III.

[56] Первичные выпуски государственных облигаций продаются Министерством финансов на аукционах частным держателям (преимущественно банкам). Банк Японии имеет право покупать их на рынке только через год после выпуска.

[57] Эта система, созданная еще в 1875 г., располагает 24 тыс. отделений по всей Японии и отчасти напоминает сеть советских сберкасс. На ее счетах размещено примерно 25% финансовых активов населения. Средства на счетах почтово-сберегательных касс до последнего времени в обязательном порядке переводились на счета Бюро доверительных фондов, финансировавшего государственный сектор. Система почтово-сберегательных касс вместе с почтовым ведомством будет акционирована и приватизирована в 2007–2017 гг.

[58] Физические лица, компании, учреждения местной исполнительной власти, государственные и муниципальные предприятия.

[59] Федеральный закон США от 1933 г., по которому коммерческим банкам было запрещено иметь на счетах, размещать, покупать и продавать акции и корпоративные облигации. Несколько раз смягчался и был отменен в 1999 г.

[60] Establishment and Enterprise Census 1996 and 2001, table 5 (www.stat.go.jp /english).

[61] «Головные банки» обычно являются акционерами своих заемщиков. Антимонопольный закон ограничивает участие банков в капитале нефинансовых компаний долей в 5%. Но структура акционерного капитала крупных компаний настолько распылена, что первой пятерке акционеров обычно принадлежит 15–17% капитала. Это относится также к крупным «городским» и региональным банкам, которые являются открытыми акционерными компаниями и котируют свои акции на биржах.

[62] По аналогии с названной так финансовой реформой, которая была успешно проведена в Англии в 1986 г.

[63] Total Losses on Disposal of Non-Performing Loans of All Banks. FSA Press Release, August 1, 2003 (www.fsa.go.jp).

[64] Ее фонд были пополнен из средств Банка Японии. 1 апреля 2005 г. введен «потолок» гарантирования вкладов в 10 млн. иен (примерно 95 тыс. долл.).

[65] Аналогичный опыт был получен и в США при «спасении» ссудно-сберегательных касс.

[66] Нихон кэйдзай симбун. 19.08.2003.

[67] The Nikkei Weekly. 24.04.2000.

[68] Закон ввел правила передачи обязательств обанкротившихся компаний покупателям их бизнеса. Практика применения закона показала, что при реорганизации фирмы обычно выплачивают 27% своих долгов.

[69] См.: Structural Reform of the Japanese Economy: Basic Policies for Macroeconomic Management. June 21, 2001, p. 1 (www.cao.go.jp/english).

[70] Financial Services Agency. Program for Financial Revival — Revival of the Japanese Economy through Resolving Non-Performing Loans Problems of Major Banks. 30.10.2002 (www.fsa.go.jp).

[71] Significance of Efficient Financial Services for the Future of Japan's Economy. Speech Given by T. Fukui, Governor of the Bank of Japan, to the Japan Center for Economic Research in Tokyo on July 22, 2004, p. 5 (www.boj.or.jp).

[72] Winding up of the Stock Purchasing Program. Bank of Japan. September 30, 2004 (www.boj.or.jp).

[73] Нихон кэйдзай симбун. 15.12.2005.

[74] 1 апреля 2005 г. Фонд, выполнивший свою программу, был закрыт.

[75] Этот банк финансировал трех своих крупных должников через свои дочерние структуры, а когда должники «рухнули», оставив банку обесценившиеся залоги, они выкупили их на деньги, полученные от банка.

[76] Это право было предоставлено банкам в 1998 г. Законом о финансовом оздоровлении.

[77] Нихон кэйдзай симбун. 23.10.2002

[78] Нихон кэйдзай симбун. 01.02.2005.

[79] The Nikkei Weekly. 07.03.2005.

[80] «Дайити-Кангё», «Мицуи Тайё Кобэ», «Мицубиси», «Сумитомо», «Фудзи», «Санва», «Дайва», «Сайтама», «Токай», «Хоккайдо такусёку» и «Банк Токио».

[81] Напомню, что это — «Мидзухо», «Токио-Мицубиси», «Сумитомо-Сакура», «UFJ (United Financial of Japan)» и «Рисона».

[82] Данные Ассоциации банков Японии (www.zenginkyo.or.jp).

[83] См.: Toward the Further Enhancement of Financial Services in Japan. Speech Given by T. Fukui, Governor of the Bank of Japan, at a Meeting of the Council for Financial Innovation in Tokyo on November 4, 2003 (www.boj.or.jp).

[84] Нихон кэйдзай симбун. 23.12.2005.

[85] Financial Statements of Major Banks (Non-Consolidated). FSA, March 2005 (www.fsa.go.jp)

[86] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Structural Reform 2004, p. 2 (www.keizai-shimon.go.jp).

[87] Bank Regulation and Market Discipline around the World. — RIETI Discussion Paper. Series 04-E-031. October 2004.

[88] Financial Services Agency. Program for Further Financial Reform. December 2004 (www.fsa.go.jp).

[89] *Hamada K., Noguchi A.* The Role of Preconceived Ideas in Macroeconomic Policy: Japan's Experiences in Two Deflationary Periods. — Discussion Paper. Series № 97. Hitotsubashi University Research Unit for Statistical Analysis in Social Sciences. June 2005.

[90] См.: *Saxonhouse G.R.* Good Deflation/Bad Deflation and Japanese Economic Recovery. — Institute of Economic Research. Hitotsubashi University. Discussion Paper. Series № 104. June 2005.

[91] Цит. по: *Oda N., Okina K.* Further Monetary Easing Policies under the Non-Negativity Constraints of Nominal Interest Rates: Summary of the Discussion Based on Japan's Experience. — IMES Discussion Paper. Series 2000-E-24. September 2000, p. 4.

[92] Размеры резервов устанавливаются на месяц вперед и ранжируются по величине клиентских депозитов в финансовых учреждениях.

[93] *Ogawa K.* Why Commercial Banks Held Excess Reserves: The Japanese Experience of the Late '90s. The Institute of Social and Economic Research, Osaka University. Discussion Paper № 625. December 2004.

[94] Ставка не дошла буквально до нуля из-за трансакционных издержек. При переводе средств на счета дилерских компаний (*tanshi*) Банк берет с них 0,01% за риск, а заемщики платят им еще 0,01% за риск. Спред может дойти до 0,02–0,03%.

[95] По статье 33 Закона о Банке Японии, Банк может кредитовать экономических агентов только путем покупки ценных бумаг или под залог ценных бумаг. Статья 37 дает ему право кредитовать финансовые учреждения без залога, «если они неожиданно испытывают временный недостаток ликвидных средств для платежей в силу случайных причин» (The Bank of Japan Law. — www.boj.or.jp).

[96] A Summary of the Speech Given by Masaru Hayami, Governor, the Bank of Japan, to the Kisaragi-kai Meeting in Tokyo on December 22, 1998 (www.boj.or.jp).

[97] Ценные бумаги, обеспеченные активами, продаются фирмами, имеющими слишком низкий кредитный рейтинг для того, чтобы выпускать облигации. Выручка обычно используется для погашения долгов и выплаты процентов по ним.

[98] Remarks Given by Kazuo Ueda, Member of the Policy Board of the Bank of Japan, at the Federal Reserve System Conference on Monetary Policy in a Low-Inflation Environment, in Woodstock, Vermont, on October 20, 1999 (www.boj.or.jp).

[99] Remarks by Yutaka Yamaguchi, Deputy Governor of the Bank of Japan, at the JCIF' International Finance Seminar on October 17, 2001 (www.boj.or.jp).

[100] Bank of Japan Annual Review 2005, p. 124.

[101] Toward Revitalization of Japan's Economy. Speech by Mr. Masaru Hayami, Governor of the Bank of Japan, at the Keizai (Economic) Club in Tokyo on January 29, 2002 (www.boj.or.jp).

[102] *Mikitani R.* and *Posen A.* (eds.). Japan's Financial Crisis and Its Parallels to U.S. Experience. Institute for International Economics, Special Report 13, September 2000, p. 162–163.

[103] *Friedman M.* The Optimum Quantity of Money, in Milton Friedman, The Optimum Quantity of Money and Other Essays. Chicago. 1969. Chapter 1, p. 1–50 (цит. по: *Buiter W.* Helicopter Money: Irredeemable Fiat Money and the Liquidity Trap. NBER Working Paper № 10163, September 2003).

[104] Статья 14 Закона о государственном предприятии СССР от 30.06.1987, п. 1, гласила: «Заработная плата каждого работника определяется конечными результатами работы, личным трудовым вкладом работника и максимальным размером не ограничивается».

[105] *Bernanke B.* Some Thoughts on Monetary Policy in Japan, speech to Japan Society of Monetary Economics, May 31, 2003. BIS Review № 25, 2003 (www.bis.org).

[106] *Ball L.* Fiscal Remedies for Japan's Slump. NBER Working Paper № 11374. May 2005.

[107] Отделение управления государственным долгом от управления денежным хозяйством поддерживалось даже без юридически оформленной независимости Банка. Закон о Банке Японии от 1942 г. не содержал положения о его независимости.

[108] Сеньораж — разница между номиналом и стоимостью изготовления банкнот и металлических денег.

[109] Mr. Hayami discusses the Bank of Japan's thinking behind the current zero interest rate policy. Speech by the Governor of the Bank of Japan, Mr. Masaru Hayami, at the Japan National Press Club in Tokyo on 22 June 1999. BIS Review 80/1999 (www.bis.org)

[110] Додж был управляющим Детройтского банка и одним из авторов проекта денежной реформы 1947 г. в Западной Германии.

[111] По данным Министерства финансов. Planned Bond Issuance for FY2006 (www.mof.go.jp).

[112] Обращение к иностранным инвесторам не имело успеха. Рейтинговые агентства Moody's и Standard & Poor's присвоили облигациям японского правительства рейтинг ниже, чем у Ботсваны (The New York Times, 15.01.2005).

[113] Концепция реформы бюджетной системы, предложенная в 2001 г., предусматривает сокращение числа бюджетополучателей, слишком свободно расходующих государственные средства. Они либо приватизируются, либо постепенно переводятся на выпуск собственных облигаций. Эти облигации не включаются в государственный долг. Финансирование ежегодных программ бюджетных инвестиций, которое раньше шло через Бюро инвестиций и займов, тоже постепенно переводится на выпуск собственных облигаций

[114] Подсчитано по архивным данным Банка Японии. Bank of Japan Accounts (www.boj.or.jp).

[115] Нихон кэйдзай симбун. 08.05.2005.

[116] Нихон кэйдзай симбун. 14.01.2005.

[117] Полная либерализация валютных расчетов проведена в 1998 г. с принятием нового Закона об иностранной валюте и внешней торговле. Право любой компании вести агентские операции дано при пересмотре Закона в банковской деятельности в 2005 г.

[118] *Fatum R.* and *Hutchison M.* Foreign Exchange Intervention and Monetary Policy in Japan, 2003–2004. Institute of Economic Research, Hitotsubashi University. Discussion Paper Series № 93, June 2005.

Таблица 2

Движение цен и курса иены к доллару*

Год	Оптовые цены[1] (2000 г. = 100)	Потребительские цены (2000 г. = 100)	Дефлятор ВВП (2000 г. = 100)	Цены на городскую землю (1000 иен за кв. м)[2]	Фондовый индекс Никкэй 225[3]	Валютный курс Г / $[3]
1985	106.7	89.1	97.2	485.2	38.916	143.40
1990	108.3	92.1	98.7	514.2	23.848	185.40
1991	109.4	95.1	101.7	504.3	22.984	125.25
1992	108.4	98.7	103.1	423.4	16.925	124.65
1993	106.7	98.0	104.0	350.0	17.417	111.85
1994	104.9	98.6	104.6	322.8	19.723	99.74
1995	104.1	98.5	104.4	306.6	19.868	102.83
1996	102.4	98.6	103.4	288.6	19.361	116.00
1997	103.0	100.4	103.8	279.4	15.259	129.95
1998	101.5	101.0	102.9	267.6	13.842	116.60
1999	100.0	100.7	101.5	245.9	18.934	102.20
2000	100.0	100.0	100.0	232.4	13.786	114.90
2001	97.7	99.3	98.7	221.8	10.543	131.47
2002	95.7	98.4	97.4	211.2	8.579	118.37
2003	94.9	98.1	96.0	202.4	10.667	108.97
2004	96.1	98.1	94.9	196.4	11.489	103.78
2005	97.7	97.8	—	—	16.111	117.48

* Нихон токэй нэнкан. 2005; Нихон токэй гэппо. 2004, июнь, № 516, с. 8–11; Тоё кэйдзай токэй гэппо. 2005, № 9.

[1] В настоящее время индекс оптовых цен с базой 2000 г. составляется Банком Японии и публикуется под названием «индекс цен на корпоративные товары». Он охватывает главным образом товары межфирменного оборота (Revision of the Wholesale Price Index Switchover to the 2000 Base Corporate Goods Price Index <CGPI>. Bank of Japan, December 9, 2002. – www.boj.or.jp)

[2] В городской черте Токио.

[3] На конец года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Экономическая ситуация в Японии — основные показатели*

Год	Прирост ВВП, %[1]	Прирост промышленного производства, %[2]	Прирост валовых вложений в основной капитал, %[1]	Индекс реальной зарплаты, 2000 г. = 100	Уровень безработицы, %	Объем подрядов на «общественные работы», трлн. иен	Государственный долг, % от ВВП[3]	Золото-валютные резервы млрд. долл.[4]
1989	4,8	6,4	11,1	95,8	2,3	13,4	*48,1*	84,9
1990	5,1	4,1	8,9	97,3	2,1	14,6	*37,9*	77,1
1991	3,3	1,7	2,6	97,5	2,1	17,3	*48,7*	69,0
1992	1,0	-6,1	-6,8	97,6	2,2	18,3	*51,0*	68,7
1993	0,3	-3,9	-7,9	97,2	2,5	19,8	*52,3*	95,6
1994	1,0	1,0	-2,7	98,4	2,9	17,6	*55,1*	122,8
1995	1,9	3,2	0,8	100,5	3,2	19,2	*62,3*	182,8
1996	3,4	2,3	6,4	102,0	3,4	16,3	*70,7*	217,9
1997	1,9	3,6	5,3	102,4	3,4	15,9	*70,8*	220,8
1998	-1,1	-6,8	-4,3	100,4	4,1	16,6	*83,3*	215,9
1999	0,1	0,2	-3,2	99,4	4,7	15,4	*93,9*	288,1
2000	2,9	5,7	7,9	100,0	4,7	18,1	*101,7*	361,6
2001	0,4	6,8	-0,1	99,4	5,0	16,8	*116,3*	402,0
2002	-0,5	-1,3	-6,9	97,5	5,4	15,5	*129,3*	469,7
2003	2,5	3,3	6,7	97,0	5,3	12,7	*133,6*	673,5
2004	3,6	5,5	6,6	96,3	4,7	12,0	*148,6*	844,5
2005		1,3		99,0	4,4			846,9

* Подсчитано по: Никон токэй нэнкан 2005; Никон токэй гэппо. 2000, июнь, № 468; 2005, сентябрь, № 531; Тоё кэйдзай токэй гэппо. 2005, № 9

[1] В постоянных ценах 1995 г.

[2] Добывающая и обрабатывающая промышленность (рассчитано по индексам, 2000 г. = 100).

[3] Накопленный внутренний долг центрального правительства и префектур, фин. г.

[4] На конец года.

Таблица 3

Денежные агрегаты, мультипликатор и соотношение между денежной массой и ВВП*

Год	Прирост M1[1], %	Прирост M2+CD[2], %	*M2+CDs: M1, %*[3]	*M2+CD ВВП*[4]
1989	2,4	10,2	*398,6*	*105,6*
1990	4,5	12,0	*434,0*	*109,2*
1991	9,5	7,4	*427,6*	*107,5*
1992	3,9	2,3	*411,4*	*104,2*
1993	7,0	-0,2	*403,9*	*104,6*
1994	4,2	2,2	*391,1*	*105,6*
1995	13,1	2,8	*372,4*	*107,3*
1996	9,6	3,2	*338,1*	*107,9*
1997	8,5	5,2	*320,4*	*108,9*
1998	5,0	4,0	*308,0*	*115,1*
1999	11,7	2,7	*289,0*	*121,0*
2000	8,2	1,9	*272,9*	*122,6*
2001	8,5	3,3	*258,7*	*127,9*
2002	27,6	3,3	*209,5*	*134,2*
2003	8,2	1,7	*196,7*	*136,5*
2004	4,0	1,9	*192,6*	*137,0*
2005	4,7	1,8	*187,4*	...

* Кэйдзай токэй нэнкан (Ежегодник экономической статистики). Токио, 1999; Нихон токэй гэппо. 1993, ноябрь, № 379; 2004, сентябрь, № 519; 2005, ноябрь, № 503.

[1] Денежная база: банкноты и монеты в обращении плюс остатки на счетах финансовых учреждений в Банке Японии.

[2] Денежная масса: денежная база плюс сертификаты депозитов, плюс срочные и валютные вклады.

[3] Мультипликатор денежного спроса.

[4] The Marshallian k. В текущих ценах.

Таблица 4

Банковские кредиты и процентные ставки, %*

Год	Прирост банковских кредитов и учета векселей (остатки на счетах), %	Дисконтная ставка Банка Японии	Ставка «овернайт» на межбанковском рынке	Доходность государственных облигаций с 10-летним сроком погашения	Средняя контрактная ставка по банковским кредитам и учету векселей[1]	Средняя ставка по срочным депозитам в банках[2]
1989	10,8	4,25	6,660	5,707	5,759	4,320
1990	7,5	6,00	8,340	6,412	7,895	6,080
1991	-3,8	4,50	5,560	5,533	6,942	5,250
1992	11,1	3,25	3,910	4,805	5,357	3,820
1993	1,1	1,75	2,440	3,342	4,414	2,581
1994	0,3	1,75	2,280	4,529	4,047	1,885
1995	1,1	0,50	0,460	3,194	2,788	1,091
1996	-4,1	0,50	0,440	2,727	2,533	0,504
1997	1,0	0,50	0,470	1,918	2,367	0,388
1998	0,8	0,50	0,320	2,050	2,255	0,363
1999	-4,1	0,50	0,050	1,704	2,100	0,273
2000	-0,1	0,50	0,200	1,659	2,116	0,256
2001	-3,4	0,10	0,002	1,329	1,880	0,168
2002	-3,7	0,10	0,001	0,888	1,834	0,113
2003	-4,3	0,10	0,001	1,330	1,799	0,068
2004	-2,4	0,10	0,002	1,502	1,732	0,046
2005	1,1	0,10	0,004	1,470	1,623	0,001

* Кайдзай токэй нэнпан. Токио, 1999; Нихон токэй гэппо. 1993, ноябрь, № 379; 2004, сентябрь, № 519; 2005, ноябрь, № 503.

[1] В 1989–1993 гг. — крупнейшие банки, 1994 г. и далее — все банки.

[2] Депозиты на срок более 1 года.

В. Зайцев

СБЕРЕЖЕНИЯ И РОСТ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Введение

Высокий уровень сбережений в Японии — феномен, который в послевоенные годы приковывал внимание экономистов во всем мире. Как и во всех развитых странах, наибольшая доля совокупных сбережений в экономике приходится на сектор домашних хозяйств. До начала 90-х годов японские домашние хозяйства сберегали значительно большую часть доходов, чем домашние хозяйства других развитых стран. Накопленная сумма сбережений миллионов японцев достигла к настоящему времени астрономической величины — примерно 12 трлн. долл.

В годы послевоенной индустриализации и высоких темпов экономического роста эти деньги трансформировались в дешевый капитал для промышленности, внося свою лепту в японское «экономическое чудо». Затем они же способствовали разбуханию крупнейшей в истории экономики «мыльного пузыря», когда банки стали охотно переводить деньги вкладчиков в займы для ненасытных скупщиков недвижимости.

Когда в начале 90-х годов экономика Японии погрязла в рецессии, затянувшейся на десятилетие, японцы продолжали сберегать и сберегать. Не будет преувеличением сказать, что каждое домашнее хозяйство участвовало в спасении архаичной финансовой системы страны от полного развала. До сих пор огромные деньги, хранящиеся на личных счетах в коммерческих банках и почтово-сберегательной системе, тратятся на покупку государственных облигаций. Последние, в свою очередь, используются для финансирования огромного государственного долга, включая ежегодные бюджетные дефициты порядка 10% ВВП.

Авторы многочисленных исследований пытались объяснить, что́ же заставляет японцев откладывать значительную часть своих доходов на будущее. Однако, как представляется, единство взглядов так и не было достигнуто[1]. Экономисты и политики часто расходятся в оценках последствий высокой нормы сбережений. Одни считают ее благом, как источник предложения капитала всему миру, что удерживает глобальные процентные ставки от повышения. Другие критикуют высокую норму

© В. Зайцев, 2006

сбережений как свидетельство вялости внутреннего спроса, влекущего за собой торговые конфликты.

Пока шли эти споры, обозначилась новая, набирающая силу тенденция к существенному снижению нормы сбережений домашних хозяйств. Если мощная машина сбережений сбросит обороты слишком быстро, патология японской экономики, обремененной проблемами слабых банков, дефляции и длительной рецессии, многократно усилится.

Динамика нормы сбережений весьма симптоматична. Еще в середине 70-х годов японские домашние хозяйства сберегали более 20% своих доходов. К началу 90-х годов этот показатель снизился примерно до 14%, а сейчас колеблется уже вокруг 7%. Норма сбережений японских домашних хозяйств стремительно приближается к уровню США (около 4%) и уже ниже, чем во Франции, Германии и Италии.

Обычно в качестве главной причины снижения этой нормы называется процесс старения населения. Это действительно так. В XXI в. Япония, несомненно, будет стареющим обществом. Согласно официальным прогнозам, доля лиц в возрасте старше 65 лет составит в 2015 г. 25,2% и достигнет пика (32,3%) в 2049 г.

Столь высокая доля населения старших возрастов будет оказывать серьезное воздействие на различные аспекты экономического развития страны, на функционирование пенсионной системы, производительность труда и, разумеется, на норму сбережений. Согласно положениям теории жизненного цикла домашних хозяйств, норма сбережений обязательно снижается по мере старения населения. Более того, в стареющем обществе выплаты из фондов социального обеспечения растут быстрее, чем поступления в них, что снижает норму государственных сбережений.

Целью данной статьи является анализ факторов, воздействующих на уровень сбережений в Японии, а также среднесрочный прогноз его изменений в период до 2010 г. Так как сектор домашних хозяйств служит главным генератором сбережений, основное внимание будет сконцентрировано на сдвигах в потребительском и сберегательном поведении японцев в связи с возрастной структурой домашних хозяйств[2]. Для большей четкости изложения я намереваюсь рассмотреть некоторые стороны самой концепции сбережений.

Экономика сбережений

В любой экономике только внутренние сбережения могут быть источником финансирования подавляющей части инвестиций и на этой основе — стабильного и долгосрочного экономического роста. Привлечение зарубежных сбережений способно поддержать какую-то часть (как правило, незначительную) внутренних инвестиций. Много-

численными эмпирическими исследованиями доказана четкая позитивная корреляция между внутренними сбережениями и реальным экономическим ростом.

Норму сбережений можно по-разному определять в зависимости от того или иного уровня агрегирования. Так, норма валовых национальных сбережений отражает долю валовых внутренних сбережений в ВВП, т.е. статистически измеренную сумму внутренних сбережений по отношению к объему доходов. Широко используются также нормы сбережений по отдельным институциональным секторам: домашним хозяйствам, корпорациям и правительству (государству). Каждый из секторов может подвергаться дальнейшей детализации. Сумма сбережений первых двух секторов образует норму частных сбережений.

Данные о валовых сбережениях публикуются в статистике национальных счетов. Поскольку она достаточно унифицирована и широко доступна, возможны международные сопоставления. Однако остается ряд методологических проблем.

Сбережения равны доходам минус потребление, поэтому неточность данных национальных счетов может проистекать со стороны как доходов, так и потребления. Например, поступления от прироста капитала, равно как и соответствующие потери (в результате изменения рыночной стоимости активов), а также амортизация капитала должны учитываться при подсчете доходов. Стоимостная оценка услуг, оказываемых товарами длительного пользования, должна включаться в потребление. Напротив, накопление отчислений для будущих пенсий, расходы на исследования и разработки, а также расходы на образование должны быть исключены из потребления (или включены в сбережения). Очень немногие страны делают такие корректировки при подсчетах сбережений в национальных счетах. Хотя их правомерность и признается, тяга к устранению излишних сложностей преобладает.

Данные о сбережениях в страновых статистиках национальных счетов могут быть не полностью сопоставимы и по причине различий в определении государственных сбережений (public savings). Одни страны включают только центральное правительство, другие — центральное и органы местного самоуправления, третьи добавляют сюда государственные предприятия и пенсионные фонды. Более того, во многих развивающихся странах частные сбережения подсчитываются просто путем вычитания государственных сбережений из внутренних (или национальных) сбережений. Такие возможные нестыковки нужно по меньшей мере иметь в виду.

В ходе исследований экономической роли сбережений важно определить, какой показатель наиболее адекватно отражает ситуацию в конкретной стране. Для Японии, благодаря наличию статистики, могут быть использованы все показатели. Однако, как уже отмечалось, приоритет отдается норме сбережений домашних хозяйств, ибо именно их

поведение является определяющим и воздействует на все другие секторальные показатели сбережений.

Вместе с тем существует и обратное воздействие. Проиллюстрируем это на конкретных примерах. Рассмотрим так называемое рациональное домашнее хозяйство, которое стремится максимизировать полезность в течение своего жизненного цикла. Тогда можно показать, что уровень корпоративных сбережений влияет на сбережения домашних хозяйств.

Предположим, что корпоративный сектор увеличивает сумму нераспределенных доходов. Тогда дивиденды, выплачиваемые сектору домашних хозяйств будут урезаны на соответствующую величину, что приведет к сокращению располагаемого дохода.

С другой стороны, когда корпоративный сектор инвестирует свои возросшие сбережения в производственную деятельность, эти инвестиции увеличивают стоимость фирмы.

Поэтому, пока домашние хозяйства владеют акциями корпораций, это не окажет негативного влияния на совокупное богатство сектора домашних хозяйств, и, следовательно, уровень потребления будет сохранен. Все это означает, что увеличение корпоративных сбережений будет компенсировано точно такой же суммой сбережений домашних хозяйств. Другими словами, сбережения корпораций и домашних хозяйств являются идеальными субститутами.

Аналогичным образом можно утверждать, что сбережения государства и домашних хозяйств также могут замещать друг друга. Когда правительство использует такой инструмент экономической политики, как сокращение подоходного налога на основе выпуска государственных облигаций, рациональное домашнее хозяйство с долгосрочным горизонтом поведения примет во внимание будущее повышение подоходного налога с целью уменьшения государственного долга.

В этом случае, как гласит теория, пожизненное богатство домашних хозяйств остается неизменным, а потому они не откажутся от оптимальной модели потребления. Иначе говоря, сбережения домашних хозяйств увеличатся ровно настолько, насколько снизятся государственные сбережения, а уровень национальных сбережений останется неизменным (в экономической литературе такой случай известен как теорема рикардианского равенства).

Следует, однако, отметить, что такие умозаключения целиком строятся на допущении о рациональном поведении домашних хозяйств на протяжении длительных временных отрезков. Между тем ряд экономистов указывает, что некоторые домашние хозяйства имеют весьма ограниченные возможности на рынках капитала и не могут сохранять оптимальную модель потребления, описываемую концепцией максимизации полезности. Если это так, то говорить об идеальном взаимозамещении сбережений домашних хозяйств и других секторов уже не

приходится[3]. В этом случае необходимо рассматривать динамику сбережений каждого сектора отдельно.

Для Японии анализ динамики сбережений домашних хозяйств в разбивке по основным структурным компонентам представляется особо необходимым, поскольку за каждым компонентом стоит различная мотивация. Например, сбережения домашних хозяйств могут подразделяться на прирост или уменьшение как реальных активов, так и финансовых активов и обязательств. Покупка земли и инвестиции в жилищное строительство отражают операции с реальными активами, тогда как инвестиции в акции, депозиты или заимствования в банках — операции с финансовыми инструментами. Естественно предположить, что, когда глава домашнего хозяйства находится в возрасте тридцати или сорока лет и обременен большой семьей, он (или она) может иметь сильную мотивацию к приобретению своего жилья (дома). Напротив, для людей, вышедших на пенсию, подавляющая доля сбережений или трат приобретает форму прироста или уменьшения финансовых активов, поскольку реальные активы малоликвидны. В этом еще одна особенность сбережений — их форма тесно привязана к жизненному циклу домашних хозяйств, а следовательно, и к возрастной структуре населения.

Динамика сбережений в Японии: послевоенная ретроспектива

Валовые внутренние сбережения имели четко выраженную повышательную тенденцию с конца 50-х до начала 70-х годов, когда высокие среднегодовые темпы роста японской экономики снизились в результате первого нефтяного кризиса 1973 г. Их норма достигла пика в 1970 г. (40,2% ВВП), затем в течение четырех лет держалась близко к этому уровню, после чего резко сократилась (до 32,3%) в 1975 г. В последующие годы норма валовых внутренних сбережений колебалась в относительно стабильном интервале от 30 до 34%[4].

Разбивка валовых внутренних сбережений по институциональным секторам дает следующую картину.

Норма корпоративных сбережений росла очень быстро с конца 50-х годов и достигла пика в 1970 г. (18,9% ВВП), что более чем в два раза превосходило показатель 1955 г. (8,1% ВВП). Затем в период рецессии, вызванной нефтяным кризисом 1973 г., она сократилась до 7,8% в 1975 г., после чего демонстрировала умеренную тенденцию к повышению. Наивысшего показателя после нефтяного кризиса норма корпоративных сбережений достигла в 1988 г. (13%), после чего колеблется чуть ниже этого уровня.

Уровень государственных сбережений значительно ниже корпоративного. Их средние нормы за период 1955–1995 гг. составили соот-

ветственно 5,5 и 12,4% ВВП. Государственные сбережения достигли пикового значения в 1971 г. (7,2% ВВП).

Сбережения эти определяются как доходы минус текущие расходы правительства, а крупнейшим компонентом государственных доходов являются налоговые поступления. Именно поэтому норма государственных сбережений росла в период высоких темпов экономического роста, когда налоговые поступления также существенно возрастали. Отражая ухудшение общих условий развития, она резко снизилась после первого нефтяного кризиса и достигла низшей отметки в 1978 г. (1,9%).

Затем она колебалась вокруг этого уровня вплоть до вступления в новый этап бурного экономического роста в 1986 г., получившего название «бум эпохи Хэйсэй» (Хэйсэй кэйки). Этот бум знаменовал разбухание экономики «мыльного пузыря», который лопнул в начале 90-х годов. Норма государственных сбережений, резко подскочив в период бума (до более чем 9%), обнаружила тенденцию к снижению с 1991 г. (3–4% в годы рецессии 90-х годов).

Что же касается нормы сбережений домашних хозяйств, то в 60-е годы она колебалась вокруг 13% ВВП, затем с начала 70-х годов стала расти, достигнув пика в 1976 г. (21,5%), после чего в течение более десяти лет демонстрировала понижательную тенденцию, пока не достигла наинизшей точки в 1990 г. (12,5%). Более детальный анализ сбережений домашних хозяйств будет дан ниже.

Важно отметить, что в 60-е и начале 70-х годов норма корпоративных сбережений в Японии была практически такой же высокой, как и норма сбережений сектора домашних хозяйств. Связано это не только и не столько с высокими темпами экономического роста, сколько с существенными различиями в определении валовых и чистых сбережений для каждого институционального сектора экономики. Выше приводились цифры валовых сбережений по каждому сектору, но можно подсчитать и чистые сбережения, что делается, как правило, в специальных исследованиях.

Концепция валовых сбережений включает амортизационные отчисления, которые играют значительно более существенную роль в корпоративном секторе, чем в секторе домашних хозяйств и тем более государства. Так, например, среднегодовые нормы валовых сбережений за период 1955–1995 гг. для секторов корпораций, государства и домашних хозяйств были соответственно равны 12,4, 5,5 и 15,0%. Нормы чистых сбережений за тот же период составили соответственно 4,1, 5,8 и 12,8%. Судя по этим цифрам, переход от валовых к чистым сбережениям мало влияет на показатели секторов государства и домашних хозяйств, тогда как норма сбережений корпоративного сектора снижается очень существенно — до одной трети от уровня валовых сбережений.

Валовые сбережения используются или для покупки реальных активов, таких, как заводы, оборудование, здания, земля и т.д., или для

приобретения финансовых активов, включая обязательства (задолженность). Информация о том, как подразделяются валовые сбережения на два этих типа, очень важна, так как сумма финансовых сбережений каждого сектора формирует баланс сбережения — инвестиции для национальной экономики и величину сбережений, ориентированных для использования за рубежом. Последняя форма сбережений представляет собой предложение капитала остальному миру и часто критиковалась экономистами как свидетельство слабости внутреннего спроса, провоцирующей торговые конфликты.

Доля финансовых сбережений сектора домашних хозяйств по отношению к ВВП (или баланс сбережения — инвестиции) всегда является положительной величиной. Это означает, что сектор домашних хозяйств генерирует финансовый актив (избыток капитала). Величина этого актива колебалась от 5,2% в 1967 г. до 11,5% ВВП в 1975 г., а затем, вплоть до настоящего времени, никогда не превышала 10% ВВП.

Напротив, доля финансовых сбережений корпоративного сектора всегда отрицательна. Другими словами, корпоративный сектор в целом испытывает финансовый дефицит. Размеры этого дефицита демонстрировали значительную амплитуду колебаний — от 5,7 до 13,4% ВВП до нефтяного кризиса 1973 г. Затем дефициты корпораций существенно сократились (исключением являлся экономический бум конца 80-х — начала 90-х годов, когда цены на все активы резко пошли вверх). Размеры финансового дефицита сектора корпораций, как правило, положительно коррелируют с темпами роста фирм.

Доля финансовых сбережений государственного сектора до 1975 г. была положительной величиной (за исключением двух-трех лет незначительных дефицитов). Однако в 1975 г. японское правительство начало эмитировать облигации для покрытия бюджетных дефицитов, в результате чего доля финансовых сбережений стала отрицательной и оставалась таковой в течение последующих двенадцати лет. Затем под воздействием административной реформы она вновь стала положительной, но снова сменила знак на минус в 1993 г. ввиду массированных государственных инвестиций в общественные работы, предназначенных для противодействия начавшейся экономической рецессии.

Япония на мировом рынке сбережений

В течение двух последних десятилетий наблюдается мягкая тенденция к снижению нормы сбережений в группе развитых стран в основном из-за сокращающегося уровня государственных сбережений. В развивающемся мире картина пестра и противоречива, без какой-либо доминирующей тенденции.

Внутренние и иностранные сбережения являются субститутами, поэтому в эпоху прогрессирующей глобализации и реальной интеграции

мирового рынка капитала нельзя недооценивать иностранные ресурсы, которые можно использовать для внутренних инвестиций.

За последнюю четверть века существенно изменилась роль различных регионов мира в отношении выпуска продукции, предложения сбережений и спроса на них (т.е. инвестиций). Так, за 1980–2000 гг. доля Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировом выпуске увеличилась с 47 до 60%, причем наибольший вклад в этот рост внесла тихоокеанская Азия (развивающиеся страны Восточной Азии и Япония). Доля АТР в мировых сбережениях подскочила за эти же годы с 45 до 66%, причем Япония удвоила свою долю, а Восточная Азия увеличила ее в 2,5 раза. Регион в целом и его отдельные страны превратились в крупнейших мировых инвесторов и поставщиков сбережений остальному миру. Точно так же целый ряд стран Восточной Азии с высокой нормой сбережений трансформировались из чистых импортеров в чистых экспортеров капитала.

Глобальная норма сбережений, достигнув двух пиков во время нефтяных кризисов 70-х годов, обнаружила тенденцию к снижению с начала 80-х годов. Однако глобальная тенденция не отражает динамику этого показателя в таком регионе, как АТР. Здесь общая норма сбережений оставалась относительно стабильной (20–25% ВВП), и за последние 25 лет не наблюдалось явной повышательной или понижательной тенденции.

Безусловно, общерегиональный уровень сбережений мало говорит о специфике отдельных стран. В АТР можно выделить несколько их групп с разнонаправленной динамикой.

Для развитых стран региона (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия) характерна тенденция к постепенному, но значительному снижению нормы внутренних сбережений. В результате специального исследования Международного валютного фонда (МВФ) пришли к выводу, что главной причиной понижательной тенденции является сокращение сбережений государственного сектора[5]. Однако, как показывает статистика, уровень государственных сбережений подвержен циклическим колебаниям: спад в первой половине 80-х и начале 90-х годов и, наоборот, подъем во второй половине 80-х и в середине 90-х годов во всех пяти развитых странах региона.

Наиболее высокая норма внутренних сбережений в последние годы характерна для Японии (30–40%), наименьшая — для США (15–20%). Столь существенные различия проистекают главным образом из-за разницы в нормах частных сбережений. Начиная с 70-х годов тенденция к снижению нормы частных сбережений наблюдалась во всех пяти развитых странах АТР, включая Японию (с некоторым временным лагом для Канады). Понижательный тренд почти целиком объясняется снижением уровня сбережений домашних хозяйств в отличие от корпоративных сбережений.

Для новых индустриальных экономик Восточной Азии (Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань) типична устойчивая повышательная тенденция нормы внутренних сбережений за весь период с начала 70-х годов. Однако на рубеже веков и в этой группе стран наблюдались существенные различия этой нормы — от 25% ВВП на Тайване до почти 50% ВВП в Сингапуре.

Для группы стран региона, которую обычно принято называть АСЕАН-4 (Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд), также характерна общая повышательная тенденция уровня внутренних сбережений (с разбросом от 20 до 35% ВВП на рубеже веков). К этой же группе стран, на мой взгляд, следует отнести материковый Китай, Вьетнам и даже Россию, которые по официальной классификации Совета тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС) относятся к переходным экономикам, но по уровню и динамике внутренних сбережений близки к АСЕАН-4. Так, например, с начала 80-х годов норма внутренних сбережений Китая не опускалась ниже 35% ВВП, но в 90-е годы, как правило, превышала 40%.

Страновые сопоставления интересны тем, что позволяют на примере не только Японии, но и стран, многие из которых в существенных чертах повторяют ее модель экономического развития, сделать некоторые общие заключения о факторах, воздействующих на уровень и структуру сбережений.

Предварю эти заключения важными итоговыми данными непосредственно по Японии. За 1980–2000 гг. доля Японии в мировом производстве возросла с 10 до 16%, в мировых сбережениях — с 13 до 25% и мировых инвестициях — с 13 до 23%. Для сравнения приведу соответствующие цифры для США за тот же период: доля в производстве увеличилась с 25 до 26%, в инвестициях и сбережениях снизилась соответственно с 20 до 19% и с 21 до 20%.

Опыт многих стран показывает, что динамика сбережений определяется следующими основными факторами[6].

1. Норма внутренних сбережений зависит от уровня доходов или стадии экономического роста страны. На ранних стадиях индустриализации наблюдается низкая норма сбережений, которая повышается по мере развития, а затем, при вступлении в стадию экономической зрелости, начинает снижаться.

2. Чем выше темпы роста доходов, тем выше уровень сбережений. Такая на первый взгляд парадоксальная зависимость может быть вызвана несовершенством информации о будущем и несовершенством рынков капитала.

3. Динамика потребления в целом следует за динамикой текущих доходов, следовательно, и сбережения также зависят от текущих доходов.

4. Частные сбережения могут компенсировать «отрицательные» сбережения (расходование средств сверх дохода) в государственном секторе, но не полностью. Другими словами, так называемое рикардианское равенство может не соблюдаться в полной мере.

5. Налоговые нагрузки, пенсионная и социальная политика воздействуют на уровень сбережений.

6. Демографические сдвиги также существенно влияют на сбережения. Чем выше коэффициент зависимости (относительный показатель числа иждивенцев), тем ниже норма сбережений.

7. Ограничения доступа к международным рынкам капитала (к иностранным сбережениям) могут влиять на внутренние сбережения. Эта проблема наиболее характерна для развивающихся стран, возможности которых заимствовать капитал обычно ограниченны.

8. Условия внешней торговли (соотношение индексов импортных и экспортных цен) также могут влиять на сбережения. Улучшение условий торговли ведет к повышению, ухудшение — к понижению уровня сбережений.

Наблюдаемые закономерности и взаимозависимости служат основой для принятия решений в области экономической политики.

Наличие хотя и частичного, но все же значительного замещения между частными и государственными сбережениями предполагает, что меры по улучшению баланса государственных финансов будут содействовать повышению нормы внутренних сбережений. Далее, институциональные механизмы сбережений, такие, как пенсионные фонды, могут играть важную роль в модернизации и стабилизации частных сбережений.

Поскольку иностранные сбережения могут частично замещать внутренние сбережения, их потенциальные выгоды для финансирования внутренних инвестиций трудно отрицать. Значит, при учете долгосрочных перспектив национальных рынков капитала расширение доступа к его международным рынкам с целью более полного использования этих выгод становится важным элементом экономической политики.

Как уже отмечалось, между экономическим ростом и сбережениями существует прямая позитивная корреляция. Тем не менее при достижении определенного порога норма сбережений имеет тенденцию к выравниванию, а затем и снижению даже при растущем уровне доходов. Опыт Японии, а в последние годы и новых индустриальных стран Азии подтверждает такие выводы. Это дает основание предположить, что в обозримой перспективе Япония и другие страны Восточной Азии могут потерять статус суперсберегающих наций.

Последующие разделы статьи будут посвящены более подробному рассмотрению факторов, влияющих на уровень внутренних сбережений в Японии, их изучению во времени, а также прогнозным оценкам динамики нормы сбережений по секторам.

Тенденции сектора государственных сбережений

Общепринятое определение государственных сбережений дано в системе национальных счетов: государственные сбережения являются суммой сбережений правительства и фондов социального обеспечения (ФСО). В Японии понятие правительства включает центральные органы власти и органы местного самоуправления (ОМС). Величина сбережений — разница между доходами и расходами правительства и ФСО. Нормы сбережений подсчитываются на «валовой» основе, т.е. включают амортизацию.

За послевоенный период норма государственных сбережений в Японии колебалась в диапазоне 2–9%. Умеренно повышательный тренд наблюдался в 60-е и первой половине 70-х годов, затем в 1976–1984 гг. наступил резкий спад (примерно до 2%). После 1985 г. опять намечается тенденция к росту с выходом на пик в 1991 г. (9%). В последующие годы снова наблюдается понижательная тенденция.

В Японии сбережения правительства и ФСО определяются более или менее независимыми друг от друга факторами. Поэтому динамика этих двух компонентов государственных сбережений совершенно различна. За последние тридцать с лишним лет сбережения ФСО были стабильными, наблюдалась небольшая повышательная тенденция, но в узких рамках (2–3%). Напротив, второй компонент — норма сбережений правительства — был подвержен сильному влиянию макроэкономической политики и темпов экономического роста. Отсюда следует, что норма государственных сбережений в Японии почти целиком зависит от нормы сбережений правительства.

Динамика государственных сбережений определяется тремя главными факторами. Во-первых, краткосрочными циклическими колебаниями. Во-вторых, среднесрочными политическими решениями правительства, отражающими его позицию по финансово-бюджетным вопросам. В-третьих, институциональной организацией финансовых учреждений (в частности, системой социального обеспечения), ориентированных на долгосрочную перспективу.

До 1945 г. в Японии сколько-нибудь заметный общественный интерес к вопросам социальной защиты не имел места. Считалось, что семьи-кланы должны оказывать помощь своим членам в необходимом объеме. Был принят закон о бедных с «благотворительным» уклоном, и гражданские права тех, кто пользовался благотворительностью, жестко ограничивались.

После окончания Второй мировой войны Япония принялась внедрять систему социальной защиты по стандартам, предписанным оккупационными властями. Этот процесс носил постепенный характер, и лишь в 1971 г., когда начали выплачиваться пособия на детей, создание всеобъемлющей системы социальной защиты было завершено.

Быстрый экономический рост дал возможность совершенствовать эту систему. Она становилась все более щедрой. У большинства японцев появились возможности платить взносы в социальные фонды. Услуги этих фондов охватывали все большее число граждан, и наконец наступил момент, когда социальным страхованием были охвачены все члены общества.

Японская система социальной защиты нацелена не на помощь бедным, а на предотвращение бедности. Недаром более 90% японцев относят себя к среднему классу. Столпами социальной защиты являются пенсионная система и система медицинского страхования, учрежденные в 1961 г. Есть также социальные фонды для выплаты пенсий по старости, инвалидности, в связи с потерей кормильца, по безработице и т.д.

В Японии действуют шесть различных программ государственных пенсий. После реформы пенсионной системы 1986 г. все они имеют двухуровневую систему выплат пенсионных пособий. Первый уровень — базовые пенсии по единой ставке для всех резидентов, включая самостоятельно занятых и безработных. Второй уровень — пенсии, привязанные к зарплате и выплачиваемые только занятым.

Право на максимальную пенсию по старости приобретается после 40 лет взносов в соответствующий пенсионный фонд. Пенсия может быть затребована в любом возрасте между 60 и 70 годами. В этом случае она уменьшается или, наоборот, увеличивается в зависимости от того, затребована она до или после 65 лет. Размеры пенсий автоматически индексируются каждый финансовый год для учета изменений индекса потребительских цен за предшествующий календарный год.

Основной пенсионной программой для лиц, занятых в частном секторе, является программа пенсионного страхования (косэй нэнкин хокэн — КНХ), которая была принята еще во время войны, в 1942 г.[7]. В соответствии с этой программой работодатели и работающие должны платить взносы в равных долях. Размер взноса постепенно увеличивался, и с 1993 г. его общая сумма составляет 14,5% доходов. Сумма взноса — предмет острой политической борьбы. Считается, что в XXI в. ее необходимо будет увеличивать каждые пять лет примерно на 2,2%.

В отличие от лиц наемного труда самостоятельно занятые лица, работники сельского, лесного и рыбного хозяйства, безработные и служащие мелких предприятий до 1961 г. все еще не были охвачены системой пенсий по социальному обеспечению. В апреле 1961 г. парламент принял закон о так называемых народных пенсиях (кокумин нэнкин — КН), предусматривающий охват социальным обеспечением всех этих категорий, что на практике означало всеобщий охват населения взаимосвязанными системами социальных пенсий[8].

При принятии пенсионной программы КН был установлен достаточно низкий размер взноса, и по политическим соображениям он повышался очень незначительно. Со временем возникли серьезные про-

блемы с финансированием пенсий. Существенные изменения в соотношении работающих и неработающих в различных отраслях экономики в период высоких темпов экономического роста привели к необходимости введения системы с общей базой выплаты пенсий тем и другим. Такая система была принята в ходе реформы социального обеспечения 1986 г., установившей долевое распределение между всеми базовыми пенсиями первого уровня, выплачиваемыми по единой ставке[9]. Государство субсидирует примерно треть расходов, связанных с выплатой объединенных базовых пенсий.

В Японии действует и несколько социальных программ медицинского страхования, охватывающих все слои населения. Лица, работающие в частном секторе (и их иждивенцы), должны принимать участие в государственной программе или в программе, осуществляемой частной структурой по договору с правительством. Неработающие обязаны принимать участие в программе, осуществляемой ОМС. В настоящее время действующие программы покрывают около 90% общей суммы расходов на медицинское обслуживание[10].

Безработица была одной из наиболее серьезных проблем страны до 1960 г., когда на смену избытку рабочей силы пришел ее дефицит. Вновь она приобрела серьезное общественное звучание с началом экономической рецессии 1990-х годов. В эти годы уровень безработицы в Японии превысил 3%. Долгие годы этот уровень считался неким психологическим рубежом, превышение которого грозит дестабилизацией социально однородного и, по сравнению с другими развитыми странами, более спокойного японского общества. В настоящее время норма безработицы в Японии (5,4–5,6%) вплотную приблизилась к показателям развитых стран, что привело к обострению социальных конфликтов.

Пособия по безработице выплачиваются в течение 90–300 дней в зависимости от возраста и числа лет, в течение которых производились отчисления в фонд страхования на случай безработицы, а размер пособий составляет 60–80% месячной заработной платы получателя в зависимости от ее размера[11].

Как и в других развитых странах, в Японии построена система государственной помощи нуждающимся для обеспечения им минимального жизненного уровня[12]. В настоящее время существуют семь видов государственной помощи: денежное вспомоществование нуждающимся, помощь на получение образования, помощь на оплату жилья, помощь на оплату медицинских услуг, помощь по родам и в послеродовой период, помощь на получение профессии и помощь на похороны. Важно отметить, что государственная помощь полностью финансируется из госбюджета (около 80%), бюджетов префектурных ОМС (10%) и бюджетов муниципалитетов (10%).

Помимо названных существуют и другие социальные программы: ухода за детьми, ухода за пожилыми людьми, пособий жертвам войны,

пособий семьям без отца, пособий лицам с физическими недостатками. Среди них особое значение имеет программа пособий на детей, которая была принята в 1971 г.[13].

Рассмотрение программ социального обеспечения в Японии дает представление о высоких темпах их развития и широте охвата населения. Начиная с 1961 г. как доходы, так и расходы ФСО росли быстрее, чем темпы прироста ВВП. Со временем демографические факторы, включая старение населения и снижение рождаемости, способствовали тому, что средний уровень пособий повышался, а рост взносов в социальные фонды замедлялся.

Несмотря на быстрый рост выплат, норма сбережений ФСО оставалась относительно стабильной (в пределах 2–3% ВВП). Связано это с тем, что с 1975 г. поступления в ФСО возросли благодаря увеличению трансфертов со стороны правительства. Одновременно усиливалось давление на государственные финансы.

Для хотя бы частичного решения этой проблемы японскому правительству было необходимо обеспечить бóльшую справедливость действующих программ и либо повысить взносы, либо снизить размеры выплат из ФСО. Осознание этой необходимости привело к реформам. В 1994 г. была осуществлена реформа государственных пенсий, сократились размеры пособий по социальной защите[14]. Преобразование существующей социальной системы будет продолжаться, причем главенствующим принципом, видимо, станет сокращение расходов на социальную защиту при большей адресности (ориентации на действительно нуждающихся).

Так как норма сбережений фондов социального обеспечения была достаточно стабильной, колебания нормы правительственных сбережений почти целиком определяли тенденции в области государственных сбережений. Крупнейшей статьей правительственных доходов являются налоговые поступления, которые зависят от состояния экономики и специфики налоговой системы. Другим важным детерминатором сбережений правительства являются его расходы, которые во многом зависят от характера его финансовой политики.

В 70-е годы доля правительственных доходов по отношению к ВВП выросла с 20 до 25% и оставалась на этом уровне вплоть до периода высокой инфляции активов (экономики «мыльного пузыря») 1988–1992 гг., когда она подскочила до 28%. В последующие годы обозначилась понижательная тенденция — доля доходов вернулась к примерно 25%.

С другой стороны, доля правительственных расходов в ВВП демонстрировала, в общем и целом, контрциклическую динамику. С 1970 г. до первой половины 80-х годов она возросла с 15 до 23% ВВП. В это время финансовая политика правительства следовала кейнсианским рецептам, т.е. ориентировалась на стимулирование спроса в экономике после нефтяных кризисов. До начала 90-х годов правительство

стремилось рационализировать финансовые расходы, сократив их на 2%. Однако после крушения экономики «мыльного пузыря» оно было вынуждено вновь прибегнуть к экспансионистской финансовой политике с целью противостояния рецессии.

В результате норма правительственных сбережений в начале 70-х годов была положительной (около 4%). В последующем произошло ее снижение почти до нулевого уровня вследствие резкого роста расходов. Нулевая норма правительственных сбережений сохранялась до возникновения экономики «мыльного пузыря». Со второй половины 80-х годов наметился постепенный рост нормы правительственных сбережений, и к началу 90-х годов она превысила 5% ВВП. Однако рецессия 90-х годов повлекла за собой снижение доходов и рост расходов правительства, ввиду чего норма сбережений вновь упала практически до нулевой отметки.

Сегодня Япония, несомненно, входит в группу развитых стран, добившихся наибольших успехов не только в ликвидации бедности, но и в существенном повышении и стабилизации уровня жизни населения. Однако в области социальной защиты перед страной уже стоят серьезные проблемы, которые при определенных сценариях развития (о них речь ниже) будут обостряться.

В прошлом пожилые люди представляли одну из крупнейших малоимущих социальных групп Японии. Однако за послевоенные годы их экономическое положение кардинальным образом изменилось. Ныне в результате перераспределения доходов более молодых групп населения они получают солидные государственные пенсии и основная их масса не испытывает финансовых затруднений. Большинство пожилых людей активно сберегает, увеличивая тем самым размеры своих денежных капиталов. Не будет преувеличением сказать, что в современной Японии большинство пожилых людей являются более состоятельными, чем молодежь или даже лица средних возрастных прослоек.

Ожидается, что доля пожилых людей (лиц в возрасте 65 лет и старше) после 2040 г. превысит 30% населения. В будущем как демографические, так и экономические факторы резко увеличат нагрузку на программы социального обеспечения. Наиболее серьезная проблема состоит в том, чтобы избежать кризиса государственных финансов и свертывания социальных программ.

В последние годы острейшим политическим вопросом в Японии стал вопрос о возрасте выхода на пенсию. В настоящее время нормальный пенсионный возраст для работающих колеблется от 60 до 65 лет. В прошлом правительство неоднократно предлагало и теперь вновь предлагает повысить пенсионный возраст для всех категорий работающих до 65 лет. Кроме того, обсуждается вопрос об изменении размера пенсий таким образом, чтобы он был связан с чистым, а не с валовым доходом работающих. Планируется ввести долевое распре-

деление базовой части пенсий второго уровня (они зависят от размеров заработной платы) между различными программами пенсий для работающих. Объясняется это главным образом растущим финансовым дефицитом программы пенсий для государственных служащих[15]. Еще одна серьезная проблема заключается в том, что все большее число неработающих теряет право на получение базовых пенсий из-за освобождений от уплаты взносов, их намеренной неуплаты или уклонения от подачи заявлений об участии в пенсионных программах.

Структура и метаморфозы сбережений домашних хозяйств

Динамика сбережений сектора домашних хозяйств отслеживается в Японии достаточно тщательно и отражается в ряде периодических публикаций.

В «Ежегодниках национальных счетов» с 1955 г. фигурируют четыре взаимосвязанных счета, показывающих сберегательное поведение домашних хозяйств. Счет доходов и расходов (Income and Outlay Account) описывает, каким образом домашние хозяйства расходуют текущий доход, полученный из различных источников. Счет движения капиталов и финансов (Capital Finance Account) поясняет, в какой форме пребывают сбережения, подсчитанные в счете доходов и расходов, т.е. как совокупные сбережения распределяются по ним. По счету движения капиталов и финансов видно также повышение или понижение стоимости реальных активов (основных фондов), которые попадают в корректирующий счет (Reconciliation Account) и добавляются к сумме активов на начало периода для получения величины активов на конец периода. Это фиксируется в сводном балансовом счете (Closing Balance-sheet Account). Таким образом, четыре вышеупомянутых счета позволяют не только характеризовать потребительское и сберегательное поведение домашних хозяйств, но и процесс накопления ими богатства.

Для того чтобы более точно установить, кто реально сберегает в Японии, необходимо собирать и анализировать информацию на микроуровне, что дает возможность наблюдать за процессом формирования богатства в течение жизненного цикла. Это достижимо только в том случае, когда увеличение богатства одной возрастной группы по ходу лет полностью улавливается. Например, как отмечалось выше, высокой долей финансовых активов домашних хозяйств располагают пожилые люди. Однако этот статистический факт ничего не говорит о том, как они накопили свое богатство со времен, когда были молодыми. Существенный момент здесь заключается в том, что молодые приобретают свое богатство частично благодаря своим финансовым ресурсам (на основе займов и т.д.), частично с помощью межвозраст-

ных безвозмездных трансфертов от родителей. Затем по мере взросления их богатство накапливается на основе доходов от прироста капитала в результате роста рыночной стоимости активов. Когда людям переваливает за шестьдесят, они, как правило, начинают передавать наследство (трансферты от поколения к поколению) своим детям.

Выявить метаморфозы поведения домашних хозяйств можно с помощью ряда выборочных обследований на микроуровне, регулярно проводимых японским правительством[16]. Они охватывают такие принципиальные аспекты, как потребительское поведение, накопление активов, предложение трудовых ресурсов и распределение времени.

Для целей нашего анализа наибольшую ценность представляют Национальное обследование доходов и расходов семей (National Survey of Family Income and Expenditure, далее NSFIE) и Обследование семейных доходов и расходов (Family Income and Expenditure Survey, далее FIES), которые рисуют достаточно точную картину поведения японских домашних хозяйств[17].

Вместе с тем хотелось бы отметить, что каждый источник информации имеет свои плюсы и минусы, связанные с некоторыми расхождениями в понятийном аппарате и методах обследования[18]. Кроме того, общей статистической проблемой стала прогрессирующе понижающаяся доля ответов на рассылаемые вопросники, когда домашние хозяйства, отобранные на основе случайной выборки, отказываются предоставлять требуемые данные. Это искажает распределение выборки. Наиболее часто отказываются от сотрудничества самостоятельно занятые, безработные по профессии, пожилые, а также наиболее богатые и наиболее бедные домашние хозяйства.

В целом можно сделать вывод, что никакое отдельно взятое обследование не охватывает всех значимых параметров. Гипотеза о желательности всеобъемлющего обследования предполагает возложение слишком тяжелого бремени на участников, ибо необходимо вести детальную бухгалтерию по меньшей мере в течение нескольких месяцев. Поэтому всегда существует противоречие между полнотой обследования и бременем для его потенциальных участников.

В обследовании NSFIE валовой годовой доход включает заработную плату и жалованье, доходы от бизнеса и работы на дому, прибыль от активов, поступления по социальному страхованию и выгоды, приравненные к потреблению. Если из этой суммы вычесть непотребительские расходы (такие, как налоги и взносы по социальному обеспечению), получится величина располагаемого дохода. Исключение потребительских расходов из располагаемого дохода дает величину сбережений[19].

Данные по Японии свидетельствуют, что независимо от года обследования пиковые значения располагаемого дохода приходятся на группу в возрасте от 50 до 54 лет[20]. Пики потребления демонстрирует также эта группа.

Потребительское поведение японских домашних хозяйств определяется воздействием множества социально-экономических факторов. Оно тесно корреспондирует с возрастной структурой доходов глав домашних хозяйств. Однако само число членов домашних хозяйств, их возраст, социальный статус меняются во времени. Внедрение новых жизненных стилей влечет за собой открытие новых потребительских стандартов. Поэтому изменения возрастной структуры потребления, по всей вероятности, не могут быть такими гладкими, как предполагает статичная концепция жизненного цикла.

В Японии наиболее важным потребительским решением домашних хозяйств в течение всего жизненного цикла традиционно является приобретение жилья. Эмпирические исследования подтверждают сильную зависимость сбережений от целевой установки на его покупку. Независимо от года обследования, их результаты свидетельствуют, что доля имеющих собственное жилье начинает расти у лиц в возрасте 30–34 лет и достигает стабильного уровня (около 90% семей) к 55–59-летнему возрасту, т.е. перед выходом на пенсию[21]. Следует отметить, что этот уровень достаточно высок даже по лучшим мировым стандартам.

До начала 80-х годов большинство домашних хозяйств Японии приобретало жилье на основе собственных доходов, однако после 1986 г. увеличивается доля получивших собственность на него по наследству[22]. Инфляция реальных активов привела к тому, что в пригородах Токио и Осаки впервые приобретающим жилье стало практически невозможно скопить достаточные деньги для внесения первого взноса без финансовой помощи со стороны родителей или родственников[23].

По мере старения общества растут расходы на лекарства и медицинское обслуживание. Доля таких расходов, не покрываемых программами медицинского страхования, сохраняется в Японии на достаточно низком уровне. Однако в последние годы японцы все больше беспокоятся о доступности услуг по уходу за престарелыми, особенно на заключительной стадии жизни. Это меняет возрастную динамику сбережений, деньги продолжают копить и после выхода на пенсию.

Важное значение при этом имеет сокращение доли пожилых людей (старше 65 лет), которые живут вместе со своими детьми. Эта тенденция особенно заметна среди тех, кто богат, и тех, кто остается активным в зарабатывании доходов[24].

Вообще анализ структуры сбережений в зависимости от уровня доходов обнаруживает дополнительные интересные тенденции.

Так, в разбивке по четырем группам доходов только наименее богатый квартиль домашних хозяйств имел опыт негативной нормы сбережений. По мере роста доходов и они стали больше сберегать — средняя норма сбережений для этой группы изменила свой знак на положительный в 1989 г. Что же касается второго и третьего квартилей, то в них наблюдалась позитивная норма сбережений даже у лиц, пере-

шагнувших за 80 лет. В наиболее богатом квартиле картина немного другая: норма сбережений растет у лиц, почти достигших 80 лет, после чего стабилизируется на очень высоком уровне (40%).

В группу самых богатых домашних хозяйств входят преимущественно собственники жилья с очень слабой мотивацией дополнительных приобретений жилого фонда. Но и эта группа много сберегает. Какая-то часть сбережений связана у нее с выплатой жилищных займов, какая-то ориентирована на реконструкцию домов каждые 15–20 лет, но главная причина высокого уровня сбережений — относительно высокие текущие доходы.

Различная динамика сбережений в зависимости от уровня доходов, возраста, наличия или отсутствия собственности на жилье определяет имущественную дифференциацию японцев. В обследовании NSFIE используется категория «чистое богатство» (стоимость имущества за вычетом обязательств), которое подсчитывается как сумма чистых финансовых активов, чистых жилищных активов и потребительских товаров длительного пользования (точнее, стоимость всех товаров длительного пользования минус сертификаты членства в гольф-клубах). В Японии чистое богатство домашних хозяйств растет в течение всего жизненного цикла без существенного сокращения после выхода на пенсию. В структуре богатства постоянно увеличивалась доля чистых жилищных активов (к примеру, с 58,1% в 1979 г. до почти 75% в 1999 г.). Так как цены на жилье отличаются сильным повышательным трендом (за исключением нескольких лет после крушения экономики «мыльного пузыря»), с годами углублялся разрыв в распределении совокупного чистого богатства между собственниками и арендаторами жилья. В 1979 г. собственники были в 5,3 раза богаче арендаторов, в 1989 г. — в 8,4 раза, а в 1999 г. — почти в десять раз[25].

Особенно быстро чистое богатство росло в 1984–1989 гг., т.е. в период сильной инфляции активов. В Японии крупнейшими держателями финансовых активов являются люди в возрасте от 60 до 64 лет, что отражает получение крупных одноразовых пособий при выходе на пенсию. Финансовые активы менее 3 млн. иен имеют только пенсионеры, арендующие жилье. Для них социальная пенсия — основной источник дохода.

Вышеприведенные базовые факторы и мотивации позволяют сделать ряд обобщений о специфике сбережений домашних хозяйств в Японии.

Во-первых, уровень сбережений в значительно большей степени определяется доходами, чем возрастной структурой. Вариации сберегательного поведения шире по группам доходов, чем по возрасту в рамках одной группы доходов.

Во-вторых, домашние хозяйства в высшей группе доходов сберегают тем больше, чем старше их глава. По мере роста доходов и накоп-

ления богатства богатые домашние хозяйства отходят от модели жизненного цикла и следуют модели межвозрастных трансфертов. Когда общество в целом богатеет, поведение среднестатистического домашнего хозяйства сближается с поведением более богатых домашних хозяйств.

В-третьих, возглавляемые пожилыми людьми домашние хозяйства в средних и высшей группах доходов имеют достаточно высокую положительную норму сбережений. Различий в сберегательном поведении больше у пожилых людей, чем у молодых, что отражает различия в статусе занятости, собственности на жилье, владении финансовыми активами и т.д.

В-четвертых, процесс накопления богатства происходит в течение всего жизненного цикла домашнего хозяйства. Пик роста богатства приходится на группу в возрасте от 50 до 59 лет, т.е. в преддверии выхода на пенсию. Межвозрастные трансферты богатства осуществляются отнюдь не только после смерти пожилого главы домашнего хозяйства. Трансферты активов более молодым нарастают после выхода на пенсию.

В-пятых, в крупных мегаполисах Японии наблюдается явная склонность домашних хозяйств к приобретению жилья на ранних стадиях накопления богатства. Это приводит к неожиданно большим доходам от прироста стоимости жилищных активов, что увеличивает богатство семей–собственников жилья до внушительных размеров. В результате растет неравенство в распределении богатства между собственниками и арендаторами жилья, а также между собственниками жилья в районах с высокими и районах с низкими доходами от прироста капитала.

В целом, принципиальные моменты потребительского и сберегательного поведения японских домашних хозяйств соответствуют гипотезе о жизненном цикле (домашние хозяйства распределяют все ресурсы на своем жизненном отрезке таким образом, чтобы максимизировать полезность). Когда рынки капитала хорошо развиты и домашние хозяйства могут заимствовать столько, сколько они хотят для гармонизации потребительской линии в течение всей жизни, уровень потребления зависит в первую очередь от размеров пожизненного богатства. Однако, когда рынки капитала несовершенны, когда существуют ограничения на заимствования домашних хозяйств, они не в состоянии выдерживать оптимальную линию потребления, особенно в периоды неожиданных затруднений с получением доходов. В этом случае уровень потребления решающим образом зависит от текущих ресурсов домашних хозяйств, которые соответствуют располагаемому доходу.

Таким образом, уровень потребления, а следовательно и сбережений, зависит от двух факторов: пожизненных ресурсов и располагаемого дохода. Другими значимыми переменными являются уровень реальной процентной ставки, текущая прибыль некорпорированных

предприятий[26], темпы роста жилищных займов, темпы изменения цен на землю.

Как уже отмечалось, с середины 70-х годов норма сбережений домашних хозяйств постепенно снижалась, пока не достигла в 90-е годы уровня 13–14%. В структуре сбережений наиболее стабильным компонентом все эти годы оставались чистые финансовые сбережения (их доля по отношению к располагаемому доходу колебалась в пределах 10–13%). Другой компонент — чистые инвестиции в жилье. Они достигли пика (11,4%) в 1973 г. и затем умеренно сокращались вследствие старения главы домашнего хозяйства. Когда домашние хозяйства имеют ограничения на рынке заемных средств, их инвестиции в жилье очень чувствительны к наличию и темпам роста жилищных займов. Третий компонент — чистые покупки земли всегда имели отрицательный знак (за исключением 1994 г.). Это означает, что сектор домашних хозяйств в общем является чистым продавцом земли. Так как землю продают в основном сельские домашние хозяйства, их решения о продаже зависят от текущих цен на землю и ожидаемых будущих цен. Когда фермеры ожидают повышение (понижение) цен на землю, они соответственно откладывают (или ускоряют) продажи земли. Изменения условий продажи приблизительно отражаются темпами изменения цен на землю. В начале 70-х и конце 80-х годов они резко упали, что говорило о крахе массовых спекулятивных операций с землей.

Длительная экономическая рецессия 1990-х — начала 2000-х годов, сопровождавшаяся новым макроэкономическим недугом — дефляцией и связанным с ней коренным изменением ожиданий большинства японцев, не могла не сказаться на сложившихся за долгие годы стереотипах потребления и сбережений в Японии.

Обычно в тяжелые времена потребители стремятся урезать свои расходы и поднакопить сбережения. Японцы же, как показывает опыт последнего десятилетия XX в., сокращая расходы, не направляют сэкономленные средства на сбережения. «Высокая норма сбережений, которая долгие годы рассматривалась как сильная сторона японской экономики, стремительно падает», — констатирует экономист О. Танака из банка Морган Стэнли[27]. Действительно, в годы рецессии уровень потребления оставался неизменным, хотя был ряд лет, когда уровень доходов домашних хозяйств падал. Такой разрыв не что иное, как свидетельство того, что семьи залезают в сбережения для сохранения сложившегося стиля жизни. В 2001 г. по сравнению с предшествующим годом годовая сумма сбережений домашних хозяйств сократилась почти на 32% (около 83 млрд. долл.) — рекордное снижение в послевоенной Японии.

В последнее десятилетие снижение нормы и абсолютного объема сбережений объяснялось действием двух главных факторов. Во-первых,

частные сберегатели как на индивидуальном, так и на корпоративном уровне получали весьма скудные доходы на свои инвестиции вследствие почти нулевой процентной ставки. Во-вторых, норма сбережений подавлялась растущей безработицей и снижением доходов у некоторых групп населения. В частности, пожилые японцы были вынуждены тратить свои сбережения быстрее, чем они первоначально планировали, из-за стремления поддержать безработных или малооплачиваемых отпрысков. Норма безработицы среди двадцатилетних в годы рецессии превышала 13% (никогда ранее она не была такой высокой), тогда как общенациональная норма удерживалась в пределах 5,4–5,6%. Одной из болезненных сторон реструктуризации японской экономики, особенно в корпоративном секторе, стало сокращение нового найма. Поэтому даже выпускники университетов и колледжей часто соглашались на частичную занятость при весьма низкой зарплате. Учитывая эти обстоятельства, а также значительно меньшую готовность современной молодежи чем-то жертвовать, как это делали в их годы нынешние пожилые японцы, приходится констатировать, что сбережения молодых людей находятся на очень низком уровне[28].

Растет число семей, живущих не по средствам. Связано это с тем, что порой доходы сокращаются быстрее, чем расходы. Летние и зимние бонусы, которые раньше просто переводились на сберегательные счета, теперь либо урезаны, либо вообще отменены. И все же в своей основной массе японцы не хотят жертвовать достигнутым уровнем потребления. Это видно по спросу на дорогие товары престижных торговых марок, высококачественные услуги, плазменные телевизоры, новые марки машин. Вместе с тем, если тенденция к истощению сбережений продолжится, неизбежно наступит момент, когда здравомыслящие семьи вернутся к экономии средств.

Как уже отмечалось, проблема сокращения сбережений усугубляется тем, что японцы получают смехотворно малый доход на свои финансовые активы. Традиционно большинство из них хранят деньги в почтово-сберегательной системе, активы которой перевалили за 2 трлн. долл. По имеющимся оценкам, сумма выплат по срочным десятилетним депозитам, срок окончания которых наступил в 2001–2002 гг., составила примерно 450 млрд. долл. В свое время эти деньги депозитировали под 6% годовых. Каково же было удивление многих финансовых менеджеров Японии, когда этот гигантский капитал люди вновь разместили на новых сберегательных счетах под менее чем 1% годовых. Лишь очень незначительная часть была переориентирована на фондовый рынок в акции и облигации, которые в среднем приносят в 3–4 раза больший доход. Потери домашних хозяйств на процентном доходе составили более 50 млрд. долл. Это говорит не только о консерватизме пожилых японцев, но и о вероятном недопотреблении, и о дальнейшем сокращении сбережений в будущем.

Размышления о будущем

Прежде чем попытаться оценить динамику и норму сбережений в будущем, необходимо вновь вернуться к главной детерминанте — процессу старения населения, который в Японии идет быстрее, чем в других развитых странах. США, например, потребовалось 70 лет для удвоения доли населения старше 65 лет с 7 до 14%. В Японии такое же удвоение произошло за 24 года. Еще в 1955 г. доля пожилых японцев составляла всего 5,4%, а к 2000 г. она поднялась до 17%. К 2010 г. соответствующий показатель достигнет 22%, а к 2020 г. — примерно 27%.

В последние годы в Японии усиливаются опасения, что старение населения окажет серьезное воздействие как на государственные, так и частные сбережения. В отношении государственных сбережений сомневаться не приходится: старение прямо влияет на баланс доходов и расходов фондов социального обеспечения, ибо выплаты растут быстрее, чем взносы. Общепризнано, что оно приводит также к снижению темпов технического прогресса, сокращает трудовые ресурсы и замедляет экономический рост. Это, в свою очередь, вызывает уменьшение налоговых поступлений, что затрудняет осуществление растущих социальных выплат. Одним словом, в долгосрочной перспективе постарение населения будет сокращать норму государственных сбережений.

Японское правительство неоднократно декларировало свою решимость добиться сбалансированности бюджета, принимались даже специальные законодательные акты[29]. Небывало длительная рецессия 90-х годов нарушала эти благие намерения, решение задачи сбалансированности бюджета то и дело откладывалось, а тем временем бюджетные дефициты и государственный долг росли. Такое развитие событий постоянно подчеркивало необходимость рационализации программ социального обеспечения с целью поддержания их непрерывности в долгосрочной перспективе[30].

Среди аналитиков нет разногласий относительно вектора динамики сбережений — снижение будет продолжаться. Вопрос в том, как быстро, до какой точки, к каким последствиям это приведет.

По наихудшему сценарию Япония, уже обремененная огромными бюджетными дефицитами, столкнется в перспективе с проблемой истощения профицитности баланса по текущим счетам, превращения его в дефицитный, что потребует внешних заимствований для финансирования расходов. А внешние инвесторы требуют высоких процентов.

Даже с позиций нынешнего, далеко не самого лучшего состояния японской экономики такой сценарий представляется маловероятным. Прежде всего потому, что почти весь суверенный долг Японии финансируется инвесторами домашними. Только на балансе Банка Японии находятся государственные облигации на сумму более 500 млрд. долл. Эти ценные бумаги приобретаются банком стабильно, почти каждый месяц,

что обеспечивает правительству доступ к относительно дешевым деньгам. Кроме того, положительное сальдо баланса по текущим счетам хотя и имеет тенденцию к сокращению, но все же остается весьма солидным, на уровне 2,5% ВВП. В совокупности эти факторы создают достаточный резерв прочности.

Вместе с тем нельзя полностью игнорировать вероятность (пусть весьма незначительную) того, что дальнейшее сокращение сбережений домашних хозяйств вплоть до отрицательных величин может в какой-то момент заставить правительство искать деньги за рубежом. Его ценные бумаги, несомненно, будут пользоваться спросом у глобальных инвесторов, но доход по ним придется установить значительно выше. Более того, может быть нанесен ущерб кредитному рейтингу страны и ее способности мобилизовывать дешевый капитал для расточительной финансовой политики. Сокращение объема сбережений может повлечь за собой падение корпоративных инвестиций в машины и оборудование.

Избежать такого развития событий можно, вернув экономику Японии на путь устойчивого роста, создавая новые рабочие места, повышая зарплату. Экономические показатели 2003–2004 гг. дают повод для оптимизма. Если он будет подкреплен хотя бы скромным повышением процентных ставок, сбережения и инвестиции корпораций и домашних хозяйств будут колебаться в рамках «нормальных» сценариев развития.

Различия между нормальными сценариями развития заданы прежде всего предположениями о характере и радикальности реформ, которые японское правительство будет проводить до 2010 г.

Базовый сценарий (I) исходит из того, что никаких кардинальных реформ в отношении государственных расходов и системы социального обеспечения проводиться не будет. В соответствии с текущими тенденциями предполагается, что государственные расходы в неизменных ценах будут расти на 2% в год, а реальные государственные инвестиции — на 3% в год.

Сценарий ограничения государственных расходов (II) исходит из необходимости оздоровления бюджета. Предполагается, что рост государственного потребления в реальном исчислении, равно как и реальный рост государственных инвестиций не будут иметь места. Далеко идущих реформ социального обеспечения не предвидится.

Радикальное реформирование систем социального обеспечения — суть сценария III. Предполагается повышение нормативного возраста для получения базовых пенсий, а также постепенное повышение возраста для дополнительных пенсий до 65 лет. Доля платежей пациентов в совокупных расходах по медицинскому страхованию должна почти удвоиться: с 11,8% в 2000 г. до 21,8% в 2010 г.

Комплексный сценарий (IV) предполагает как ограничение государственных расходов (см. сценарий II), так и реформирование систем социального обеспечения (см. сценарий III).

Результаты оценок с помощью экономической модели нормы государственных сбережений по каждому сценарию представлены в табл. 1.

Таблица 1

Норма государственных сбережений (в % к ВВП)

Финансовый год	Сценарии			
	I	II	III	IV
2000	6,3	6,4	6,2	6,2
2001	5,5	5,7	6,0	6,3
2002	4,7	5,0	5,1	5,4
2003	3,8	4,2	4,3	4,8
2004	4,2	4,7	4,9	5,4
2005	3,2	3,9	4,0	4,7
2006	2,3	3,1	3,2	4,0
2007	0,9	1,7	2,4	3,5
2008	-0,7	0,2	1,1	2,4
2009	-2,2	-1,1	0,6	2,3
2010	-2,4	-1,2	0,6	2,5

Источник: Domestic Savings in the Pacific Region: Trends and Prospects. PECC, Pacific Economic Outlook Structure Project Tokyo, 2000, p. 181.

Согласно базовому сценарию, норма государственных сбережений будет снижаться и составит отрицательную величину (-2,4% ВВП) в 2010 г. Комплексный сценарий также предусматривает постепенное снижение, но более плавное, — норма сбережений сохранит положительное значение (2,5% ВВП) и в 2010 г. Опыт реформирования японской экономики за прошедшее десятилетие не позволяет надеяться на практическую реализацию этого сценария. Она сопряжена с большими политическими рисками. Тем не менее представляется, что какая-то комбинация сценариев ограничения государственных расходов и реформ системы социального обеспечения вполне вероятна. Можно предположить, что норма государственных сбережений снизится по сравнению с 2000 г. (более 6%) на 4–5 процентных пунктов и составит в 2010 г. 1,5–2,0%.

Динамика нормы государственных сбережений – ключевая переменная, зависящая от бюджетно-финансовой и социальной политики правительства. Будущие тенденции нормы государственных сбережений позволяют прогнозировать также норму национальных сбережений, ее компоненты и ряд других переменных. Помимо нормы государственных сбережений в основу прогноза необходимо заложить представления о росте совокупной производительности факторов производства[31].

Такая работа была проделана японскими экономистами. Норма национальных сбережений и ее компоненты прогнозировались исходя из

трех различных предположений о годовых темпах роста совокупной производительности факторов производства: 1% для нижнего, 1,5% для среднего и 2% для высшего вариантов[32]. Результаты оценок по каждому варианту представлены в табл. 2.

Таблица 2

Прогноз динамики нормы национальных сбережений (в % к ВВП)

Финансовый год	Варианты		
	нижний	средний	высший
2000	34,4	34,6	35,1
2001	34,5	34,8	35,3
2002	33,8	34,0	34,6
2003	33,0	33,7	34,4
2004	33,5	34,3	34,9
2005	32,9	33,8	34,5
2006	32,2	33,3	34,1
2007	31,9	32,8	33,9
2008	30,8	32,0	33,2
2009	30,9	32,3	33,4
2010	31,1	32,5	33,7

Источник: Domestic Savings in the Pacific Region: Trends and Prospects. PECC, Pacific Economic Outlook Structure Project. Tokyo, 2000, p. 181–184.

Во всех трех вариантах норма национальных сбережений демонстрирует в среднесрочной перспективе плавную понижательную тенденцию. Как и следовало ожидать, наиболее глубокое сокращение происходит при нижнем варианте (до 31,1% в 2010 г.), наименьшее — при высшем (до 33,7% в 2010 г.). Разница возникает преимущественно из-за динамики нормы государственных сбережений. Для 2010 г. норма государственных сбережений оценивается в 1%, 2,5 и 3,9% ВВП соответственно при нижнем, среднем и высшем вариантах. Доля государственных сбережений в общей сумме национальных сбережений составит соответственно 3,2, 7,7 и 11,6%.

Рассмотрим далее главные компоненты национальных сбережений, ограничившись только средним вариантом. Расчеты показали, что норма частных сбережений (сбережения корпораций и домашних хозяйств) стабильно повышается с 28,3% в 2000 г. до 29,9% ВВП в 2010 г. Это опять-таки подтверждает вывод о том, что именно норма государственных сбережений тянет вниз норму национальных сбережений. Действительно, еще в 1997 г. доля государственных сбережений в национальных была равна 19,8%, однако по прогнозу она существенно

снизится (до 7,7% к 2010 г.). Доля корпоративных сбережений в течение всего прогнозного периода останется практически неизменной (38–39%), тогда как доля сбережений домашних хозяйств возрастет с 45,2% в 2000 г. до 52,9% в 2010 г.

В прогнозный период возрастет не только доля сбережений домашних хозяйств в национальных сбережениях, но также, вопреки расхожим представлениям, и их норма. Она увеличится с 13,5% ВВП в 2000 г. до 15% ВВП в 2010 г. Норма крупнейшего компонента сбережений домашних хозяйств — финансовых сбережений — увеличится с 11,8 до 12,9%. Что касается другого компонента сбережений домашних хозяйств — реальных инвестиций, — то норма одной их части — вложений в основной капитал — увеличится с 3,1% в 2000 г. до 3,5% в 2010 г., тогда как норма другой их части — чистых покупок земли — не будет демонстрировать ни повышательной, ни понижательной тенденций, а сохранится на уровне (–) 1,4% ВВП. Сложение двух частей реальных инвестиций дает в целом повышательную тенденцию — с 1,6% в 2000 г. до 2,0% в 2010 г. Таким образом, повышение нормы сбережений домашних хозяйств произойдет главным образом благодаря увеличению нормы финансовых сбережений.

На первый взгляд такое заключение противоречит широко распространенным выводам о снижении нормы сбережений домашних хозяйств по мере постарения населения Японии[33]. Лично я солидаризируюсь с теми специалистами, которые полагают, что норма сбережений домашних хозяйств в среднесрочной перспективе существенно не изменится и уж, во всяком случае, вряд ли станет отрицательной. Для этого есть ряд веских оснований. Склонность к сбережению финансовых активов по-прежнему возрастает по мере старения глав домашних хозяйств. Как говорилось выше, пожилые люди в Японии сберегают и после выхода на пенсию. Такая линия поведения вполне оправданна, ибо пожилые люди отлично сознают, что социальные пособия не будут расти, как раньше, и государственных пенсий может не хватить для поддержания желаемого уровня жизни. Поэтому, как представляется, норма сбережений домашних хозяйств будет незначительно повышаться на основе роста финансовых сбережений пожилых японцев.

Снижение нормы национальных (или валовых внутренних) сбережений, начавшееся еще в 70-х годах, продолжится в среднесрочной перспективе. Оно будет плавным, поэтому национальный баланс сбережения–инвестиции также резко не сократится. Проблема периодического обострения торгово-экономических противоречий не сойдет с повестки дня, пока избыток финансовых сбережений не станет поглощаться или корпоративным или государственным сектором.

Быстрое старение населения ставит для Японии ряд новых, но отнюдь не нерешаемых проблем. Доля личных платежей за медицинское обслуживание будет расти, а выплаты по программам социального

обеспечения сокращаться. Домашние хозяйства вынуждены будут проявлять бóльшую самостоятельность при обеспечении послепенсионной жизни, но существенного снижения их нормы сбережений не произойдет.

Возвращение экономики Японии на путь устойчивого роста позволяет надеяться на эффективное решение социальных проблем. Если темпы прироста ВВП в среднесрочной перспективе будут в реальном выражении равны 1%, то японцы смогут оказывать достойную финансовую поддержку пожилым людям без существенных жертв со стороны работающих. А если реальные среднегодовые темпы прироста ВВП окажутся на уровне 2%, то будущие поколения работающего населения не только обеспечат пожилых, но и сами станут богаче нынешнего поколения.

По международным меркам норма национальных сбережений, хотя и будет снижаться, останется на достаточно высоком для зрелой экономики уровне. Значит, фундамент экономической жизнеспособности будет поддерживаться, а экономический рост сгладит проблемы, связанные с финансированием программ социальной защиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Всесторонний анализ факторов, влияющих на норму сбережений домашних хозяйств Японии, содержится, например, в работе: *Horioka C.* Why is Japan's Household Savings Rate So High? A Literature Survey. — Journal of the Japanese and International Economies. 1990, vol. 4, № 1, p. 49–92.

[2] Потребительское и сберегательное поведение японских домашних хозяйств на основе разделения сбережений на различные компоненты анализируется в работах: *Saito M.* Кодзин тётику-но кэйрё бунсэки (Эконометрический анализ сбережений домашних хозяйств). — Кокумин кэйдзай дзасси. 1979, т. 140, № 4, 1979, p. 1–31; *Ogawa K.* Вага куни-ни окэру какэй кодо-но кэйрё бунсэки (Эконометрический анализ поведения японских домашних хозяйств). — Financial Review. 1992, vol. 25, p. 112–134.

[3] Эмпирические исследования Японии содержат широкий, порой взаимоисключающий спектр выводов относительно гипотезы об идеальном замещении сбережений различных секторов. В работе Т. Исикавы «Тётику-но сёкэйтай-ни кансуру итикосацу» — «Исследование различных фоом сбережений» (Тётику дзихо. 1978, № 32, с. 13–23) эта гипотеза отрицается и утверждается, что сбережения домашних хозяйств и корпораций формируются независимо друг от друга.

Подтверждение наличия идеального замещения есть в работе Х. Отиаи «Кодзин тётику, кигё рюхо оёби сэйфу акадзи» («Личные сбережения, нераспределенная прибыль корпораций и государственный дефицит»). — Кэйдзай кэнкю. 1982, т. 33, № 4, с. 366–369.

Смешанную картину наличия (но не идеального) взаимозамещения сбережений домашних хозяйств и корпораций представили Д. Мару и Х. Ёнэдзава в своей работе «Кигё тётику то какэй тётику-но дайтайсэй — Хайто сэйсаку то сихон тикусэки» (О взаимозамещаемости сбережений домашних хозяйств и сбережений корпораций — Дивидендная политика и накопление капитала). — Finance Kenkyu. 1987, vol. 6, p. 1–15.

[4] Здесь и далее данные о валовых сбережениях и нормах сбережений по отдельным секторам приводятся по: Annual Report on National Accounts. Tokyo, 1985–2000.

Статистика национальных счетов строится по финансовым годам, которые в Японии начинаются 1 апреля.

[5] Saving in a Growing World Economy. — World Economic Outlook, May 1995, p. 67–89.

[6] *Masson P., Tamim B., Husein S.* Saving Behavior in Industrial and Developing Countries. — IMF Staff Studies for the World Economic Outlook. Wash., 1995, p. 1–27; Background Papers on Domestic Savings in the Pacific Region. Japan Committee for Pacific Economic Outlook. Tokyo, 1998.

[7] В 1954 г. программу КНХ перестроили. Был осуществлен переход от системы пенсий на основе заработной платы к двухуровневой системе пособий, предусматривающей выплату базовых пенсий по единой ставке. До начала 1970-х годов размер пособий был невысок. В то время значительно большую важность для лиц, уходивших на пенсию по старости, имели единовременные пособия, выплачивавшиеся при выходе в отставку работодателями. К началу 1990-х годов размер пенсии по старости, выплачиваемой типичному новому пенсионеру и находившейся на его иждивении супруге, достиг в среднем 206 тыс. иен в месяц, что составляло 68% средней месячной заработной платы работающих лиц мужского пола. Эта сумма обеспечивала нормальное существование пенсионеров. Она даже несколько превышала среднюю месячную зарплату, первоначально выплачиваемую выпускникам университетов. Постепенно был осуществлен переход от финансирования пенсий из специальных фондов к их выплате из текущих доходов. В начале экономической рецессии 90-х годов объем накопленных средств в пенсионном фонде всегда был основным источником финансирования так называемого «второго бюджета» — программы инвестиций и займов, средства которой направляются правительством на общественные работы.

Следует также отметить, что помимо государственных пенсий около 90% частных компаний и организаций имеют свои профессиональные планы пособий по уходу на пенсию. Эти пособия преимущественно выплачиваются значительной суммой единовременно. Так, в крупных компаниях размер выплат составляет 20–24 млн. иен, в средних и мелких — 10–13 млн. иен.

[8] Закон о КН предусматривает выплату базовой пенсии и внесение взносов по единой ставке. Выплата полной пенсии по старости в системе КН начинается с 65 лет после уплаты взносов в течение 25 лет. Вместе с тем в любом возрасте от 60 до 70 лет можно было претендовать на получение более низкой или более высокой пенсии в зависимости от общей суммы взносов. С 1973 г. введена индексация пенсий. Периодически пенсии по программе КН пересматривались в сторону увеличения их размера. Наивысшего уровня они достигли в середине 90-х годов, когда сумма месячной базовой пенсии, выплачиваемой одному человеку по единой ставке, составила примерно 60 тыс. иен, а размер месячного взноса, вносимого неработающими лицами, равнялся 10,5 тыс. иен.

[9] Такое долевое распределение обеспечивается тем, что взносы уплачиваются пропорционально числу лиц, охватываемых каждой программой. Следует отметить, что лица, охваченные программой КНХ (равно как и другими пенсионными программами), не должны платить взносы в рамках закона о КН, а сама программа КНХ обеспечивает участие в финансировании объединенных базовых пенсий первого уровня с единой ставкой. Например, с 1986 г. из заработной платы мужа перечисляется взнос в пенсионный фонд, существующий в рамках программы КНХ, а его жена-иждивенка автоматически имеет право на получение базовой пенсии с единой ставкой, и от нее не требуется вносить какие-либо взносы в общую пенсионную систему. Тем самым обеспечивается право неработающих женщин на пенсию.

[10] Уполномоченные медицинские учреждения получают плату за фактически предоставленные услуги, а пациент частично оплачивает их. Доля пациента составляет от 10 до 20% суммы платы за услуги при определенном месячном лимите (примерно 60 тыс. иен). Лица в возрасте 70 лет и старше вносят очень небольшую часть платы по единой ставке. В начале XXI в. расходы на душу населения в рамках программ медицинского страхования приблизились к 200 тыс. иен, доля этих расходов в националь-

ном доходе превысила 6% (в 1961 г. доля национального дохода, израсходованного на медицинское страхование, составляла 3,2%).

[11] В первое послевоенное десятилетие доля безработных колебалась от 7 до 17%. В 1947 г. были введены пособия по безработице, а в 1959 г. вступил в силу закон о минимальной заработной плате. Специальная система пособий предусмотрена для лиц, занятых от 22 до 33 часов в неделю.

[12] Программа государственной помощи была принята в 1946 г. С самого начала в нее был заложен принцип проверки нуждаемости. Помощь оказывается только по результатам проверки. Кроме того, требуется, чтобы сначала кандидаты обращались за помощью к членам своей семьи и родственникам и лишь при неудаче подавали заявления.

В 50–60-е годы государственная помощь играла крайне важную роль в деле социальной защиты населения. Например, отношение выплат по вспомоществованию к средней сумме потребительских расходов семей работающих лиц, не охваченных страхованием, постепенно повышалось и к середине 80-х годов достигло почти 70%. Вначале размер вспомоществования определялся на основе минимально необходимого набора потребительских товаров, затем по доле расходов на продукты питания, а в настоящее время по «балансовому» методу, который учитывает растущий уровень потребления японцев.

Сегодня значение программ государственной помощи снизилось, хотя к ним все еще порой прибегают как к последнему средству.

[13] В самом начале предусматривалась выплата пособий только на третьего ребенка и большее число детей в возрасте до 14 лет на основе результатов проверки нуждаемости. Размер месячного пособия, составлявший 3 тыс. иен на ребенка, был практически символическим. С 1985 г. такие пособия стали выплачиваться на второго ребенка в возрасте до 3 лет. При этом размер месячного пособия на каждого из первых двух детей увеличился до 5 тыс. иен, на третьего и большее число детей — до 10 тыс. иен. Следует также отметить, что при проверке нуждаемости используются довольно мягкие критерии. Это позволяет охватывать пособиями более трех четвертей всех детей.

Данная программа финансируется из госбюджета и взносов работодателей. Работающие по найму освобождены от каких-либо взносов.

[14] По мере развития системы социального обеспечения менялась относительная важность различных программ. Вначале главенствующую роль играли программы государственной помощи, затем программы медицинского страхования, а с начала 80-х годов наибольшую важность приобрели пенсионные выплаты. В 90-х годах доля пенсий в общей сумме расходов на социальное обеспечение составляла 52–55%, а доля пособий по медицинскому страхованию около 40%.

[15] Проблема дефицитности фондов пенсий для государственных служащих обозначилась давно. Сначала она затронула программы для сотрудников компании Государственных железных дорог Японии и Японской табачной компании (обе эти компании были в 80-е годы приватизированы). Вскоре перед лицом аналогичной проблемы оказались и другие государственные служащие.

[16] Различные аспекты поведения домашних хозяйств в Японии даются в таких регулярных публикациях, как Family Income and Expenditure Survey, Family Saving Survey, National Survey of Family Income and Expenditure, Comprehensive Survey of Living Conditions of the People on Health and Welfare, Survey on Time Use and Leisure Activities.

[17] NSFIE проводится каждые пять лет, начиная с 1959 г. Обследуются доходы, потребление и активы домашних хозяйств, их структура, а также различия по регионам. Выборка охватывает более 50 000 домашних хозяйств. Информация собирается по большому числу позиций, что превращает обследование в весьма ценный первоисточник данных.

[18] Приведу несколько примеров. В обследовании FIES акцент сделан на сопоставимости временных серий, поскольку данные используются для построения индекса

потребительских цен. Далее, расходы подсчитываются на основе ежедневного ведения бухгалтерии расходов (метод дневника). Поскольку такую бухгалтерию обычно ведут домашние хозяйки, расходы других членов семьи имеют тенденцию к недооценке. Так, потребление лиц, живущих со своими родителями, не охватывается в полной мере.

Можно указать также на существенные расхождения в оценках финансовых активов, приходящихся на одно домашнее хозяйство. Такие расхождения достигают 15% между статистикой национальных счетов (СНС) и счетами движения фондов (Flow of Funds Accounts) и около 40% между СНС и данными NSFIE. Последние значительно ниже. Причины следующие. Во-первых, искажения в выборках из-за отказа ряда домашних хозяйств участвовать в обследовании. Поэтому средняя величина активов на домашнее хозяйство оказывается ниже в NSFIE, чем в СНС. Во-вторых, в NSFIE для категории самостоятельно занятых домашних хозяйств учитываются финансовые активы только для личного пользования, но не для деловых целей. В-третьих, статистика национальных счетов строится на основе добавленной стоимости в производственном секторе, и по методу товарных потоков сектор домашних хозяйств трактуется как остаточный. Поэтому счета сектора домашних хозяйств испытывают влияние статистических ошибок.

[19] Величина сбережений, таким образом, зависит от того, что́ включается и что́ исключается из концепций валового дохода, располагаемого дохода и потребления. Здесь есть нюансы, мало знакомые широкому читателю:

1. Передача денежных средств другим членам семьи или родственникам трактуется как часть потребительских расходов. Наоборот, получение таких средств от родственников включается в годовой доход домашнего хозяйства. Межвозрастные трансферты внутри расширенных семей относятся к потребительским расходам.

2. Временная (условно начисленная) рента от жилья исключается из доходов.

3. Расходы на потребительские товары длительного пользования рассматриваются как потребление. Стоимостная оценка потоков услуг от товаров длительного пользования не производится.

4. Доходы или убытки от изменения рыночной стоимости активов не учитываются.

5. Полученные проценты и дивиденды включаются в доход, уплаченные проценты относятся к непотребительским расходам.

По имеющимся оценкам, около 70% домашних хозяйств Японии не показывают в обследованиях никаких данных о процентном доходе или дивидендах. Это свидетельствует о весьма низкой значимости ставки реального процента и доходов от финансовых активов.

[20] Раньше такие результаты тесно коррелировали с системой оплаты по старшинству, которая действовала также до 50–54-летнего возраста, за исключением тех, кто выдвигался в управляющие после достижения 55 лет.

[21] *Hayashi F., Ito T., Slemrod J.* Housing Finance Imperfection, Taxation, and Private Saving: A Comparative Simulation Analysis of the United States and Japan. — Journal of the Japanese and International Economies. 1988, № 2, p. 215–238; *Horioka C.* Saving for Housing Purchase in Japan. — Journal of the Japanese and International Economies. 1988, № 2, p. 351–384.

[22] Например, в 1988 г. 67,8% домов и 57,4% земельных участков под жилищную застройку было приобретено полностью на собственные деньги покупателей (*Noguchi Y.* Household Wealth and Inheritance. — The Japanese System of Political Economy. Tokyo, 1990, p. 85).

[23] В Японии для впервые приобретающих жилье в возрасте до 50 лет требуется уплатить первый взнос (downpayment) в размере 30–33% общей стоимости. Чем старше покупатель жилья, тем больше сумма первого взноса, вплоть до 100%.

[24] По данным на конец 1980-х годов, 44% пожилых людей являлись главами и еще 17% супругами глав домашних хозяйств. 30% пожилых людей, которые жили вместе со своими женатыми сыновьями или замужними дочерьми, были главами или супру-

гами глав домашних хозяйств. Что касается семей, где дети не находились в браке, доля этой категории пожилых людей возрастала до 70% (*Takayama N.* Personal Savings for Retirement in Japan. — A Paper Presented at the NBER-TCER Conference on Social Security and the Economic Well-Being of the Elderly. Akone, Kanagawa, Japan, September 1993).

[25] Различия в обладании чистым богатством по группам доходов и статусу занятости менее значительны, чем по собственности на жилье.

[26] В статистике национальных счетов частные некорпорированные нефинансовые предприятия относятся к домашним хозяйствам. В последнее десятилетие эти по большей части мелкие предприятия имели существенные ограничения в заимствовании средств для поддержания необходимого уровня инвестиций из-за кризисных явлений на финансовых рынках. Поэтому инвестиции в основной капитал, равно как и чистые закупки земли определялись главным образом их текущей прибылью.

[27] Business Week Online. 09.06.2003.

[28] В годы рецессии обозначилась новая тенденция — растущее число молодых людей, которые независимо от брачного статуса предпочитают жить со своими родителями, экономя на арендной плате за жилье. Например, специальное обследование одиноких женщин обнаружило, что в 1998 г. 80% из них проживало в доме родителей. Родители помогают своим детям материально даже после их вступления в брак, а свои собственные доходы, порой весьма скудные по японским стандартам, молодежь предпочитает тратить на увеселительные мероприятия: встречи с друзьями, еду и питье вне дома и т.д.

[29] Так, в октябре 1997 г. был принят Закон о структурном равновесии государственных финансов (Fiscal Structural Adjustment Act), нацеленный на сокращение государственных расходов и уменьшение бюджетных дефицитов.

[30] Последние реформы пенсионной системы были осуществлены в 1994 и 2004 гг. Они включали: 1) новый временной график повышения пенсионных взносов; 2) сокращение дополнительной части пенсионных пособий; 3) повышение возраста, дающего право на получение пенсий. В настоящее время дополнительную часть пенсий можно получать, как и раньше, с 60 лет, а возраст, требуемый для получения базовой части, доведен до 65 лет. Реформа системы медицинского страхования 1996 г. увеличила долю платежей пациентов. Все эти реформы существенно улучшили финансовое состояние фондов социального обеспечения, однако на этом рационализация не завершается — впереди новые ужесточения.

[31] Реальный ВВП определяется со стороны предложения на основе роста совокупной производительности факторов производства, роста основного капитала и роста затрат труда. Совокупная производительность факторов производства (total factor productivity) задается экзогенно. Производственная функция позволяет оценить на базе этих переменных реальный ВВП. Номинальный ВВП подсчитывают исходя из предполагаемых темпов инфляции.

[32] Эти предположения находятся где-то посередине ряда аналогичных оценок, известных автору. Так, в правительственной публикации Working Group Report of Budget and Social Security Problems (Tokyo, 1996) прогнозируется, что совокупная факторная производительность будет линейно сокращаться с 1,5% в 1994 г. до 0,5% в 2025 г. В другом правительственном источнике отмечается, что этот показатель будет расти на 1,7% в год (см.: Research of Aging 1997).

[33] Например, С. Хориока оценил долгосрочную тенденцию нормы сбережений домашних хозяйств за 1988–2050 гг. по результатам регрессии временных серий. Согласно его подсчетам, норма сбережений домашних хозяйств станет отрицательной в 2005 г. и затем будет демонстрировать понижательный тренд до 2018–2019 гг., достигнув величины 15% (см.: *Horioka S.* Future Trends in Japan's Savings Rate and the Implications Thereof for Japan's External Imbalance. — Japan and the World Economy. 1992, vol. 3, № 4, p. 307–330).

Ю. Денисов

РЕСУРСЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

К концу XX столетия все высокоразвитые страны мира успешно завершили переход к инновационной экономике. Именно инновации, т.е. результаты научного прогресса, реализованные в различных практических областях, и в первую очередь в производственной сфере, вносят в настоящее время решающий вклад в развитие экономики и общества. Общеизвестно, что сегодня успех хозяйственной деятельности определяют прежде всего принципиальная новизна товара, его безупречное качество и привлекательный дизайн.

Поскольку на создание такой продукции затрачиваются немалые средства, то ее производитель, опередив своих конкурентов и заняв монопольное положение на рынке, устанавливает на нее достаточно высокие цены, так что на первых порах она нередко оказывается недоступной для массового потребителя. Однако компании-конкуренты через некоторое время также выходят на рынок с аналогичной продукцией, в результате чего конкуренция перемещается в ценовую сферу. Но и на этом этапе наибольшего успеха добивается тот, кто следует инновационным курсом и благодаря внедрению новых технологических процессов и более эффективных методов управления существенно снижает издержки производства.

Представляется, что первые шаги на пути к инновационной экономике были сделаны еще в эпоху мануфактур, в частности в производстве текстильной и швейной продукции, огнестрельного оружия, часов, при строительстве дорог, мельниц, рудников, морских судов и т.д. Являлись активными представителями инновационного развития и сельскохозяйственные, пищевые, а впоследствии химические отрасли. Генераторы новых идей и технологий и в те времена были востребованы обществом. Это видно хотя бы из того, что еще в 1623 г. в Англии были введены привилегии, охраняющие права изобретателей[1]. Не останавливаясь на вопросах научно-технического и технологического прогресса в последующие два столетия, отмечу лишь, что наиболее впечатляющий взлет научной и инженерной мысли, притом сопровождавшийся ее быстрой и эффективной реализацией в экономике, произошел на рубеже XIX и XX веков.

© Ю. Денисов, 2006

Вот лишь некоторые достижения, оказавшие в тот период определяющее влияние как на производственную сферу, так и на потребительский рынок: электрогенераторы, электродвигатели, электроосветительные системы, паровые турбины, двигатели внутреннего сгорания, телефон, звукозаписывающие устройства, фото- и киноаппаратура. Уже в начале XX в. мир неузнаваемо изменился — в 1907 г. была установлена регулярная радиосвязь между Европой и Америкой, в 1908 г. начался серийный выпуск автомобиля «Форд-Т», в 1909 г. осуществлен перелет на самолете через Ла-Манш. Работы в области радиоактивности, достижения в биологии и медицине, успехи химии и материаловедения радикально изменили весь строй технологий того времени, а прорывы фундаментальной науки создали надежные предпосылки для дальнейшего ускорения инновационного процесса.

Таким образом, вряд ли справедливо мнение, что научно-техническая революция началась лишь в середине XX в. Правильнее рассматривать послевоенный период как один из ее этапов, на котором особенно высокого уровня достигли электроника и информатика, авиационно-космическая и атомная техника, системы автоматизации производства и контроля качества. В эти годы возник целый ряд плодотворных направлений на стыке различных наук и технологий и, что не менее важно, существенно ускорилось коммерческое освоение новых научных результатов и инженерных решений. В результате многое из того, что ранее было рассчитано на в общем-то ограниченный круг пользователей, стало общедоступным и существенно изменило жизненный уклад общества.

Поэтому, характеризуя сегодняшнюю экономику как инновационную, пожалуй, следует подчеркивать не столько нацеленность экономической деятельности на реализацию новых идей — это было и в прежние времена, — сколько то, что к настоящему времени в высокоразвитых странах сформировался эффективно работающий комплекс, объединяющий производство знаний и предпринимательскую деятельность в единый, согласованный процесс. При этом его весьма высокая результативность обеспечивается участием как предпринимательских кругов, так и государства. Исследование структуры этого комплекса и механизма его работы является ныне одним из приоритетов экономической науки.

Значительный вклад в это исследование вносят работы, посвященные формированию, эволюции и функционированию так называемых национальных инновационных систем (НИС), представляющих собой совокупность государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, осуществляющих деятельность по созданию, распространению и коммерческой реализации новых знаний и технологий[2]. Однако возникает вопрос, насколько полный анализ проблем инновационной экономики можно произвести на базе данной

концепции, все ли факторы, обеспечивающие инновационный процесс, попадают в поле зрения при таком подходе.

Думается, существенным дополнением к такому анализу могло бы стать рассмотрение более полной совокупности факторов инновационного развития, т.е. начиная с этапа формирования нового знания и кончая выходом новой продукции в сферу обращения. Вместе с тем для этого вначале следовало бы более четко определить, на какие ресурсы опирается сегодня инновационное развитие экономики, поскольку именно на повышение эффективности их использования следует в первую очередь нацеливать управляющее действие НИС.

Жизнь показывает, что сегодня в качестве главного экономического ресурса на передний план выдвигается новое знание. Конечный результат определяется масштабами его производства и практического использования. Поэтому инновационная экономика вполне правомерно характеризуется и как экономика знаний (или экономика, основанная на знаниях).

Следует отметить, что среда, в которой создается новое знание, не ограничивается кабинетами ученых и научными лабораториями, а включает в себя широкую сферу деятельности. Так, на уровне отдельной фирмы оно в первую очередь представлено результатами внутрифирменных исследований и разработок, а также дополнительной информацией, приобретенной на рынке патентов и лицензий. Но в то же время новое знание наращивается и во всех других внутрифирменных структурах: это исходящие от производственного персонала предложения по способам повышения качества, рекомендации служб по организации производства, подсказанные практикой, дополнения в инструкции по обслуживанию оборудования, результаты анализа информации, поступающей от субподрядчиков и потребителей, и др.

В конечном счете аккумулируемое фирмой знание становится важнейшей частью ее интеллектуального капитала, выступая в форме принадлежащей ей интеллектуальной собственности и так называемых человеческих активов, т.е. профессиональных, культурных, моральных, творческих и других ценных качеств персонала фирмы, определяющих как объем знаний, которым она располагает, так и ее способность к совершенствованию и приумножению этих знаний. Наличие у компании крупного интеллектуального капитала находит свое выражение в многократном превышении ее рыночной цены над балансовой стоимостью. Так, в середине 1990-х годов у компаний «Интел» и «Майкрософт» оно составляло соответственно 2,8 и 9,5, и имеется немало примеров, когда это отношение еще выше[3].

Исследователи проблем постиндустриального общества приходят к выводу о необходимости *существенного* углубления современных теорий стоимости, которое позволило бы учесть появление такой категории, как стоимость, создаваемая знанием. Они утверждают, что

в настоящее время ценность, которую рынок признает за тем или иным продуктом, определяется в первую очередь объемом знаний, потребовавшихся для его создания. И если речь идет о новом продукте, то объемом новых знаний[4].

В последнее время приобретает популярность концепция, в соответствии с которой главным условием успешного развития инновационного процесса является органическое слияние знаний отдельных индивидов, знаний, сосредоточенных во внутрифирменных группах, и знаний, аккумулированных фирмой в целом. Предлагается построенная на основе большого практического опыта «пятифазная модель» процесса создания знания организацией[5].

Определенный вклад в изучение проблем современного этапа экономического развития, осуществляемого на базе создания и использования новых знаний, может внести анализ ресурсов инновационного развития Японии — одного из признанных научно-технических и промышленных лидеров. Помимо всего прочего, это позволит уточнить представления о том, какое место в обозримой перспективе будет занимать Япония в мировом научно-технологическом и экономическом пространстве. Ведь не секрет, что ее экономика, включая и высокотехнологичные отрасли, переживает отнюдь не лучшие времена.

В качестве базовой характеристики научно-технического развития любой страны используются годовые объемы выполняемых НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ) в стоимостном выражении. Затраты на НИОКР позволяют в первом приближении определить величину научно-технического потенциала, подсчитывать наукоемкость ВВП и отдельных отраслей, проводить межстрановые сравнения. Важной характеристикой служат и данные о кадровом обеспечении НИОКР, главным образом о численности исследователей и разработчиков. Объемы финансирования и кадровое обеспечение НИОКР, характеризуя научно-технический потенциал с его ресурсной стороны, позволяют представить себе масштабы научных и инженерных проблем, которые могут быть решены благодаря его использованию. Естественно, что для более точных оценок необходимы дополнительные данные о его качественных параметрах.

В 2002 фин. г. объем японских НИОКР с учетом тематики гуманитарных и общественных наук составлял 16,7 трлн. иен (3,35% от величины ВВП). На долю государства приходилось 20,7% от их общего объема. Военная тематика в общем объеме НИОКР составляла лишь 0,86%[6].

Непрерывное увеличение годовых объемов НИОКР долгое время являлось одной из устойчивых тенденций в послевоенной японской экономике. Кризисные явления начала 90-х годов нарушили ее — в 1992 фин. г. объем японских НИОКР почти не увеличился в сравнении с предыдущим годом, а в последующие два года он снижался. Рас-

сматривая его дальнейшую динамику, несложно прийти к выводу, что на нынешний уровень финансирования НИОКР можно было выйти тремя годами раньше, если бы не упомянутые выше кризисные явления.

Около 70% всего объема японских НИОКР выполняется в компаниях, 20 — в университетах, около 9% — в государственных лабораториях. При этом до половины объема фундаментальных исследований выполняется в учреждениях системы высшего образования, а одна треть — в лабораториях компаний. Следует заметить, что понятие «фундаментальные исследования» имеет весьма широкий смысл и в последнее время проявляется тенденция к его уточнению. Так, по мере нарастания в них «прагматической» составляющей в Японии различают чистые, поисковые и ориентированные фундаментальные исследования. В целом на фундаментальную тематику приходится 15% от общего объема НИОКР (все приведенные цифры относятся к 2002 фин. г.)[7].

Следует заметить, что на единицу произведенного ВВП приходятся всё большие затраты на этапе исследований и разработок. Об этом свидетельствует постоянное увеличение отношения расходов на НИОКР к величине ВВП. За период 1981–2001 гг. оно возросло в Японии в полтора раза. Пожалуй, это вполне объяснимо — процесс НИОКР становится все более капиталоемким и трудоемким, поскольку его приходится проводить во все более «труднодоступных» сферах научного знания и инженерного искусства. Кроме того, развитые страны могут позволить себе выполнять всё больший объем исследований, не планируя их быструю коммерциализацию, а лишь с целью накопить более солидный объем знаний, который так или иначе сможет пригодиться в будущем.

Затраты на НИОКР полезно сопоставить не только с объемом произведенной продукции, но и с таким важным экономическим параметром, как производственные инвестиции. Вычисляя отношение «затраты на НИОКР/производственные инвестиции», обратимся вначале к данным за 1990 фин. год, предшествовавший спаду инвестиционной активности, который явился следствием экономических проблем заключительного десятилетия XX в. По всей экономике в целом затраты компаний на НИОКР составили 9,5 трлн. иен, а объем производственных инвестиций — 57,5 трлн. иен. Таким образом, затраты на НИОКР составили $^1/_6$ от уровня производственных инвестиций. В отраслях обрабатывающей промышленности эта величина в несколько раз больше. Например, в транспортном машиностроении, химическом и фармацевтическом производстве и особенно в электротехнической промышленности затраты на НИОКР составляли в 1990 фин. г. более половины от объема производственных инвестиций[8].

В дальнейшем, ввиду того что инвестиционный процесс резко замедлился, доля НИОКР относительно объема инвестиций существенно возросла. Так, в 2002 г. по экономике в целом она составила около

40%, для электротехнической и электронной отрасли достигла уровня 67%, а в транспортном машиностроении затраты на НИОКР на 13% превысили объем инвестиций[9]. Следовательно, такая характеристика японской экономики, как «экономика, основанная на знаниях», имеет сегодня не только теоретическую, но и ощутимую материальную основу: затраты на НИОКР, т.е. на получение нового знания, оказываются вполне соизмеримыми с затратами на обновление производственного аппарата.

Численность исследователей и разработчиков, занятых в области естественных и технических наук по состоянию на 1 апреля 2003 г., составила в Японии 757 тыс. человек, а с учетом вспомогательного персонала — около 970 тыс. человек. В последние годы все более остро ощущается дефицит ассистентов и техников, который удается преодолевать лишь в отдельных научных центрах. В 2001 фин. г. более 100 тыс. японских специалистов откомандировывались за рубеж с целью близкого ознакомления на месте с зарубежными исследованиями и разработками[10].

Об уровне научных школ, сформировавшихся на ведущих направлениях науки, в первую очередь фундаментальной, можно судить по количеству нобелевских лауреатов, каждый из которых, как правило, выступает в качестве главы такой школы. Ниже представлены данные о числе ученых, которым присваивались Нобелевские премии в области естественных наук в период 1946–2001 гг., с указанием страны проживания лауреатов[11]:

Страна	1946–1950 гг.	1951–1960 гг.	1961–1970 гг.	1971–1980 гг.	1981–1990 гг.	1991–2000 гг.	2001–2003 гг.	1946–2003 гг.
США	8	27	27	39	37	39	12	189
Великобритания	4	9	11	12	3	3	6	48
Германия	2	3	5	3	9	5	1	28
Франция	–	–	5	1	1	3	–	10
Япония	1	–	1	1	2	1	3	9

Приведенные цифры наглядно свидетельствуют об огромном численном преобладании американских научных школ над японскими. Более того, два японских нобелевских лауреата, физик Р. Эсаки (премия 1973 г.) и биолог С. Тонэгава (1987 г.), получили премии, работая в США. Оба продолжили свою научную деятельность в американских лабораториях и после присуждения премии (соответственно в фирме ИБМ и Массачусетском технологическом институте), так что в выигрыше оказались американские, а не японские научные школы.

Одним из наиболее важных параметров, по которым можно судить о результативности национальных исследований и разработок, являются масштабы завершающей их изобретательской деятельности, т.е. ежегодное число патентных заявок на изобретения, подаваемых на-

циональными заявителями. Произведу сопоставление этого параметра для группы наиболее развитых стран: США, Японии, Германии, Франции и Англии.

Чтобы избежать влияния ежегодных колебаний статистических показателей, обратимся к достаточно большому периоду — с 1981 по 1995 г. Просуммируем для этого периода отдельно заявки на изобретения, поданные в своей стране («внутренние» заявки), и заявки, направленные за рубеж («зарубежные» заявки). Кроме того, введем в рассмотрение и параметр, который показывает, какое количество заявок приходится на 1 млн. долл. расходов, затраченных на НИОКР, и тем самым позволяет в первом приближении, пусть даже формально, оценить результативность этих расходов по количеству «выходов на патент». Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1
Показатели масштабов и интенсивности изобретательской деятельности (1981–1995)

Страна	Число заявок, поданных национальными заявителями, шт.		Расходы на исследования и разработки, млн. долл.	Количество заявок в расчете на 1 млн. долл. затрат на исследования и разработки, шт.	
	«внутренние» заявки	«зарубежные» заявки		«внутренние» заявки	«зарубежные» заявки
США	1 205 130	4 490 926	2 112 349	0,57	2,13
Япония	4 379 040	1 492 885	836 389	5,20	1,78
Германия	497 743	1 970 782	433 472	1,15	4,55
Франция	183 504	824 352	315 030	0,58	2,62
Англия	295 256	1 136 061	274 335	1,08	4,14

Примечание: данные о расходах на исследования и разработки представлены на основе покупательной способности валют в ценах 1990 г.

Источник: составлено по: Кагаку гидзюцу сихё (Показатели научно-технического развития). Токио, 2000, с. 202–203.

Полученные результаты демонстрируют давно подмеченный парадокс, связанный с «внутренними» японскими заявками, — их число несоразмерно велико по сравнению с ресурсными параметрами научно-технического потенциала страны, например, как это видно из табл. 1, с затратами на исследования и разработки. Если в США и ведущих западноевропейских странах каждому миллиону долларов затрат на исследования и разработки соответствует, по округленной оценке, примерно одна заявка на изобретение, направляемая в национальное патентное ведомство, то для Японии этот параметр в несколько раз больше. Вместе с тем, подсчитывая величину этого параметра по заявкам, направленным в зарубежные патентные ведомства, а это наиболее весомые по своему содержанию заявки, нетрудно увидеть, что для

Японии он заметно ниже, чем для США и ведущих стран Западной Европы. Иначе говоря, эффективность японских исследований и разработок, если оценивать ее по числу весомых «инновационных предложений», ниже, чем в упомянутых странах.

Что же касается упоминавшегося выше парадокса, то он объясняется не чем иным, как особенностями внутрифирменной политики стимулирования персонала к проявлению творческой инициативы: в японских корпорациях устанавливаются довольно напряженные планы подготовки патентных заявок, а поощрения предусмотрены не только за получаемые патенты, но и за количество поданных заявок[12].

Научно-техническому и экономическому развитию Японии в значительной степени способствует импорт технологии, т.е. приобретение за рубежом лицензий и ноу-хау. В период 1950–1980 гг. японские компании заключили с иностранными фирмами 36 тыс. соглашений об импорте технологии, а в 1980–1990 гг. было приобретено более 50 тыс. лицензий[13].

В промышленности главными импортерами являются компании электротехнической и электронной промышленности. Конечно, общие статистические данные об импорте технологии позволяют оценивать его реальную роль как источника инноваций лишь в самом общем плане. Ясно, что приобретаемые технологии затем активно используются для повышения технологического уровня производственного аппарата и производимой продукции, но во многих случаях без детального анализа конкретных лицензионных соглашений установить истинные масштабы их воздействия на инновационный процесс крайне сложно.

Интересно, что нередко японские компании приобретают лицензии у зарубежных фирм только потому, что те несколько опередили японцев и потому раньше их запатентовали свои технические решения в Японии. Однако, чтобы оценить реальный разрыв между научно-техническим уровнем технологий, созданных японцами, и технологий, закупленных за рубежом, необходимо весьма скрупулезное исследование. Лишь после этого можно заключить, в чем состоит реальное превосходство зарубежных технологий над японскими — в их более высоких технических параметрах или только в том, что они были разработаны немного быстрее практически таких же японских.

Данные о торговле технологией между Японией и США свидетельствуют, что в области автомобилестроения торговый баланс складывается в пользу Японии, но в области электронной продукции, включающей в себя электронные компоненты, компьютеры и средства связи, впереди американцы. Действительно, за пятилетний период с 1997 по 2001 г. объем японского экспорта технологии для автомобилестроения в США составил 1 трлн. 447 млрд. иен, что на порядок превысило объем американского экспорта автомобильной технологии в Японию (141 млрд. иен). В группе электронной продукции картина иная: экс-

порт технологии из Японии в США был равен 145 млрд. иен, а из США в Японию — 734 млрд. иен, т.е. в пять раз больше [14].

Крупномасштабный импорт зарубежных технологий сыграл ключевую роль в японском научно-техническом и экономическом развитии. Практически ни одна из базовых инноваций, определяющих современный жизненный уклад, не была разработана в Японии. Что же касается конкретных приоритетов производственной и научно-технической деятельности, то они выбирались здесь исходя из масштабов рынков для будущей продукции.

Это позволило японским фирмам занять лидирующие позиции по выпуску таких изделий массового, или широкого, потребления, как бытовая электроника (транзисторные радиоприемники, цветные телевизоры, аудиосистемы, видеотехника, средства связи); электронные компоненты (представленные в основном запоминающими устройствами высокой емкости и дисплеями); оборудование для офисов (персональные компьютеры, принтеры, копиры, факсы); пользующееся повышенным спросом производственное оборудование (станки с ЧПУ, роботы, контрольно-измерительная техника); легковые автомобили, фотоаппараты.

В Японии сумели с большой выгодой для себя воспользоваться тем обстоятельством, что США, располагающие гораздо более мощным по сравнению с японским научно-техническим потенциалом, во множестве случаев ограничиваются лишь разработкой новой конструкции и изготовлением ее базового варианта. Создавая и демонстрируя новую продукцию, американцы осваивают производством лишь часть новшеств – сообразно объему своих промышленных ресурсов. Остальное осваивается за рубежом, причем до сих пор наибольший успех сопутствовал Японии. Ее мощный научно-производственный потенциал обеспечивает всестороннее освоение принципов, заложенных в лучших зарубежных образцах, их дальнейшее усовершенствование и быструю перенастройку производственного аппарата промышленности для их коммерциализации [15].

В результате на Японию в 1980–1990-е годы приходилось более четверти объема высокотехнологичной продукции, производимой в странах–членах ОЭСР: 26% в 1987 г. и около 28% в 1992 г. (для США соответствующие цифры составляли 36,4 и 37,2%)[16]. Что же касается экспорта наукоемкой продукции, то и здесь Япония занимает передовые позиции. В 2000 г. его общий объем среди стран ОЭСР составил 1,1 трлн. долл., из которых 25% приходилось на США и около 14% — на Японию, причем в начале 1990-х годов ее доля достигала 21%[17]. Впрочем, в условиях широкомасштабного перемещения ее промышленных мощностей в развивающиеся страны этот показатель перестает быть наглядным измерителем японской промышленной и технологической мощи, поскольку продукция, произведенная на японских заводах за рубежом, не входит в статью японского экспорта.

К ресурсам инновационного развития экономики, безусловно, следует отнести и производственный аппарат промышленности. Чтобы обеспечивать инновационный процесс на его заключительном этапе — коммерциализации достижений в области науки и техники, — он должен быть «насыщен» высокопроизводительным и высокоточным оборудованием, техникой гибкой автоматизации, контрольно-диагностическими системами. Именно благодаря тому, что японцы сумели создать такой аппарат и непрерывно его совершенствуют, им удается уверенно осуществлять необходимые структурные преобразования в экономике.

Находясь в состоянии постоянной готовности к самым серьезным подвижкам в производственных технологиях, японские фирмы относительно легко преодолели полосу трудностей 1970-х годов (кризисные явления в экономике в сочетании с резким повышением цен на нефть). Ключевым фактором в данном случае явились использование практически во всех отраслях микроэлектронной техники и новых материалов, переход к автоматизации проектирования и производства, реализация энергосберегающих технологий. В сущности, в 1970–1980-е годы достижения японской науки и техники в сочетании с крупнейшими достижениями мировой науки обеспечили радикальное обновление технологической структуры японской экономики, что, вероятно, создало ей неплохой запас прочности и на трудный период 1990-х годов.

Переход к новым, наукоемким производственным процессам существенно преобразовал технологическую систему японского промышленного производства, усовершенствовав все три ее базовые составляющие. Первая из них — технические принципы, на которых основывается надлежащее воздействие на материалы, вещества и компоненты производимой продукции. Вторая — методы производственной реализации этих принципов путем использования наиболее эффективных сочетаний автоматизации, механизации и ручного труда. Третья — системы контроля технологического процесса и диагностики оборудования, гарантирующие необходимые параметры качества.

Недостаточное развитие лишь одной из трех этих составляющих обесценивает всю их совокупность в целом и не может быть компенсировано усовершенствованием двух других. Отличное понимание этого японскими специалистами, а также огромный вклад, который они внесли в развитие второй и третьей составляющей технологической структуры, позволили значительно повысить эффективность инновационного процесса в Японии. Новые научно-технические решения, в том числе высокотехнологичные, быстро и беспрепятственно проходят через все производственные стадии, в них не приходится вводить какие-либо упрощающие доработки, подлаживаясь под несовершенство оборудования. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что японское производственное оборудование просто не может быть несовершенным.

Японская технологическая система является постоянным предметом изучения специалистами многих зарубежных компаний, и это значительно облегчает им внедрение средств гибкой автоматизации и методов управления качеством, основанных на строгом измерительном контроле параметров оборудования и технологического процесса[18].

В 1997 г. в Японии была опубликована методика, позволяющая рассчитывать обобщающий показатель национального инновационного развития на основе «блока» из 12 параметров, характеризующих, с одной стороны, сферу научной деятельности, а с другой — промышленные результаты. В число этих параметров входят такие подсчитанные для каждого года величины, как затраты на исследования и разработки, общая численность занятых исследованиями и разработками, контингент ученых, работающих в университетских лабораториях в области естественных и технических наук, объемы импорта и экспорта технологии, количество статей, опубликованных авторами из данной страны, и количество ссылок на них в других статьях, число заявок от национальных заявителей на патенты в своей стране, число заявок от национальных заявителей на получение зарубежных патентов, добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности, добавленная стоимость при производстве высокотехнологичной продукции. Как видим, все эти параметры прямо или косвенно характеризуют ресурсы инновационного развития экономики.

Расчеты, связанные со стоимостными параметрами, авторы производили в постоянных ценах (в приводимых ниже результатах — в ценах 1995 г.), с учетом паритета покупательной способности валют. Величины рассчитанного по этой методике обобщающего показателя для группы индустриально развитых стран таковы[19]:

Год	США	Япония	Германия	Франция	Великобритания
1990	2,811	1,337	0,800	0,424	0,504
1995	3,405	1,474	0,929	0,515	0,684
1996	3,553	1,533	0,958	0,530	0,842
1997	3,734	1,605	1,051	0,570	0,877
1998	3,962	1,636	1,108	0,609	0,927
1999	4,137	1,689	1,169	0,648	0,955
2000	4,482	1,782	1,273	0,685	0,993

Как видно из приведенных данных, этот показатель для США существенно выше, чем для любой из рассмотренных стран. Более того, он почти равен сумме показателей, подсчитанных для Японии, Германии, Франции и Великобритании вместе взятых.

Несложно определить, что среднегодовой прирост этого показателя за указанный период составил в Великобритании 7%, в США — 4,8, во Франции и Германии — 4,9 и 4,8, в Японии — 2,9%. По-видимому,

пока рано делать выводы о том, в какой степени данный показатель способен отражать особенности социально-экономического развития той или иной страны, и связывать его минимальный прирост в Японии с ее экономическими проблемами 1990-х годов.

Однако интересно, что с учетом предлагаемой авторами поправки на численность населения данный показатель в известной мере способен привлечь внимание к своего рода интенсивности национальных усилий в организации и реализации инновационного процесса. Разделив его величину на численность населения, можно установить, что скорректированный таким способом показатель максимален вовсе не в США, а в Англии. И если его значение для Англии принять за единицу, то для США оно составит 0,955, а следующими по порядку расположатся Германия (0,931), Япония (0,844) и Франция (0,681)[20].

Все изложенное выше свидетельствует о том, что в группе научно-технических лидеров обостряется «борьба за второе место». Хотя позиции Японии по-прежнему прочнее, чем у любой из европейских стран, интеграция последних в единое научно-технологическое, экономическое и политическое пространство делает чисто межстрановые сопоставления уже не столь репрезентативными и интересными, как это было в прошлом.

В связи с этим весьма актуален вопрос: как могут быть оценены ресурсы инновационного развития японской экономики не в обобщенном статистическом, а в более предметном плане? Ответить на него помогают сравнения американских и японских позиций в области исследований и разработок, проводимых на главных направлениях научно-технического прогресса. Они показывают, что у японцев здесь есть довольно слабые места. Особенно заметно превосходство США над Японией в области фундаментальной науки. Прикладная наука и разработки у американцев тоже находятся на более высоком уровне. Японцы существенно отстают по всем главным направлениям в области живых систем, а также по большей части тематики, связанной с информатикой и электроникой. Исключение составляют лишь исследования и разработки по высокоплотному хранению информации. Весьма существенно отставание в работах по проблемам использования искусственного интеллекта.

На фоне Западной Европы позиции Японии несколько более выигрышные. Так, фундаментальные исследования в области новых материалов и веществ, если оценивать их в целом, в Японии и Западной Европе находятся практически на одном уровне. Отставая от европейцев в разработке теоретических методов проектирования материалов, японцы добились более существенных результатов в управлении их кристаллической структурой и анализе ее влияния на их свойства. Что касается информатики и электроники, то здесь по большинству направлений впереди Япония. Вместе с тем она заметно уступает Западной Европе в таких областях, как «Живые системы» и «Земля и мировой океан»[21].

Более детальную картину дают результаты специального исследования, в котором рассматривается положение в области разработки, создания и производства большой группы современной высокотехнологичной продукции в США, странах Западной Европы и Японии (данные на первую половину 90-х годов).

Исследуемый перечень представлен 36 видами техники (промышленные роботы, станки с ЧПУ, суперкомпьютеры, телевизоры, видеомагнитофоны, копировальные машины, автомобили, авиационная техника и т.п.). Результаты анализа оказываются весьма показательными. Так, на этапе исследований и разработок почти абсолютным лидером являются США — именно здесь было разработано 28 видов изделий (78%), тогда как в Японии не было разработано ни одного изделия из данного перечня. Далее, оказывается, что в выпуске первых образцов продукции также лидируют США — по 30 видам изделий (83%), а на долю Японии приходится только два их вида.

Но самое интересное, что, несмотря на аутсайдерские позиции Японии на этих двух этапах, на этапе широкого промышленного производства отчетливо проявляется лидерство Японии. Она занимает передовые производственные позиции по 22 видам изделий (61%), тогда как на долю США приходится 17 видов изделий (47%), впрочем отличающихся особенно высокой наукоемкостью и сложностью[22]. Вывод, который можно отсюда сделать, однозначен — японцам все еще не по силам «оторваться» от зарубежных прототипов, осуществить самостоятельный инновационный прорыв, хотя не вызывает никаких сомнений, что их производственная, промышленная база вполне готова к освоению самой современной продукции.

Существует еще одна важная сфера науки и техники, по достижениям которой можно судить о научно-техническом развитии страны, — освоение космоса. Последнее, как известно, не является самоцелью, поскольку космос уже давно используется для решения целого ряда социально-экономических и оборонных задач, а в дальнейшем его значение еще более возрастет. Немаловажно и само обладание почетным статусом «космической державы», т.е. страны, которая имеет широкомасштабную космическую программу и способна реализовать ее с помощью собственных ракет-носителей.

Правда, этот статус необходимо постоянно подтверждать, для чего требуется идти в ногу с прогрессом ракетно-космической техники. Однако это, как свидетельствуют факты, дается Японии с большим трудом. Ее успехи в освоении космоса выглядят более чем скромными на фоне таких эпохальных достижений, как многочисленные запуски автоматических аппаратов и человека на околоземную орбиту и на Луну, создание и использование крупных обитаемых космических станций и многоразовых авиационно-космических систем[23].

Следует заметить, что невысокий уровень развития японского ракетостроения в основном связан с отсутствием в Японии соответствующих внутренних ресурсов — научных и инженерных школ. Слабо развито и авиастроение, технологии которого в значительной степени способствуют прогрессу ракетостроения. Бурное послевоенное развитие самолетостроения, реактивных двигателей, авиаприборостроения словно бы обошло Японию стороной. Этому можно найти некоторое объяснение — после окончания войны бывшие авиастроительные фирмы были расформированы и до 1954 г. деятельность в области авиастроения в Японии была запрещена. К этому времени мировой авиационный рынок существенно изменил свой облик, так как началась эра реактивной авиации. Выйдя однажды из клуба авиационных держав, Япония до сего времени не смогла в него вернуться, хотя некоторые, правда не очень энергичные, попытки несколько раз делались. В результате Япония стала одним из крупнейших импортеров авиационной техники.

Многое из сказанного выше, вероятно, представляется несколько неожиданным — ведь еще не так давно у Японии был имидж абсолютно бесспорного научно-технического лидера. Однако времена меняются, и сегодня оказывается, что быть лидером на всех направлениях науки, техники и производства практически невозможно. Причем это хорошо понимали и в самой Японии, где в течение всего послевоенного периода проводили в жизнь стратегию селективного научно-технического развития.

Однако при этом проявился уклон в сторону разработки и производства продукции, принадлежащей к «средней», не самой сложной части технологического спектра. Сознательный отказ от развития уникальных, но чрезвычайно сложных и потому связанных с большим риском направлений, особенно если они не обещали выхода на массовое производство, по-видимому, привел к тому, что в Японии сформировался особый тип специалиста — высокого, но не высочайшего класса, способного быстрее и красивее всех решать задачи, хотя и трудные, но все же не высшей трудности. Это, несомненно, ослабило научные и инженерные школы, разработчики начали отставать в сфере создания высоких технологий, полагаясь в основном на их импорт. Отсутствие серьезных ограничений на импорт высоких технологий способствовало тому, что особых стимулов к мобилизации усилий на самостоятельные прорывы не возникало.

Повторение лучшего из того, что сделано за рубежом, а затем его совершенствование на более современной основе с непременным требованием добиться от нового изделия значительно большей технической эффективности и лучших потребительских свойств обеспечили Японии высокий мировой авторитет. Однако, в сущности, основные усилия и способности японских специалистов концентрировались на завершающей, производственной стадии инновационного процесса,

на приспособлении производственного аппарата к крупносерийному выпуску среднесложной продукции.

Поэтому, хотя в настоящее время объем собственных японских исследований и разработок достаточно высок, о Японии порой судят как о стране, построившей свое экономическое благополучие за счет зарубежных, в первую очередь американских, научно-технических достижений. Правда, при более компетентном подходе Япония характеризуется как достаточно самостоятельная научно-техническая держава, но преуспевающая главным образом в части развития зарубежных прототипов и вносящая лишь незначительный вклад в сокровищницу мировой науки и техники.

В Японии, в общем, соглашаются с этими нелицеприятными оценками. Никто не спорит, что зарубежные заимствования обеспечили ей огромную экономию средств на исследования и разработки, что бремя этих расходов было переложено на зарубежные страны. Признается, что отнюдь не меньшее значение имели экономия времени и избавление от мучительного этапа проб и ошибок. Вместе с тем японские аналитики считают, что подобная практика была вынужденной и что она постепенно искореняется. Япония, по их мнению, готова наконец взять на себя бремя риска, связанное с проведением глубоких исследований по новейшей тематике, особенно фундаментальных, и обеспечить энергичное развитие своей оригинальной технологической базы. Причем необходимость этого диктуется не столько зарубежными оценками, сколько следующими весьма серьезными соображениями[24]:

1. Так как активная коммерциализация новых «прорывных» технологий начинается лишь по прошествии длительного перехода времени, то именно технологический задел становится главным рычагом поддержания конкурентоспособности японской экономики в период после 2000 г.

2. Приток на мировые рынки японских высоких технологий крайне важен для обеспечения высокой динамичности мировой экономики в целом, развитие которой во все большей мере опирается на научно-технический прогресс.

3. Сильная зависимость Японии от импорта энергоносителей и сырьевых материалов делает весьма актуальным прогресс в области экономии их расходования, а также создания альтернативных источников энергии, чему могут способствовать лишь прорывные инновации, которые надо активно готовить.

4. Новые технологии должны рассматриваться не только в качестве производственного базиса, но и как средство укрепления национальных позиций во взаимоотношениях с зарубежными партнерами, будучи своего рода козырной картой на переговорах по тем или иным экономическим, а возможно и политическим, проблемам.

Это имеет важное значение для обеспечения экономической безопасности Японии.

Следует заметить, что официальные материалы, в которых излагаются основные принципы научно-технической политики Японии, делают весьма энергичный акцент на необходимости значительного повышения творческого уровня японских исследований и разработок, роста их «креативности» как главного условия лидерства в научно-технической сфере и устойчивого инновационного развития.

Еще в 1960-е годы Совет по науке и технике подчеркивал, что следует уделять максимум внимания оригинальным исследованиям и разработкам. Их активная поддержка должна была стать началом преодоления зависимости от зарубежной техники и технологии, возникшей в предыдущие два десятилетия. В «Рекомендациях № 11», которые Совет представил правительству в 1984 г., был сделан вывод о том, что Япония, став одним из мировых экономических лидеров, должна иметь адекватную мощь и в научно-технической сфере. Подчеркивалось, что импорт технологии, т.е. закупка за рубежом патентов, лицензий и ноу-хау, сопровождается определенными ограничениями в плане ее использования. Поэтому, утверждалось в документе, чтобы оставаться экономическим лидером и в будущем, Япония должна еще более энергично развивать свой собственный инновационный потенциал.

Все эти идеи были впоследствии учтены в программном правительственном документе «Основы научно-технической политики», опубликованном два года спустя, а в пересмотренном и переработанном его варианте, вышедшем в 1992 г., среди главных направлений, по которым следовало совершенствовать японскую науку, отдельным пунктом было выделено требование повышать творческий потенциал исследовательской деятельности.

В 1995 г. был принят Основной закон о науке, технике и технологиях, который явился логическим завершением работы правительства по формированию курса на максимальную научно-техническую самостоятельность страны. Его авторы придали научно-технической деятельности высокий общественный статус, указав, что наука и техника обеспечивают основы будущего развития Японии. В Законе провозглашалась также необходимость органичного взаимодействия между научными подразделениями государственного и частного секторов в интересах существенного снижения различных административных и бюрократических барьеров, препятствующих активному взаимодействию всех составляющих японского научно-технического потенциала.

Таким образом, сама идея проведения курса на усиление научно-технической самостоятельности и на существенное увеличение вклада в мировой «банк технологий» в Японии весьма популярна. Тем не менее от особенно внушительных результатов на этом направлении она все еще далека.

Американский аналитик С. Тацуно излагает свой взгляд на подобную ситуацию, предлагая оригинальную теоретическую схему. Изучая структуру творческого процесса, он делает вывод о существовании пяти этапов, образующих в целом замкнутый круг. Это поиск оригинальной идеи, ее «взращивание»; прорыв в новое качество; углубленное совершенствование нового; синтез нового с созданным ранее. На его взгляд, США особенно сильны в поисках оригинальной идеи, во «взращивании» ее, а также при прорыве в новое качество. Япония выделяется особыми способностями на этапах углубленного совершенствования нового и его синтеза с созданным ранее. Кроме того, она достаточно сильна и на этапе «взращивания» оригинальной идеи[25].

Предлагаемая схема ясно дает понять, что сила японцев способна энергично проявиться лишь после завершения этапа поиска оригинальной идеи, но именно на этом этапе они менее всего выделяются своими способностями. Следовательно, должен существовать некий лидер, который бы выполнил работу, соответствующую этому этапу, т.е. отыскал оригинальную идею, «новое зерно». Жизнь показывает, что таким лидером, как правило, оказываются США. Когда требуется совершить прорыв от «взращенного зерна» в новое качество, японцы оказываются значительно менее успешными, чем американцы. Зато когда подходит очередь этапов совершенствования нового и его синтеза с уже имеющимся, на высоте оказывается Япония.

С. Тацуно не противопоставляет друг другу вышеназванные пять этапов. С его точки зрения, все они одинаково важны, так что углубленное совершенствование нового результата он не считает «работой второго сорта» или «имитаторством», с чем в основном вполне можно согласиться. Однако из его теории следует и то, что инновационное развитие японской экономики может быть успешным лишь в том случае, если оно будет по-прежнему опираться на принципиальные достижения и «прорывы», осуществляемые американскими специалистами.

Изложенное позволяет сделать вывод, что нынешнее состояние инновационных ресурсов Японии — и в количественном, и в качественном плане — вполне способно обеспечивать высокие социально-экономические параметры жизни японского общества. Однако их существенное форсирование вряд ли возможно. Как и прежде, они практически полностью задействованы в гражданском секторе, т.е. извлечь какие-либо резервы из «оборонки» и тем самым повысить инновационный потенциал производства традиционных товаров и услуг в Японии не представляется возможным. Конечно, можно добиться еще некоторого улучшения функционирования инновационного механизма путем устранения каких-то потерь, некоторого смещения акцентов в приоритетах, более детального и точного экономического и научно-технического прогнозирования, совершенствования системы образования. Вместе с тем все это будет способствовать скорее тому, чтобы не от-

стать от общемировых тенденций, чем радикальному переходу японского инновационного потенциала в новое качество. Полагаю, что для решения такой задачи Япония изберет простой и единственно правильный путь — самое энергичное участие в научно-техническом сотрудничестве со странами, обладающими высокопрофессиональными научными и инженерными школами, в том числе с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Зворыкин А., Осьмова Н., Чернышев В., Шухардин С.* История техники. М., 1962, с. 733.

[2] Инновационная экономика. М., 2004, с. 6–8; Инновации. 2003, № 6, с. 21; *Иванова Н.* Национальные инновационные системы. М., 2002, с. 9–15.

[3] Вопросы экономики. 2003, № 11, с. 64.

[4] Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999, с. 337–371. В разделе «Переосмысление проблем стоимости и богатства» приведены фрагменты из книги Т. Сакайя «The Knowledge-Value Revolution, or A History of the Future», изданной в Нью-Йорке в 1992 г.

[5] *Нонака И., Такэути Х.* Компания — создатель знания. — Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М., 2003, с. 115–121.

[6] Кагаку гидзюцу ёран 2003 [(Статистический справочник по научно-технической деятельности). Токио, 2004, с. 28–29. Для сравнения с другими странами можно воспользоваться следующими данными за 2002 г., опубликованными ОЭСР (млрд. долл.): США — 284,6; Япония — 106,8; страны Евросоюза — 198,6; Китай — 72,0; Россия — 14,7. Сравнения произведены на основе покупательной способности валют. См.: Main Science and Technology Indicators. Part 1. Paris, 2004 , p. 14.

[7] Там же, с. 5, 9.

[8] Кэйдзай ёран 2004 (Статистический справочник по экономике). Токио, 2004, с. 122–123.

[9] Там же.

[10] Кагаку гидзюцу ёран 2003, с. 42–43, 109.

[11] Там же, с. 218–219.

[12] *Куликов Г.* Японский менеджмент и теория международной конкурентоспособности. М., 2000, с. 128.

[13] Кагаку гидзюцу ёран 2000, с. 96.

[14] White Paper on Science and Technology (1999–2003). Tokyo, 1999, p. 176; 2000, p. 174; 2001, p. 164; 2002, p. 106; 2003, p. 189.

[15] Приведем лишь один пример, который наглядно убеждает в этом, — создание и совершенствование видеомагнитофона. Первыми в разработке научной и инженерной концепции видеомагнитофона были США. Его разработала в 1956 г. компания «Ампекс». Спрос на него со стороны телекомпаний был огромным, поскольку стало ясно, что магнитная видеозапись означает подлинную революцию в телевидении. Первый видеомагнитофон был громоздким и дорогим: он стоил около 50 тыс. долл. В Японии фирма «Сони» поставила перед собой амбициозную задачу — снизить стоимость видеомагнитофона в 100 раз и изменить его устройство таким образом, чтобы резко сократился расход магнитной пленки. Разумеется, работы по усовершенствованию первой, базовой модели видеомагнитофона велись и другими фирмами. Но именно «Сони» добилась наибольших успехов. Выпущенная ею в 1962 г. модель этого изделия стоила около 10 тыс. долл. и была более чем в 10 раз компактнее американского прототипа. Замечу, что на это ушло шесть лет — так что речь шла отнюдь

не о маленьких доработках, а о переосмыслении функциональных свойств и возможностей практически всех узлов и деталей изделия и, конечно же, о внесении серьезных изменений в процесс его изготовления. Через три года «Сони» выпускает еще более дешевую модель, а в 1974 г. на рынки поступает видеомагнитофон «Бетамакс», отличающийся исключительно экономичным расходованием магнитной пленки. Был пройден весьма долгий путь от стационарного студийного видеомагнитофона с ограниченной сферой применения к изделию для широкого покупателя (см.: Эффективность научных исследований и разработок. М., 1986, с. 72–73).

[16] White Paper on Science and Technology 1994. Tokyo, 1994, p. 144.

[17] White Paper on Science and Technology 2003. Tokyo, 2003, p. 190.

[18] Согласно рекомендациям Японской ассоциации производственного обслуживания, помимо проведения чисто технических мероприятий на предприятии следует формировать особую производственную культуру, стимулирующую настрой на всестороннее повышение эффективности и качества. В этом должны принимать участие все подразделения — производственные, инженерно-технические, управленческие, а также службы сбыта продукции. Целевая установка должна формулироваться не как общий призыв к повышению качества как такового, а как достижение «нуля потерь», «нуля поломок» и «нуля несчастных случаев». В этот процесс органически встраиваются меры по обеспечению «нуля брака». И что особенно важно — в реализацию указанной целевой установки необходимо включить абсолютно всех работников предприятия. Следует отметить, что эта система обеспечения высшего уровня качества приобретает все более широкое распространение в мировом масштабе (см.: Методы менеджмента качества. 2003, № 7, с. 6).

[19] Кагаку гидзюцу сихё. Токио, 2004, с. 300–301.

[20] Там же, с. 299.

[21] Вага куни-но кэнкю кацудо-но дзиттай-ни кансуру тёса хококу (Доклад о положении в сфере исследовательской деятельности в Японии). Токио, 2001, с. 41–51.

[22] Research-Technology Management. 1995, № 2, p. 30.

[23] Только в 1994 г. японцы построили ракету, способную выводить на орбиту Земли космические аппараты массой до 10 т. Однако эта ракета, имеющая кодовое обозначение H-II, оказалась довольно ненадежной и к тому же дорогостоящей. Запуск другой японской ракеты нового поколения с кодовым названием M-5, выводившей в феврале 2000 г. исследовательский спутник Земли, также прошел неудачно: он был послан на другую орбиту, почти втрое ниже расчетной, и оказался совершенно бесполезным для решения возлагавшихся на него задач. Не оправдывает надежд и обновленный вариант этой ракеты. Если бы все это происходило в 1960–1970-е годы, т.е. на заре космической эры, и к тому же японцы были бы первопроходцами космоса, то, пожалуй, не следовало бы акцентировать внимание на неудачах, даже следующих одна за другой. Но сегодня и мировой уровень космических достижений, и эксплуатационные характеристики ракетно-космической техники достигли такого уровня, что причислять Японию к космическим державам можно лишь с очень большой долей условности.

[24] *Канамори Х., Вада Д.* Япония — мировая экономическая держава. М., 1986, с. 180.

[25] *Tatsuno S.* Created in Japan. N.Y., 1990, p. 51.

С. Маркарьян

АГРАРНЫЙ СЕКТОР В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

1990-е годы и начало XXI столетия отмечены в Японии проведением структурных реформ практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Не стало исключением и сельское хозяйство. Новые аграрные законы и серьезные поправки к действующим являются предвестниками радикальной реформы этой отрасли.

Проблемы, которые должна решить намечаемая реформа, весьма сложны. Большинство их возникло давно. Уже в конце 1950-х годов стало ясно: хотя созданные послевоенной земельной реформой и последующими протекционистскими мероприятиями правительства мелкие хозяйства с их в основном монокультурным производством достигли высоких урожаев риса (главного продукта питания населения) и повысили свои доходы, они не могут эффективно использовать появившуюся технику и обеспечить разнообразные потребности населения в продовольствии и пищевую промышленность в сырье. Поэтому была разработана программа структурных изменений в отрасли, и в 1961 г. принят Основной сельскохозяйственный закон. В соответствии с ним (и рядом других законов, развивавших его положения) поощрялись укрупнение хозяйственных единиц, рост производительности труда и диверсификация отраслевой структуры производства.

К сожалению, в отличие от других экономических программ страны сельскохозяйственная не была выполнена. В целом отрасль развивалась в заданном направлении, но и за 20 лет (а программа была рассчитана на 10) число крупных (даже по японским меркам) хозяйств не достигло намеченного показателя, а структура производства не претерпела кардинальных изменений.

Впоследствии не раз предпринимались различные меры, направленные на сокращение производства риса, которое намного превысило спрос, и увеличение возделывания других зерновых, на повышение конкурентоспособности продукции путем снижения издержек производства и роста производительности труда (его предполагалось обеспечить с помощью укрупнения хозяйственных единиц на основе постепенного снятия ограничений на землепользование и организации производственных групп).

© С. Маркарьян, 2006

Однако во многом из-за непоследовательной политики правящих кругов, обусловленной социальными (боязнь волнений крестьянства) и в еще большей степени политическими (деревня голосовала за правящую партию) причинами, упомянутые меры не достигли своих целей. Между тем к старым проблемам добавились новые: огромный дефицит сельскохозяйственного бюджета из-за постоянного повышения фиксированных цен на сельскохозяйственную продукцию и снижение степени самообеспеченности продовольствием в связи с вялым ростом производства и увеличением импорта более дешевой продукции под давлением японских внешнеторговых партнеров и ряда международных организаций, членом которых является Япония.

В 1980-е годы правительство стремилось смягчить административные методы регулирования и расширить рамки функционирования рыночных механизмов в сельском хозяйстве: сокращались бюджетные ассигнования на поддержание цен сельскохозяйственной продукции, осуществлялась либерализация импорта некоторых ее видов, в том числе важных для страны, ослаблялись ограничения в сфере ее обращения. Одновременно предпринимались шаги, направленные на укрупнение хозяйственных единиц (поощрялось развитие совместных хозяйств, предоставлялись льготные кредиты для покупки земли и пр.) и перестройку отраслевой структуры (повышение целевых ассигнований, введение налоговых льгот и льготных кредитов и т.д.), а также увеличивались государственные расходы на научно-исследовательские работы и внедрение их результатов в практику. Все эти меры правительства усилили дифференциацию хозяйств, но радикальных сдвигов не дали.

Особо тяжелое положение создалось с обеспечением так называемой продовольственной безопасности. Степень самообеспеченности продовольствием постоянно снижалась. Требовались решительные шаги. В конце 1992 г. была опубликована новая концепция развития отрасли, предусматривавшая изменение протекционистского характера аграрной политики, создание условий для развертывания здоровой конкуренции[1].

На повестку дня встало законодательное оформление новых направлений развития отрасли, отвечающих современным реалиям, ибо социально-экономическая обстановка в стране в корне изменилась. А ведь в то время еще действовал Закон о контроле над продовольствием (*Сёкурё канри хо*) 1942 г.(!), в соответствии с которым производилась, собиралась и реализовывалась по устанавливаемым государством ценам бóльшая часть продукции отрасли.

В 1995 г. вступил в силу Закон о стабилизации спроса и предложения основных продуктов питания и цен на них (*Сюё сёкурё-но дзюкю оёби какаку-но антэй-ни кансуру хорицу*, сокращенно — *Сёкурё хо*). Он отменил закон 1942 г., закрепил принятые ранее положения, направленные на функционирование в отрасли рыночных механизмов, опре-

делил генеральный курс аграрной политики в области обращения сельскохозяйственной продукции и необходимые меры для стабилизации спроса и предложения основных ее видов (т.е. риса, пшеницы и ячменя).

Законом всемерно поощрялась инициатива производителей в деле укрепления системы производства риса и смягчения ограничений, мешавших рационализации сферы его обращения. Закон предусматривал отмену обязательной продажи риса правительству, но в то же время подчеркивал необходимость наличия правительственных резервов для бесперебойного обеспечения потребителя. Он обязывал министра сельского, лесного и рыбного хозяйства ежегодно определять количество «планового» риса (продаваемого непосредственно правительству, а также реализуемого по системе независимого обращения[2]). Вместо лицензирования уполномоченных дилеров для продажи «планового» риса вводилась их регистрация.

Для сбыта риса по системе независимого обращения дополнительно создавались специализированные юридические лица. Каналы сбыта становились разнообразными и гибкими. Организовывался Центр формирования цен по результатам продажи риса в системе независимого обращения на аукционах. При установлении цен, по которым рис закупало правительство, закон требовал учитывать цены на рис, продаваемый по системе независимого обращения, а также состояние производства этой культуры. Кроме того, указывалось, что правительство закупает рис у тех производителей, которые сотрудничают с государственной программой регулирования его производства[3].

Второй закон, который определил стратегическое направление развития отрасли, вошел в силу в 1999 г. Это — Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и деревне (*Сёкурё ноге носон кихон хо*), который заменил Основной сельскохозяйственный закон 1961 г. Поэтому его обычно сокращенно называют «новый Основной сельскохозяйственный закон» (*Син кихон хо*). В отличие от своего предшественника он охватывает более широкий набор тем. Если закон 1961 г. касался только экономики сельского хозяйства и занятых в нем, то закон 1999 г. затрагивает также обеспечение страны продовольствием, интересы потребителей и развитие сельских районов, что и зафиксировано в его названии[4].

В ст. 1 указывается, что целью закона является улучшение жизни населения, а также развитие национальной экономики на базе комплексной и планомерной политики в области продовольствия, сельского хозяйства и сельских районов в соответствии с принципом распределения ответственности между центральной властью и органами местного самоуправления.

В ст. 2 говорится о необходимости стабильного обеспечения населения продовольствием высокого качества по разумным ценам, кото-

рое должно основываться на внутреннем производстве (для чего требуются повышение производительности труда в отрасли и дальнейшее развитие пищевой промышленности), импорте и наличии резервов.

Статья 3 провозглашает многофункциональную роль аграрного сектора для поддержания стабильности экономики и жизни людей. Речь идет о том, что сельское хозяйство является источником обеспечения населения продовольствием и способствует сохранению окружающей среды — земли, водных ресурсов, природных ландшафтов, а также культурных традиций.

Учитывая важное значение сельских районов как базы *устойчивого развития сельского хозяйства* (об этом термине см. ниже), места проживания крестьян и других слоев населения, закон декларирует необходимость совершенствования не только производственной, но и социальной инфрастуктуры в этих районах.

В соответствии со ст. 4, 5–8, государство и местные органы власти при формировании и осуществлении этой комплексной политики применительно к социально-экономическим условиям своих районов должны строго соблюдать принципы разделения ответственности.

Для осуществления этой политики, указывается в ст. 14 и 15 закона, правительство принимает законодательные и финансовые меры и ежегодно представляет парламенту отчеты о положении в этих областях, включая разъяснения принимаемых мер и намерения на будущее. Оно также должно примерно каждые пять лет разрабатывать (или пересматривать) программу, касающуюся вопросов обеспечения продовольствием, развития сельскохозяйственного производства и сельских районов, составленную по указанным в законе пунктам.

Законом (ст. 16, 19, 20) определяется ответственность государства и местных органов власти за устойчивое развитие отрасли и сельских районов и оказание поддержки крестьянам и их организациям. С этой целью государству следует принимать меры для обеспечения потребителей безопасной для здоровья высококачественной продукцией, пропагандировать среди населения здоровую диету, способствовать развитию эффективной пищевой промышленности, обеспечивать стабильный ввоз той сельскохозяйственной продукции, которая производится в стране в недостаточном количестве, использовать при необходимости систему тарифных ограничений для упорядочения импорта, а также пополнять резервы продовольствия. Кроме того, оно обязано стремиться к развитию международного сотрудничества, включая техническое и финансовое, для подъема сельского хозяйства в развивающихся странах, чтобы содействовать долговременной стабильности в области спроса и предложения продовольствия в мире.

В целях достижения устойчивого прогресса сельского хозяйства государству предписывается также улучшать его производственную инфраструктуру (перепланировка обрабатываемых площадей, создание

многофункциональных заливных полей, строительство более эффективных, не вредящих окружающей среде ирригационных и дренажных систем для каждого данного района), увеличивать размеры хозяйств, укреплять их производственную базу.

Далее, согласно ст. 21, 24, 26 и 27, государству надлежит принимать необходимые меры для сохранения земли, пригодной для сельского хозяйства; контролировать применение удобрений и химикатов; содействовать расширению масштабов применения органических удобрений, интенсивному использованию сельскохозяйственных угодий крепкими хозяйствами, созданию и успешной деятельности различных производственных объединений в отрасли; добиваться, чтобы цены на ее продукцию формировались в соответствии с реальным соотношением спроса и предложения и ее качеством; оказывать помощь производителям для смягчения негативных последствий ценовых колебаний и компенсировать в разумных пределах урон, наносимый стихийными бедствиями; рационализировать сельскохозяйственное производство с целью снижения его издержек; намечать направления исследовательской работы в области создания новых технологий, организуя тесное сотрудничество между центральными и местными научными учреждениями, университетами и частными компаниями; внедрять новшества в сельскохозяйственное производство, в переработку продукции и ее обращение, а также создавать благоприятную обстановку в деревне для участвующих в производстве женщин и пожилых людей, заботиться об их благосостоянии.

Важное место в законе (ст. 25) отводится государственным мерам, направленным на повышение квалификации фермеров и приобретение сельскохозяйственных и управленческих знаний теми, кто только начинает заниматься сельским хозяйством.

Формулируемая в законе политика в отношении сельских районов включает меры их комплексного развития, под которым понимается сбалансированное использование земли для сельскохозяйственных и иных нужд; оптимальное сочетание интересов сельскохозяйственного производства в каждом районе с потребностями транспорта, индустрии информации и связи, здравоохранения, образования и культуры, т.е. всей социальной инфраструктуры, позволяющей сельскому хозяйству прогрессировать на здоровой основе, а сельскому населению — повышать качество жизни.

В отдельный раздел закона вынесена политика в отношении горных районов, природа которых не благоприятствует ведению сельского хозяйства. Закон рекомендует уделять особое внимание созданию максимальных возможностей для увеличения занятости тамошнего населения, например с помощью внедрения новых видов культур, приспособленных для выращивания в горных районах, выплачивать социальные компенсации за организацию эффективного сельскохозяйственного производства в суровых природных условиях.

Закон настраивает на принятие мер, нацеленных на утверждение свободного и здорового образа жизни занятых в отрасли, на более тесное общение города и деревни с тем, чтобы горожане лучше понимали, что́ представляет собой сельское хозяйство, а крестьяне пригородных деревень производили продукцию, в которой непосредственно заинтересовано население близлежащих городов.

Первостепенное значение в законе придается Консультативному совету по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни[5], который заменил Консультативный совет по аграрной политике и в компетенцию которого входят консультации по запросам премьер-министра и заинтересованных министерств, а также инициативные рекомендации по вопросам выполнения рассматриваемого закона.

Содержание закона недвусмысленно свидетельствует о серьезных проблемах, стоящих перед аграрным сектором экономики, о широком круге задач, которые должны быть решены для успешного функционирования отрасли, ее устойчивого развития.

Каковы же эти проблемы? Как уже говорилось, они достаточно стары, но обрели бо́льшую остроту в новых реалиях, в условиях дальнейшего углубления процессов интернационализации и глобализации.

Прежде всего необходимо поднять уровень сельскохозяйственного производства и сделать его конкурентоспособным. Это требуется как для обеспечения продовольственной безопасности страны, так и с точки зрения выживания самого аграрного сектора перед лицом импорта более дешевой продукции.

Рост производства не соответствует росту численности населения, увеличению и дифференциации его потребностей. В последние годы наблюдается даже стагнация. Уровень самообеспеченности продовольствием очень низок (по этому показателю в 2000 г. Япония занимала 128-е место среди 175 стран).

С начала XX в. внутреннее производство практически никогда не покрывало потребности населения в продуктах питания. Непосредственно перед Второй мировой войной (в 1934–1936 гг.) в страну ввозилось примерно 19% потребляемого риса, 42 — пшеницы, свыше 60 — сои и кукурузы и 96% сахара-сырца[6]. Сравнительно благоприятной самообеспеченность сельскохозяйственной продукцией стала в конце 1950-х годов, прежде всего благодаря устойчиво обильным урожаям риса, а также в связи с не очень высоким в то время уровнем потребления.

В 1960 г. впервые был подсчитан коэффициент самообеспеченности продовольствием (отношение между стоимостью произведенной и потребленной продовольственной продукции), который составил 93%. С 1965 г. официальная статистика рассчитывает также коэффициент энергетического содержания отечественных продуктов (отношение количества калорий, заключенных в произведенной и потребленной продовольственной продукции[7]). Как видно из приведенных ниже данных, оба этих показателя постоянно снижались (%)[8]:

Год	Коэффициент самообеспеченности	Коэффициент энергетического содержания
1965	86	73
1975	83	54
1985	82	53
1990	74	47
1995	74	43
2000	71	40
2001	70	40
2002	69	40

Ни одна развитая страна не знает столь низкого коэффициента самообеспеченности продовольствием: в 2000 г. он равнялся во Франции 132%, в США — 125, в Германии — 96 и в Англии — 74%. Особенно проигрывает Япония по сравнению с Германией и Англией, сумевшими весьма значительно повысить коэффициент энергетического содержания отечественных продуктов: с 1970 по 1998 г. в Германии он вырос с 68 до 96%, а в Англии — с 46 до 78%[9]. По прогнозам Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, если не принять ряд неотложных мер, в Японии этот коэффициент в 2012 г. может снизиться до 38%[10].

Падение степени самообеспеченности продовольствием в Японии объясняется рядом факторов. Во-первых, это повышение спроса на продовольствие в связи с увеличением численности населения, ростом доходов и потребления продуктов питания (его калорийность в расчете на одного человека в день выросла за 1960–1996 гг. с 2291 до 2670 ккал), ужесточение требований к их качеству, изменение структуры потребления продовольствия (в том числе появление спроса на продукцию, не производимую в стране). Во-вторых, сравнительно низкие темпы роста сельскохозяйственного производства ввиду сокращения числа занятых, повышения среди них доли лиц пожилого возраста, уменьшения обрабатываемых и особенно посевных площадей (за 1960–2002 гг. соответственно в 1,3 и 1,8 раза). В-третьих, ввоз более дешевого продовольствия, с которым отечественное не выдерживает конкуренции (Япония импортирует не только ту продукцию, которую она не производит или производит лишь в незначительном количестве, но и ту, которая в избытке может быть поставлена отечественными производителями; проблема усугубляется тем, что импортируемая продукция не только вызывает сокращение производства аналогичной отечественной, но и негативно сказывается на производстве ее родственных видов).

Сильная зависимость от импорта не может не вызывать беспокойство правящих кругов по поводу обеспечения населения продовольствием, ибо никогда нельзя исключать форсмажорных обстоятельств, при которых импорт может резко сократиться. Угроза остаться без необходимого количества продовольствия подстерегает Японию с раз-

ных сторон. Как говорилось в докладе группы по изучению комплексной безопасности, опубликованном в 1980 г., угроза эта может возникнуть на линиях морских перевозок из-за забастовок в портах и вооруженных конфликтов, в связи с неурожаем в странах-экспортерах, ухудшением дипломатических отношений с этими государствами, обострением продовольственного положения в мире в целом и т.д.

Сегодня к этому добавились и изменения климата. Например, как сообщило агентство «Кёдо цусин» в сентябре 2004 г., ученые из научного центра Цукуба пришли к выводу, что потепление климата приведет со временем к снижению урожаев риса в южных районах Японии (Тюгоку, Сикоку и Кюсю) на 15–18%, если не изменить технологию выращивания этой культуры (с учетом роста производства на Хоккайдо масштабы снижения сократятся до 10%).

Во многом рост импорта связан с очень незначительным производством в стране пшеницы, кукурузы и кормового зерна при резком сокращении потребления риса (в 2000 г. оно составило 40% от уровня 1962 г.), которым страна обеспечена полностью, а также либерализацией ввоза более дешевой сельскохозяйственной продукции, в частности мяса и фруктов[11].

Несмотря на политику диверсификации производства, отраслевая структура до сих пор не отвечает запросам потребителей. С начала 1970-х годов в стране осуществляются мероприятия по сокращению производства риса. С 80-х годов снижаются гарантированные цены на него. Хозяйствам, которые переходят на выращивание других культур, выплачиваются премиальные. Тем не менее производство риса продолжает намного превышать спрос на него. Выращивать рис все же привычнее и выгоднее. В результате государство вынуждено тратить большие суммы для его хранения, не говоря уже о нехватке самих хранилищ (в отдельные годы запасы риса достигали 2–3 млн. т при установленном необходимом резерве в 1,5 млн. т).

Чрезвычайно важными для роста производства и выживания отрасли являются снижение издержек производства и подъем производительности труда. Именно из-за высоких издержек и сравнительно низкой производительности труда японская продукция неконкурентоспособна на мировых рынках. Цена японского риса в 1990-х годах превышала таиландскую и американскую в несколько раз, хотя бюджетные дотации с середины 1980-х годов все время снижались[12]. Цена, которую получали в конце 1990-х годов производители в Японии, была выше американской: на говядину — в 4,6 раза, на яйца — в 1,9, на помидоры — в 3,8, на яблоки — в 4,7 раза[13]. Цены на овощи из Китая в десять раз ниже, чем на японские, а на выращенные без применения химикатов (спрос на них все время растет) примерно в пять раз ниже (конечно, при таких сравнениях следует иметь в виду определенные погрешности, связанные с переводом курсов валют).

Неудивительно, что компании розничной торговли все больше склоняются к приобретению импортной продукции (ввоз из Китая свежих и замороженных овощей в 2000 г. вырос почти вдвое против 1996 г.)[14], тем более что сейчас качество китайских овощей намного улучшилось (кстати сказать, во многом благодаря техническому руководству со стороны японских компаний).

Справедливости ради надо отметить, что в определенной мере высокий уровень цен производителя зависит и от высоких цен на средства производства. Так, в Японии цены на удобрения, химикаты и сельскохозяйственную технику выше американских в 1,2–1,3 раза, на электроэнергию — в 3,3 раза, топливо — в 2,6 раза. А цена сельскохозяйственной земли в Японии превосходит американскую в 113 раз. Свою лепту вносит и сфера обращения: ее издержки при продаже говядины, например, превышают американские более чем в 6 раз[15]. В результате продовольствие в Токио дороже, чем в большинстве столиц других развитых стран[16].

Главная причина указанных проблем отрасли, как говорилось выше, — малые размеры хозяйствования, которые не дают возможности значительно экономить на масштабах производства.

Основными производителями сельскохозяйственной продукции в настоящее время являются индивидуальные крестьянские хозяйства (статистика относит к ним имеющих не менее 0,1 га земли или продающих ежегодно продукцию на сумму свыше 150 тыс. иен). В 2003 г. их было 2980 тыс., в том числе товарных (к ним относятся имеющие не менее 0,3 га обрабатываемой земли или продающие ежегодно продукцию на сумму не менее чем на 500 тыс. иен) — 2205 тыс. Число крестьянских дворов постоянно сокращается: за 1960–2003 гг. — в 2 раза (отмечу, что численность товарных хозяйств за 1990–1995 гг. сократилась на 10,8%, за 1995–2000 гг. — на 11,8%)[17].

В среднем на одно хозяйство в 2003 г. приходилось лишь 1,6 га земли. Это $^1/_{12}$ среднего размера хозяйства в странах Европейского союза (во Франции, например, 41 га, в Германии — 32 га) и $^1/_{123}$ — размера американских ферм. Особенно много мелких хозяйств в растениеводстве, где важную роль играет площадь обрабатываемой земли. В поливном рисоводстве, например, в 2003 г. свыше 70% хозяйств имели в своем распоряжении менее 1 га земли. При этом она не сосредоточена в одном месте: очень часто отдельные участки обрабатываемой площади находятся на большом расстоянии друг от друга.

Еще в большей степени, чем количество дворов, уменьшается число занятых в отрасли. За 1960–2002 гг. оно сократилось в 4,6 раза, до 2610 тыс. человек[18]. Правда, число фактически занятых на сельскохозяйственных работах значительно превышает приведенные данные Министерства труда, ибо многие из числящихся в других отраслях

в той или иной степени одновременно работают и в сельском хозяйстве. С их учетом число занятых в сельском хозяйстве составляло 9060 тыс. человек в 1995 г. и 6360 тыс. человек в 2003 г.[19]

Состав занятых в отрасли отличается, как отмечалось выше, внушительным удельным весом лиц пожилого возраста (65 лет и старше). В товарных хозяйствах среди постоянно занятых в 2000 г. их было более 50% (во Франции примерно 4%, в Англии — около 8%)[20]. Среди занятых во всех хозяйствах пожилых еще больше: в 1990 г. их доля равнялась 33,1%, в 1995 — 45,5, в 2000 г. — 56,1%[21]. Доля же работников в возрасте до 39 лет неумолимо сокращается: в 1975 г. она равнялась 24,5%, в 1985 г. — 17,1, в 1990 г. — 13,5, в 1995 г. — 10,3, в 2000 г. — 9,7 и в 2002 г. — 9,9%[22].

Во многих районах основная рабочая сила в деревне — старики, женщины и дети. В среднем доля женщин среди занятых в 2003 г. составляла 55,3%.

В то же время следует отметить повышение уровня квалификации рабочей силы, хотя лишь незначительный процент окончивших те или иные учебные заведения идет на постоянную работу в сельское хозяйство. Так, в 1960-е годы среди них было всего 3% выпускников университетов или колледжей, а в 1990-е — 33–35%[23]. Эта образованная молодежь оседает главным образом в высокотехнологичных отраслях (например, в садоводстве закрытого грунта).

Надо также отметить, что в сельское хозяйство приходят и люди с предприятий промышленности и сферы услуг, которые привносят передовые технологии и методы управления, заимствованные на прежней работе. Среди «новых фермеров» встречаются и те, кто вышел на пенсию, и те, кого уволили в связи с сокращением штатов, и те, кто просто хочет заняться сельским хозяйством. Появляется, пусть и немного, молодежи и людей среднего возраста. В 1990 г., например, сельское хозяйство стало основным местом занятости для 2,5 тыс. лиц моложе 40 лет. В 1995 г. таких было 6,5 тыс., в 1999 г. почти 10 тыс., в 2003 г. — 12 тыс.[24]. Многих из них нанимают несельскохозяйственные компании, которые начали внедряться в отрасль. Видимо, именно благодаря такой тенденции доля лиц моложе 40 лет среди занятых поднялась в 2002 г. почти до 10%.

Фермы вновь пришедших в сельское хозяйство процветают. 30% таковых сумели за первую половину 1990-х годов расширить обрабатываемую площадь. Примерно треть сохранила имеющуюся. В 1995–2000 гг. более 35% увеличили объем продаж, пятая часть удержала достигнутый ранее уровень[25].

К услугам тех, кто впервые начинает заниматься сельским хозяйством, с 1987 г. в префектурах открыты консультационные центры. Имеется также Всеяпонский консультационный центр, действующий под эгидой Японской торгово-промышленной палаты.

При рассмотрении структуры хозяйств по роду занятий членов крестьянской семьи и источникам получаемых доходов выясняется, что в 1990–2000 гг. сохранялась тенденция к сокращению числа дворов, где занятые работают исключительно в отрасли (*сэнгё нока*): в 2003 г. их доля составляла 15% от общего числа хозяйств против 35% в 1990 г. Уменьшается и число хозяйств-совместителей (*кэнгё нока*), но доля их по-прежнему очень высока (в 2003 г. — 80% товарных хозяйств). Особенно велик удельный вес тех хозяйств-совместителей, которые формируют основной доход из несельскохозяйственных источников (с 1990 г. он держится приблизительно на 67%-ном уровне)[26].

С 1990 г. в статистику ввели новую разбивку товарных крестьянских хозяйств. К «основным» (*сюгё нока*) отнесли хозяйства, где сельскохозяйственный доход превышает 50% совокупного дохода семьи и где есть лица моложе 65 лет, работающие в сельском хозяйстве не менее 60 дней в году. В категорию «квазиосновных» (*дзюн сюгё нока*) вошли хозяйства, где также имеются лица моложе 65 лет, работающие в отрасли не менее 60 дней в году, но более половины поступлений семьи приходится на несельскохозяйственные доходы. Наконец, «подсобные» (*фукугё нока*) состоят из хозяйств, где никто из лиц моложе 65 лет не занят в сельском хозяйстве свыше 60 дней в году.

Число хозяйств первых двух категорий постепенно уменьшается, а число «подсобных» хозяйств увеличивается. В 1990 г. их было соответственно 820 тыс., 954 и 1196 тыс., а в 2003 г. — 448 тыс., 528 тыс. и 1229 тыс.[27]. Большинство хозяйств в молочном животноводстве, птицеводстве, свиноводстве и растениеводстве закрытого грунта относится к первой группе. Среди рисоводческих к ней принадлежит менее 11%, а примерно 60% являются «подсобными»[28].

Владельцы подсобных хозяйств, как и фермеры-совместители, получающие свой основной доход вне отрасли (так называемые «фермеры выходного дня»), как правило, не очень-то заинтересованы во внедрении технических новшеств и снижении издержек производства, да часто и не имеют ни времени ни сил для этого, что негативно сказывается на его эффективности. Более того, нередко именно владельцы подсобных хозяйств забрасывают землю или оставляют ее незасеянной. Впрочем, это явление характерно не только для «подсобников». В 1995–2000 гг., например, площадь заброшенных земель у всех хозяйств выросла почти на 30%. В товарных хозяйствах она увеличилась с 200 тыс. до почти 280 тыс. га[29].

Одновременно нельзя не отметить, что наблюдается постоянная тенденция к укрупнению хозяйств по площади обрабатываемой земли. Так, число хозяйств, имеющих от 5 до 10 га, за 1970-2000 гг. выросло с 4,8 тыс. до 35,8 тыс.; 10 га и более — с 303 до 7,7 тыс. (данные по Хоккайдо не учтены, ибо там крупным считается хозяйство, имеющее свыше 20 га)[30]. Только в 1995–2000 гг. число хозяйств, имеющих от 5 до

10 га, выросло почти на 5 тыс., или на 18%; 10 га и более — свыше чем на 2 тыс., или на 43%[31]. В поливном рисоводстве число хозяйств, имеющих 10 га и больше, за 1990–2003 гг. выросло в 4,5 раза[32].

Обрабатываемая площадь в хозяйствах растет преимущественно за счет аренды, размеры которой после 1970 г. постепенно увеличиваются (до 1970 г. из-за низкой арендной платы сдавать землю в аренду было невыгодно). Арендуют землю главным образом сравнительно крупные хозяйства. В 1995–2002 гг. площадь, взятая в аренду товарными хозяйствами поливного рисоводства, имеющими менее 1 га, сократилась; хозяйствами, имеющими 1–2 га, не изменилась; хозяйствами, имеющими 2–3 га, выросла на 14%, 3–5 га — на 61,4%, более 5 га — на 190% (данные по Хоккайдо не учтены)[33].

О процессе укрупнения хозяйств на Хоккайдо можно судить по следующим показателям: число хозяйств в суходольном земледелии за 1985–2002 гг. сократилось на этом острове почти наполовину, а площадь на одно хозяйство выросла на 85%[34]. В 1995 г. тамошние хозяйства с 30 и более га (12,2% всех хозяйств) располагали 45,4% обрабатываемой земли. В остальных префектурах хозяйства с 5 и более га (1,1%) имели в 1995 г. 8,9% обрабатываемой земли, а в 2000 г. (1,2% всех хозяйств) — 12,8%[35].

Показательны данные о распределении обрабатываемой площади в товарных хозяйствах, имеющих под рисом свыше 5 га (без учета Хоккайдо) (%)[36]:

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.
Доля в числе хозяйств	0,4	0,8	1,3	1,5
Доля в обрабатываемой площади	4,1	6,8	10,1	12,0

По данным на 2002 г., в «основных» хозяйствах на Хоккайдо было сосредоточено 86% поливных рисовых полей, 92 — суходольных и 99% молочного стада, в других префектурах — соответственно 18%, 52 и 92%. В среднем по стране хозяйства этого типа владели 82% площади закрытого грунта, 63 — открытого грунта под овощами и 82% поголовья мясного скота[37].

Укрупнение размеров хозяйств осуществляется также и на основе крестьянских в производственные группы, оформленные по-разному: как добровольные товарищества, сельскохозяйственные союзы, производственные юридические лица, совместные хозяйства, сельскохозяйственные компании и пр.

Эти группы объединяют крупные и мелкие хозяйства и выполняют подрядные работы. Больше всего их в животноводстве и рисоводстве. Наиболее устойчивой формой являются сельскохозяйственные компа-

нии с ограниченной ответственностью. Именно их число быстро растет (за 1980–2003 гг. — в 2,6 раза). Но по сумме продаж они невелики: в 2000 г. более трети продали продукцию на сумму, не превышавшую 10 млн. иен, и примерно 60% — до 30 млн. иен[38].

В 2003 г. статистика отметила появление акционерных компаний — 52 фирмы. Создание производственных групп и компаний нацелено на одновременное решение двух важных проблем: восполнение нехватки полноценной рабочей силы и повышение эффективности производства.

Одной из первых сельскохозяйственных компаний, ведущих хозяйство на арендованной у крестьян земле, была «Грин Тюдзу» в префектуре Сига[39]. Ее организовал в 1991 г. бывший служащий сельскохозяйственного кооператива Ёситака Танака. В 1994 г. она получила сертификат национальной сельскохозяйственной корпорации, которая прилагает максимум усилий для сохранения земли и развития сельского хозяйства в этом районе. В 2003 г. «Грин Тюдзу» стала акционерной компанией.

В ее распоряжении — 110 га, на которых она выращивает рис, пшеницу, соя-бобы, капусту и картофель. Рис стараются возделывать без предварительной вспашки (что сохраняет землю) и с небольшим количеством химикатов, широко используется компост, поступающий из близлежащих животноводческих хозяйств. В компании имеется необходимая техника, включая вертолет с дистанционным управлением.

Она выполняет все виды работ по контракту, включая внесение удобрений и уборку урожая. Экономические результаты работы компании достаточно успешны. При выращивании риса, пшеницы и сои производительность труда здесь в 2,7–3,2 раза выше, чем в среднем по префектуре, а издержки производства — на 36–40% ниже. Компания планирует расширение площадей, сокращение использования химикатов, снижение издержек производства, увеличение каналов сбыта, внедрение переработки продукции и освоение ее новых видов, а также совершенствование управления.

Глава компании отвечает за финансовое положение и осуществляет контакты с контрагентами. За производственным процессом следит начальник отдела возделывания культур, за технику — заведующий отделом механизации. В страдную пору в дополнение к служащим компании нанимают временных работников и пожилых членов крестьянских семей.

Работники фирмы отдыхают по воскресеньям, вторую и четвертую субботы каждого месяца и в праздничные дни, один раз в году могут поехать за границу на стажировку. Они пользуются также десятидневным отпуском летом и на Новый год. Кроме того, они имеют страховку на случай болезни, получения травм во время работы, а также гарантию найма, пользуются правом получения выплат при оставлении работы как работники мелких предприятий. Все это вполне привычно для

рабочих в обрабатывающей промышленности, но в новинку для занятых в сельском хозяйстве.

За последние годы наблюдается ряд положительных тенденций в развитии отрасли. О концентрации обрабатываемых площадей в сравнительно крупных хозяйствах уже говорилось. Отмечу также и снижение издержек производства. К примеру, в поливном рисоводстве в хозяйствах, возделывающих рис на площади свыше 5 га, они были в 1999–2001 гг. ниже, чем в 1995–1997 гг., на 8–10% (главным образом ввиду сокращения материальных затрат), в остальных хозяйствах (в основном благодаря уменьшению расходов на труд в собственном хозяйстве) — на 3–4%[40].

Статистика показывает рост индекса производства в 1995–2000 гг. таких важных видов продукции, как пшеница и ячмень (на 48 процентных пункта), а также сои (на 25 процентных пункта). Производство пшеницы, например, в 2003 г., а сои в 2001 и 2002 гг. (в 2003 г. в связи с низкими температурами оно несколько снизилось) превысило уровень, запрограммированный на 2010 г. «Основным планом» (о нем ниже)[41]. Коэффициент самообеспеченности пшеницей за 1995–2000 гг. вырос с 7 до 13%, соей — с 2 до 5%. Меняется и отраслевая структура производства: за те же годы доля земледельческих подотраслей снизилась с 75,1 до 70,5% (в том числе сократился удельный вес риса, вырос — других зерновых, сои и овощных культур). Доля животноводческих подотраслей увеличилась с 24 до 28%. Производительность труда в отрасли за тот же период повысилась на 8 процентных пунктов, а средний размер обрабатываемой земли — с 1,7 до 1,83 га[42].

В соответствии с положениями нового Основного сельскохозяйственного закона в марте 2000 г. правительством был принят «Основной план по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и сельских районов». В нем на последующие десять лет определялись структура потребления продовольствия, уровень развития сельскохозяйственного производства, меры обеспечения этого развития необходимыми ресурсами. Предполагалось повысить коэффициент самообеспеченности пшеницей с 9% (в 1998 г.) до 12%, ячменем — с 5 до 14%, продовольственной соей — с 3 до 15%, говядиной — с 61 до 67%, молоком и молочными продуктами — с 71 до 75%, сахаром — с 32 до 34%. Коэффициент энергетического содержания отечественных продуктов должен быть доведен до 45% (30% по зерну в целом и 62% по продовольственному зерну). Число хозяйств было определено в 2,3–2,7 млн., в том числе крупных семейных ферм — 330–370, различных производственных организаций — 30–40 тыс.[43].

Правительство готовится выступить с новой всеобъемлющей программой по вопросам аграрной политики, главной целью которой будет подъем конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции посредством совершенствования системы субсидирования. Предпо-

лагается также опубликовать новый пятилетний план по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и сельских районов[44]. Детали пока не раскрываются, но, судя по выступлению в конце 2003 г. тогдашнего министра сельского, лесного и рыбного хозяйства Ёсиюки Камэи, пересмотр прежнего плана связан прежде всего с предстоящим снижением ввозных пошлин на сельскохозяйственную продукцию в соответствии с решениями ВТО.

В докладе Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства о положении в аграрном секторе в 2003 фин. г. говорилось, что необходимо пересмотреть «Основной план», одобренный кабинетом министров в 2000 г., и решить проблемы, возникшие после его принятия; что «сейчас неотложной задачей является продвижение реформ и преобразование сельского хозяйства»[45].

Какими методами государство собирается решать стоящие перед отраслью проблемы и выходить на контрольные цифры своих программ? Методы эти достаточно известны. Большинство их использовалось еще с начала 1960-х годов, и о части их я уже упоминала. Это содействие росту производства и снижению его издержек на основе дальнейшего укрупнения размеров хозяйств, повышения конкурентоспособности продукции, более широкого внедрения рыночных рычагов функционирования отрасли, т.е. дерегулирования, а также защиты отечественного производителя от сравнительно дешевого импортного продовольствия.

Для решения поставленных задач намечено проводить структурные реформы. Они сводятся к сужению масштабов использования системы поддержания цен производителя сельскохозяйственной продукции (она должна вводиться в действие только при резком их падении); прекращению практики административного регулирования размеров производства риса; предоставлению субсидий для расширения производства лишь крупным фермерам; содействию объединения мелких и средних хозяйств в различных формах; оказанию помощи в организации комплексного производства — сочетания сельского хозяйства с первичной обработкой и сбытом продукции; пересмотру Закона о сельскохозяйственной земле с целью разрешения ее покупки несельскохозяйственными фирмами (ныне они могут брать ее в аренду или в подряд у крестьян в выделенных зонах, а также участвовать в акционерных сельскохозяйственных компаниях, имея не более 25% акций); обеспечению населения продовольствием, не наносящим вред его здоровью[46].

В конце 2002 г. правительство сформулировало новые предложения, направленные на смягчение мер государственного регулирования в области производства и сбыта сельскохозяйственной продукции. Тогдашний министр сельского, лесного и рыбного хозяйства Тадамори Осима объявил о предстоящем прекращении практики сокращения площадей под рисом административными методами и о создании

к 2008 фин. г. системы, при которой фермеры и их организации будут сами регулировать производство.

По действующей системе в стране выделены 120 тыс. рисопроизводящих групп, каждая из которых получает повышенные субсидии для коллективного сокращения площадей под рисом в размерах, предлагаемых правительством (тех, кому это не удается, лишают дополнительных субсидий).

Впредь каждый фермер будет индивидуально решать, что ему делать — получать субсидии и сокращать производство или выращивать столько риса, сколько он хочет, но без субсидий. Государственные же дотации будут использоваться в интересах повышения конкурентоспособности тех, кто будет переходить к выращиванию других культур, и для крепких фермеров, чтобы они могли интегрировать в свое хозяйство мелких производителей.

Кроме того, министр заявил об изменении порядка предоставления государственных субсидий фермерам. Эта новая программа субсидирования — весьма важная составляющая перемен в аграрной политике. Соответствующие законопроекты планируется представить в парламент в 2006 г. До последнего времени потери от падения цен на рис возмещались всем одинаково в размере 80%. По новой программе бóльшая часть субсидий будет направляться крупным производителям риса (разница между выплатами мелким и крупным хозяйствам составит примерно 100 иен за каждые 60 кг), имеющим под этой культурой не менее 10 га на Хоккайдо, 4 га в остальной Японии и не менее 20 га — у различных производственных групп. Согласно имеющимся оценкам, субсидии по новой схеме получат примерно 90 тыс. хозяйств, или 5% всех рисопроизводителей. Хозяйства, претендующие на такие субсидии, должны будут представить в местные органы власти планы развития с указанием размера предполагаемой прибыли[47].

Комментируя эти предложения, ответственный чиновник Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства назвал их «поворотным пунктом в политике послевоенной сельскохозяйственной администрации». Скептики, правда, считали, что правительство вряд ли добьется успеха. Они сравнивали его политику с действиями водителя, который одновременно нажимает на тормоз и на газ[48]. Этот скептицизм не был лишен оснований, ибо могучее аграрное лобби выступило за сохранение статус-кво.

Как бы то ни было, летом 2003 г. парламент одобрил внесенный правительством законопроект, по которому с апреля 2004 г. сельскохозяйственные кооперативы и другие организации фермеров получили возможность самостоятельно составлять программы производства риса, а роль государства свелась лишь к их утверждению. Законом отменялась плановая распределительная система, и частному сектору предоставля-

лось право устанавливать цены на рис в соответствии с потребительским спросом.

С апреля 2004 г. практика сокращения площадей в одинаковом размере для всех префектур прекратилась. Теперь производственные квоты устанавливаются только для тех, кто в течение нескольких лет не может реализовать выращенный у себя рис. Ожидается, что государственный контроль над производством и сбытом риса будет окончательно отменен не позже 2008 фин. г.[49].

Поддержка отечественного производителя кроме обычных мер по стабилизации цен предполагает в необходимых случаях дополнительные ассигнования из бюджета. Так, для улучшения положения специализированных рисоводческих хозяйств, доходы которых резко снизились из-за ввоза дешевого риса (американский рис высокого качества продается в Японии по 370 иен за кг, между тем как цена килограмма японского риса популярных сортов доходила в 1998 г. до 500–600 иен, а в 1998–2000 гг. снизилась только на 2,5 процентных пункта[50]), в 1999 г. была принята программа стабилизации их доходов, средства из которой существенно помогли этим хозяйствам[51].

В бюджете на 2002 фин. г. было предусмотрено выделение дополнительных 5 млрд. иен для поддержки производителей грибов *сиитакэ* и тростника для изготовления *татами* в связи с резким ростом их импорта из Китая[52].

В рамках дерегулирующих мероприятий предполагается создание дополнительных возможностей несельскохозяйственным фирмам внедряться в область обращения сельскохозяйственной продукции и вообще в этот сектор экономики, привносить в него методы управления, типичные для других отраслей экономики. Предлагается, например, покончить с особым положением сельскохозяйственных кооперативов, на которые не распространяется антимонопольное законодательство, в то время как эти организации фактически являются монополистами в области снабжения фермеров товарами производственного назначения и продажи продукции сельского хозяйства и не допускают в эту сферу несельскохозяйственные фирмы, манипулируя ценами.

Былое могущество кооперативов и без того ослабевает. Даже в Центре по формированию цен на рис, через аукционы в котором проходит примерно 20% продаваемого в стране риса, теперь в торгах наряду с кооперативами будут принимать участие торговые дома и оптовые торговцы рисом.

Стабилизации цен будут способствовать форвардные контракты, заключением которых заинтересовались две крупные торговые компании, крупный рисовый оптовик «Мурасэ» и еще сорок мелких[53].

В связи с дерегулированием производства и сбыта риса многие оптовые торговцы им расширяют масштабы своей деятельности и выходят на публичные биржевые торги. Крупнейший оптовик по продаже

риса фирма «Симмэй» уже подготовила заявление на свое включение во вторую секцию Токийской фондовой биржи[54].

В Министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства разрабатывается также проект либерализации деятельности компаний оптовой торговли и оптовых продовольственных рынков (снижение комиссионных, внедрение таких форм торговли, при которых фермеры будут непосредственно связаны с розницей, и т.п.). В 2005 фин. г. намечено возродить после 70-летнего перерыва заключение фьючерсных контрактов на Токийской зерновой бирже.

Предлагается также изменить законодательство о сельскохозяйственной земле, смягчив ограничения на владение ею несельскохозяйственными фирмами. По действующему закону право владеть сельскохозяйственной землей имеют только крестьяне. Вопрос об изменении этого положения поднимался не раз, но против выступают сельскохозяйственные организации, прежде всего кооперативы, а также аграрное лобби. По их мнению, несельскохозяйственные фирмы гоняются только за прибылью и при неблагоприятной конъюнктуре могут перестать заниматься сельским хозяйством, вследствие чего обрабатываемая земля будет выключена из оборота.

Примерно такой же точки зрения придерживается и новый министр сельского, лесного и рыбного хозяйства Ёсинобу Симамура. В интервью газете «Нихон кэйдзай» он заявил, что для повышения эффективности производства будет вполне достаточно, чтобы акционерные компании арендовали землю и предоставляли капитал, а приобретение ими земли в собственность может привести к ее использованию для других нужд в случае, если эти компании не сумеют получать необходимую им прибыль.

Иной взгляд у старшего научного сотрудника НИИ экономики, торговли и промышленности Кадзухито Ямаситы. Он считает, что непрофильное использование сельскохозяйственных площадей (под промышленные, инфраструктурные объекты и жилищное строительство) имеет место как раз из-за жесткой послевоенной аграрной политики, что законы о промышленных, сельскохозяйственных и жилых зонах функционируют плохо[55].

Административные органы на местах выступают за допуск несельскохозяйственных компаний, ибо, по их убеждению, сельское хозяйство остро нуждается во «вливании свежей крови», и если компании, способные вести производство в крупных масштабах, не появятся в аграрном бизнесе, площадь заброшенных земель будет и далее увеличиваться.

В то же время, уверяют некоторые специалисты, вряд ли найдется много фирм, которые в условиях дешевого импорта захотят внедриться в сельское хозяйство.

Пока что правительство выделило особые зоны для проведения структурной реформы (в 2003 г. их было 16), предусматривающей смяг-

чение действующих ограничений в целях повышения эффективности сельскохозяйственного производства и создания рабочих мест на периферии. Только в этих зонах несельскохозяйственным компаниям разрешается заниматься сельским хозяйством. Они могут арендовать участки, купленные или арендованные у фермеров муниципалитетами[56].

Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства планирует представить парламенту проект использования пустующих сельскохозяйственных земель. В соответствии с ним местные органы власти получат право заставить владельцев таких земель либо начать производство, либо сдать их в аренду, либо продать. Если владельцы не будут предпринимать никаких действий, власти смогут сами передать земли в аренду тем, кто будет их использовать для сельскохозяйственного производства (хотя действующий Закон о сельскохозяйственной земле и обязывает владельцев заниматься на ней сельским хозяйством, в 2000 г. было выявлено 340 тыс. га, таковым образом не использовавшихся по крайней мере в течение одного года, а их собственники не знали, что с ними делать, ссылаясь на отсутствие наследников, и т.д.).

Министерство планирует также создать механизм, который позволял бы арендовать землю по доверенности: владельцы пустующей земли передают свое право собственности общественной корпорации, связанной с местными органами власти, или сельскохозяйственным кооперативам, которые могут сдать ее в аренду с выплатой владельцам определенных сумм. Кроме того, предполагается распространить право сдачи земли в аренду компаниям по всей территории Японии, а не только в особо выделенных районах[57]. Еще одно планируемое мероприятие — разрешение несельскохозяйственным компаниям и финансовым институтам управлять фермами по доверенности. Раньше это могли делать только кооперативы.

В качестве одной из мер решения проблемы нехватки рабочей силы в условиях старения деревенского населения и с учетом нежелания большинства крестьянских детей идти по стопам своих родителей вносится предложение о включении тружеников сельского хозяйства в штаты компаний перерабатывающей промышленности и торговли, которые действуют в сельскохозяйственных зонах. Тем самым места подсобных работ, за которыми подавляющая часть крестьян устремляется в города, переносились бы, так сказать, к порогу их домов. Эта близость, возможно, помогла бы удержать в отрасли и деревенскую молодежь.

Глава фирмы «Санъё электрик» Сатоси Иноуэ заявил в этой связи о возникновении «новой деловой модели», специально нацеленной на повышение эффективности хозяйств, прибегающих к подсобным работам.

Привлечение в аграрный сектор несельскохозяйственных компаний и вообще профессионалов из других отраслей экономики японские

эксперты считают весьма полезным. Ведущий экономист Японского центра экономических исследований Хиромити Канэко писал, что в новых условиях необходимо устанавливать более тесные связи между сельским хозяйством и другими отраслями: «В эпоху глобализации... сельское хозяйство, как и другие отрасли экономики... нуждается в профессионалах не только для производства продукции, но и для организации ее сбыта, проведения исследований и изучения маркетинга. Но привлечь этих профессионалов в одном только аграрном секторе очень трудно. Поэтому нет иного выхода, кроме установления тесных контактов между ним и индустриальными секторами и использования корпоративных знаний и ноу-хау для сельскохозяйственных нужд»[58].

Разными способами пытаются справиться с проблемой дефицита рабочей силы в деревнях и власти на местах. Так, в префектуре Гумма в качестве рабочей силы используют иммигрантов-стажеров из стран Азии, в основном из Таиланда. На ферме в деревне Сёвамура 100 стажеров выращивают «органические» овощи, которые пакуют пожилые японцы, нанимаемые в качестве временных рабочих. Присутствие стажеров дает возможность примерно тысяче человек работать в сфере услуг. В результате стоимость производимой продукции за десять лет выросла на 50% и деревня, еле сводившая концы с концами, ожила. Иммигранты также довольны, так как они приобретают опыт ведения высокоразвитого современного сельского хозяйства для применения полученных навыков в своей стране.

В дерегулированных зонах занимаются сельским хозяйством уже около сорока несельскохозяйственных фирм[59]. Например, фирма «Ватами» (ей принадлежит сеть ресторанов «Идзакая») в префектуре Тиба производит экологически чистые овощи на арендованной у крестьян земле, и, по ее информации, предложений сдать землю в аренду очень много. Компания собирается расширить ассортимент поставляемой сельскохозяйственной продукции: кроме овощей она будет снабжать своих оптовых потребителей яйцами и молоком. В 2008 г. она предполагает организовать доставку своим акционерам продуктов сельского хозяйства на дом[60].

Занимается агробизнесом и известный производитель кетчупа — фирма «Кагомэ», которая выращивает помидоры в префектурах Кагосима и Коти на фермах, созданных на арендованных участках. Продукция поступает в 3 тыс. розничных магазинов. В начале октября 2004 г. эта фирма совместно с лизинговой компанией «Орикс» создала венчурное предприятие для выращивания помидоров методом гидропоники. Начало отгрузки продукции намечалось на осень 2005 г. Предполагается ежегодно поставлять непосредственно в супермаркеты Осаки и окрестности (минуя рынок) до 1500 т помидоров. К маю 2010 г. планируется увеличить площадь теплиц до 20,1 га и производить до 6 тыс. т помидоров[61]. Химическая компания «Ниссан кагаку» намеревалась

начать в 2005 г. выращивание риса на контрактной основе по новой технологии, при которой намного сокращается время его производства. Уже сейчас она возделывает его на площади в 40 га[62].

Примером успешно действующей несельскохозяйственной компании в аграрной сфере служит «Сэком индастри», дочерняя фирма крупнейшего производителя охранного оборудования «Сэком». В 1989 г. она начала производство зеленых овощей (13 наименований) в закрытом грунте на оборудовании, выпускаемом материнской фирмой. В 2001 фин. г. оборот «Сэком индастри» превысил 1 млн. долл. Любопытно, что эта компания не зарегистрирована как сельскохозяйственная, ибо тогда она не смогла бы применять свои методы управления и строить теплицы там, где ей хотелось бы. Правда, будучи зарегистрированной как сельскохозяйственная, она смогла бы получать субсидии местного правительства, но, видимо, свобода предпринимательства оказалась предпочтительней[63].

Не пользуется государственной поддержкой и компания «Одзима сукай сабису». По мнению ее главы (бывшего фермера-рисопроизводителя, который в 1996 г. бросил это занятие, поскольку ему надоели всякого рода ограничения и контроль), отсутствие такой поддержки позволяет применять более гибкие методы управления. Сейчас в его распоряжении пять вертолетов, которые обрабатывают 12 тыс. гектаров (распыляют удобрения, компост и гербициды на поля риса и соябобов), принадлежащих 10 тыс. фермам в префектурах Мияги, Аомори и Ниигата. По его данным, время, затрачиваемое на обработку одного гектара с вертолета, составляет 7 минут против одного часа с лишним при применении «наземной» техники, а издержки производства на единицу посевной площади в 2000 г. у ферм-клиентов были, благодаря деятельности «Одзимы сукай сабису», примерно в два раза ниже средних по стране[64].

«Одзима сукай сабису» — специализированная фирма по оказанию сельскохозяйственных услуг. В последнее время такие предприятия начали играть важную роль в сельскохозяйственном производстве. Сами они не ведут хозяйство, а действуют по поручению крестьянских дворов или сельскохозяйственных объединений: выполняют подрядные работы[65], сдают землю в аренду, производят первичную обработку или переработку продукции и ее продажу, осуществляют лизинг оборудования и сельскохозяйственной техники, предоставляют информацию по вопросам производства и сбыта, связывают производителей с потребителями и т.д.

В 2000 г. имелось около 20 тыс. подобных организаций (40% из них обладали статусом юридического лица). В рисоводстве их было 12,8 тыс., в производстве пшеницы и ячменя — более 2 тыс., в молочном хозяйстве почти 1 тыс. Иногда одни и те же организации подвизаются в нескольких отраслях. В 1998 г. в рисоводстве они осуществляли работы

на площади в 916 тыс. га (в 1995 г. — 815 тыс., в 1990 г. — 664 тыс. га), обслуживая 1,9 млн. дворов[66] (примерно такой же объем работ по подряду берут на себя и крестьянские хозяйства).

Активны эти организации и в производстве кормов. В 1998 г. их насчитывалось 144. Они обслуживали по контракту 51 тыс. гектаров, принадлежащих 15 тыс. дворам (почти в два раза больше, чем в 1995 г.). По подсчетам Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, производительность труда у них гораздо выше, чем на обычных фермах, а издержки производства намного ниже. Например, на Хоккайдо в 1999 г. они были ниже более чем на $^1/_3$[67].

На форсирование развития отрасли на местах, всемерную поддержку крупных фермерских хозяйств и сельскохозяйственных юридических лиц направлены и изменения в законе о сельскохозяйственных кооперативах, принятые в 2001 г. в русле нового Основного сельскохозяйственного закона (вошли в силу в январе 2002 г.). Их главная цель — оздоровление кооперативных финансов, создание единой финансовой структуры в составе кредитных отделов первичных кооперативов, их префектуральных федераций (число последних уже значительно сократилось) и Центрального сельскохозяйственного банка, который теперь стал членом Центрального совета сельскохозяйственных кооперативов. Кроме того, юридическим лицам, образованным в сельском хозяйстве, предоставляется статус членов сельскохозяйственных кооперативов с решающим голосом (ранее они имели только совещательный голос), а высшим должностным лицам, находящимся на постоянной работе в кооперативах, запрещается заниматься совместительством[68].

Как одну из «вспомогательных» мер, призванных поднять уровень самообеспеченности продовольствием, правительство рассматривает и пропаганду «здорового питания». Специалисты считают, что одной из причин снижения этого уровня является изменение структуры потребления продовольствия: уменьшение потребления риса (по данным Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, за 1960–1999 гг. в расчете на душу населения оно сократилось на 43,3%[69]) и, напротив, увеличение потребления продукции животноводства, а также многих видов других продуктов, которых раньше в стране не употребляли, а в целом — повышение калорийности питания. В результате возрос импорт сырья для производства концентрированных кормов для скота и птицы.

Пропаганда «здорового питания» имеет своей задачей стимулировать потребление отечественной продукции. Соответствующий документ («Руководство по здоровому питанию») был составлен совместно министерствами сельского, лесного и рыбного хозяйства, образования, здравоохранения и социального обеспечения и утвержден в марте 2000 г. кабинетом министров. «Японский тип питания» преподносится в нем как синоним «здорового питания». Хотя японская диета и претер-

пела серьезные изменения (повышение калорийности, значительное увеличение доли мяса и жиров), она продолжает сохранять свою специфику: заметный удельный вес крахмалистых веществ (несмотря на резкое снижение потребления риса), преобладание растительных белков, существенная доля животного белка благодаря рыбным продуктам и низкая, по сравнению с другими развитыми странами, калорийность.

Наряду с прочими факторами это, видимо, обеспечивает высокий уровень продолжительности жизни. В 2002 г. калорийность питания японцев составила около 2600 ккал (во Франции, Англии и США — 3200–3600 ккал; за 1975–2002 гг. потребление белков повысилось с 12,7 до 13,2%, жиров — с 23 до 29%, а углеводов — снизилось с 64 до 58%; по сравнению с тремя упомянутыми странами японцы потребляют примерно на 10% меньше жиров, но на 10% больше углеводов)[70].

Пропаганда «японского типа питания» началась еще в середине 70-х годов. В первой половине 1980-х по поручению Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства было опубликовано обращение к народу «Какую диету мы предпочитаем?», а Министерство здравоохранения и социального обеспечения выпустило брошюру «Руководство по здоровому питанию». Содержавшиеся там рекомендации были рассчитаны не только на популяризацию здорового образа жизни, но и на повышение или хотя бы на стабилизацию уровня самообеспеченности продовольствием. И поскольку эта проблема стоит в настоящее время еще более остро, чем в начале 1980-х годов, появление нового варианта «Руководства» в 2000 г. вполне объяснимо.

В этом «Руководстве» кроме уже фигурировавших ранее рекомендаций (избегать переедания, контролировать вес, есть меньше соли, мясных продуктов и жиров, но больше риса и других зерновых, которые хорошо произрастают на японских почвах и в японском климате, соблюдать традиционную культуру питания и пр.) появился пункт о необходимости минимизировать потери продуктов, сделать все возможное, чтобы их не пришлось выбрасывать (не надо много покупать и много готовить, нужно хорошо хранить, проверять холодильники, чтобы продукты не портились, и т.д.)[71].

За соблюдение традиций потребления продуктов питания, сохранение обычаев есть национальную пищу в настоящее время выступают активисты движения «слоу фуд», которое противостоит повсеместному распространению «фаст фуд» на американский манер. Это движение зародилось в 1985 г. в Италии, а в начале XXI в. охватило 45 стран (в том числе и США). Символ движения в Японии — улитка (*катацумури*) наглядно характеризует его «скорость»[72].

Разворачивается и движение за потребление «местных продуктов», производимых в том или ином районе, в частности за использование их для школьных завтраков. Согласно информации ответственного сотрудника Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, цен-

тральное правительство предлагает местным органам власти принять все необходимые меры к увеличению потребления таких продуктов. Речь идет прежде всего о сельскохозяйственных районах, где уровень самообеспеченности высок (в 2003 г., например, на Хоккайдо он составил 192%, в префектуре Акита — 167%, в то время как в Токио он был равен 1%, в Осаке — 2%). Идея была поддержана на заседании Совета по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни в декабре 2004 г. Потребление «местных продуктов» не только в известной мере гарантирует высокое качество питания, но и благоприятно влияет на окружающую среду, ибо уменьшает выбросы вредных веществ в атмосферу, неизбежные при длительных перевозках продовольствия.

Для того чтобы поднять спрос на отечественный рис, не выдерживающий конкуренции с импортным, местные органы власти и сельскохозяйственные кооперативы рекомендуют фермерам перейти на возделывание более дешевых сортов этой культуры, особенно для продажи перерабатывающим компаниям. До последнего времени в стране выращивались главным образом очень дорогие сорта. Но уже с 2001 г. на Хоккайдо, в префектурах Ниигата и Тотиги начали производить сорта, цены которых на 5–15% ниже цен наиболее распространенных в этих районах сортов. Площадь под дешевыми сортами из года в год растет, как и спрос на них со стороны ресторанов и индивидуальных потребителей.

Не менее важным для подъема уровня самообеспеченности продовольствием и защиты доходов отечественного производителя являются мероприятия правительства по ограничению импорта (путем установления квот или повышения тарифов), что в течение многих лет вызывает серьезные противоречия с японскими партнерами по ВТО. Несмотря на отчаянное сопротивление, Япония была вынуждена с начала 1990-х годов согласиться на либерализацию импорта говядины и апельсинов, а с 1995 г. — на ввоз, хотя и в довольно ограниченных количествах, риса. В 1999 г. в соответствии с поправками к закону об основных продуктах питания ограничения на импорт риса были сняты. В настоящее время Япония ввозит 7,2% потребляемого в стране риса.

Теперь основной барьер для импортеров — высокий уровень таможенных пошлин. В отчете секретариата ВТО (ноябрь 2002 г.) отмечается весьма высокий уровень японских тарифов на импорт сельскохозяйственной продукции — в среднем 20,1%, а на рис — 406%[73]. Действительно, пошлина на ввоз риса составляла в 2000 г. 341 иену за 1 кг, или 490%, на сою — 460%, арахис — 500, съедобный корень *конняку* (широко используемый в японской кулинарии) — 990%.

Японская сторона неоднократно выступала на заседаниях ГАТТ/ВТО с рекомендациями учитывать при принятии решений положение в странах–импортерах сельскохозяйственной продукции, в том числе их

неторговые интересы. Перед началом последнего раунда переговоров в 2004 г. она выдвинула предложения, принципы и положения которых, в соответствии со статьями принятого в 1999 г. Основного сельскохозяйственного закона, сводились к необходимости учета многофункционального значения аграрного сектора; признания первостепенной задачей государства обеспечение продовольственной безопасности в каждой стране и допущения в связи с этим определенного уровня государственной поддержки, особенно для стран-импортеров; установления приемлемых тарифных ставок, отражающих баланс производства и потребления того или иного продукта в стране и ситуацию на мировом рынке; пересмотра существующей системы норм и правил, касающихся стран–импортеров и экспортеров сельскохозяйственной продукции; ужесточения правил выделения экспортных субсидий, наложения ограничений и запретов и т.п.[74].

В июле 2004 г. между участниками ВТО на Дохийском раунде переговоров в Женеве наконец было достигнуто рамочное соглашение о торговле сельскохозяйственной продукцией. Было принято решение ликвидировать экспортные субсидии и снизить ввозные пошлины. Однако стороны согласились, что правительства государств-импортеров будут иметь право устанавливать достаточно высокие пошлины на ввоз тех видов продукции, которые они сочтут наиболее значимыми для своей экономики[75].

Это решение можно рассматривать как серьезную победу группы десяти стран-импортеров (Швейцарии, Южной Кореи, Норвегии и др.) во главе с Японией, хотя многие вопросы, в том числе о верхнем пределе тарифов и количестве видов продукции, на которые будут распространяться высокие пошлины, еще предстоит согласовывать. Но пока что рисопроизводители в Японии остаются, как и прежде, защищенными.

В то же время Япония должна тщательно подготовиться к следующему раунду переговоров, на которых ей, видимо, придется снизить пошлины на такие виды продукции сельского хозяйства, как, например, масло, а в ряде случаев и совсем их снять.

Тарифы снизятся и в связи с заключением соглашений о свободной торговле между отдельными странами. Их отсутствие негативно сказывается на конкурентоспособности японской промышленной продукции. По оценке министра экономики, торговли и промышленности, если бы имелось соглашение о свободной торговле с Мексикой, Япония не теряла бы ежегодно 400 млрд. иен и 30 тыс. рабочих мест[76]. Поэтому за такие соглашения усиленно ратуют японские экономические организации. В 2002 г. Япония заключила соглашение подобного рода с Сингапуром, но именно потому, что импорт сельскохозяйственной продукции оттуда ничтожен. Переговоры о заключении аналогичных соглашений с Таиландом и Мексикой в 2003 г. зашли в тупик из-за разногласий

о пошлинах на сельскохозяйственную продукцию. Но все же в марте 2004 г. соглашение с Мексикой было подписано. Оно предусматривает снижение тарифов на мексиканское куриное мясо, говядину, свинину, апельсины. В свою очередь, японцы будут беспошлинно поставлять стальной прокат и автомобили.

Подготовлено такое соглашение и с Таиландом. В октябре 2004 г. представители этой страны сняли требование о снижении тарифов на ввоз таиландского риса (он намного дешевле японского) в Японию в обмен на согласие последней снять или снизить тарифы на импорт из Таиланда цыплят, сахара и крахмала (в 2002 г. эта страна покрывала 35% японского импорта цыплят, или 10% объема потребления, и 27% — сахара)[77]. Японцы до последнего отстаивали пошлины на цыплят, но были вынуждены уступить.

На повестке дня уже соглашения о свободной торговле с Малайзией, Филиппинами, Республикой Корея. На переговорах с Филиппинами японская сторона хочет добиться исключения для некоторых видов плодовых (бананы и ананасы), а также договориться о том, чтобы Филиппины не экспортировали в Японию продукцию сельского хозяйства, которая была произведена благодаря японской «официальной помощи развитию» (ОПР). Соглашения с Таиландом и Малайзией планировалось заключить в 2005 г.[78]. Переговоры с Тайванем и Индонезией находятся на стадии предварительного изучения.

В целях защиты отечественного производителя от недобросовестного импорта Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства планирует внести поправки в Закон о семенах и саженцах (число заявок на регистрацию новых сортов растет с каждым годом; в 2003 г., например, было подано 1300 заявок, почти в два раза больше, чем 10 лет назад). Последний раз поправки в этот закон вносились в 1998 г. Они защищали авторов сортов только патентной системой. Согласно ее положениям, продающие или производящие зарегистрированные семена или саженцы без разрешения могут попасть в тюрьму на три года или подвергнуться штрафу до 3 млн. иен. Но те, кто нелегально производят продукцию из этих семян, рискуют лишь принудительным запретом на производство или возмещением ущерба. Зачастую это нарушение прав интеллектуальной собственности имеет место в период проверки нового сорта до его регистрации, срок которой, по мнению японских селекционеров, очень большой — 3,8 года против примерно двух лет в США и Европе.

И пиратство процветает. Иногда семена контрабандой вывозятся за границу и возвращаются в страну уже в виде продукта (речь идет о наиболее популярных в Японии сортах клубники, бобовых и цветов, ввозимых из Китая и Южной Кореи). В существующем законе отсутствуют санкции и против поставщиков продукции, полученной из таких ягод (например, джема).

Поэтому намечаемыми поправками предусматривается проверка переработанной продукции на ДНК с целью выявления сортов, зарегистрированных в Японии. В случае их обнаружения импорт будет подлежать запрету, а дистрибьютер — штрафу. Будет также увеличен срок действия авторских прав для новых сортов плодовых деревьев: винограда — с 25 до 30 лет, всей остальной продукции — с 20 до 25 лет. По мнению представителей министерства, защита прав интеллектуальной собственности сможет повысить конкурентоспособность японской продукции, направляемой на экспорт[79].

На повестке дня стоит, далее, изменение законов о торговых марках и закона о регулировании тарифов, направленное на предотвращение появления контрафактной продукции как на внутреннем рынке, так и за границей. По правительственной оценке, из-за такой продукции страна ежегодно теряет до 3 трлн. иен[80].

Увеличение японского экспорта сельскохозяйственной продукции — еще один путь выживания отрасли. Министерство стремится увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции, который до сих пор относительно невелик. Хотя с 1989 по 2004 г. вывоз сельскохозяйственной продукции и продуктов моря из Японии в страны Азии возрос на 65%, он все равно несравним с азиатским экспортом в Японию. Теперь, рассчитывая на серию двусторонних соглашений о свободной торговле, министерство намерено занять отчетливо наступательную позицию в отношении этих стран.

В среднем стоимость экспорта сельскохозяйственной продукции с некоторыми колебаниями в течение десяти лет находится на одном уровне, но по отдельным видам в последние годы наблюдается рост. Например, объем экспорта свежих фруктов в 2002 г. превысил показатель предыдущего года более чем в два раза, овощей — в 1,6 раза, чая — в 1,2 раза. Особенно заметно увеличился экспорт яблок на Тайвань: в 4 раза в физическом выражении и почти в 6 раз — по стоимости[81]. И это при том, что цены на японские фрукты достаточно высоки: на Тайване крупные яблоки продаются на 30–50% дороже, чем такие же из США; крупные груши сорта «XX век» — в 3–4 раза дороже, чем конкурирующие сорта. Но спрос на них велик, возможно потому, что японские товары рассматриваются здесь как предмет роскоши.

В мае 2003 г. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства призвало муниципалитеты содействовать расширению экспорта сельскохозяйственной продукции из своих районов под маркой «Японский бренд». В совещании по этому вопросу участвовали представители 23 районов. Они согласились работать в данном направлении и выделили шесть продуктов: хоккайдосский картофель, рис из префектуры Акита, грибы *эноки* из префектуры Нагано, дыни из Сидзуоки, мускатный орех из Окаямы и сушеные грибы *сиитакэ* из префектуры Оита.

Эксперты Японской внешнеторговой организации (JETRO) в июле 2003 г. учредили комитет по созданию специализированных рынков японских продовольственных товаров в странах Азии, считая, что тамошний потенциальный спрос на них достаточно велик ввиду увеличения числа зажиточных потребителей. В целях роста объема продаж за границей министерство собирается субсидировать японские фирмы и региональные власти, оперирующие за рубежом, с тем чтобы они могли открывать там постоянно действующие отделы в универмагах и классы японской кухни[82].

Сельскохозяйственная кооперация в лице Центрального совета сельскохозяйственных кооперативов начинает экспорт риса под единой маркой «JA-Rice» на Тайвань и в Сингапур для живущих там японцев и местных любителей японских сортов этой культуры. Первые партии были отправлены на Тайвань в мае, а в Сингапур — в октябре 2004 г.

Хорошее качество отечественного продовольствия — залог повышения спроса. Чтобы увеличить потребление отечественной продукции, естественно, надо, чтобы она была вкусна и не наносила вред здоровью людей, чтобы население доверяло своим производителям. Эта проблема была поднята и в новой концепции аграрной политики.

Забота об интересах потребителей отражена многими статьями Основного сельскохозяйственного закона. Имеются в виду меры по предотвращению нанесения ущерба потребителям вследствие применения для производства продуктов удобрений, пестицидов, других химикатов, антибиотиков, заражения различными болезнями скота и птицы, производства генетически модифицированных продуктов, влияние которых на человека до сих пор еще точно не определено.

Защитные меры адресованы не только отечественной продукции, но и импортной. Качество — одно из важнейших средств неценовой конкуренции, серьезный аргумент в борьбе с дешевизной импорта. Проблема безопасного продовольствия смыкается и с проблемой защиты окружающей среды (ведь и ей, и людям химикаты в избыточном количестве вредны), т.е. непосредственно связана с концепцией «устойчивого развития сельского хозяйства», которая будет затронута ниже.

Особую остроту эта проблема приобрела в настоящее время, прежде всего в связи с появлением таких опасных для здоровья человека болезней, как коровье бешенство или птичий грипп, а также генетически модифицированных продуктов (ГМП). В сентябре 2004 г. в двенадцатый раз в Японии была обнаружена инфекция коровьего бешенства (первый случай был зафиксирован в 2001 г.). В 1996 и 2000 гг. имели место массовые пищевые отравления, ответственность за которые возлагали на крупные пищевые фирмы, например на «Юкидзируси»[83].

По данным обследований, проведенных Центром изучения жизни населения и Корпорацией финансирования сельского, лесного и рыбного хозяйства, в 2000 г. беспокойство по поводу качества продуктов

питания выражали 93–95% респондентов. Примерно 40% опрошенных заявили, что если раньше эта проблема их не очень волновала, то теперь ситуация изменилась[84]. Наибольшие сомнения вызывает у потребителя импортная продукция, как свежая, так и используемая для переработки[85]. Поэтому политика обеспечения населения безопасными продуктами совпадает с целями пропаганды потребления отечественных как более надежных.

Нормы допустимого количества ядохимикатов, остающихся в продукте, были определены еще в 1968 г. Законом об охране продовольственных товаров. В середине 1970-х годов такие нормы были введены для 43 продуктов питания и 22 видов пестицидов[86]. В соответствии с ними была разработана технология использования ядохимикатов: их количество, время внесения и т.д.

К 1980 г. выпуск особо токсичных и токсичных препаратов составлял лишь 1,8% всего объема производства пестицидов против 50% в конце 1950-х годов[87].

Расширяется и биологическая борьба с вредителями. Выпуск и применение пестицидов регулируются Законом о сельскохозяйственных ядохимикатах, по которому ни один препарат, произведенный в стране или импортированный, не может быть выпущен в продажу без санкции министра сельского, лесного и рыбного хозяйства и предварительной проверки специальной инспекцией.

Сокращение использования в сельском хозяйстве химикатов и замена их на компост в целях производства безопасных продуктов непосредственно связаны и с защитой окружающей среды, ибо отходы животноводства (экскременты животных, т.е. органическое удобрение) составляют примерно 10% всех небытовых отходов в стране. Для улучшения же почвенного плодородия компост очень важен. По подсчетам сотрудников Центра комплексных сельскохозяйственных исследований, количество азота, который содержится в компосте, в среднем по стране может заменить свыше 40% азота, предоставляемого минеральными удобрениями[88].

В связи с неблагоприятным воздействием различных химикатов на здоровье людей все большее значение во всем цивилизованном мире приобретает ведение так называемого «органического (экологического) сельского хозяйства», т.е. выращивание культур без применения химикатов или с использованием их в незначительных количествах.

Производство такой продукции становится постепенно отдельным сектором мировой продовольственной торговли. В середине 1990-х годов была создана неправительственная Международная федерация органических сельскохозяйственных организаций, которая выработала определенные нормы и правила производства продукции данного сектора. В 1999 г. межправительственная Комиссия кодекса алиментариуса, созданная Организацией по вопросам продовольствия и сель-

ского хозяйства (ФАО) и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), сформулировала совместно с упомянутой выше федерацией «Основные руководящие принципы производства, переработки, маркировки и торговли органическими продуктами питания».

В настоящее время «органическое сельское хозяйство» наиболее развито в странах Европы. Среди азиатских выделяется Япония, где потребители весьма в нем заинтересованы. Показательно, что Японская ассоциация органического сельского хозяйства была создана еще в 1971 г.

«Органическое сельское хозяйство» имеет прямое отношение к концепции «устойчивого развития», принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН. Она предполагает взаимоувязывание развития производственной сферы с природной средой для сохранения экологической системы. Концепция была рекомендована всем странам мира как стратегическое направление борьбы с экологическим кризисом.

В конце 1999 г. в Японии был принят Закон о содействии внедрению принципа устойчивого развития сельского хозяйства. Имелось в виду такое развитие, при котором удовлетворение текущих потребностей общества (снабжение его качественными продуктами питания) не наносило бы ущерб жизни будущих поколений, т.е. не ухудшало бы состояние окружающей среды. Предполагалось наладить экологически сбалансированное производство, опирающееся на природное рециклирование (так называемый замкнутый цикл).

С 2000 г. на основе этого закона в префектурах начали разрабатывать соответствующие «руководства» и выделять «экофермы». Для улучшения работы фермеров с компостом в соответствии с поправками к Закону об удобрениях (1999 г.) с октября 2000 г. все упаковки компоста в обязательном порядке должны иметь маркировку его состава. По данным Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, в 2000 г. примерно 500 тыс. ферм (пятая часть товарных) значительно снизили использование химикатов и одновременно увеличили долю компоста.

В целях обеспечения населения «безопасными» для здоровья продуктами питания в 2001 г. был изменен Закон о сельскохозяйственных стандартах (ЗСС)[89]. Появилась сертификационная система, специально ориентированная на «органическую продукцию». Ее выработали в соответствии с положениями и принципами, сформулированными упомянутой выше Комиссией кодекса алиментариуса. По определению, данному в ЗСС, «органическая продукция» считается таковой, если выращена на полях, где в течение двух (для многолетних растений — трех) лет, как правило, избегали применять химикаты, а почва улучшалась внесением компоста.

«Продукты переработки органической продукции» по закону считаются таковыми, если произведены из «органической продукции» и, как

правило, без каких-либо добавок и медикаментов, а удельный вес других исходных продуктов не превышает в них 5%. Был также учрежден новый бренд, показывающий, что продукт сертифицирован в качестве «органического» и это подтверждено специальными контролерами[90]. Японским мелким производителям получить его весьма сложно, ибо на их продукцию могут влиять химикаты, использующиеся на соседних участках. Сертификаты на продукцию, произведенную вне Японии, должны, по ЗСС, быть подтверждены организациями (так называемой третьей стороной), уполномоченными для этого японским Министерством сельского, лесного и рыбного хозяйства (это не относится к сертификатам, выданным в Европейском союзе и Австралии).

В середине 2002 г. парламент одобрил предложение правительства о запрещении импорта продуктов, в которых остаточное количество химикатов превышает японские нормы. Было также решено пересмотреть Закон о санитарных нормах для продовольствия. Согласно принятым поправкам, правительство может запретить импорт каких-либо продуктов при неоднократном обнаружении в них остаточного количества пестицидов, превышающего норму. А такие случаи уже имели место: по данным министра здравоохранения, труда и социального обеспечения, в марте–июле 2002 г., например, 42 раза фиксировалось превышение нормы остаточного количества пестицидов в замороженном шпинате из Китая. Импортер такой продукции может быть подвергнут аресту на срок до шести месяцев или штрафу в размере 300 тыс. иен[91].

В связи с принимаемыми мерами импортеры продовольствия теперь стараются заключать контракты с производителями, гарантирующими поставку продукции, выращенной без химикатов или с использованием их в небольшом количестве, хотя ее импорт и обходится дороже. Это касается, например, таиландской спаржи, которую они предпочитают филиппинской, и американского риса, репутация которого растет, в то время как объем ввоза китайского риса падает[92].

Очень жестко отслеживается в Японии возможность появления на рынке зараженных продуктов питания. Правительство остро отреагировало на вспышку коровьего бешенства в США в конце 2003 г. и птичьего гриппа в ряде стран, в том числе и в Японии, в 2004 г. Импорт говядины из США и мяса птицы из Таиланда и КНР был прекращен. С 2003 г. Министерство здравоохраннения, труда и социального обеспечения запретило использовать вытяжки и жир из позвоночных костей животных при приготовлении продуктов питания (использование спинного мозга было запрещено ранее).

В подготавливаемом проекте изменений Закона о контроле над инфекционными болезнями домашнего скота предусматривается наказание в виде одного года тюрьмы или штрафа в размере 500 тыс. иен для фермеров, не сообщивших вовремя о появлении болезней животных[93]. В 2004 г. в стране были арестованы владельцы птицеводческой

фермы, которые не поставили власти в известность о падеже большого числа кур. Раньше в таких случаях полиция лишь ставила в известность прокуратуру[94].

Несмотря на усиленное давление американцев, которые настаивали на том, чтобы при отправке мяса в Японию инспекции подвергался лишь скот старше 20 месяцев, ибо у молодого скота коровье бешенство определить очень трудно, японская сторона категорически настаивала на поголовной проверке скота, предназначенного для отправки в Японию[95]. Режим проверки скота на выявление коровьего бешенства в Японии — самый строгий по сравнению с другими странами (здесь подвергаются инспекции поголовно все возрастные группы крупного рогатого скота, в то время как в Европе — начиная с 24-месячного возраста, в США — с 30-месячного).

В последнее время японцы начали колебаться. Частичную инспекцию поддерживает даже Комиссия по продовольственной безопасности. Склоняется к отмене инспекции молодняка и министр сельского, лесного и рыбного хозяйства, считая, что это пустая трата времени. Но власти на местах решительно выступают за проверку как отечественного, так и импортного скота всех возрастов. Этой точки зрения придерживаются и пищевые компании. По их мнению, именно 100%-ная проверка — залог доверия потребителей.

Всеобъемлющую инспекцию поддерживают организации потребителей и представители животноводческих хозяйств[96]. Министр здравоохранения, труда и благосостояния также выразил солидарность с позицией местных органов власти. Вместе с тем он обратился к Комиссии по продовольственной безопасности с предложением обсудить вопрос об изменении системы инспекции внутри страны (проводить ее лишь для скота старше 20-месячного возраста), но одновременно принял решение субсидировать местные власти, если они захотят продолжать проводить всеобъемлющую проверку[97].

Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения составило список из 1300 продуктов, которые импортеры не должны ввозить, ибо они могут содержать различные зараженные ткани больного скота[98].

Одной из мер по обеспечению населения безопасной для здоровья продукцией стала обязательная маркировка продовольственных товаров. В целях информирования населения о том, какие продукты питания оно потребляет, в июне 2000 г. были внесены изменения в ЗСС, которые вошли в силу с апреля 2001 г. Они касались необходимости уточнений при маркировке продуктов, как свежих, так и переработанных (речь шла пока только о маринованных сливах *умэбоси* и лука), с обязательным указанием страны, конкретного места их происхождения и наличием сертификата, чтобы потребитель мог сам судить об их качестве. Согласно итогам обследования 12,5 тыс. розничных магазинов, проведенного

в 2001 г. по линии Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, этикетки на всех продаваемых овощах имелись лишь в 30% магазинов, а почти в четверти магазинов их не было совсем. Наиболее добросовестно подошли к маркировкам универмаги, почти в 80% которых они были на всех упаковках, а также супермаркеты (примерно в 50%)[99].

Вводится система мониторинга (*рирэки сокю*), в соответствии с которой потребитель сможет через Интернет узнать всю подноготную о скоте, птице и мясных продуктах (дату, место и технологию производства, каналы сбыта и т.д.). Каждый товар должен будет иметь специальную маркировку — индивидуальный десятицифровой идентификационный номер, который пройдет по всем звеньям системы обращения. С начала 2004 фин. г. выдаются государственные субсидии для создания базы данных и внесения необходимой информации. При нарушении новых правил на производителя может быть наложен штраф в размере до 300 тыс. иен. С 1 декабря 2004 г. система официально распространена на розничную сеть по продаже говядины и на рестораны, в меню которых входит говядина (примерно на 40 тыс. магазинов и 10 тыс. ресторанов). Некоторые супермаркеты уже ранее по собственной инициативе придерживались этой системы для привлечения покупателей. Ассигнования из бюджета для этих целей отпускаются с 2005 фин. г., и в министерстве считают, что в течение трех лет необходимые для повсеместного внедрения системы мониторинга меры будут завершены[100]. Аналогичную систему министерство собирается ввести и для риса, продукции овощеводства и плодоводства.

К этой кампании собирается подключиться и сельскохозяйственная кооперация. Центральный совет сельскохозяйственных кооперативов объявил в августе 2003 г., что с конца 2006 г. вся продукция, отгружаемая сельскохозяйственными кооперативами (а это примерно 60% ее общего объема), получит идентификационный номер, который будет расшифровываться на создаваемом им сайте. Предварительно Совет дал указания своим членам, чтобы хозяйства записывали всю необходимую информацию о производстве той или иной продукции, включая место нахождения фермы, дату сбора урожая и отправки. Информация будет сконцентрирована в базе данных кооператива[101]. Кооперативы в принципе не хотели заниматься такого рода маркировкой, ибо она удорожает продукцию, но из-за боязни потерять покупателей изменили свою позицию.

В ближайшем будущем Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства планирует ужесточить стандарты для маркировки, означающей «небольшое количество химикатов». Сейчас ее может иметь продукция, при производстве которой количество химикатов не превышает 50% используемых обычно в той или иной префектуре. Новые стандарты требуют, чтобы префектуральные правительства точно указывали количество химикатов и минеральных удобрений, которое можно квалифицировать как «обычный уровень».

Министерство готовит также проект дополнений в ЗСС, которые сделают обязательным указание места производства не только для скоропортящейся продукции, но и для продуктов переработки. По его распоряжению с сентября 2004 г. производители должны указывать на этикетках географическое происхождение основных ингредиентов продуктов. В течение двух лет никаких наказаний за невыполнение этого требования не предусматривается, но покупатель хотя бы будет знать, из какого сырья сделан продукт — отечественного или импортного[102].

Безусловно, даже наличие любой маркировки не дает гарантию, что продукт описан правильно. Можно ли доверять указанному на упаковке? Это не риторический вопрос, ибо фальшивые маркировки не редкость. Например, в 2003 г. на упаковке риса из сельскохозяйственного кооператива префектуры Ибараки значилось, что рис произведен на Хоккайдо. Другой пример: рисоперерабатывающая компания в префектуре Фукусима смешивала рис наиболее высоко ценимого сорта «Косихикари» с дешевым американским и продавала как стопроцентно японский. За это в 2004 г. президент компании и двое ее служащих были осуждены как нарушители Закона о предотвращении несправедливой конкуренции. В апреле 2004 г. в стране было арестовано 11 человек (в том числе председатель крупнейшей компании по оптовой продаже мяса «Ханнан»), которые получили государственные субсидии на меры по предотвращению распространения коровьего бешенства (640 млн. иен) обманным путем, маркируя импортное мясо как отечественное[103]. В 2003 г. были обнаружены фальшивые этикетки на упаковках сельскохозяйственных химикатов. Производителей заставили отозвать товар, а перевозку оплатить за свой счет[104].

На этикетках не указывается, чем кормили скот, давали ли ему антибиотики, какие удобрения или пестициды применялись при выращивании той или иной продукции, особенно поступающей из-за рубежа. Не случайно, по данным обследования, проведенного в августе 2002 г., свыше 60% потребителей доверяли отечественным производителям полностью или «в общем», между тем как соответствующий показатель для импортеров продовольствия и иностранных производителей равнялся лишь 11–12%[105].

Рост импорта сельскохозяйственной продукции потребовал принятия мер для улучшения инспекционных возможностей. Так, удваивает мощности по проверке на ДНК Японская ассоциация по инспекции зерна; Японская ассоциация по санитарному контролю над продовольствием заканчивает строительство нового здания инспекции, площадь которого в три раза превышает имеющуюся; Японская ассоциация по контролю над замороженной продукцией в 2003 г. открыла в Иокогаме новый центр проверки импортного продовольствия с мощностями, вдвое превышающими существовавшие здесь прежде[106].

Глубокое беспокойство в Японии, как и во всем мире, вызывают в настоящее время ГМП. Эта проблема приобретает все большее значение, ибо только за 1996–2000 гг. площадь под ними в мире увеличилась в 26 раз — до 44 млн. га[107]. В 2000 г. 130 стран, среди них и Япония, подписали договор о биологической безопасности. Он предполагал три вида идентификации ГМП в зависимости от того, как их будут использовать — для непосредственного потребления, для научных целей или такого применения, при котором они могут попасть в окружающую среду. Однако договор не предусматривал ни обязательную маркировку, ни конкретные указания о размерах содержания ГМП. Речь шла лишь о процедуре предварительного уведомления для получения разрешения на поставку соответствующего товара от страны-импортера[108].

В Японии продукт, содержащий менее 5% генетически модифицированных компонентов, может маркироваться не как ГМ, но если ГМ-ингредиент является одним из трех главных в этом продукте и превышает 5% его веса, то он должен маркироваться как ГМП. Учитывая настороженное отношение населения к ГМП, местные органы власти начали в 2004 г. ограничивать их производство в открытом грунте. Первыми это сделали власти Хоккайдо, ссылаясь на недовольство населения и опасения фермеров о возможности перекрестного опыления с соседних участков. В префектуре Ибараки было решено, что перед началом выращивания таких культур производитель должен информировать об этом префектуральное правительство и объяснить свои цели соседним фермерам, сельскохозяйственным организациям и населению близлежащих городов. Соответствующие меры собирается принять и администрация префектуры Сига[109].

В бюджете на 2003 фин. г. были увеличены ассигнования на защиту потребителей путем уточнения маркировок и устрожения мониторинга безопасности продуктов питания.

С 2001 г. импортерам вменена в обязанность проверка ввозимых в страну ГМП в соответствии с нормами Закона о санитарном контроле продовольствия. В случае продажи неразрешенных продуктов они подлежат изъятию, а виновные — привлечению к суду.

Наиболее активно ГМП продвигают на мировой рынок Соединенные Штаты. Неприятие в ряде стран этой продукции их весьма беспокоит. По мнению представителей американского Министерства сельского хозяйства, многие государства, в том числе Япония, могут прекратить импорт обычной пшеницы из тех стран, которые выращивают трансгенную[110] (на Японию приходится более 11% экспорта этого вида зерна из Соединенных Штатов[111]).

Как говорилось выше, японские потребители крайне заинтересованы в покупке безопасной для здоровья продукции и отдают предпочтение той, в которой отсутствуют добавки, перечислены ингредиенты и есть спецификация, как они приготовлены. Поэтому постоянно рас-

тет число тех, кто хочет получать продовольствие непосредственно от производителей. С этой целью заключаются соглашения между сельскохозяйственными кооперативами и потребительскими группами о поставках продукции, выращенной или произведенной без каких-либо добавок, без применения химикатов или с использованием их очень незначительного количества. Только с 1998 по 2001 г. число членов одной из таких групп в г. Фукусима увеличилось в 5 раз[112]. Особенно часто соглашения кооперативов с потребителями имеют место при продаже «органической продукции». В наибольшей степени непосредственная продажа-купля распространена в сбыте овощей (49% всего объема продаж)[113].

Не отстают и дистрибьюторы. Компания «Nippon Ecology Network» организовала службу снабжения сельскохозяйственной продукцией 60 тыс. семей по всей стране. «Органические» овощи она получает напрямую от 80 производителей — отдельных хозяйств и их групп, ежегодно согласовывая с ними программу производства.

Организация «Минна-но гюню бэнкёкай» («Общество по изучению молока») непосредственно связана с молочным сельскохозяйственным кооперативом в г. Нитта (префектура Гумма) и доставляет на дом своим членам (а это 5 тыс. семей) говядину, овощи и пастеризованное молоко. Общество установило 12 стандартов безопасности и принимает от кооператива только ту продукцию, которая отвечает необходимым критериям (например, трава, которую едят молочные коровы, должна быть выращена с минимальным количеством химикатов или вообще без них).

Поворот к интересам потребителей, чего требует новый Основной сельскохозяйственный закон, отражает и ряд организационных мер, осуществленных правительством. Свидетельством исключительной значимости для потребителя безопасной продукции является и Основной закон о безопасности продовольствия, принятый в мае 2003 г. и призванный рассеять опасения населения в отношении продуктов питания. Во исполнение этого закона в июле того же года при Кабинете министров начала действовать Комиссия по продовольственной безопасности, отвечающая за определение норм остаточного количества химикатов и микроорганизмов в продуктах.

Была проведена и реорганизация Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, которое подвергалось критике за замедленную реакцию во время появления коровьего бешенства в 2001 г. В его рамках было создано Бюро по вопросам продовольственной безопасности и проблемам потребителя. На местах в качестве контролирующих органов появились региональные отделы сельскохозяйственной администрации, где потребители могут получать нужные им консультации. Увеличено число работников, отвечающих за безопасность продовольствия. В июне 2003 г. министерство приняло «Основы политики в об-

ласти продовольственной безопасности» как руководство для соответствующих чиновников[114].

Перемены в аграрном законодательстве, введение новых законов и внесение весьма серьезных поправок в уже действующие, а также анонсируемые программы дальнейших изменений можно рассматривать как серьезный сдвиг в аграрной политике правительства в условиях мощного давления различных обстоятельств как внутри страны, так и извне, со стороны японских внешнеторговых партнеров. Вопрос в том, как эти сдвиги будут претворяться в жизнь, насколько последовательно власти будут придерживаться установленных ими самими сроков их осуществления. Учитывая японскую традицию отдавать предпочтение эволюционному пути развития и подчас недостаточную настойчивость в проведении принимаемых законов (исключение составляла земельная реформа, осуществлявшаяся при оккупации страны американскими войсками), пожалуй, трудно с уверенностью прогнозировать значительные успехи сельского хозяйства страны в ближайшем будущем.

Анонсированные перемены аграрного законодательства, особенно в области дерегулирования, или новая политика в отношении субсидирования фермеров вызывают неоднозначную реакцию не только среди представителей сельскохозяйственных и промышленных организаций, но и в среде правящих кругов и общественности. Наиболее сложными, видимо, явятся реализация права на приобретение сельскохозяйственной земли несельскохозяйственными фирмами и положение о предоставлении субсидий только крупным перспективным хозяйствам.

Депутаты ЛДП на заседании подкомитета партии по вопросам аграрной политики в ноябре 2004 г. высказались за то, чтобы при ограничении субсидий принималась во внимание конкретная ситуация в том или ином районе[115]. В то же время такие организации, как Федерация экономических организаций, Ассоциация корпоративных руководителей, Японская торгово-промышленная палата, Японский совет по внешней торговле, настаивают на безусловном и безоговорочном дерегулировании аграрного сектора, утверждая, что свободная покупка сельскохозяйственной земли несельскохозяйственными фирмами, несомненно, повысит эффективность производства.

Научные круги также ратуют за безотлагательность реформ. По мнению нескольких их представителей, ВТО и участники соглашений о свободной торговле не собираются ждать долго, и снижение тарифов неизбежно. Если меры по подъему японского аграрного сектора не будут приняты срочно, «это может обернуться серьезным ударом в будущем»[116].

Старший экономист Японского центра экономических исследований Канэко Хиромити подчеркивает, что Закон о сельскохозяйственной земле надо изменить так, чтобы устранить формальности и пустить на

эту землю людей и организации, которые хотят всерьез заниматься сельским хозяйством. Он считает правильным прекращение практики поддержки цен и введение системы компенсаций на фиксированной основе. Это не только поможет производителю в случае снижения цен, но и будет приветствоваться потребителями, которые смогут покупать товары по более низким ценам.

Однако совсем по-другому настроены представители сельскохозяйственных организаций. Например, исполнительный директор Центрального совета сельскохозяйственных кооперативов Тосио Ямада, не отрицая необходимость реформ, считает, что предложения о сокращении субсидий «в Японии не пройдут... они вызовут трения между фермерами»[117]. А председатель Всеяпонского совета сельскохозяйственных кооперативов Исами Мията призвал министра сельского, лесного и рыбного хозяйства вообще пересмотреть проект о субсидиях. Другие руководители Совета согласились с ним. Те же мнения не раз высказывались ими и по поводу предложений о предоставлении права промышленным фирмам покупать сельскохозяйственные земли.

Очень резко выступают сельскохозяйственные организации против заключения соглашений о свободной торговле. В 2003 г. Центральный совет сельскохозяйственных кооперативов распространил среди депутатов ЛДП брошюру, озаглавленную «Требования в отношении переговоров с Таиландом, Мексикой и другими странами», где говорится, что начинать переговоры с этими странами — шаг весьма необдуманный и что их требования о ликвидации тарифов абсолютно неприемлемы[118].

Тем не менее не подлежит сомнению, что процесс серьезного реформирования аграрного сектора уже начался. Откладывать его действительно нельзя. Видимо, вполне основательна точка зрения ведущего научного сотрудника НИИ экономики, торговли и промышленности Кадзухито Ямаситы, который на форуме содействия экономическому партнерству со странами Восточной Азии заявил, что «сейчас не время спорить об аграрной реформе, а время действовать»[119].

Вскоре по решению ВТО и во исполнение принципов двусторонних соглашений о свободной торговле практически 90% объема товаров будет импортироваться либо по низким тарифам, либо вообще беспошлинно. Поэтому задача адаптации внутренних цен на сельскохозяйственную продукцию к мировым путем перехода от политики высоких тарифов и поддержки цен за счет потребителя к прямым платежам для поддержания доходов и защиты окружающей среды, с помощью роста производства и снижения издержек, выпуска высококачественной продукции должна быть решена как можно быстрее.

Премьер-министр Дзюнъитиро Коидзуми настроен проводить структурные реформы в сельском хозяйстве весьма решительно и надеется сломить сопротивление аграрного лобби в ЛДП. По его мнению, Япония «не может себе позволить откладывать структурные реформы

сельского хозяйства»; чтобы можно было противостоять негативным результатам подписания соглашений о свободной торговле, необходима именно жесткая реформа, а не протекционистские меры в отношении фермеров[120]. А эти соглашения весьма важны для страны, ибо ее конкуренты на азиатском рынке, и прежде всего КНР, действуют весьма активно. Важны они также и для сохранения сельского хозяйства не только как производителя продовольствия, но и как отрасль, выполняющую другие, не менее важные социальные и политические функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: Экономисуто. 15.06.1993, с. 18–19.

[2] Введена в рамках Закона о контроле над продовольствием с начала 1970-х годов. По этой системе сельскохозяйственные кооперативы собранный у крестьян рис продавали специально выделенным дилерам, которые затем, минуя государственные органы, перепродавали его перерабатывающим предприятиям или оптовикам. Цены в этой системе были выше, чем государственные закупочные.

[3] Текст закона см.: http://www.shugiin.go.jp/

[4] Текст закона см.: http://www.shugiin.go.jp/itdb_main.nsf/html/

[5] Он состоит из 15 членов, назначаемых премьер-министром по представлению министра сельского, лесного и рыбного хозяйства, — ученых и экспертов, работающих по совместительству. Служащие совета назначаются специальным распоряжением кабинета министров.

[6] Покэтто норин суйсан токэй (Карманный статистический ежегодник по вопросам сельского, лесного и рыбного хозяйства). Токио, 1959, с. 35.

[7] Подробно о формулах подсчета уровня самообеспеченности продовольствием см.: *Маркарьян С.* Аграрный сектор японской экономики. М., 1990, с. 26–29.

[8] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни). Токио, 2001, с. 12, 13; 2004, с. 4, 115.

[9] Там же, 2004, с. 5.

[10] The Nikkei Weekly. 17.03.2003. В последние годы разрабатывается проект изменения метода подсчета индекса самообеспеченности продовольствием. Новый индекс будет учитывать стоимость отгрузок наиболее качественной продукции, произведенной японскими фермерами. В Министерстве считают, что этот метод будет отражать динамику производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, в частности органической (The Nikkei Weekly. 11.02.2005).

[11] За 1985–1997 гг. производство мандаринов сократилось почти на 40%, всех плодовых — на 33, свинины — на 17, говядины (после либерализации, только за 1994–1997 гг.) — на 12% при резком росте импорта, достигшего 64% общего объема потребления [Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 1997, с. 74; The Daily Yomiuri. 20.03.1999.

[13] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 2001, с. 26.

[14] The Nikkei Weekly. 19.11.2001.

[15] Ibid.

[16] В 2002 г. индекс цен на продовольствие (по 29 позициям) составил в Нью-Йорке 89, Лондоне — 77, Париже — 79, Сингапуре — 66 при Токио=100.

[17] Ногё хакусе фудзоку токэйхё. Токио, 2001, с. 30.

[18] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 129.

[19] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 1996, с. 10.

[20] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 2001, с. 33. Для Англии и Франции речь идет о наемных рабочих.

[21] Ногё то кэйдзай. 2000, № 4, с. 12.

[22] Подсчитано по: Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 44.

[23] Там же, с. 100–101.

[24] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 2000, с. 34; The Nikkei Weekly. 12.08.2004.

[25] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 44.

[26] Подсчитано по: Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 129.

[27] Там же.

[28] Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). Токио, 1999, с. 146; Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник). Токио, 1996, с. 69.

[29] Ногё то кэйдзай. 2001, № 4, с. 12.

[30] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 1997, с. 33. Сравнительно большие размеры обрабатываемых площадей на Хоккайдо объясняются тем, что японцы начали осваивать его лишь в конце XIX в. Наличие здесь обширных свободных земель, пригодных для сельскохозяйственного производства, незначительное число переселенцев и протекционистская правительственная политика содействовали созданию сравнительно крупных земельных владений.

[31] Ногё то кэйдзай. 2001, № 4, с. 38.

[32] www.vaff.go.jp

[33] Подсчитано по: Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 55.

[34] Там же.

[35] Нихон ногё нэнкан. Токио, 1996, с. 74; Ногё то кэйдзай. 2001, № 4, с. 39.

[36] Составлено по: Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 53.

[37] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 52.

[38] Ногё то кэйдзай. 2001, № 4, с. 11–12.

[39] Ногё то кэйдзай. 2003, № 4, с. 117–123; Нихон кэйдзай симбун. 29.03.2004.

[40] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 51.

[41] www.maff.go.jp

[42] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 71, 115, 116, 118, 137, 140.

[43] Хэйсэй 12 нэн сёкурё ногё носон-но доко-ни кансуру нэндзи хококу (Ежегодный доклад о положении с продовольствием, в сельском хозяйстве и деревне за 2000 г.). Токио, 2000, с. 40, 113.

[44] Нихон кэйдзай симбун. 21.11.2003; 26.11.2003.

[45] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. FY 2003 (www.maff.go.jp).

[46] Подробнее о некоторых из этих мер см.: Япония. Ежегодник 2003/2004. М., 2004, с. 101–105.

[47] Нихон кэйдзай симбун. 15.06.2003; 24.05.2004.

[48] Нихон кэйдзай симбун. 09.12.2002.

[49] Нихон кэйдзай симбун. 27.06.2003.

[50] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 1999, с. 155; 2001, с. 68; Нихон кэйдзай симбун. 03.03.2003.

[51] Хэйсэй 12 нэн сёкурё ногё носон-но доко-ни кансуру нэндзи хококу, с. 142.

[52] Нихон кэйдзай симбун. 22.12.2001.

[53] Нихон кэйдзай симбун. 12.04.2004.

[54] Нихон кэйдзай симбун. 03.02.2005.
[55] www.rieti.go.jp/en/
[56] Нихон кэйдзай симбун. 13.05.2003; 19.05.2003; 09.06.2003; 10.06.2003.
[57] The Nikkei Weekly. 01.02.2005.
[58] Нихон кэйдзай симбун. 28.07.2004.
[59] The Nikkei Weekly. 27.09.2004.
[60] The Nikkei Weekly. 14.02.2005.
[61] Нихон кэйдзай симбун. 13.10.2004; Nikkei Business Daily. 29.11.2004.
[62] Нихон кэйдзай симбун. 03.09.2004.
[63] The Nikkei Weekly. 24.12.2001.
[64] The Nikkei Weekly. 24.12.2001.
[65] Эти работы производятся в тех районах, где крестьянские хозяйства по каким-либо причинам сами не могут оказывать такие услуги своим соседям.
[66] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 2000, с. 40; Нихон кокусэй дзуэ. Токио, 1999, с. 140.
[67] Хэйсэй 12 нэн сёкурё ногё носон-но доко-ни кансуру нэндзи хококу, с. 210–211.
[68] Подробнее о реформе кооперативного законодательства см.: Ногё то кэйдзай. 2002, № 4, с. 5–28.
[69] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. Токио, 2001, с. 134.
[70] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 15.
[71] Хэйсэй 12 нэн сёкурё ногё носон-но доко-ни кансуру нэндзи хококу (Отчет о положении с продовольствием, сельским хозяйством и деревней за 2000 г.). Токио, б/г, с. 29, 30.
[72] Ногё то кэйдзай. 2003, № 1, с. 5, 6, 24, 25.
[73] The Daily Yomiuri. 01.11.2002.
[74] Подробнее см.: www.infojapan.ovg/policy/economy/wto/min99/agri.html; www.stat.go.jp/english/.143.html: Хэйсэй 12 нэндо..., с. 87.
[75] Нихон кэйдзай симбун. 03.08.2004.
[76] Нихон кэйдзай симбун. 22.12.2002.
[77] Нихон кэйдзай симбун. 10.10.2004.
[78] Нихон кэйдзай симбун. 24.06.2004; The Nikkei Weekly. 04.12.2004.
[79] Нихон кэйдзай симбун. 06.05.2002; 10.07.2002; 05.05.2004.
[80] Нихон кэйдзай симбун. 07.05.2004.
[81] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 33.
[82] Нихон кэйдзай симбун. 02.09.2004.
[83] Ногё то кэйдзай. 2002, № 12, с. 7.
[84] См.: Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2001, с. 20; Ногё то кэйдзай. 2002, № 7, с. 103.
[85] Хэйсэй 12 нэндо..., с. 59.
[86] Нихон ногё нэнкан. Токио. 1975, с. 173.
[87] Там же, с. 173; Токио, 1979, с. 192.
[88] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 80.
[89] The Nikkei Weekly.19.11.2001.
[90] Хэйсэй 12 нэн..., с. 61.
[91] Нихон кэйдзай симбун. 31.07.2002.
[92] The Nikkei Weekly. 17.07.2003.
[93] Нихон кэйдзай симбун. 16.03.2004.
[94] The Daily Yomiuri. 03.04.2004.
[95] Нихон кэйдзай симбун. 14.04.2004.
[96] Нихон кэйдзай симбун. 17.09.2004.
[97] The Nikkei Weekly. 16.10.2004.
[98] Нихон кэйдзай симбун. 06.01.2004; 29.12.2003.
[99] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2001, с. 20.

[100] Ноге то кэйдзай. 2002, N12, с. 98–100; Нихон кэйдзай симбун. 26.08.2003; 29.12.2003; 15.08.2004; 01.12.2004; The Daily Yomiuri. 20.04.2004; The Nikkei Weekly. 07.09.2004; 06.12.2004.

[101] Нихон кэйдзай симбун. 26.08.2003.

[102] Нихон кэйдзай симбун. 05.02.2004; The Nikkei Weekly. 01.12.2004.

[103] Нихон кэйдзай симбун. 17.04.2004.

[104] www.maff.go.jp

[105] Ногё то кэйдзай. 2002, № 12, с. 26.

[106] Нихон кэйдзай симбун. 17.12.2003.

[107] БИКИ. 09.06.2001, с. 6.

[108] БИКИ. 08.10.2002, с. 6; 14.06.2001, с. 7.

[109] Нихон кэйдзай симбун. 06.03.2004.

[110] БИКИ. 03.06.2004.

[111] Подсчитано по: Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2001, с. 24.

[112] The Nikkei Weekly. 15.10.2001.

[113] Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 93.

[114] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas. FY 2003 (www.maff.go.jp).

[115] Нихон кэйдзай симбун. 10.11.2004.

[116] The Nikkei Weekly. 10.11.2004.

[117] Нихон кэйдзай симбун. 03.11.2004.

[118] Нихон кэйдзай симбун. 09.05.2003.

[119] The Nikkei Weekly.03.11.2004.

[120] The Nikkei Weekly. 08.12.2003.

Г. Кунадзе

ЯПОНИЯ И КИТАЙ: БРЕМЯ «ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ»

1. Феномен «особых отношений»

Обычно взаимоотношения государств оценивают на основе изучения их текущего торгово-экономического, политического и культурного обменов. Кроме того, рассматриваются в комплексе основные факторы, способствующие и препятствующие взаимоотношениям, устанавливается степень совместимости тактических и стратегических интересов партнеров. В большинстве случаев такой анализ позволяет довольно адекватно оценить взаимоотношения конкретных государств, как в статике, так и в динамике. Он, однако, оказывается не вполне достаточен в тех редких случаях, когда мы сталкиваемся с феноменом «особых отношений», связывающих отдельные государства.

Дать исчерпывающее и всеобъемлющее определение собирательного понятия «особые отношения», скорее всего, невозможно. Ясно, что эти отношения могут возникать, например, на почве этнической, религиозной или культурной близости; общности исторических судеб; основополагающего выбора национальной стратегии; тесной взаимозависимости; на почве национальной обиды или исторического соперничества... Перечень предпосылок к возникновению между государствами «особых отношений» практически бесконечен. Главное же в том, что «особые отношения» — это всегда отношения высокой эмоциональной насыщенности, отношения любви и ненависти. Это своеобразное увеличительное стекло, через которое государства и, что особенно важно, нации смотрят друг на друга. Это еще и катализатор любых двусторонних процессов, многократно усиливающий позитивные тенденции, но также выявляющий и усугубляющий тенденции негативные. Одним словом, «особые отношения» — это не только благо, но и бремя, а порой и проклятие. Именно такие отношения связывают Японию с ее великим соседом — Китаем. Зародившись в глубокой древности, эти отношения развивались и обогащались все новыми красками вместе с развитием самой Японии.

© Г. Кунадзе, 2006

Источник культуры и знаний обо всем, от письменности до планировки городов, образец для подражания, «старший брат», которого очень хотелось превзойти, «больной человек Азии», которого следовало непременно покорить, непостижимо огромная и во все времена самодостаточная страна, населенная столь похожим, но в чем-то важном столь неуловимо непохожим на японцев народом — в каждой из этих ипостасей Китай оставил неизгладимый след и в японском массовом сознании, и в японской политике. Без риска впасть в преувеличение можно сказать, что Китай — одна из немногих стран, к которой японцы никогда, ни при каких обстоятельствах не относились равнодушно.

Японские политические деятели тоже никогда не забывали о Китае как о важном факторе внутренней политики, как об объекте внешней политики и, наконец, как о субъекте международных отношений, способном порой даже самим фактом своего существования оказать определяющее влияние на судьбы Японии. Достаточно в этой связи вспомнить о том, что в конце 40-х годов прошлого века «обратный курс» американской оккупационной политики Японии, в одночасье превративший ее из поверженного врага в главного союзника США в Азии, был обусловлен именно революционными изменениями в Китае. Четверть века спустя новый стратегический поворот США, на этот раз к сближению с Китаем, оказался неожиданным для Японии, вынудил ее к экстренному пересмотру своих позиций и, сверх того, со всей унизительной очевидностью выявил ее политическую «вторичность». Для народа с долгой исторической памятью, эмоционального и самолюбивого, а именно таким народом являются японцы, положение совершенно нетерпимое.

В свою очередь, китайцы, народ с не менее долгой памятью, всегда относились к японцам в лучшем случае как к нации эпигонов. В худшем же случае китайцы воспринимали Японию как враждебную страну, виновную едва ли не во всех бедах Китая, стремящуюся самоутвердиться за его счет и особенно опасную в силу своей этнической и культурной близости. Смесь высокомерия и неприязни, характерная для китайского отношения к Японии, — далеко не лучшая основа для любой политики, особенно для политики тесного взаимодействия с объектом, по отношению к которому испытываются столь сложные эмоции. Между тем именно такую политику в отношении Японии проводит Китай два последних десятилетия. Объективные интересы национального развития побуждают его заимствовать у Японии современные промышленные технологии, учиться у нее в самых разных областях. Все это, конечно, идет на пользу Китаю, но совсем не обязательно нравится китайцам, вынужденным ежедневно ощущать научно-техническое, финансовое и отчасти даже цивилизационное превосходство Японии.

2. Предыстория: «особые отношения» в особый период

В декабре 1951 г. отец-основатель послевоенной внешней политики Японии премьер-министр С. Ёсида направил специальному представителю правительства США Дж. Даллесу письмо, в котором изложил подход своей страны к китайской проблеме.

Время было непростое: лежавшая в руинах Япония стремилась восстановить утраченный в 1945 г. в результате капитуляции суверенитет. Вполне понятно, что ключом к этому была безотлагательная ратификация конгрессом США Сан-Францисского мирного договора, подписанного Японией с большинством государств-победителей. Кроме того, беззащитная, одинокая, всеми ненавидимая (как не без основания считали японцы) страна остро нуждалась в старшем партнере и протекторе в лице США.

В таких обстоятельствах упомянутое «письмо Ёсиды» не могло содержать ничего, кроме исчерпывающих обязательств Японии следовать в кильватере американской политики. Обязательств в итоге оказалось два: не признавать «материковый Китай» (КНР) и не заключать с ним двусторонний мирный договор; заключить такой договор и установить дипломатические отношения с «Китайской Республикой» (Тайванем). США вроде бы приняли «гарантийное» письмо японского премьера без возражений. При этом, однако, американцы то ли не заметили, то ли не придали значения одной содержавшейся в письме фразеологической уловке. «Действие мирного договора между Японией и Китайской Республикой, — писал Ёсида, — будет распространяться на все территории, которые находятся в настоящее время или окажутся в будущем под контролем гоминьдановского правительства»[1]. Смысл этих слов очевиден: неизменно внимательные к формулировкам дипломатических документов японцы ненавязчиво давали понять, что не склонны признавать правительство «Китайской Республики» на Тайване в качестве законного представителя всего Китая.

В январе следующего, 1952 г. «письмо Ёсиды» было опубликовано и, надо полагать, не осталось не замеченным в КНР. При этом как люди близкой к японской культурной традиции китайские руководители наверняка смогли прочесть в нем намного больше, чем в нем было написано. На Западе дипломатические документы, как правило, воспринимают буквально. На Востоке (по крайней мере на Дальнем Востоке) документы, подобные «письму Ёсиды», — это прежде всего символ, сигнал о намерениях. Судя по тому, что произошло в последующие двадцать лет, письмо как раз и стало для китайского руководства ясным сигналом готовности Японии развивать неформальные отношения с КНР без особой оглядки на договор с Тайванем.

В свете обязательств Японии перед США период с 1952 по 1972 г., естественно, не ознаменовался расцветом японо-китайских отноше-

ний на межгосударственном уровне. Зато он продемонстрировал, как в объективно неблагоприятных условиях работает механизм «особых отношений», и кроме того, позволил сторонам выработать их инструментарий.

«В интересах Японии поддерживать отношения со странами, которые могут представлять для нее угрозу» — так в свое время обосновывал важность связей с КНР выдающийся японский китаевед Т. Исикава[2]. Эта емкая формула выглядит едва ли не универсальной, но, как представляется, совсем не случайно предложена японцем, хорошо знавшим своего великого, возможно даже слишком великого (с японской точки зрения), соседа. Китай никогда не пытался завоевать Японию. Но подсознательный страх перед ним всегда присутствовал и в японской исторической памяти, и в японском массовом сознании. В свою очередь, у китайцев и подавно были веские исторические основания опасаться Японии и в силу похожей логики стремиться к сохранению связей с ней независимо от текущей мировой конъюнктуры.

Оценивая мотивы, побуждавшие Японию и Китай к контактам, нельзя не сказать и о том, что даже в разгар «холодной войны» народы обоих государств совсем не обязательно воспринимали друг друга только через призму идеологии. Японцы были не настолько антикоммунистами, а китайцы — не настолько коммунистами, чтобы стать антиподами. Мотив этнического и культурного родства сближал два народа гораздо больше, чем идеология их разделяла. Ни формально «антикоммунистическое» правительство в Токио, ни «коммунистическое» в Пекине не могли игнорировать это обстоятельство.

Были, впрочем, у «особых отношений» и вполне материальные мотивы, обусловленные прагматизмом, одинаково присущим двум народам. Политика — политикой, а торговля — торговлей. Разумеется, японо-китайская торговля в этот период не могла не быть весьма ограниченной как по объему, так и по составу. Однако и совсем прекратиться она не могла, причем не только потому, что некоторые традиционные товары Япония всегда покупала у Китая. Магия китайского рынка, вера в то, что когда-нибудь он непременно откроется и вот тогда надо будет оказаться первыми на раздаче, побуждала японский бизнес к упреждающему поиску деловых связей с КНР, а японское правительство к тому, чтобы эти связи не только «не замечать», но и поощрять. Не стоит поэтому удивляться, что именно японское правительство изобрело для торговли с КНР принцип «отделения политики от экономики», а китайское — его приняло и поддержало, разработав критерии, соответствие которым позволяло отнести конкретные японские компании к категории «дружественных». В итоге к моменту восстановления японо-китайских дипломатических отношений в 1972 г. товарооборот «неофициальной» двусторонней торговли превысил 1 млрд. долл. Следует добавить, что в отсутствие официальных межгосударственных отноше-

ний «неофициальная» торговля обеспечивала правительства Японии и КНР эффективными каналами связи.

Уместно спросить, как влияли на японо-китайские отношения в тот период «раздражители», которые столь заметно отравляют жизнь обоим государствам сегодня. Ответ очевиден: большинство упомянутых «раздражителей» — взаимные обиды и претензии, неприязнь и дух соперничества — подспудно присутствовали в японо-китайских отношениях и тогда. Однако существенного влияния на них не оказывали. Причин несколько.

Во-первых, при всей своей эмоциональной насыщенности сами японо-китайские отношения оставались объективно ограниченными по масштабам. Японское присутствие в Китае и китайское в Японии было не столь заметно, чтобы реанимировать старые фобии. Во-вторых, обе нации были поглощены поисками своей новой идентичности и до поры до времени предпочитали не отвлекаться на второстепенные, необязательные сюжеты. В-третьих, Япония и Китай вполне отдавали себе отчет в наличии факторов, ограничивавших свободу их политики, понимали, что в заданных извне неблагоприятных условиях каждый из партнеров делает максимум возможного. Наконец, в-четвертых, с поправкой на перечисленные обстоятельства, японо-китайские отношения развивались в целом по нарастающей. Ввиду этого «особый» характер японо-китайских отношений усиливал их позитивные тенденции и минимизировал негативные.

Шло время, в мировой политике подули новые ветры, конфронтация Китая с СССР привнесла в международные отношения более сложную, чем прежде, конфигурацию. Особый период японо-китайских отношений подошел к своему логическому завершению.

3. «Блуждания в потемках»

Принято считать, что современный этап «особых отношений» между Японией и Китаем начался в 1972 г. Формально говоря, так оно и есть: 29 сентября 1972 г. премьер-министр Японии К. Танака и премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай подписали в Пекине Совместное заявление, согласно которому «ненормальное состояние отношений» между двумя странами объявлялось прекращенным, а нормальные дипломатические отношения — восстановленными на основе признания Японией правительства КНР единственным законным представителем Китая.

Есть и другие, не менее веские доводы в пользу того, чтобы начинать отсчет современного этапа «особых отношений» с 1972 г. Так, именно в 1972 г., на стадии подготовки визита К. Танаки в Пекин японское общество впервые оказалось вовлеченным в продолжающуюся и поныне широкую, порой общенациональную дискуссию о роли и месте Китая в жизни Японии. Еще более важно то обстоятельство, что

в 1972 г. отношения с Китаем тоже впервые «вписались» в объективно проамериканскую внешнеполитическую стратегию Японии. Наконец, вполне очевидно, что выявившиеся в 1972 г. исторические комплексы, проблемы психологической совместимости двух стран и народов по большому счету не изменились и сегодня. Все это — бесспорные признаки непрерывности «особых отношений». И тем не менее нельзя не заметить, что история японо-китайских отношений с сентября 1972 г. до наших дней легко разбивается на три отчетливо разных, как по содержанию, так и по мотивации сторон, этапа. Следовательно, о непрерывности и тем более о сколько-нибудь логической преемственности приоритетов японо-китайских отношений говорить не приходится.

Первый этап японо-китайских отношений, охватывающий период с 1972 по 1978 г., можно охарактеризовать как «блуждания в потемках», в которых, если разобраться, не было ничего особенного (быть может, за исключением некоторых деталей, истинное значение которых выяснилось много позже). Достаточно сказать, что даже сама нормализация стала отражением, прежде всего, особого характера отношений Японии с США и лишь во вторую очередь — с Китаем. Неожиданно оказавшись перед фактом американо-китайского диалога, Япония, конечно, не могла не предпринять самые энергичные меры для того, чтобы ликвидировать вдруг возникшее отставание от политики своего главного союзника. Уязвленное самолюбие японских политиков, характерная для японской дипломатии склонность к панике в кризисной ситуации, а еще больше особое, отчасти эмоционально-мистическое, отчасти идейно-политическое восприятие Китая миллионами японцев — все эти причины требовали идти дальше США, т.е. на полное признание правительства КНР[3].

Поставленная задача была успешно решена в рекордно короткий срок. Стоит при этом заметить, что ни до ни после нормализации отношений с Китаем никакая другая внешнеполитическая акция японского правительства не вызывала столь единодушного одобрения японцев. Обстановка почти всеобщего ликования как бы заслонила ряд неприятных шероховатостей, явившихся прямым следствием исторически особого характера японо-китайских отношений.

Едва ли не самой сложной стала на переговорах в Пекине проблема извинений Японии за тот ущерб, который она причинила Китаю в прошлом. Понять всю остроту этой проблемы вне рамок «особых отношений» Японии и Китая, в сущности, невозможно. В общей для двух стран и народов культурной традиции точное и соразмерное принесение извинений — дело принципиальное и чрезвычайно тонкое. Имеет значение всё: сам факт извинения, место и время, выбранное для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой принято...

Еще в ходе подготовки нормализации китайская сторона настойчиво давала понять, что ожидает от Японии извинений, адекватных тем пре-

грешениям, которые она совершила. В свою очередь, японцы, сумевшие, как известно, чудесным образом избежать однозначного осуждения своего малопочтенного имперского прошлого, колебались. В итоге премьер-министр К. Танака избрал в Пекине предельно неудачную, отчасти даже оскорбительную для китайцев форму извинения, ограничившись стандартной фразой «извините за доставленное беспокойство»[4]. Гнев Чжоу Эньлая был неописуем. Прямо заявив, что так извиняются, «пролив воду женщине на платье», он отказался принять японские извинения. На следующий день двух премьеров «помирил» Мао Цзэдун, призвавший их «смотреть в будущее и не оглядываться назад»[5].

Сторонним наблюдателям, особенно прагматичным европейцам, могло, наверное, показаться, что пустяковый инцидент был тем самым исчерпан. На самом же деле ничего подобного не произошло, да он и не выглядел пустяком ни для японцев, ни для китайцев. Японцы осознали, что, не настаивая на более пространных, а потому обременительных извинениях, Мао Цзэдун помог им сохранить лицо и тем самым сделал своими должниками. Китайцы же дали ясно понять, что оставляют за собой право «оглянуться назад», подняв вопрос о японских извинениях, как только будущее японо-китайских отношений по каким-либо причинам окажется в тумане. Именно так китайцы в дальнейшем и поступали, вызывая растущее раздражение японцев. В настоящее время проблема вины Японии перед Китаем за ущерб, нанесенный ему в прошлом, окончательно стала одной из ключевых в японо-китайских отношениях.

Еще одна проблема, выявившаяся в ходе переговоров о нормализации, касалась Тайваня. Принято считать, что Япония однозначно признала суверенитет КНР над этим островом. Между тем ничего подобного Япония не сделала. Она всего лишь выразила «понимание и уважение» позиции КНР, что далеко не равнозначно признанию. Подход Японии состоял в том, что, отказавшись от Тайваня по Сан-Францисскому мирному договору, она лишилась права высказываться о статусе острова[6]. В 1972 г. китайцы вроде бы «не заметили» очевидной двусмысленности такого подхода, но и не перестали подозревать Японию в стремлении помешать им восстановить историческую справедливость.

Одним словом, исторически обусловленных проблем было немало. И все же не они определяли японо-китайские отношения в 1972–1978 гг. Главная трудность заключалась в другом: нормализовав свои отношения, две страны, в сущности, не знали, что́ делать дальше. Возможности и степень открытости китайской экономики японцы оценивали тогда примерно так же, как северокорейской экономики сегодня. Привлекательность нищего Китая как торгово-экономического партнера была мала, а его способность к реформам вызывала сильные сомнения. Стратегических замыслов у японской внешней политики после

1945 г. не было, а тактические не простирались дальше неуверенных попыток как-нибудь разыграть «китайскую карту» в вялотекущем споре с СССР о Южных Курилах.

Провал этих попыток в числе прочих факторов в 1978 г. привел Японию к подписанию с КНР Договора о мире и дружбе. В момент подписания этот договор с его знаменитой «антигегемонистской» статьей воспринимался многими, прежде всего в СССР, как свидетельство открытого сближения Японии и Китая на антисоветской основе. Что было, конечно, сильным преувеличением. Тем более что переговоры о заключении Договора о мире и дружбе выявили еще одну острую проблему японо-китайских отношений — принадлежность островов Сэнкаку (или Дяоюйдао). В резкой и бескомпромиссной форме заявив о своих правах на Сэнкаку, китайцы в дальнейшем согласились фактически «заморозить» территориальный спор. Дэн Сяопин сказал по этому поводу: «Пусть всегда будет так, как сейчас. Япония может владеть островами 20–30 лет» (т.е. аккурат до 2008 г.? — *Г.К.*)[7]. Однако японцы с тех пор никогда не переставали подозревать китайцев в стремлении если и не добиться передачи островов, то по крайней мере использовать свои претензии на них в качестве средства давления на Японию.

Со своей стороны, Китай тоже не видел особой пользы от тесных отношений с Японией, рассматривая их скорее в качестве «довеска» к своим стратегическим отношениям с США. Договор о мире и дружбе с Японией, конечно, имел для Китая немалое политико-пропагандистское значение, но никаких иных дивидендов не принес. Торговля с Японией развивалась слабо, а японские инвестиции как-то не торопились. Причины на то были вполне объективные. А деловые связи Японии с Тайванем по-прежнему столь же объективно процветали.

Весьма показательно, что уход из жизни Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. никак не отразился на характере японо-китайских отношений. Разве что побудил японцев к еще большей осторожности.

4. «Особые отношения»: от неуверенного старта к расцвету

Второй этап японо-китайских отношений оказался гораздо более определенным по своей логике и динамике, но, парадоксальным образом, гораздо менее четко очерченным хронологически. При этом, как и на первом этапе, ключевая роль в выведении японо-китайских отношений на новый уровень принадлежала США. Вступление вьетнамских войск в Камбоджу, а советских — в Афганистан было воспринято США как свидетельство нарастающей агрессивности советской внешней политики. В КНР те же события были расценены как проявление советского «гегемонизма». На почве таких вполне созвучных оценок начало углубляться американо-китайское сотрудничество, к которому Япония и как

союзник США, и как страна, закономерно озабоченная теми же проблемами, и, наконец, как партнер Китая не могла остаться равнодушной. Едва ли не впервые в истории у Японии появилась серьезная мотивация к сотрудничеству с Китаем в Восточной Азии. Проблема, однако, заключалась в том, что привыкшая к «тихой», по большей части экономической дипломатии Япония была к такому сотрудничеству не готова.

Неудивительно поэтому, что на поверку оно оказалось весьма ограниченным. Япония отказалась задействовать антигегемонистскую статью Договора о мире и дружбе, сославшись на право самостоятельно, т.е. без китайских подсказок, квалифицировать действия третьих стран. Больше того, не решилась Япония и одобрить попытку КНР преподать военный «урок» Вьетнаму (эта попытка японцев скорее напугала, чем обрадовала). И все же японо-китайское сотрудничество имело место, пусть даже в форме параллельных, а не совместных действий. Япония, в частности, объявила о замораживании экономической помощи Вьетнаму и, напротив, о расширении помощи Китаю. А последний такую японскую позицию чуть более горячо, чем она того заслуживала, приветствовал.

В целом второй этап японо-китайских отношений, по крайней мере в сравнении с первым, был отмечен необычайно высокой интенсивностью межгосударственных контактов, а также возросшим взаимопониманием в сфере безопасности. Проще говоря, обе страны считали, что главная угроза их интересам исходила от СССР, и вели себя соответственно. Характерно, однако, что дальше констатации своего взаимопонимания они, в сущности, не пошли. Япония не хотела «сжигать мосты» с СССР и к тому же не была вполне уверена в перспективах эволюции постмаоистского Китая. Китай же все больше уходил «в себя», готовясь к смене курса в острой борьбе со сторонниками пресловутой «банды четырех». Ничего особенного в описанной ситуации не было. Импульс к активизации японо-китайских отношений начал вновь затухать, а их особый характер если и проявлялся, то разве что в умении обеих сторон «держать паузу», не давая воли явно непродуктивным эмоциям. В итоге было в очередной раз доказано, что в отрыве от реальных интересов и объективных возможностей сторон никакой «особый характер» сам по себе не способен обеспечить развитие их взаимоотношений. С учетом же всех отмеченных обстоятельств второй этап японо-китайских отношений можно, по-видимому, охарактеризовать как переходный.

Третий этап этих отношений оказался для обеих сторон беспрецедентно успешным потому, что в нем гармонично реализовались все необходимые для этого составляющие. Главной из них стали экономические преобразования в Китае. Определить с точностью до года, когда начался этот этап, чрезвычайно трудно. Дело ведь не только и даже не столько в том, когда преобразования были формально провозгла-

шены, сколько в том, когда Япония в них окончательно и бесповоротно поверила. Произошло это, судя по всему, никак не раньше середины 80-х годов прошлого века. Тогда и начала складываться модель «особых отношений» между Японией и Китаем, равным образом опиравшаяся на:

— сходство и взаимодополняемость экономической стратегии двух стран;

— совпадение или по крайней мере низкую конфликтность их основных политических интересов;

— высокий уровень культурной и деловой совместимости;

— сопоставимое по модальности восприятие таких западных ценностей, как «свобода», «демократия», «права человека», и т.д.

В самом общем виде экономическая стратегия Японии была всегда ориентирована на обеспечение рекордных темпов роста экономики, агрессивный экспорт готовой продукции и импорт технологий, безусловный отказ от рискованных зарубежных капиталовложений, высокий уровень сбережений и низкий уровень внутреннего потребления. Эта стратегия верой и правдой служила Японии несколько десятилетий и начала давать сбои как раз тогда, когда китайские реформаторы взяли на вооружение нечто очень похожее. В таком сходстве экономической стратегии, как оказалось, были заложены огромные резервы взаимовыгодного сотрудничества. С одной стороны, Япония с немалой пользой для себя выступала в роли экономического донора Китая, а с другой, с учетом оценивавшегося примерно в три десятилетия разрыва в уровне развития, могла не опасаться его в качестве конкурента. В итоге возник своеобразный японо-китайский экономический симбиоз, ставший для обеих стран лучшей гарантией того, что ни одна из них не перейдет к проведению враждебной политики в отношении другой.

Основные политические интересы Японии и Китая также находились в состоянии гармонии. Тесное сотрудничество с Китаем не только не противоречило, но все более отвечало главному внешнеполитическому интересу Японии — обеспечению особых отношений с США. Ведь осуществляя это сотрудничество, Япония могла с немалым на то основанием утверждать, что фактически помогает США создавать в лице Китая сильный противовес СССР. Потенциальная конфликтность интересов Японии и Китая в ЮВА на практике сглаживалась присутствием «вьетнамского фактора», не раз побуждавшего две страны к параллельным действиям. На Корейском полуострове Япония и Китай были едины в понимании ситуации и имели не просто сопоставимые, а едва ли не совпадавшие интересы, пусть и по разным причинам, но одинаково не желая ни военного столкновения двух корейских антагонистов, ни объединения Кореи.

В случае военного столкновения Сеула и Пхеньяна Токио и Пекин должны были неизбежно оказаться по разные стороны баррикады.

В случае объединения Кореи под эгидой Сеула (что выглядело куда более вероятным) Китай рисковал лишиться не столько верного союзника, сколько стратегического буфера. Объединение Кореи под эгидой Пхеньяна (крайне маловероятное) было чревато для Китая неравным соревнованием с СССР за влияние на новое социалистическое государство и (или) явно излишними трениями в отношениях с США. Что же касается Японии, то для нее объединение Кореи в любом варианте не могло не закончиться ничем иным, кроме появления государства, опирающегося на антияпонскую идею как, по сути дела, единственный консолидирующий мотив.

Не менее важно и то, что две потенциально крупнейшие проблемы японо-китайских отношений — правового статуса «Китайской Республики» на Тайване и территориальной принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) — по молчаливому согласию сторон были заморожены. В обоих случаях сполна проявился особый характер японо-китайских отношений, и в частности высокий уровень культурной совместимости сторон, понимавших друг друга с полуслова. Интересно в этой связи отметить, что *modus vivendi* по проблеме Тайваня (КНР не возражает против неофициальных связей других стран с островом до тех пор, пока они не поддерживают с ним связей официальных и не подталкивают к независимости), со временем признанный всем международным сообществом, родился именно в процессе японо-китайского диалога.

Сугубый прагматизм — квинтэссенция как японской, так и китайской политики. Вне всякого сомнения, обе страны способны на резкие и импульсивные дестабилизирующие действия в ситуации, когда затронуты их честь и достоинство. Японские и китайские представления о чести и достоинстве в основном совпадают. Именно поэтому Японии и Китаю долгое время удавалось держать свои взаимоотношения, в том числе и по острым проблемам, под контролем, не подходя чересчур близко к той черте, за которой эскалация напряженности была бы неизбежной.

Новый импульс к развитию японо-китайские отношения получили в 1989 г., после печально известных событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Этот на первый взгляд удивительный парадокс объяснялся просто. Несмотря на несомненную принадлежность к сообществу демократических государств, Япония, в сущности, никогда не считала такие понятия, как «свобода», «демократия», «права человека», самоценными. Поэтому кровавое подавление властями КНР массовых выступлений студентов в поддержку демократии не стало для Японии шоком в той же мере, что для стран Запада. Цинично говоря, с точки зрения японского бизнеса, закатав без счета в асфальт площади Тяньаньмэнь своих «смутьянов», китайское руководство просто восстановило в стране порядок и управляемость, столь необходимые для долгосрочных капиталовложений. В подобной ситуации политически мотивиро-

ванное дистанцирование стран Запада от Китая было воспринято Японией как открывающее дополнительные возможности для укрепления собственных позиций на китайском рынке.

Следует также иметь в виду, что и после Тяньаньмэня США не хотели антагонизировать с КНР. В конце концов, стратегическое сближение с КНР стало слишком успешной внешнеполитической акцией США последних десятилетий, чтобы пожертвовать им, хотя бы даже во имя идеалов демократии. Тем более в условиях наметившегося улучшения отношений КНР с СССР. Разумеется, американская администрация не могла не отреагировать на события на площади Тяньаньмэнь свертыванием собственных связей с КНР. Но вместе с тем, надо полагать, не особенно возражала против того, чтобы Япония связи с КНР сохранила как будто бы от имени и по поручению всего западного сообщества. В итоге Япония быстро стала главным деловым партнером Китая, уже летом 1990 г. первой из стран «семерки» отменила введенные против него экономические санкции, а в конце того же года предоставила очередной иеновый заём. Больше того, в октябре 1992 г. Китай посетил сам император Японии, продемонстрировав таким образом, что «особые отношения» между двумя странами достигли своего расцвета.

5. Проверка на прочность, или диалектика «особых отношений»

По злой иронии судьбы, нередко отождествляемой с диалектикой, расцвет японо-китайских отношений оказался недолговечным. Предпосылок для такого поворота нашлось предостаточно. Некоторые из них были порождены новым контекстом глобальной и региональной политики. Другие явились неизбежным следствием беспрецедентно быстрого развития Китая. Наконец, третьи в последние десятилетия постепенно складывались в самой ткани «особых отношений», отражая своеобразную психологическую усталость от них, подспудно накапливавшуюся как у японцев, так и у китайцев.

Уже в конце 1993 г. отношения КНР с США и европейскими членами «семерки» начали восстанавливаться. Кроме того, Китай установил или восстановил дипломатические отношения с Республикой Корея, Индонезией и Сингапуром. В новых условиях Япония осталась главным экономическим партнером КНР, но перестала быть партнером безальтернативным. Быстро осознав это, китайское руководство стало более требовательным к Японии во всех областях двусторонних отношений и гораздо менее терпимым к ее «грехам», как реальным, так и надуманным. Полный список китайских обвинений в адрес Японии, впервые оглашенный в середине 90-х годов, способен поразить воображение непредвзятого наблюдателя тем, как памятливо и изо-

бретательно он составлен. Итак, внимание. С точки зрения КНР, Япония была виновна в:

— вызывающем, нарушающем суверенитет КНР развитии связей с Тайванем;

— оскорбительных попытках использования своей экономической помощи КНР в качестве рычага влияния на ее политику (Япония имела «наглость» призвать КНР к прекращению ядерных испытаний);

— посещении премьер-министром Р. Хасимото синтоистского храма Ясукуни в Токио (в этом храме символически захоронен прах всех погибших воинов, в том числе военных преступников времен Второй мировой войны);

— отсутствии раскаяния и нежелании принести подобающие извинения Китаю за преступления, совершенные против него в годы Второй мировой войны;

— провокационных действиях японских правых экстремистов, посмевших соорудить сарай на находящихся под контролем Японии островах Сэнкаку (Дяоюйдао), которые КНР считает своими;

— активизации милитаристских приготовлений в рамках договора с США о взаимных гарантиях безопасности.

По оценке самих китайцев, предъявление всех этих обвинений Японии в 1996 г. привело к глубокому кризису в двусторонних отношениях[8]. Японцы же кризиса словно не заметили, возможно, просто не захотели заметить. Но самое интересное в том, что обе стороны, если и кривили душой, то совсем немного.

В самом деле, японо-китайская торговля продолжала расти как на дрожжах, долгосрочные японские инвестиции в экономику КНР исчислялись десятками миллиардов долларов, миллионы японцев посещали Китай. Одним словом, судя по всем показателям, кризиса в отношениях не было и в помине. Ну, а если что и было, то не более, чем некоторое взаимное недопонимание, всплеск иррациональных эмоций. Японцы были формально правы. При этом, однако, они не учитывали, что «особые отношения» между государствами, в отличие от обычных, во многом определяются действием именно иррациональных, включая эмоциональные, факторов. Возможно, впрочем, японцы, игнорируя эти факторы, просто подсознательно опасались втягиваться в конфронтацию, к которой еще не были готовы.

В свою очередь, китайцы эксплуатировали феномен «особых отношений» вполне сознательно. Китайские обвинения и претензии в адрес Японии никак не выглядели спонтанными. Все они явно готовились загодя и выдвинуты были с каким-то расчетом, а не только под влиянием неконтролируемых эмоций. В этой связи уместно вспомнить, что, начиная с 1972 г., инициатива в японо-китайских отношениях всегда принадлежала Пекину. Китайцы обвиняли, японцы оправдывались. Китайцы требовали, японцы ломали голову над тем, как эти требования

удовлетворить. Всякий раз при этом оказывалось, что японских оправданий недостаточно. Да и удовлетворить полностью китайские требования японцам почему-то никогда не удавалось. Так и накапливались японские «долги» и «моральные обязательства» перед Китаем, понять которые людям иной культуры очень непросто. Зато японцы, как, видимо, считали в Пекине, понимать были обязаны. А если делали вид, что не понимают, то этим лишь усугубляли свою «вину» и увеличивали сумму «задолженности».

Когда, наконец, по мнению китайцев, Японии пришло время платить по старым счетам, они и предъявили их к оплате. Почему, однако, китайцы сочли, что время пришло, иначе говоря, в чем была особенность момента? Сами китайцы об этом не распространялись, что неудивительно. Государства редко объясняют мотивы поворотов в своей политике. Чаще всего мы узнаем о них много позже, из воспоминаний ушедших на покой политиков. С момента первого появления консолидированных китайских претензий к Японии прошло меньше десяти лет. К тому же, в отличие от своих коллег в других странах, ушедшие на покой китайские политики не страдают излишней разговорчивостью и воспоминаний, кажется, не пишут. Так что о мотивах ужесточения подхода КНР к Японии остается только догадываться.

К середине 90-х годов всем, в том числе и китайцам, стало, конечно, ясно, что возврата к старой модели советско-американского стратегического соперничества быть не может. Некогда именно это соперничество побудило США к разыгрыванию «китайской карты», что позволило Японии с одобрения или, во всяком случае, без возражений со стороны ее главного союзника заняться развитием собственных отношений с Китаем. С распадом СССР описанная гармония японской политики сошла на нет. В принципе американский подход к Китаю еще не определился. Не исключено, однако, что верх в США возьмут те, кто хотел бы получить в лице Китая нового стратегического соперника. В подобной обстановке тесные отношения Японии с Китаем могли бы войти в противоречие с ее обязательствами перед США. Впервые за долгие годы Япония оказалась бы перед необходимостью выбора. Сомнений в том, каким будет этот выбор, у китайцев, конечно, не было. Ужесточая свой подход к Японии, они поэтому пытались не столько повлиять на ее выбор, сколько напомнить о том, какую цену за него придется заплатить.

В региональной политике приблизилась к точке невозврата проблема Тайваня. Стоит подчеркнуть, что ни США, ни Япония никогда прямо не подталкивали остров к провозглашению независимости. Нынешние власти Тайваня почти «созрели» для такого шага сами. Конечно, надежда на то, что «китайцы по обе стороны Тайваньского пролива» (формулировка Шанхайского коммюнике) как-нибудь договорятся, у КНР остается. Именно для того, чтобы воплотить эту надеж-

ду в жизнь, Китай ведет себя столь подчеркнуто тактично и сдержанно по отношению к Гонконгу. Дело, однако, в том, что все меньше тайваньцев продолжают считать себя китайцами. Так или иначе, к середине 90-х годов вероятность кризиса вокруг Тайваня явно возросла. Соответственно, Китай постепенно перестал проявлять прежнюю готовность «не замечать» тесных отношений Японии с непризнанным «государством», которое он называет своей мятежной провинцией. Ко всему прочему, Япония вслед за США начала демонстрировать заинтересованность в обеспечении безопасности острова. Безопасности от кого — с полным на то основанием могли спросить китайцы. И действительно спросили.

Пытаясь разобраться в мотивах ужесточения китайского подхода к Японии, нельзя не сказать и о том, что к середине 90-х годов многие тенденции в японской внутренней и внешней политике, а также в массовом сознании начали вызывать совсем не показное беспокойство КНР. Было бы очень большим преувеличением считать, что Япония к этому времени уже избавилась от таких послевоенных комплексов, как общественная аллергия на все, связанное с вооруженными силами и военными приготовлениями, отказ от инициатив во внешней политике, ощущение собственной «вторичности» в международных делах, болезненная реакция на любые напоминания о преступлениях, совершенных японской военщиной в годы Второй мировой войны. Бесспорно, однако, что к середине 90-х годов попытки преодоления указанных комплексов перестали быть уделом маргиналов, превратились в заметный фактор японской внутренней и внешней политики.

На все эти «раздражители» Китай и отреагировал в характерной для себя наступательной манере. Япония же в очередной раз промолчала. Впрочем, было ли это проявлением слабости? Видимо, все же нет. «Непротивленческая» тактика, усвоенная Японией за десятилетия «особых отношений» с Китаем, не должна вводить в заблуждение. Нельзя не заметить, что, оставляя без комментариев китайские претензии, Япония всегда поступала так, как считала нужным, а не так, как хотели бы китайцы.

В конечном счете к середине 90-х годов ресурс бесконфликтного развития японо-китайских отношений был практически исчерпан. Если разобраться, в этом нет особой вины ни Китая с его наступательной манерой, ни Японии с ее «непротивленческой» тактикой. Все предельно логично: в новых исторических условиях интересы Японии и Китая вполне объективно расходятся. Уповать на то, что опыт, накопленный за десятилетия «особых отношений», позволит безболезненно преодолеть конфликт интересов, попросту наивно. Анализ наиболее острых проблем в их отношениях лишь подтверждает это предположение.

6. Что день грядущий им готовит?

Тайвань остается одним из важнейших деловых партнеров Японии и в этом качестве мало уступает Китаю. Отношения с Тайванем Япония не прекратит, как бы это ни нервировало Китай. К тому же присоединение острова к КНР противоречит всем стратегическим интересам Японии. Ведь оно привело бы к резкому увеличению экономического, технологического и военного потенциала и без того пугающе сильного Китая. По этой причине Япония, избегая открытой ссоры с Китаем, сделает все возможное для того, чтобы предотвратить присоединение Тайваня к КНР. Это чревато не столько тупиком, сколько подведением мины под японо-китайские отношения, предотвратить взрыв которой Япония не в состоянии. Если этот взрыв произойдет, особый характер отношений лишь многократно усилит кризис. Но японцы были и остаются фаталистами.

В своем нынешнем состоянии Китай по-прежнему неровня Японии в сферах высоких технологий и сложного производства. Японская и китайская готовая продукция редко конкурируют на внешних рынках. Собственно говоря, так и было задумано. Однако слишком быстрый рост китайской экономики все же создает для Японии проблемы, пусть и лишь пунктирно намеченные. Одна из них — конкуренция за энергетические ресурсы. Китаю их требуется все больше, но и Японии, даже со всеми ее энергосберегающими технологиями, никак не меньше. Спор о маршруте проектируемого нефтепровода из г. Ангарска, который не так давно вели две страны при вялом участии России, в этом смысле очень показателен.

Успехи экономики Китая оказывают влияние на его внешнюю и оборонную политику. Первая день ото дня становится все более жесткой и безапелляционной. Вторая со всей очевидностью демонстрирует признаки качественного совершенствования и количественного наращивания военного потенциала при безусловном сохранении чисто советской закрытости. Все это Китай с его новым богатством отныне может себе позволить. Может ли Япония с ее антивоенной 9-й статьей Конституции, тремя неядерными принципами и по-прежнему пацифистским массовым сознанием закрыть на все это глаза — большой вопрос. Еще вчера ответ на него был известен: конечно, может и должна. Сегодня очевидны варианты, едва ли не каждый из которых способен вызвать резко отрицательную реакцию Китая.

Психологические трудности сегодняшних японо-китайских отношений наиболее выпукло проявляются в вечной проблеме японских извинений. Со скандала вокруг нее, как мы видели, начался визит К. Танаки в Пекин в 1972 г. В Японии выросли новые поколения, для которых Вторая мировая война — событие из глубокой древности, а вина Японии перед Китаем — вещь совершенно абстрактная. Необходимость раз за разом извиняться за то, что якобы совершили их деды и прадеды, им

непонятна[9]. Ведь в Японии об этом говорить как-то не принято. Вместе с тем, чем дальше уходит прошлое, тем сильнее оно окрашивается в некие романтические тона. Такова природа человеческого сознания, что в Японии, что, например, в России. Одним словом, удивляться тому, что постоянные китайские напоминания о прошлых японских прегрешениях современных японцев все больше раздражают, не приходится.

С другой стороны, для китайцев японские преступления случились как будто вчера. Их этому учат в школе и дома. Они свято верят в то, что за свои преступления Япония должна расплачиваться каждый день. Все, что сделала Япония для Китая в последние десятилетия (а сделала она немало), с точки зрения китайцев, совершенно недостаточно. По сути дела, проблема японских извинений отражает сшибку двух национализмов, охотно используемую обеими сторонами. Японией — для того, чтобы исподволь подготовить общественное мнение к возможной отмене 9-й статьи Конституции, а Китаем — для давления на Японию там и тогда, когда это понадобится.

Таков краткий перечень реальных и потенциальных проблем, с которыми сталкиваются в последнее время японо-китайские отношения. Просто отмахнуться от них стороны не могут и не хотят. Но и попытаться проблемы эти урегулировать тоже не отваживаются. С учетом несовместимости нынешних позиций сторон такие попытки грозили бы, возможно, неконтролируемым ухудшением отношений, чего ни Япония, ни Китай допустить все-таки не хотят. Слишком многое их связывает, например в экономическом и финансовом плане (объем японо-китайской торговли достиг в 2003 фин. г. 135,6 млрд. долл., а прямые японские инвестиции в экономику Китая составили 36,3 млрд. долл.). Ничуть не менее важно и то, что логика «особых отношений» не терпит полутонов. В этом смысле Японии и Китаю надо всерьез задуматься над тем, как остаться друзьями и партнерами, чтобы в противном случае не стать ненароком заклятыми врагами. Для Японии такой поворот был бы едва ли не равносилен самоубийству, да и Китаю ничего хорошего бы не сулил.

Между тем время идет, но ничего, похоже, не меняется. Весной 2005 г. Китай предъявил Японии новый пакет претензий. На сей раз Япония обвинялась в том, что:

— министерство образования одобрило новый учебник истории для средних школ, в котором не нашлось места честному рассказу о японских преступлениях против Китая в годы Второй мировой войны;

— премьер-министр Д. Коидзуми посещает все тот же храм Ясукуни не от случая к случаю, как его предшественники, а регулярно;

— стремится к повышению своего международного статуса (претендовать на место постоянного члена Совета Безопасности ООН), так и не завоевав доверие народов Азии раскаянием за прошлые военные преступления;

— вместе с США заявила о своей озабоченности судьбой Тайваня;

— одобрила проект разведки нефти и газа на шельфе островов Сэнкаку (Дяоюйдао) общей стоимостью 1 млрд. долл.

Чтобы сделать свои претензии более доходчивыми, китайские власти не стали мешать массовым выступлениям китайских граждан, выразивших свой протест погромами японских диппредставительств и избиениями попавших под горячую руку японцев (по другой версии, китайские власти организовали эти «стихийные» выступления сами). Гнев Китая был, одним словом, неописуем. Япония же вновь продемонстрировала удивительное самообладание. Премьер-министр Д. Коидзуми произнес пару дежурных фраз о том, как глубоко осознает Япония ответственность за ошибки прошлого и как прямо она смотрит в глаза всем своим соседям. Китайцы этим пока удовлетворились (или сделали вид, что удовлетворились), согласились возместить ущерб, нанесенный японским диппредставительствам, но зато извиняться за содеянное отказались. Этим все пока и закончилось.

Очередной кризис пронесся над японо-китайскими отношениями подобно смерчу. Самое время подвести некоторые промежуточные итоги.

Прежде всего бросается в глаза, что номенклатура китайских претензий в редакции 2005 г. мало изменилась по сравнению с серединой 90-х годов, но сами эти претензии стали куда более серьезными. Тогда, например, в вину Японии вменялось строительство на островах Сэнкаку жалкого сарая, теперь — масштабные планы разведки нефти на шельфе островов.

Между прочим, это подтверждает сделанный выше вывод о том, что, безропотно принимая китайские претензии, Япония практически оставляет их без внимания. Наивные представители другой культуры, т.е. мы с вами, пожалуй, решат, что японцы нашли некий универсальный рецепт игнорирования китайских претензий. Но сами японцы не могут не понимать, что, действуя таким образом, они лишь еще больше увеличивают свою виртуальную «задолженность» в глазах китайцев. Таковы драматургия и логика «особых отношений». Правда, китайцы, видимо, еще не решили, что́ делать дальше. Среди открыто обсуждаемых их экспертами вариантов стратегии присутствуют:

а) стратегия «открытых объятий». Иными словами, немедленное и безусловное примирение с Японией, согласие на ее постоянное членство в Совете Безопасности ООН, списание «долгов» перед Китаем и снятие всех претензий в интересах всестороннего развития двусторонних отношений[10].

Сторонники такого подхода склонны возлагать вину за нынешнее состояние двусторонних отношений главным образом на собственных, т.е. китайских, националистов, не способных забыть о прошлом во имя будущего. Сам факт появления такой точки зрения в Китае знаменателен: еще вчера ничего подобного просто нельзя было представить. Проблема, однако, в том, что китайские националисты, к которым сле-

дует отнести едва ли не всех китайцев, никогда не согласятся с предложенной стратегией. А коммунистическое, т.е. не зависящее от воли избирателей, руководство Китая вряд ли решится игнорировать столь массовые общественные настроения;

б) стратегия «объятий, открываемых на определенных условиях». Этот вариант предполагает, что Япония должна «заслужить» прощение, принеся в очередной раз извинения за свои прошлые преступления и, что не менее важно, заняв «правильную» позицию в вопросе Тайваня. Вот тогда Китай будет готов примириться с Японией и, к примеру, поддержать ее заявку на место постоянного члена Совета Безопасности ООН[11].

Как раз такой линии китайцы, по всей видимости, придерживаются в настоящее время. Но без особого успеха: хотя национализм ощущается в Японии чуть меньше, чем в Китае, да и проявляется не в такой дикой форме, но все равно он слишком силен, чтобы зависящее от воли избирателей правительство могло его игнорировать.

(Кстати говоря, уместно напомнить, что национализм в Японии и Китае заметно отличается от национализма западного, в том числе, с некоторыми оговорками, и российского. На Западе быть националистом нередко выгодно, чаще всего постыдно. Напротив, в Японии и Китае быть националистом естественно. Характерно также, что японцы и китайцы одинаково склонны во всех обстоятельствах идентифицировать себя прежде всего по признаку национальной принадлежности; отчасти на подсознательном уровне, уверены как в безусловной правоте своей страны, так и в том, что ее вечно обижают и унижают внешние силы. Органичная присущность таких настроений национальному характеру японцев и китайцев делает фокусирование национализма на каком-то одном объекте мощным фактором внутренней и внешней политики обоих государств.)

в) стратегия «силового сдерживания». Исходит из того, что отмена всех самоограничений в военной сфере и превращение Японии в мощную военную державу — вопрос не выбора, а времени. Китай должен принять упреждающие меры для нейтрализации новой японской угрозы, подчинив этой цели остальные аспекты своей политики в отношении Японии[12].

Насколько широко распространена в Китае столь экстравагантная точка зрения, сказать трудно. Нельзя исключить, что сам факт ее появления в открытых китайских источниках отражает стремление китайцев припугнуть Японию. На самом деле китайцы по многим причинам все же не желают военной конфронтации и гонки вооружений с Японией;

г) стратегия «дипломатического сдерживания». Строится в основном на двух постулатах: о жизненной необходимости для Китая экономических связей с Японией и о складывающемся стратегическом треугольнике Китай–США–Япония, определяющими в котором будут отношения Китая с Соединенными Штатами, а не с Японией[13]. Иными

словами, экономические связи Китая с Японией должны сохраняться, а политические проблемы, возникающие в его отношениях с ней, не столько заостряться, сколько компенсироваться развитием диалога с американцами. В подтексте здесь угадывается призыв к отказу от непродуктивного предъявления Японии бесконечных претензий за прошлые обиды.

Вообще говоря, концепция «дипломатического сдерживания» выглядит наиболее рациональной, продуманной и современной. Если китайцам хватит здравого смысла и целеустремленности воплотить ее в политику, не срываясь во имя тактических выгод в антияпонские эскапады, взаимоотношения двух стран постепенно станут гораздо менее «особыми», чем сейчас. Не вполне понятно, однако, сколько времени потребуется на это китайцам. Успеют ли они осуществить задуманный поворот до того, как у японцев лопнет терпение? Дело в том, что смирение, с которым японцы все эти годы воспринимали китайские обвинения и претензии, не должно вводить в заблуждение. Как уже отмечалось, японцы, пусть и с большим опозданием, излечиваются от своих послевоенных комплексов. Благодаря китайским стараниям процесс «излечения» может ускориться, чему, кстати, японская элита будет только рада. При таком апокалиптическом развитии событий Китай окажется одной из наиболее подходящих мишеней для «проснувшегося» японского национализма и «особый» характер японо-китайских отношений неизбежно усилится, спровоцирует глубокий всеобъемлющий кризис.

Все это, конечно, из области прогнозов. Пока же Япония и Китай по привычке тянут лямку «особых отношений», главная проблема которых все чаще выглядит сродни той, что порой возникает в несчастливых семьях: совместная жизнь невыносима, развод невозможен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Асахи симбун. 16.01.1952.

[2] *Исикава Т.* Ватакуси-но мита нихон гайко (Мой взгляд на японскую внешнюю политику). Токио, 1976, с. 65.

[3] Ниттю фукко (Документы нормализации японо-китайских отношений). Токио, 1972, с. 31.

[4] Там же, с. 201.

[5] Там же, с. 202.

[6] Вага гайко-но кинкё (Голубая книга по внешней политике). Токио, 1973, с. 429.

[7] Тюнити симбун. 14.10.1978.

[8] *Zhimin Chen, Zhijun Zang*. Embracing or Balancing: China's Search for a Japan Strategy. — International Review, Autumn 2004. Vol. 36, p. 30.

[9] Из моей беседы с одним из руководителей МИД Японии в 2000 г.

[10] *Zhimin Chen, Zhijun Zang*. Op. cit., p. 40–42.

[11] Ibid., p. 42–44.

[12] Ibid., p. 44–46.

[13] Ibid., p. 46–48.

И. Тихоцкая, К. Анин

«НЕЯПОНСКАЯ» ЯПОНИЯ: ОКИНАВА В НАЧАЛЕ XXI в.

Закономерности историко-культурного и социально-экономического развития и факторы становления типологических черт задаются параметрами, обусловленными географическим положением и природными условиями. Конечно, эта связь достаточно условна, но влияние географической среды не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Именно природные условия в значительной степени определяют культуру и цивилизацию каждого региона. Это одинаково справедливо и для макро-, и для микрорегионов.

Окинава представляет собой во многих отношениях уникальный регион Японии, который нередко называют «неяпонской» Японией. В самом деле, до 1879 г. эта территория представляла собой самостоятельное королевство Рюкю, находившееся в вассальной зависимости от Китая и простиравшееся от южной Японии до Тайваня. Отличия от «Хондо» — «основной территории», под которой понимают четыре самых крупных японских острова (в порядке убывания площади — Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку) с прилегающими к ним островами, — очень велики. Соединенные между собой системой мостов и подводных тоннелей[1], четыре главных острова являются единым географическим пространством. В Японии никогда не говорят «поеду на остров Хоккайдо, Кюсю или Сикоку» (скажут: «на Хоккайдо» и т.д.). Островами называют лишь лежащие в непосредственной близости или удаленные от «Хондо» острова. Окинавцы часто называют «Хондо» Ямато. Это древнее название Японии, так она называлась до начала VIII в.

По историко-культурным особенностям и языку острова, входящие в состав префектуры Окинава[2], не только значительно отличаются от «Хондо», но и друг от друга. На островах Мияко, например, которые считаются самыми древними среди островов Окинава, большие различия, по уверению местных жителей, прослеживаются даже между отдельными деревнями, не говоря уж о различиях между отдельными островками самой группы и разными частями ее крупнейшего одноименного острова Мияко, хотя вся его территория составляет лишь 160,1 кв. км, и нам доводилось объезжать его как вдоль побережья, так и с севера на юг всего за несколько часов неторопливой езды.

© И. Тихоцкая, К. Анин, 2006

В данной статье мы попытались показать, что же представляет собой Окинава — небольшая территория, о которой ходили легенды как о месте с несметными природными богатствами (где к тому же пираты прятали награбленные сокровища), которая вошла в состав Японии относительно поздно, находилась под американской оккупацией и на которой до сих пор расположена основная часть американских военных баз, дислоцированных в стране.

1. Географическое положение и историко-культурные особенности развития

Префектура Окинава расположена на 160 островах и островках[3], составляющих юго-западную часть архипелага Рюкю, поэтому их называют Нансэй (Юго-Запад). По состоянию на 1 апреля 2003 г., лишь 40 из них населены, а остальные безлюдны. На долю этой префектуры приходится только 0,6% общей территории Японии, или всего 2,3 тыс. кв. км[4]. Самым северным островом является остров Юо-тори, самым южным — Хатэрума, самым восточным — Китадайто и самым западным — Ёнагуни.

Свое название префектура получила по самому крупному из входящих в состав ее территории островов архипелага Рюкю[5]. Остров Окинава имеет весьма необычную форму: ширина в 13 раз меньше его длины. Площадь острова — 2265 кв. км, причем 47% занимают горы, 23 — сельскохозяйственные земли и 11% — американские базы. Именно на нем находятся самые большие города префектуры, и прежде всего крупнейший город, столица префектуры — Наха с населением 300 тыс. человек, а также второй по величине город — Окинава (127 тыс.), расположенный в центральной части острова. На острове проживает 90% населения префектуры.

Северная часть острова Окинава представляет собой гористую территорию (она носит название Янбару), самая высокая точка которой, гора Ёнахадакэ, имеет высоту 498 м. Западная часть севера острова — курортный район со множеством пляжей и отелей, где популярны различные морские виды спорта (подводное плавание, серфинг, рыбалка и пр.), заниматься которыми можно на протяжении всего года.

Южная часть острова Окинава представляет собой наиболее густо населенную территорию. Здесь находится Наха и ряд других относительно больших городов префектуры, например древняя столица Урасоэ (106 тыс.) и Гинован (87 тыс. человек). В этой части много плантаций сахарного тростника, в теплицах выращиваются овощи. В прибрежных частях развит рыболовный промысел. Этим славится, например, район г. Итоман (его население составляет 57 тыс. человек)[6].

Архипелаг Рюкю сформировался в результате постепенного отрыва отдельных частей суши от Евразийского материка. Этим объясняется расхожая версия о принадлежности островов к якобы существовавше-

му некогда в Тихом океане и затонувшему архипелагу Му[7], который ассоциируется с легендой о Лимурии, описанной в трудах мадам Блаватской, а также в нашумевшей трилогии Роберта Шеа и Роберта Энтони Уилсона «Илюминатус».

По некоторым данным, на территории современной префектуры Окинава человек появился 20–30 тыс. лет назад, попав туда через перешейки, соединявшие острова с материком, а также узкие проливы между ними. Самым древним считается «пещерный человек», останки которого найдены в местечке Ямасита-тё (Yamashitacho-cave man). Им 32 тыс. лет[8]. Период неолита на Окинава представлен культурой «ракушечных курганов» (shell mound). Его начало совпадает с периодом Дзёмон на «Хондо» (13 тыс. лет до н.э. — 300 лет до н.э.), и продолжался он до конца VIII в. (т.е. до начала периода Хэйан на «Хондо»).

Окинава — четко выраженная периферия по отношению к центру Японии. Составляющие префектуру острова раскинулись на протяжении 600 км с севера на юг и 1000 км с востока на запад. При этом расстояние от столицы Окинава, города Наха, до Токио равно 1550 км, а до Шанхая почти в два раза меньше — 820 км; до Тайваня же всего 630 км (с острова Ёнагуни, ближайшего к Тайваню, в хорошую погоду последний можно увидеть невооруженным глазом)[9].

Окинава — единственная префектура, где нет железных дорог. В 2003 г., однако, в столице префектуры была построена монорельсовая линия, которая связала аэропорт Наха с замком Сюри, одной из главных местных достопримечательностей, бывшей резиденцией королей Рюкю. Станция «Аэропорт Наха» стала самой западной железнодорожной станцией Японии, и в июле 2004 г. на ней был установлен памятный знак в виде огромного *дайкона*, популярного здесь знаменитого японского редиса, с указанием географических координат станции.

Фактор периферийности усиливается тем, что острова — регион особой культурно-этнической общности. Коренные жители островов и внешне выглядят иначе, а их язык, *намари*, названный диалектом японского, на самом деле очень отличается от него. Фактически это другой язык, хотя наш соотечественник Николай Невский, занимавшийся изучением диалектов японского языка, и доказал, что он является протояпонским[10]. Южные острова, входящие в группы Мияко и Яэяма, гораздо ближе в культурном отношении к региону Юго-Восточной Азии. Здесь не было ни культуры Дзёмон, ни Яёи (III в. до н.э. — III в. н.э.), распространенных на большей части Японского архипелага.

Вместе с тем общие культурные корни у Окинава и «Хондо», несомненно, имеются, хотя бы потому, что и тут и там велико воздействие Китая. Наложило свой отпечаток и поддержание торговых контактов с разными близлежащими странами региона. Однако столь же очевидны как природно-географические, так и историко-культурные отличия Окинавских островов от «Хондо», и культура Окинава, также как мента-

литет, характерные черты и особенности поведения ее жителей, заметно отличается от всего японского и в наши дни, несмотря на то что население теперь говорит на стандартном японском языке, а местными диалектами владеет лишь старшее поколение рюкюсцев.

Обитатели островов отличаются более спокойным и открытым нравом, неторопливостью, жизнь здесь течет более размеренно. Обилие тайфунов приучило к терпению особого свойства: когда стихия свирепствует, можно только ждать. Народ, населяющий острова, музыкален, любит петь и танцевать; веселиться — так от души. Мелодии, напевы, танцы, общие принципы их построения не имеют почти ничего общего с тем, что обычно для «Хондо». Живущие тут люди на вопрос, как они хотели бы, чтобы их называли, отвечают: *утинантю* или *рюкюсцы*. Свою родину они называют *Утина*. Как пишет Сьюзан Серед, жители Окинава «понимают, что они получают выигрыш от японской экономики, считают себя японскими гражданами (каковыми в действительности и являются) и все же в большой степени сохраняют свою особую, окинавскую идентичность, очень гордятся провинциальной идентичностью»[11].

Религиозные верования, распространенные на Окинава, хотя и относятся к анимистическим и имеют некоторые общие черты с синтоизмом, являются самобытными, а синтоизм, несмотря на некоторые усилия со стороны его представителей и государственной власти (в тот период, когда синто был провозглашен государственной религией), так и не получил почти никакого развития в этом регионе (влияние буддизма, особенно распространявшегося здесь после Второй мировой войны, и даже христианства более велико). Когда синтоизм был возведен в ранг государственной религии, здесь было построено несколько синтоистских храмов. И теперь можно встретить традиционную атрибутику синтоистского храма — священные ворота, называемые *тории*, около типично местных святилищ *утаки*. Святилища — примитивные сооружения жреческого культа, стержень духовной и ритуальной культуры Окинава. Возведение перед ними *тории* — пример японского культурного синкретизма, превращения «неяпонского» в «японское».

Вместе с тем, в отличие от «Хондо», где буддизм пустил глубокие корни и с давних пор мирно сосуществует с синто, на Окинава до сих пор сильны традиционные верования. Причем жрицами обычно являются женщины и во многие святилища вход мужчинам строго запрещен. Некоторые культы в настоящее время испытывают затруднения — не всегда находятся люди, способные продолжать и поддерживать традиционные ритуалы.

Самое почитаемое среди всех *утаки* — Сэфа-*утаки*. Считается, что это священное место было основано Амамикиё, богиней–создательницей Окинава. Храм в живописном лесу был построен в качестве центрального культового сооружения в 1429 г. по приказу короля Сё-Хаси

в честь объединения трех разрозненных королевств в единое Королевство Рюкю. Полагают, что в этом лесу обитали боги-*нираи*[12] и божества, приносящие счастье.

По местной традиции люди посещали *утаки* для того, чтобы помолиться о своей судьбе. Это были места, где совершались общественные ритуалы. Верховными настоятельницами там могли быть только жены, дочери и матери королей. Мужчины не допускались на церемонии вступления жриц в сан. Подобное невозможно было вообразить в Японии, где в тот период уже существовал диктат мужчин в политической, духовной и социальной сферах. Скорее всего, это можно трактовать как пережиток матриархата, который на «Хондо» был пройден гораздо раньше.

Сквозь треугольное пространство, образуемое огромными камнями на территории святилища Сэфа, можно видеть и священный остров Кудака, с названием которого связано множество легенд и который считается местом рождения Рюкю. Жители Кудака утверждают, что боги, приплывшие к берегам Окинава на лодке, высадились на здешнем пляже Исики. Путь от острова Окинава (порт Адзама) к острову Кудака, лежащему от него к юго-востоку и имеющему площадь всего в 2 кв. км, занимает на небольшом пароходе всего 15 минут. В связи с большим оттоком молодежи, населения, а также распространенностью браков на филиппинках, острым становится вопрос о жрицах-преемницах[13].

В отличие от «Хондо», на Окинава нет деревянных строений: все здесь издревле сооружалось из местного камня — известняка. Здесь нет строительного леса, да и частые тайфуны и цунами, которые постоянно наносят ущерб островам[14], диктуют необходимость возведения более прочных строений. Окинавские каменные постройки нередко имеют черепичные крыши, как и в остальной Японии, но кладка здесь имеет существенные отличия: пространство между отдельными черепицами заливается бетоном с тем, чтобы их не уносил тайфун.

Заметные различия прослеживаются и в кулинарных традициях Окинава и «Хондо». Кулинарии Окинава свойственно четкое деление на элитарный «королевский» стиль и «пищу простых людей». Первый используется во время разного рода приемов, празднований, традиционных ритуалов. В повседневной пище простых людей сделан акцент на количество и питательность. Техника приготовления и вкус блюд далеко не изысканны.

Несмотря на то что Окинава со всех сторон окружена океаном, рыбные блюда не имели большого распространения. Это объяснялось тем, что до появления холодильников в условиях местного жаркого климата рыба быстро портилась. Основные ингредиенты местной диеты: свинина (в пищу идет не только мясо, но и внутренние органы, ножки, кости, очень вкусны свиные уши!), *тофу* (соевый творог, в отличие от распространенного на «Хондо», более твердый, его легко можно пожа-

рить или положить в суп) и водоросли, по потреблению которых Окинава первенствует в стране. Интересно, что в местных водах произрастает немного съедобных видов водорослей, и в основном здесь потребляют водоросли, ввозимые с Хоккайдо еще с XVIII в., когда их отправляли далее в качестве контрибуции в Китай. Считается, что свиное мясо дает организму людей запас жизненных сил, что важно в условиях жаркого климата[15]. Свинина используется на Окинава и в качестве ритуальных подношений, что немыслимо для Японии. Большой популярностью здесь пользуются и свиные консервы, с которыми местные жители впервые познакомились после Второй мировой войны, в первые годы американского правления. Одним из распространенных блюд является и окинавская *соба* (лапша, которая, несмотря на свое название, не имеет отношения к гречихе, а делается из пшеничной муки), хотя она появилась здесь немногим более ста лет назад.

Что касается алкоголя, то визитная карточка Окинава — *авамори*, местная водка крепостью от 30 до 60 градусов[16] (очень похожа на самогон). Ее пьют, сильно разбавляя водой и наливая из больших кувшинов, в которых в других странах принято подавать безалкогольные напитки. *Авамори* производится здесь по крайней мере со второй половины XV в. В настоящее время на рынок поставляется продукция примерно 50 производителей и кооперативов разного рода.

На окинавском языке алкогольные напитки называют *саки* (по-японски *сакэ*), а слово *авамори* в письменных источниках зафиксировано лишь в 1671 г. Существует несколько теорий происхождения этого слова. Наиболее достоверной из них считается та, что связывает его с «пузырями» — это одно из значений первого иероглифа, *ава*. Во время процесса ректификации образуется и пена, обозначаемая тем же иероглифом, но большинство знатоков склоняется к версии с пузырями, образующимися во время розлива. Раньше даже считали, что с их помощью можно определять крепость напитка. *Авамори* изготавливают только из риса, но технология имеет существенные отличия от применяемой для получения подобного напитка на «Хондо». Ценность *авамори* возрастает с годами выдержки.

Примерно в XII в. на территории современной префектуры Окинава начался период Гусуку, продолжавшийся до XV–XVI вв. и характеризовавшийся усилением местной власти, развитием сельского хозяйства, использованием металла, а также активизацией внешней торговли. *Гусуку* означает замок или фортификационные сооружения. Они возводились на холмах, как вдали от моря, так и на побережье. Ареал их простирается от северной части архипелага Рюкю, островов Амами, которые входят в состав самой южной префектуры региона Кюсю (Кагосима), до южной части Рюкю (островов Яэяма). На территории префектуры Окинава обнаружено более 300 *гусуку*, которые вместе с находящимися на их территории объектами входят в список всемирного

наследия ЮНЕСКО. Главным среди них является замок Сюри, полностью восстановленный в первозданном блеске и сияющий яркими красками. В его главном зале, *сэйдэн*, признанном национальным сокровищем Японии еще в период Тайсё (1912–1924), посетители могут насладиться красотой окружающих берега Окинава коралловых рифов с обитающими в них тропическими рыбами волшебной окраски. Необыкновенно красив этот дворец в темноте. Подсвеченный лучами семи цветов, с изумрудным светом, исходящим из глаз возлежащих на крыше драконов, он являет поистине сказочное зрелище.

После того как в 1429 г. король Сё-Хаси создал на территории острова Окинава первое объединенное королевство, другой король из этой династии, Сё-Син, наладил внешнеторговые связи и расширил владения королевства, распространив его власть на территорию островов Мияко, Яэяма и Амами. Местных феодалов он принудил жить поблизости от его замка Сюри. Вплоть до XVI в. королевство Рюкю процветало как центр транзитной торговли между Китаем, Японией, Кореей, Сиамом, Явой, Суматрой и Аннамом (современный Вьетнам).

После того как Окинава оказалась в сфере влияния могущественного японского клана Сацума (современная префектура Кагосима), правители Рюкю на протяжении XVII–XVIII вв. активно развивали искусства и ремесла посредством импорта различных передовых по тем временам технологий. Именно таким образом были заложены основы традиционной культуры в ее современном виде. Здесь процветали живопись, каллиграфия, изготовление тканей (в том числе *бингата* — ткани с особым орнаментом), лаковых изделий, керамики, а также исполнительские виды искусства (танец, драма) и литература. В тот же период была составлена и первая достоверная хроника Рюкю — «Тюдзан-Сэйкан».

В начале XIX в. на Рюкю стали часто прибывать иностранные суда, что отражало возраставший интерес к государствам Восточной Азии со стороны европейцев и американцев. Во второй половине XIX в. в Японии произошла реставрация Мэйдзи и началась ускоренная модернизация страны. Для королевства Рюкю — протектората китайского императора — это вылилось в насильственное присоединение к Японии в качестве ее 47-й префектуры. Правительство Мэйдзи насильно выдворило последнего монарха по имени Сё-Тай с его свитой из замка Сюри на Окинава-хонто[17]. Китайский император резко протестовал, и помирить спорившие стороны взялся было бывший президент США Грант. Он предложил поделить архипелаг пополам: северную половину отдать Японии, а южную часть, начиная с островов Мияко, — Китаю. Пекин отказался, и как выяснилось позднее, напрасно. Японскими стали все острова, а позже, после поражения в японо-китайской войне 1895 г., Китаю пришлось уступить Японии и Тайвань.

Поначалу на Окинава существовала особая структура управления, но в 1920 г. была введена муниципальная система, аналогичная действующим во всех префектурах Японии. Сразу же после присоединения к Японии Окинава стала объектом целенаправленной политики «японизации», превращения островов в южный форпост империи. Некоторые исследователи называли эту политику колониальной[18]. Так продолжалось вплоть до августа–сентября 1945 г.[19], когда Окинава перешла под опеку США (в январе 1946 г. этот статус был объявлен в меморандуме генерала Макартура, а затем закреплен в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г.). 600 тыс. человек, проживавших тогда на Окинава, превратились в людей без гражданства. В обращении находился американский доллар, вместо левостороннего было введено правостороннее движение, для поездки в Японию требовались паспорт и специальное разрешение.

2. Природные условия и региональное деление

Окруженная со всех сторон бескрайними просторами океанических вод, Окинава отличается разнообразием геологических форм и топографических черт. Это единственная префектура Японии, полностью находящаяся в зоне субтропического и отчасти тропического климата с соответствующей этой климатической зоне флорой и фауной. Здесь можно обнаружить целый ряд уникальных их видов, эндемиков, таких, как признанные национальными природными сокровищами дикая кошка *Ириомотэ*, нелетающий дикий пастушок, дятел *Ногути*, жук *Янбару*, *пальма Язяма*, дерево из семейства павлониевых под названием *Сакисима*, *мангровые леса*. По природным особенностям (географические условия, геологическое строение, флора) Окинава можно разделить на две части: 1) острова Исигаки, Ириомотэ, северная часть главного острова Окинава-хонто с характерными для них естественными лесами и холмами, и 2) центральная и южная части Окинава-хонто, а также острова Мияко, представляющие собой плоскогорья, сложенные известняковыми породами. Для второй части характерно наличие естественных пещер, которые с давних пор использовались местными жителями либо в качестве жилищ, либо в качестве мест ритуально-религиозных отправлений.

Климат на Окинава весьма благоприятный — среднегодовая температура и воздуха, и морской воды составляет порядка 20 градусов по Цельсию[20]. Однако наличие всех мыслимых природных бедствий (землетрясения, цунами, тайфуны, ливневые дожди и вызванные ими наводнения и засухи) резко меняет оценку природно-климатических условий этого региона.

Топонимически между словами «тайфун» и «Тайвань» есть сходство — первые иероглифы совпадают. Утилитарно, а не строго научно

тайфун как понятие может трактоваться как «ветер с Тайваня», хотя чаще тайфуны зарождаются в районе Филиппин. Но в любом случае Окинава — одна из первых их жертв.

Что же касается цунами, то, например, на острове Исигаки из поколения в поколение передается рассказ о катастрофе, произошедшей 24 апреля 1771 г., когда после мощного землетрясения остров накрыла волна высотой в 82,5 метра. Такую высоту, по словам местных жителей, зарегистрировали прибывшие из столицы королевства чиновники после разговора с очевидцами, которые сравнивали размеры волн с высотой гор. И именно на такой высоте в горах нашли осколки кораллов, занесенные туда волной. Горы, кстати, здесь достаточно высокие, и именно на Исигаки находится самая высокая на архипелаге Рюкю гора Омотояма (526 м).

Японские официальные источники, однако, эти данные не подтверждают. Сохранились лишь записи о том, что на соседнем острове Мияко высота волны тогда достигла 40 метров, а на расположенном неподалеку острове Симодзи вследствие цунами образовалась огромная скала, которая и сегодня как некое чудище возвышается над плоским островом, и перед ним в память о случившемся соорудили *тории*.

В результате той катастрофы только на Исигаки погибло 2,5 тыс., а на всех островах групп Яэма и Мияко — 9,4 тыс. человек[21]. Бытует мнение, что на Исигаки был зарегистрирован абсолютный рекорд высоты цунами, до сих пор нигде не превзойденный[22].

Нельзя не отметить, что в Японии тенденция объяснять все происходящее природными условиями, пожалуй, особенно сильна. Нередко даже характер человека связывают с теми, в которых он жил. Постоянная угроза стихийных бедствий, предотвратить которые невозможно, сделало японцев невероятно терпеливыми. Слово *гаман* (терпение), употребляется здесь очень часто.

Отношение японцев к стихийным бедствиям весьма специфично. Именно на Окинава довелось услышать, что «тайфуны приносят нам воду». Умение в негативном увидеть и позитивное — стойкое свойство японского менталитета. Стихийные бедствия отнюдь не воспринимаются только как некое зло. С ними учатся жить. Так, строят оборонительные сооружения вдоль побережья, где существует опасность цунами, принимают другие предохранительные меры и не жалуются[23].

3. Особенности хозяйственного развития

3.1. Американское присутствие на Окинава: проблемы и перспективы

Послевоенная опека американцев над Окинава длилась почти столько же лет, сколько острова находятся под нынешним японским управлением. Американцы не занимались ни экономикой, ни социальными проблемами архипелага. Он имел для них сугубо военно-

прикладное значение и активно использовался во время войн в Корее и Вьетнаме.

Формально США вернули Японии острова в 1972 г. (а реально — в 1975 г.). Острова стали 47-й префектурой страны. Но и после этого они представляли собой цитадель США на Дальнем Востоке, важнейшее звено в стратегии «сдерживания» Советского Союза и Китая.

Военные базы заняли земли, традиционно использовавшиеся в качестве сельскохозяйственных, и хотя многие японцы работали на этих базах, это не облегчало ситуацию. Концентрация американского оружия на островах делала жизнь местного населения похожей на существование на пороховой бочке[24]. К тому же нарушался экологический баланс, что неизменно вызывало протесты местных жителей, которым удалось добиться некоторых уступок со стороны американцев, хотя до сих пор негативное влияние американских баз прослеживается невооруженным глазом. Нельзя не упомянуть и о том, что из-за баз местные жители не могут пользоваться кратчайшими путями, вынуждены ездить в обход, тратя лишнее время и горючее, поскольку часть дорог оказалась на запретных территориях, правом проезда по которым располагают только американцы, машины «скорой помощи» и пожарные.

Вплоть до начала 1960-х годов американцы исключали возможность передачи островов Японии. В принципе они могли, сославшись на исторические и прочие аргументы, оставить их за собой, но, видимо, посчитали это ненужным. В 1962 г. президент Кеннеди впервые официально заявил о «потенциальном» суверенитете Японии над островами. К этому моменту Япония доказала свою лояльность стратегическому партнерству с США. Этим жестом США пытались сбить нараставшие антиамериканские настроения в Японии, пик которых пришелся на лето 1960 г., когда миллион жителей Токио вышел на демонстрацию протеста против заключения нового военного договора с Вашингтоном.

Возвращение Окинава стало одним из важнейших достижений японской дипломатии в послевоенные годы. Важную роль сыграла и общественность. В 1960 г. был создан Совет патриотического движения за возвращение Окинава (Сококу фукки кёгикай), который принял постановление, объявляющее незаконным американское управление архипелагом как противоречащее Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, и по инициативе которого ежегодно 28 апреля проводился День Окинава.

В наследство от периода американского правления японское правительство получило массу проблем. Налицо было однобокое развитие хозяйства, сильная ориентированность местной экономики на обслуживание баз и зависимость от них, не говоря уже о множестве инцидентов криминального характера, связанных с наличием баз (воровство, грабежи, пьянство, изнасилования, наезды военных автомашин на людей со смертельным исходом). По имеющимся оценкам, за период

правления американцев их вольными и невольными жертвами стали более тысячи окинавцев.

После возвращения Окинава Японии проводившаяся там ранее политика импортзамещения с активными мерами защиты местных предприятий практически сразу была отменена, и местному бизнесу без всякой предварительной подготовки пришлось конкурировать с предприятиями «Хондо».

На островах отсутствовала промышленная, транспортная и социальная инфраструктура. Именно с ее создания начало здесь свою работу центральное правительство. Во время бесед с администрацией и жителями островов Мияко и Исигаки нам неоднократно приходилось слышать о том, что асфальтированные дороги, мосты, дома культуры, больницы и школы — все это было построено после 1972 г., т.е. после воссоединения Окинава с Японией.

А на живописном острове Ириомотэ, с удивительным для этих мест миром джунглей, где через заросли мангровых деревьев протекает река Накара, на протяжении многих лет жители восточной и западной частей, разделенных рекой и болотами, даже не знали о существовании друг друга, пока японцы не построили мост, соединивший остров воедино.

Переход островов под национальную юрисдикцию настоятельно требовал целенаправленной политики максимально быстрого экономического и социального развития островов, резкого повышения жизненного уровня населения. Помимо всего прочего, надо было принимать в расчет наличие на Окинава сил, выступавших за независимость архипелага и клеймивших как американский, так и японский «колониализм».

Силы, выступающие за независимость островов, до сих пор там сохранились, но их влияние крайне незначительно. Во многом это стало возможным благодаря успешной реализации программ социального и экономического развития префектуры. Японское правительство имело тогда все возможности для подобного триумфа, поскольку страна уже стала второй экономической державой мира.

Экономическая отсталость делала невозможным автоматический перенос на Окинава модели развития основной территории Японии, принесшей феноменальные результаты. Необходимо было принимать во внимание специфику островов. Поэтому сразу же, в 1972 г., было создано специальное Управление по развитию Окинава, которое функционирует по сию пору. С самого начала в задачи этого ведомства входило следующее: разработка планов развития Окинава и проведение необходимых исследований; претворение планов в жизнь и координация деятельности различных министерств и ведомств; ведение дел, связанных с реализацией Закона о специальных мерах в отношении Окинава; наблюдение за границами военных баз и выявление «безхозных» территорий; контроль над использованием средств, выделяемых из госбюджета, и т.д.

Превращение этого региона в объект особого внимания со стороны государства и разработка специальных программ развития, нацеленных на преодоление экономической и социальной отсталости Окинава, позволили переводить сюда весьма крупные средства (несколько млрд. долл. в год) через государственный бюджет, а также принять ряд государственных программ поощрения частных инвестиций.

Японскому правительству приходилось также постоянно учитывать и политический фактор — особые отношения с США, исключавшие требования сократить американское военное присутствие без согласия на то Вашингтона.

Прошло 15 лет после окончания «холодной войны», но и на сегодняшний день присутствие это остается значительным. По данным на март 2001 г., американские военные базы и прочие объекты занимали 11% территории префектуры и 19% территории главного острова — Окинава-хонто, включая и столицу Наха.

Таблица 1

Данные о военном присутствии США на Окинава[25]

Число военных баз и объектов	38
Общая площадь, га	23 753
Общая площадь объектов исключительно в распоряжении США, га	23 445
Военный персонал баз, человек	24 587
Военный персонал США вместе с гражданскими лицами, человек	49 279

Кроме того, 29 зон в морском пространстве вокруг островов и 20 зон в воздушном пространстве над ними отведены под тренировки американских войск. Таким образом, жители островов ограничены в использовании не только земли, но и моря и воздуха[26].

Летом 2004 г. США приняли решение о масштабной реорганизации американских вооруженных сил, дислоцированных за рубежом. Оно предусматривает сокращение военного присутствия на Окинава. Однако масштабы передислокации обещали быть незначительными. Это признавал один из осведомленных чиновников Пентагона, подчеркивая уникальное значение баз на Окинава. По его мнению, «морские пехотинцы на Окинава являются единственной мобильной силой, которую можно без промедления использовать в случае конфликта»[27]. Поскольку газета, поместившая откровения этого чиновника, указывала, что отныне главной заботой США наряду с исламским терроризмом в Азии будет сдерживание растущей военной мощи Китая, есть веские основания предполагать, что в ближайшем будущем военное присутствие США на Окинава не претерпит серьезных перемен.

Имеются и свидетельства того, что потенциальный китайско-тайваньский конфликт способен резко увеличить военное значение Окинава.

На отделенном от острова Ирабу узкой полосой воды острове Симодзи (добраться туда можно по мосту) в 1979 г. для учебно-тренировочных полетов гражданской авиации была построена взлетно-посадочная полоса длиной в 3 тыс. метров. Опасаясь негативной реакции в Японии и на Окинава, Пентагон до последнего времени не претендовал на эксплуатацию этой полосы, невзирая на рекомендации «Рэнд корпорейшн», специалисты которой настаивали на необходимости использования Симодзи в случае конфликта в Тайваньском проливе (отсюда всего 250 миль до Тайбэя)[28].

В 2001 г. впервые был поставлен вопрос о дозаправке на Симодзи американских вертолетов по пути из Наха к северу Филиппин для ежегодных учений «Баликатан-2004»[29]. К настоящему времени превращение взлетно-посадочной полосы Симодзи в военный объект стало вполне реальным: по предложению США ею могут пользоваться как морские пехотинцы США, так и Силы самообороны Японии. Островитяне, разумеется, решительно протестуют против этого.

Данная проблема имеет и экономический аспект. Дело в том, что жители соседнего острова Ирабу (их более 7 тыс. человек, занятых в основном рыболовством и выращиванием сахарного тростника) заинтересованы в получении доходов от эксплуатации полосы в Симодзи японской гражданской авиацией. Но в 1993–1999 гг. четыре японские авиакомпании, имеющие соответствующие контракты, более чем вдвое сократили число взлетов и посадок своих самолетов на острове[30]. В этих условиях мэр Ирабу стал склоняться к тому, чтобы разрешить доступ на полосу японским Силам самообороны для операций внутри страны. Использование же ее американцами грозит вовлечением Симодзи в потенциально опасный международный конфликт.

Окинавцы не устают протестовать против предполагаемой передислокации американских объектов в пределах префектуры Окинава. В 2004 г. прошла сидячая забастовка более 8 тыс. человек против сооружения нового объекта в акватории порта Хэноко, куда планировалось перевести военно-воздушную базу морской пехоты США Футэнма, находившуюся в заливе Гино[31]. При этом подлежал бы засыпке коралловый риф, что было бы чревато нарушением экологического равновесия.

Несколько месяцев демонстранты собиралась перед базой Хансэн в городе Кин, к югу от Наго, протестуя против сооружения тренировочной базы американского спецназа. Они напоминали, что шальные пули уже поражали район скоростной дороги в 1988 г. Теперь же речь шла не только о безопасности местных жителей — под угрозой оказалась и процветающая индустрия туризма[32].

Американское присутствие на Окинава вызывает и тяжелые проблемы психологического порядка. После инцидента с изнасилованием 12-летней японки американскими военнослужащими в 1995 г., вызвавшего массовые антиамериканские выступления по всей стране, число

уголовных преступлений там заметно сократилось. Однако с 1999 г. преступность в среде американских военнослужащих и членов их семей снова растет. В 2003 г., по данным префектуральной полиции, число совершенных ими правонарушений различной степени тяжести составило 112, из них краж — 48, грабежей — 5, изнасилований — 2[33]. Падение военного вертолета на территорию американского университета Окинава в конце августа 2004 г. усилило обеспокоенность японцев. Особенно возмутительным они сочли тот факт, что американцы не допускали японскую сторону к расследованию причин авиакатастрофы.

Планы США по переводу баз в другие части Японии, естественно, вызывают протесты жителей других префектур. Поэтому говорить о возможном облегчении положения Окинава в этом смысле, по-видимому, рано.

3.2. Приоритеты государственной политики в отношении Окинава и состояние местной экономики

Возвращение Окинава позволило включить вопросы развития этого региона в общегосударственные программы. Предлагалось несколько вариантов социально-экономического прогресса: либо сохранение и усиление аграрной направленности, либо индустриализация и хотя бы частичная реализация того, что было сделано на основной территории Японии. Оба варианта имели как плюсы, так и минусы.

В конечном счете правительство пошло по пути комплексного решения. Еще 31 декабря 1971 г. был принят Закон о специальных мерах в отношении Окинава, учитывающий специфическое положение региона. В первой же его статье говорилось о необходимости принятия особых мер, направленных на стимулирование рационального землепользования, содействие сельскохозяйственному производству, рыболовству и промышленности, поддержку мелкого и среднего предпринимательства, ремонт и прокладку дорог, сооружение морских и воздушных портов, объектов различных средств связи, налаживание водо- и энергоснабжения, городского хозяйства, смягчение жилищного кризиса, улучшение санитарных условий, создание объектов социальных услуг и здравоохранения, помощь в трудоустройстве местных жителей, совершенствование образования, борьбу с пожарами и стихийными бедствиями, развертывание туризма, решение проблем отдаленных островов, охрану окружающей среды[34].

В момент возвращения Окинава Японии чрезмерная концентрация промышленности в «Хондо» уже привела к экологическому кризису, ощущались нехватка земель для нового индустриального строительства и недостаток пресной воды. Поэтому вполне естественно возникла идея переноса части промышленных предприятий с «Хондо» на вновь обретенный архипелаг. Однако ее осуществление стало невозможным

ввиду резкого изменения состояния японской экономики после первого нефтяного «шока» 1973–1974 гг. Многократный рост цен на нефть сделал целый ряд отраслей промышленности нерентабельными. В стране началась активная структурная перестройка. Приоритет был отдан энерго- и ресурсосберегающим, наукоемким производствам, тогда как мощности энерго- и материалоемких предприятий скрапировались или перемещались за рубеж, в страны с дешевой рабочей силой и менее строгим экологическим законодательством. Рабочая сила Окинава по стоимости не могла конкурировать с близлежащими азиатскими странами, а размещение экологически грязных производств встречало там не меньший отпор, чем американские военные базы.

На основе Закона о специальных мерах к настоящему времени было принято уже четыре десятилетних плана развития Окинава: первый на 1972–1981 гг., второй — на 1982–1991 гг., третий — на 1992–2001 гг. и четвертый — на 2002–2011 гг. При реализации первого плана основное внимание уделялось ликвидации перекосов, возникших в годы американского господства в экономической и социальной структурах. Второе десятилетие ушло на формирование сбалансированной структуры экономического и социального развития островов. Действие третьего плана совпало с затянувшейся рецессией, выход из которой страна искала на путях либерализации хозяйственных отношений, ликвидации или сокращения законодательных ограничений в экономической и социальных сферах. Речь шла о предоставлении больших свобод органам местного самоуправления. В сложившихся условиях регионы самостоятельно стали подбирать методы преодоления депрессивного состояния на основе использования местной специфики, прежде всего природной и экономико-географической.

На Окинава это вылилось в бурный рост сферы обслуживания, главным образом туризма. За 1972–2001 гг. объем производства в первичных отраслях был удвоен, но одновременно их удельный вес в экономике островов сократился с 7,2 до 1,9%, или более чем втрое. При этом с середины 1980-х годов происходит медленное, но неуклонное падение и валового объема производства в сельском хозяйстве и рыболовстве. Напротив, в промышленности и строительстве валовой объем производства за 1972–2001 гг. увеличился в 4 раза, а доля занятых в обрабатывающей промышленности выросла с 6,9 до 8,6%.

Этому в немалой степени содействовало и включение Окинава в число районов размещения интеллектуалоемких производств на базе принятого в 1988 г. Закона о размещении определенных предприятий, содействующих ускорению развития промышленности в регионах. К их числу были отнесены и научно-исследовательские институты, и дизайн, проектирование, разработка программного обеспечения. Хотя реальный эффект данного плана оказался не столь впечатляющим, в развитии экономики Окинава он, несомненно, сыграл положительную роль.

По состоянию на 1999 г., на Окинава было размещено больше предприятий интеллектуалоемких отраслей, чем в 12 других из 26 районов, выбранных в качестве мест их дислокации (в том числе больше, чем в таких префектурах, как Нагасаки, Ямагути, Гифу, Тояма, Ямагата)[35].

Что касается строительства, то состояние данной сферы в значительной степени поддерживается тенденцией к распространению домов «окинавского типа» — из бетонных конструкций, — каких не встретишь на основной территории Японии. Это способствует и развитию местной промышленности — в городе Урасоэ и в заливе Накагусуку работают заводы по производству бетонных конструкций и сталеплавильные, а в Наго — цементный завод. По некоторым оценкам, это оказывает осязаемое воздействие на развитие региона, большее, чем машиностроительная отрасль и предприятия отраслей высоких, в том числе информационных технологий[36].

Сохраняется значение зон свободной торговли, назначение которых — содействие размещению на Окинава промышленных предприятий и развитию торговли. Создание и размещение этих зон определяет глава Управления по делам Окинава. Существует несколько проектов такого рода. Это:

1) Томигусуку-Тисаки (вблизи аэропорта Наха на насыпной территории предполагаются строительство авиазаводов и прокладка высокоскоростной автодороги для разгрузки хронически перегруженных дорог южных районов Окинава-хонто);

2) Накагусуку-Нью-порт (на востоке Окинава-хонто, в естественной гавани, окруженной полуостровом Кацурэн, островами Цурэн, Кудака и полуостровом Тинэн, портовый промышленный комплекс, порт дистрибуции и обработки с ориентацией на внешний мир — южные ворота Японии);

3) территория, прилегающая к аэропорту Наха (главный порт, через который осуществляется связь и отдельных островов Окинава, и Окинава с городами «Хондо», а также с азиатскими центрами и остальным миром. Ежедневно осуществляются 12 внутренних рейсов, 10 — в Токио, 9 — в Осака; три международные линии обслуживают рейсы на Тайвань (18 рейсов в неделю), в Гонконг и Южную Корею (по два в неделю; идет реконструкция и расширение аэропорта). В аэропорту Наха расположены и магазины беспошлинной торговли, аналогичные тем, что имеются в международных аэропортах (их продавцы зазывают прибывающих пассажиров, подчеркивая, что это «единственное место в Японии, где можно купить товары без уплаты пошлины»).

Возрастает роль и специального экономического района Наго, и промышленной зоны в городе Итоман (на юге Окинава-хонто). При этом все большее развитие здесь получают информационные технологии, роль которых будет возрастать по мере выхода страны из длительной рецессии.

Большое значение придают дальнейшему развитию крупнейших морских портов префектуры: Наха, Накагусуку, Унтэн, Кин, Хирара и Исигаки.

Государство контролирует производство сахарного тростника, ананасов и другой сельскохозяйственной продукции. В отличие от прежних времен, когда наблюдалась сильная зависимость от монокультуры, в настоящее время процветает производство специфической продукции – того, что производится только на Окинава: гойи (овощ, похожий на большой огурец с пупырышками, имеющий горьковатый вкус, очень полезный, так как богат витамином С), тропических фруктов, различных цветов (характерно, что отгрузка роз и хризантем сократилась, а более редких цветов — возросла) и т.д.

На Окинава можно встретить и предприятия, использующие уникальные технологии. Например, завод на острове Мияко производит соль из морской воды, которая здесь исключительно чиста благодаря коралловым рифам, выстилающим континентальный шельф острова. Применяемая заводом технология позволяет сохранять в соли множество ценных минералов.

При поддержке государства на Окинава налажено производство некоторых специфических видов мясной продукции — из говядины и свинины, — которые завоевали нишу на рынках «Хондо».

Однако в целом акценты экономического роста на Окинава смещаются к сфере услуг, удельный вес которой здесь всегда был выше, чем в целом по стране. Особенно заметен рост валовых показателей в сфере туризма — почти десятикратный за 1972–2001 гг. Следствием развития туризма является дальнейшее повышение доли третичных отраслей экономики: в 2003 г. соотношение трех секторов экономики составило 1,9%, 15,0 и 83,1%[37].

Расширение экспорта и увеличение масштабов туризма — два важных фактора позитивных явлений в экономике страны в целом. Экспорт в США и Китай неизменно служит серьезным подспорьем экономического роста[38].

Что касается туризма, то правительство Д. Коидзуми провозгласило превращение Японии в «великую туристическую державу» национальной задачей[39] и поставило цель увеличить число туристов, посещающих Японию, с 6 млн. в 2004 г. до 10 млн. в 2010 г.[40]. Можно ожидать, что это позитивно скажется и на развитии Окинава. Географическое положение архипелага между «Хондо» и ЮВА предопределяет большие возможности увеличения туризма. Наха ближе к Гонконгу, Шанхаю, Сеулу и Тайпэю, чем к Токио. Благоприятно для Окинава и то, что именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе туристическая активность усиливается быстрее, чем где-либо еще в мире.

Однако как об объекте туристического бизнеса об Окинава заговорили только после океанической выставки, проходившей там в 1976 г. Затем некоторый экономический эффект был получен благодаря

строительству курортных отелей на таких удаленных от «Хондо» островах, как Мияко, Кумэ, Исигаки и других, а также на западном побережье Окинава-хонто (его северная и средняя части были освоены раньше) во время экономики «мыльного пузыря», когда капитал с «Хондо» искал возможные сферы приложения. Тогда было построено немало объектов развлекательно-туристической индустрии, которые в дальнейшем, в условиях затянувшейся рецессии 1990-х годов, не находили спроса и не приносили ожидаемых доходов.

Иностранных туристов на Окинава привлекают природная экзотика, памятники старины, самобытная и хорошо сохраненная национальная культура наряду с весьма высоким уровнем развития основных атрибутов передовой индустриальной страны.

Окинава представляет немалый интерес и для обитателей «Хондо». Побывать на Окинава для японцев почти равнозначно тому, что съездить за границу, и этот регион является одним из очень популярных.

Среди зарубежных туристов, посещающих Окинава, преобладают граждане Тайваня, Китая, Кореи и других азиатских стран. Для массового туризма из Европы фактор удаленности, несомненно, играет сдерживающую роль. Вместе с тем повышение жизненного уровня и качества жизни в европейских странах приводит к увеличению возможностей знакомства с этим уголком Земного шара.

Увеличение числа туристов как с «Хондо», так и из-за рубежа лимитируется непомерно высокими внутренними транспортными тарифами, высокой стоимостью курортных гостиниц и, по сути, отсутствием городского транспорта на Окинава — автобусные маршруты немногочисленны, автобусы ходят редко, и это единственная префектура Японии с неразвитым железнодорожным транспортом.

Туристы, прибывающие на Окинава, вынуждены брать машину напрокат на весь срок пребывания, если хотят свободно перемещаться по одному острову или по нескольким, соединенным между собой мостами или паромными переправами. Одним из средств наращивания туристического потока может быть строительство компаниями отелей для своих служащих, отдых в которых будет обходиться для них существенно дешевле.

Предстоит добиться и большей сбалансированности объектов индустрии досуга. Пока же, например, на небольшом по площади острове Мияко имеется несколько полей для гольфа[41], на которых изредка можно увидеть хотя бы пару игроков, а на Майхама бич на том же Мияко, который по праву считается лучшим пляжем в Японии, — всего одна гостиница.

Развитие туристического бизнеса, приносящего немалые доходы, естественно, весьма выгодно для префектуры. В 1997 г. доходы от него превысили 400 млрд. иен и составили 11,7% ВВП префектуры. На том же уровне, судя по имеющимся оценкам[42], они должны были удержаться и в 2004 г.

Таблица 2

Число туристов, посещающих Окинава (млн. человек)[43]

Год	Число туристов
1972	0,44
1975	1,56
1979	1,81
1985	2,00
1991	3,00
1998	4,00
2001	5,00

Не следует забывать о том, что ускоренное развитие туризма будет означать почти неизбежное ухудшение экологической ситуации. Чтобы этого избежать, одновременно с городским туризмом (включающим посещение парка вокруг дворца Сюри и зоны вокруг Дворца Конгрессов, обустройство и расширение которой продолжается, а также отеля в Наго, где проходила встреча «восьмерки», аквариума и Парка мира, расположенных в разных частях главного острова) на островах развивается экотуризм, в котором на первый план выходит охрана окружающей среды.

Формы экотуров, предлагаемые на Окинава, нацелены на внесение вклада в региональную экономику путем всемерной заботы о региональных ресурсах. Они весьма разнообразны, но в целом содержание их сводится к следующему:

1) «защита окружающей среды» — туры, имеющие целью сохранить и приумножить природные, исторические, культурные богатства;

2) «наслаждение природой» — туры, предполагающие тесное общение с природой (наблюдение за совами, перемещение на каноэ);

3) «изучение природы» — туры с упором на экологическое образование[44].

Как отмечается в «Словаре знаний об Окинава», для успешного развития экотуризма на островах необходимы участие местных жителей, разработка учеными инструкций о надлежащем отношении к местным ресурсам, поддержка местной администрации, предоставление туристическими компаниями информации об экотурах, а также участие туристов в сохранении местных природных ресурсов[45].

Одним из наиболее привлекательных районов с точки зрения развития экотуризма является остров Иромотэ, где сохранился целый ряд эндемиков. Потенциально перспективными являются и острова, на которых в большей степени сохранились местные обряды и уникальная культура Рюкю. Это прежде всего острова Такэтоми и Минна.

Последний по времени принятия, четвертый план развития Окинава, рассчитанный до 2011 г., определяет стратегию и цели развития в интересах создания новых рабочих мест и увеличения доходов населения. При осуществлении предыдущего плана достичь каких-либо позитивных изменений на этом участке не удалось. Более низкие доходы на Окинава связаны с чрезвычайно малой долей занятых в промышленности (6% по сравнению с 20% на «Хондо»), заработная плата в которой выше, чем в индустрии туризма. В то же время развитие туристического бизнеса будет способствовать росту спроса на сельскохозяйственную продукцию и изделия местной промышленности, что позитивно скажется на их состоянии и даст возможность дополнительного заработка местному населению.

В новом плане развития Окинава особое значение придается не только туризму и информационным технологиям, но и поддержанию на современном уровне предприятий сельского, лесного и рыбного хозяйства, промышленности. С этой целью предполагается предпринимать меры для подготовки кадров, развития науки, современных технологий. Так, например, в стадии реализации находится проект, направленный на создание на Окинава Института науки и технологии, отвечающего уровню самых высоких мировых стандартов. Он призван стать основой формирования ведущего интеллектуального и индустриального кластера в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Нельзя не заметить, что периферическое положение Окинава означает и заметную ее обособленность. Для нее по-прежнему разрабатываются самостоятельные планы развития, а в планы развития государственной территории, по сути, она не очень «вписывается». Так, в общегосударственном «Плане обустройства национальной территории в XXI в.», предполагающем переход от однополюсной к многополюсной структуре национальной территории, Окинава объединена с регионом Кюсю (что нередко делается и при составлении других программ), географически ей наиболее близким, хотя отличия между этими регионами очевидны.

3.3. Состояние социальной сферы

Естественный прирост населения Окинава в 4 раза выше, чем по стране в целом: 0,65 и 0,15 соответственно (2001–2002)[46], а общий (включая социальный) — в 7 раз (0,76 и 0,11)[47]. Заметно выше и рождаемость: 12,4‰ по сравнению с 9,2 ‰, а также коэффициент фертильности: 1,82 и 1,47 (до начала 1960-х годов этот коэффициент на Окинава был ниже, чем в Японии). На Окинава выше доля детей в населении (19,3% и 14,2%) и ниже доля лиц старше 65 лет (15% и 18,5%). Возможно, отчасти поэтому престарелые окинавцы «обустроены» необходимыми учреждениями социального обеспечения лучше, чем по

стране в целом. Не только на улицах разных городов Окинава-хонто, но и на Мияко и других островах можно видеть надписи «Центр дневного ухода», «Услуги по уходу за престарелыми на дому».

Брачность и особенно разводимость выше — последнее во многом объясняется тем, что большинство женщин на Окинава, в отличие от «Хондо», работают и являются, таким образом, более самостоятельными. В этой связи здесь выше и посещаемость детских садов. Размер среднего домохозяйства незначительно больше: 2,76 и 2,57 человека.

Смертность населения ниже средней по стране — 6,0‰ против 7,8‰, хотя младенческая смертность несколько выше (3,25 и 3,05).

По такому важному социальному показателю, как обеспеченность жильем, Окинава уступает всем префектурам своего ближайшего соседа, региона Кюсю, но превосходит крупные города страны. Вместе с тем в целом на Окинава меньше собственников жилья, чем в среднем по Японии: 55% и 60% соответственно. По среднему размеру жилья, находящегося в собственности, Окинава также немного отстает от среднего по стране показателя: 4,3 комнаты в расчете на дом или квартиру против 4,7. По общей площади жилья, приходящегося на одно домохозяйство, разрыв еще больше: 74,86 кв. м и 89,59 кв. м соответственно. При этом стоимость одного кв. м жилой площади в 2004 г. здесь составляла 45,4 тыс. иен, что почти вдвое выше, чем на Хоккайдо, а также существенно выше, чем в крупных городах Кюсю (Кагосима, Нагасаки, Миядзаки) и многих других городах страны. Это прямой результат занятия американскими базами значительной части территории, наиболее пригодной для проживания людей.

Коэффициент Энгеля на Окинава лишь чуть выше (23,8%), чем в Японии в целом (23,3%). Число магазинов, приходящихся на 1 кв. км, в 2 раза больше, что объясняется преобладанием мелких магазинов и меньшим развитием сети крупных, а денежные накопления на 20% меньше. Почти вдвое выше доля женщин, занимающихся политикой, парламентариев, но ниже доля женщин, продолжающих обучение. Число зарегистрированных иностранцев гораздо меньше.

Транспортных аварий на Окинава вдвое меньше, чем на «Хондо»: в расчете на 10 тыс. человек — 294 по сравнению с 671, а в расчете на 1 транспортное средство 41,5 против 96. Обеспеченность дорогами выше. Число автомобилей, находящихся в собственности, близко к 800 тыс. при населении в 1,3 млн. человек — каждые 2 из 3 человек имеют автомобиль. По этому показателю, а также по уровню пользования комнатными кондиционерами, электрическими стиральными машинами Окинава превосходит страну в целом, но значительно уступает по уровню пользования электрическими коврами (что объясняется, конечно, гораздо более теплым климатом), а также СВЧ-печами (вероятно, сказываются особенности приготовления национальных блюд — здесь гораздо чаще прибегают к жарению продуктов, чем на «Хондо»).

Большое внимание уделяют в Японии озеленению территорий. В городах не утверждается ни один проект строительства крупных жилых и офисных зданий без выделения на их площади участков под озеленение[48]. И на Окинава только за 1992–1999 гг. общее число городских парков и садов увеличилось с 372 до 561, а их площадь — с 600 до 856 га. Тем не менее в расчете на душу населения парковая территория на островах на 1,4% меньше, чем по стране в целом.

Число библиотек за 1993–1998 гг. возросло с 22 до 28, а количество книг в их фондах — с 1660 тыс. до 2645 тыс.; в расчете на 1 тыс. человек число томов в библиотеках увеличилось с 1310 до 2013 (по сравнению с 2159 в целом по стране). Число библиотек, находящихся на Окинава, составляет 1,11% их общего числа в стране, число префектурных, городских и общественных центров — 1,59%, а музеев — 1,01% (на Окинава 6 музеев, а в Японии в целом — 592).

ВВП Окинава равняется 3,5 трлн. иен, вклад префектуры в национальный доход страны — 0,7%. Национальный доход в расчете на душу населения здесь самый низкий в Японии, примерно 70% от среднеяпонского уровня (в абсолютных величинах это соответственно 2125 и 3101 млн. иен[49]), но до возвращения Окинава он не достигал и 60%.

В то же время неверно было бы думать, что Окинава с находящимися на ней американскими военными базами — безнадежно отсталый район Японии. Так, в 2001 г. национальный доход в таких префектурах, как Кагосима и Нагасаки, был всего на 9–10%, а в Коти, Акита и Вакаяма на 13–16 % больше, чем на Окинава[50]. К тому же уровень цен на Окинава и прожиточный минимум в целом ниже. Поэтому, в отличие от центральных регионов Японии, пенсионеры, получающие около 200 тыс. иен, вполне удовлетворены своей жизнью.

Хотя жизнь на Окинава не безоблачна, эти острова имеют в Японии репутацию «райского уголка». Быстрое постарение японской нации (доля лиц старше 65 лет, составлявшая в 1970 г. 7%, стремительно приближается к 20%) ставит перед обществом непростые задачи обслуживания пенсионеров. Один из давно предлагаемых путей решения данной проблемы заключается в переселении их в страны с благоприятным климатом и более низким уровнем цен, такие, как, например, Австралия.

Но реализации этого предложения препятствуют сильнейшая привязанность японцев к своим «малым родинам» и боязнь удаляться от них на большие расстояния. Между тем «своя» Окинава находится всего в 2,5 часах лета от столицы страны и, несомненно, может помочь решению обостряющейся проблемы. Недаром на прилавках книжных магазинов не раз доводилось видеть книги под такими названиями, как «Окинава, где можно достойно прожить на пенсию», «Окинава — рай для пенсионеров». Отличный климат, чистейшее море, доступность всех его богатств, богатая субтропическая растительность, отсутствие

на многих островах гор, занимающих 70% территории «Хондо», и скоплений небоскребов, нарушающих естественную циркуляцию воздуха, – все это может считаться достоинствами, мимо которых не стоило бы проходить японцам, проживающим на Хондо и вступающим в пенсионный возраст или приближающимся к нему. К тому же *утинантю*, как называют себя окинавцы, отличаются долголетием, что, по-видимому, следует связывать с хорошей экологической обстановкой, здоровой диетой (обилие овощей и фруктов, продуктов моря) и спокойным, размеренным образом жизни.

4. Окинава в XXI в.

В наступившем веке состояние японской экономики во многом будет зависеть от регионов, которым предоставляется все большая свобода действий. В условиях затянувшейся рецессии 1990-х годов регионы стали искать пути выхода посредством использования своей специфики, прежде всего природной и экономико-географической. Как и во многих других развитых странах, многие производства в Японии смещаются из центра на периферию[51]. Развитость различных видов инфраструктуры, новые технологические возможности, особенно информационные технологии, позволяют игнорировать фактор географической удаленности. Удаленность от традиционного центра становится даже привлекательной — на периферии богаче и щедрее природа, лучше экологическая обстановка, дешевле рабочая сила. Поэтому в перспективе можно ожидать, что внимание к Окинава со стороны японского правительства будет возрастать. Полагаем также, что активная государственная политика в отношении Окинава будет использоваться в качестве средства сдерживания протеста местных жителей против сохранения на островах американских военных баз.

Проявлять большую заботу об Окинава побудят Токио и его собственные планы формирования в Юго-Восточной Азии сообщества по типу Европейского Союза.

Ввиду особенностей своего экономико-географического положения и историко-культурного развития Окинава всегда была районом активных миграционных потоков[52], а также районом, несравненно более открытым по отношению к внешнему миру, чем «Хондо», где к иностранцам до сих пор чаще относятся с настороженностью.

В 2002 г. правительство Коидзуми выступило с обращением к странам Юго-Восточной Азии о создании Восточно-Азиатского Сообщества. Как и в Европе, его основой должна стать экономическая интеграция на основе ликвидации таможенных барьеров, разработки совместных проектов развития, углубления производственной кооперации, принятия совместных инвестиционных проектов, а в долгосрочной перспективе и региональной валюты.

Роль Окинава в свете этого обращения может многократно возрасти. Географическая близость островов к ЮВА, их повышенная адаптивность к таким интеграционным формам, как свободные торговые или офшорные зоны, открывают новые возможности и повышают потенциал развития префектуры[53].

Японское правительство всеми мерами поощряет поиски оптимальной экономической структуры с акцентом на экономико-географическую специфику. Ежегодно кабинет министров публикует список наиболее удачных региональных проектов, особо отмечая заслуги их авторов. Создан специальный комитет, занимающийся рассмотрением этих проектов во главе с профессором университета Хитоцубаси Мицухиро Сэки. В 2003 г. высокой оценки удостоились проект «свободной торговой зоны на Окинава» и мастер-план развития туризма на островах, разработанные президентом одной из туристических фирм Окинава Такаси Сугама. Ныне он трудится над проектами расширения поставок окинавской продукции в другие регионы страны и увеличения числа посещающих острова туристов[54].

Сознавая, что Окинава, играющая важную роль в японо-американском альянсе, все еще остается одним из наименее развитых регионов страны, правительство предоставляет этой префектуре возможности принятия специальных мер для преодоления отсталости (размещение и постепенное расширение зон свободной торговли, налоговые льготы для привлечения японских и зарубежных компаний, благоприятный режим некоторым иностранным инвесторам).

Принятие концепции специальных экономических районов в рамках структурной реформы премьера Коидзуми изменило и принципиальный подход к Окинава. Проблему переноса американского аэродрома Футэнма из города Гинован связали со строительством американского лагеря в северной части Наго. В качестве компенсации за перенос военного объекта городу Наго предложили создать специальную финансовую зону с привлечением финансовых организаций мирового масштаба, действующих в Японии и Азии, и размещением там их офисов и информационной индустрии. Предполагается, что на этой основе будет форсировано развитие Наго и всей северной части префектуры.

Этот район должен стать ключевым и при реализации планов создания на Окинава мультимедийного острова. Примером успешной реализации этих планов является создание мультимедийного дома в Наго, куда переведен центр вызовов справочной службы крупнейшего японского оператора японской связи компании NTT. Район Окинава выбран из-за низких издержек на рабочую силу.

В примыкающем к Наго районе залива Гино расположились и такие известные фирмы, как «IBM Japan» и «Орикс», что помогает решать проблему занятости местного населения. В последние годы все больше выпускников школ и вузов остаются в префектуре, тогда как раньше

большинство перебиралось в другие префектуры, с большими возможностями трудоустройства. По сути, Окинава стала первым в Японии регионом, перспективная стратегия развития которого строится в расчете на внешние связи. Но позитивные последствия реализации идеи создания «очагов» внешнеэкономической деятельности в ограниченных районах в том виде, как это делается сейчас, выглядят весьма сомнительными. В результате стимулирования импорта на Окинава экономический эффект получит Азия в целом, а для подлинной интеграции в ее экономику Окинава должна в максимальной возможной степени воспользоваться преимуществами своего географического положения. Пока ей это не очень удается.

Новый этап в развитии экономики островов, начавшийся с 2002 г., характеризуется переходом от количественных к качественным факторам роста. Экономика «догоняющего типа» трех предыдущих десятилетий на Окинава, как и в Японии в целом, сменяется экономикой высокотехнологичных и венчурных производств с упором на информационно-коммуникационные технологии. Окинава являет собой пример региона, где основная ставка в экономическом развитии наряду с туризмом сделана на индустрию информации.

Новая политика в отношении Окинава ставит своей целью обеспечить устойчивый рост экономики региона, а также решить ряд хронических проблем и главную — проблему безработицы, которая на островах выше, чем в целом по стране. По данным статистического управления префектуры на февраль 2004 г., в общей численности населения островов (1 351 175 человек) трудоспособных было 662 тыс., или 49%. Из них 46 тыс. не имели работы. Иначе говоря, норма безработицы равнялась 7,5% против 5,0% по стране в целом. В префектуре предпринимаются определенные меры в области занятости, которые приносят известный результат: норма безработицы снизилась с 8,4% в 2001 г. до 7,8% в 2003 г. и, как мы только что видели, до 7,5% в 2004 г. В начале 2000-х годов несколько десятков информационно-коммуникационных компаний разместили на Окинава свои офисы, что позволило создать порядка 1,5 тыс. рабочих мест[55].

Центральное правительство согласилось с увеличением бюджетных ассигнований Окинава в 2003 г. на новые высокотехнологичные производства, в первую очередь на создание предприятий, занимающихся разработкой компьютерных программ (за 2002–2003 гг. прирост составил 15,9%). По словам заведующего Отделом планирования и развития префектуры Окинава, «в бюджете в полной мере получила отражение экономико-географическая специфика региона»[56]. В 2004 фин. г. ассигнования из центрального бюджета в казну Окинава составили 293,4 млрд. иен.

Важная отличительная особенность формирования местных бюджетов на отдельных, менее крупных островах префектуры состоит

в том, что они в значительной степени формируются на основе государственных субсидий, удельный вес которых нередко достигает 90% против примерно 50% в остальных районах Японии.

Для Токио финансирование местных бюджетов — болезненная проблема. Правительство Коидзуми всячески старается уменьшить объем отчислений органам местного самоуправления с тем, чтобы мобилизовать внутренние ресурсы периферийных регионов для обеспечения в будущем их устойчивого развития.

Достичь этой цели можно только при условии развития местного производства, укрепляющего налогооблагаемую базу. Поэтому в префектуре взят курс на структурную перестройку сельского хозяйства. Преимущественное производство сахарного тростника становится все более невыгодным. Его дешевле покупать и ввозить из стран ЮВА. Более рациональный путь развития местного сельскохозяйственного производства — увеличение производства ананасов, второй по значимости экспортной культуры, а также редких и дорогостоящих южных фруктов, например манго.

Скажем, для острова Исигаки решающим звеном осуществления этого курса является строительство нового аэропорта, который обслуживал бы большегрузные самолеты, способные перевозить контейнеры с крупными объемами дорогих и скоропортящихся фруктов на рынки центральной Японии, где на них существует высокий спрос. Нынешний аэропорт с длиной взлетно-посадочной полосы в 1,5 тыс. м может принимать лишь среднегабаритные самолеты типа «Боинг-737», в то время как необходима полоса длиной не менее 2 тыс. м, на которую могли бы садиться широкофюзеляжные самолеты типа «Боинг-747».

Строительство нового аэропорта потребует 45 млрд. иен. Маленькому острову с населением в 45 тыс. человек и бюджетом в 3 млрд. иен это явно не под силу. На помощь пришло центральное правительство. По словам мэра Исигаки, в ближайшее время будет официально объявлено о решении Токио выделить необходимые средства.

В населенном пункте Комисё с 1,5 тыс. жителями, расположенном на острове Ириомотэ, функционирует школа, в которой на девять человек персонала приходится только пять учеников. Но Министерство просвещения не собирается закрывать эту школу и готово финансировать ее даже при дальнейшем сокращении числа школьников. Государственные расходы на образование весьма велики, особенно если учесть, что в Японии школьные учителя — люди высокооплачиваемые. Но в поддержке таких школ, как в Комисё, нет благотворительности. Это просто разумная региональная стратегия, основанная на правильном толковании национальных интересов и учете долгосрочных факторов.

Еще в конце 1990-х годов на Окинава был взят на вооружение проект под названием «XXI век, грандиозные замыслы для Окинава». В нем сформулировали долговременные задачи префектуры. Среди них —

стимулирование наиболее передовых отраслей, строительство привлекательной курортной инфраструктуры, поддержание гармонии с природой, повышение уровня жизни, содействие совершенствованию человеческих ресурсов, создание центра международного обмена и форсирование региональной интернационализации. Для реализации этого проекта был создан специальный комитет, который наметил три основных направления развития Окинава: зоны свободной торговли, информационно-коммуникационный комплекс отраслей, международный туризм. По замыслу местных властей Окинава должна превратиться в многофункциональный регион, социально-экономический облик которого будет отвечать высшим мировым стандартам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробно об этом см.: География, № 46, 8–15.12.2002.

[2] В состав островов, образующих префектуру Окинава, входят три основные группы юго-западной части архипелага Рюкю: Окинава-сётo, Мияко-сётo и Яэяма-сётo (северная часть архипелага Рюкю — группы Осуми и Амами — относится к префектуре Кагосима, что на южной оконечности Кюсю). Кроме того, в состав префектуры включены острова Сэнкаку, являющиеся спорной территорией, — их контролирует Япония, но на право обладания ими претендуют Китай и Тайвань. Они представляют собой пять маленьких вулканических островов, лежащих в 410 км к западу от острова Окинава или в 170 км к северу от островов Исигаки (административно они относятся к городу Исигаки) общей площадью в 7 кв. км.

[3] В расчет принимаются только острова площадью более 0,01 кв. км. При этом самый большой из обитаемых островов имеет площадь 289,3 кв. км, а самый маленький всего лишь 0,16 кв. км.

[4] Подсчитано по: Нихон кокусэй дзуэ (Япония в картах и диаграммах). Токио, 2004, с. 54. Данные на 1 октября 2003 г. (поскольку в Японии постоянно создаются насыпные территории, привязка к дате особенно важна).

[5] В середине XIV в. правители этого острова, именовавшиеся *адзи* и проживавшие каждый в своем *гусуку*, объединились, образовав три небольших королевства — Хокудзан (северное), Тюдзан (центральное) и Нандзан (южное). Хотя все они с позволения китайского императора Мин носили титул королей, править на своих территориях им удавалось с большим трудом. В каждом королевстве нередко возникала борьба за власть «законных» королей с другими *адзи*, не удостоенными чести быть королями. «Законные» соперничали и друг с другом за повышение продуктивности сельского хозяйства и право ведения торговли с другими странами, полагая, что это не только даст экономические выгоды, но и привнесет новые технологии и культуру, что будет способствовать стабилизации их власти. В 1368 г. китайский двор стал требовать от окружающих территорий выплаты дани. С 1372 по 1383 г. все три короля Окинава были вовлечены в эту систему. В Китай они отправляли главным образом лошадей и серу. Из Китая же к ним поступали керамические и шелковые изделия, корабли и медные монеты.

[6] Население городов приведено по: Нихон кокусэй дзуэ, с. 67.

[7] http://places.autoiokey.com/article.php/ID=245

[8] На территории современной Окинава также найдены следы других представителей палеолита — Pinazaau-man, Minatogawa-man, Shimojibaru-cave man, Oyama-cave man.

[9] См. официальный сайт префектуры Окинава: http://www3.pref.okinawa.jp

[10] Н. Невский, расстрелянный в 1937 г. и после войны посмертно награжденный Ленинской премией за научные труды, много времени провел на острове Мияко. Теперь в столице острова сооружена стела в его честь, а маленькая улочка, примыкающая к ней, названа его именем. Активисты муниципалитета организовали движение за изучение и популяризацию наследия ученого, планируют издать его труд о диалектах Мияко, а также поддерживают тесные связи с его внучкой, проживающей в Санкт-Петербурге.

[11] *Sered S.* Women of the Sacred Groves: Divine Priestesses of Okinawa. N.Y., 1999, p. 19.

[12] Согласно местным верованиям, боги, которых в разных частях называют Нираихара или Нираи-канай, обитали в море за пределами видимости, далеко от побережья.

[13] Периодически на женщин, способных совершать местные обряды, устраивались гонения, особенно упорные в 1673, 1732, 1831 и 1900 гг. В 1938 г. японское правительство, стремясь к культурной унификации, за сообщения о такого рода лицах обещало вознаграждение в размере 2 иен.

[14] В июне 2004 г. над Окинава пронесся тайфун № 6. Посещение Окинава, и в частности острова Мияко, в июле того же года позволило нам увидеть его последствия: кое-где на дорогах, идущих недалеко от моря, «красовались» голые стволы деревьев без ветвей и листьев, сломанные пальмы.

[15] На «Хондо» в этих же целях считается целесообразным есть *унаги* (угря).

[16] По японскому законодательству, содержание алкоголя в производимых напитках не должно превышать 45 градусов. *Авамори* крепостью в 60 градусов носит название *ханадзакэ*. Ее производство разрешено только в одном месте — на острове Ёнагуни.

[17] *Хонто* означает «главный остров».

[18] По формальным признакам Окинава может быть отнесена к разряду колоний, поскольку ее присоединение было насильственным. Но японский колониализм типологически отличался от классического европейского колониализма (испанского, португальского, голландского, английского, французского). В Европе не стремились ассимилировать колониальные народы, но пытались прививать им свою систему ценностей посредством обучения местной элиты в своих университетах. Япония тоже открывала двери своих университетов для местной элиты и молодежи, но при этом явно склонялась к политике ассимиляции, большей физической и духовной интеграции. На Окинава дело доходило до того, что некоторые школьники, по рассказам местных жителей, носили на груди табличку с надписью «я не говорю на диалектах», поскольку использование их не поощрялось и даже преследовалось.

[19] В результате сражений погибло примерно 30% жителей Окинава (130–150 тыс. человек). Города Сюри и Наха были полностью уничтожены. С лица земли были стерты и многие объекты культурного наследия, в том числе 23, имевшие статус национальных сокровищ.

[20] Точнее, среднегодовая температура воздуха составляет 22,4°С — это самая теплая префектура в Японии.

[21] http://www.okinawa-ima.go.jp/miyako/jisin.htm

[22] http://www.seaworld.org/ask-shamu/oceanography/tsunami.htm

[23] Стойко перенесли японцы и на редкость жаркое лето 2004 г. В Токио и других префектурах центрального района в отдельных местах термометры показывали иногда больше 40°С, а интервьюируемые прохожие говорили, что очень жарко, но *гамбаримасу*, т.е. «будем держаться», «преодолеем» (одни таксисты были довольны — число желающих воспользоваться их услугами в такое время резко возрастает, как и во время проливных дождей).

[24] После окончания войны экономика Окинава была полностью разрушена. Как пишет Марк Сэлдэн в книге «Окинава и американский колониализм», Окинава была возрождена, но как воплощение концепции американских военных. С 1945 г. жители Окинава стали жертвами возросших американских военных амбиций, экономически-

ми заложниками, поскольку экономика Окинава была накрепко привязана к комплексу американских военных баз, и политическими заложниками, ибо они не имели своего государства, проживали на «территории», находящейся под попечительством США (см.: *Selden M.* Okinawa and American Colonialism. — Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1971, vol. 3. № 1, p. 55).

[25] http://www3.pref.okinawa.jp/site/view/contview.jsp/cateid=14&id=589&page=1

[26] http://www3.pref.okinawa.jp/site

[27] Нихон кэйдзай симбун. 27.11.2004.

[28] Star and Stripes. 25.05.2001.

[29] http://www.okinawa.usmc.mi.

[30] Star and Stripes. 25.05.2001.

[31] Асахи симбун. 27 07.2004.

[32] Там же.

[33] Рюкю симпо. 31.01.2004.

[34] http://www.houko.com/00/01/S46/131.HTM#s1: Окинава-кэн-но кокусайка то тиики кайхацу (Интернационализация префектуры Окинава и региональное развитие). Токио, 1992, с. 4.

[35] Нихон кэйдзай тири докухон (Хрестоматия по экономической географии Японии). Токио, 2004, с. 171.

[36] Там же.

[37] http://www3.pref.okinawa.jp/site/contents/attach/5372/H16%20keizaimitooshi.pdf

[38] Нихон кэйдзай симбун. 26.07.2004.

[39] Именно так выразился Д. Коидзуми 18 февраля 2004 г. на встрече с послами Японии в 12 ведущих странах мира, проходившей в его резиденции. См.: www.kantei.go.jp/jp/koizumiphoto/2004/02/18kankou.html

[40] Нихон кокусэй дзуэ. Токио, 2004, с. 458; Нихон кэйдзай симбун, 22.01.2005.

[41] На Окинава на 100 км площади приходится более 20 лунок для гольфа против 11 по стране в целом (Окинава-кэн канко дзёхо фуайру (Файл туристической информации префектуры Окинава). Наха, 2004, с. 708).

[42] Окинава таймудзу. 04.03.2004.

[43] Составлено по: Окинава-о сиру дзитэн (Энциклопедия сведений об Окинава). Токио, 2000, с. 244.

[44] Окинава-кэн канко дзёхо фуайру, с. 82; Окинава-о сиру дзитэн, с. 244.

[45] Окинава-о сиру дзитэн, с. 326.

[46] Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). Токио, 2003, с. 44; Japan Almanac 2005. Tokyo, 2005, p. 81.

[47] Здесь и далее в подразделе на первом месте приводятся данные по Окинава, а на втором — по Японии в целом.

[48] Например, в одном из токийских районов, Мэгуро, при строительстве здания площадью более 1 тыс. кв. м норма озеленения составляет 0,6% общей площади (см.: http://www.city.meguro.tokyo.jp/kankyo/reokkasidou/kijun.htm).

[49] Подсчитано по: Тиики кэйдзай соран (Обзор региональной экономики). Токио, 2004, с. 174.

[50] Подсчитано по: Тиики кэйдзай соран.

[51] Нихон кэйдзай симбун. 22.07. 2004.

[52] Так, например, во время тяжелого экономического спада в начале XX в., когда многие японцы вынуждены были эмигрировать в поисках заработка в другие страны, выходцы с Окинава составили 20% их общего числа. В основном они переезжали на Гавайи, в Бразилию и Перу, а также на Филиппины. Работая на плантациях, они могли оказывать финансовую поддержку своим семьям. Их денежные переводы составляли от 40 до 60 % ВВП префектуры (см.: The History and Culture of Okinawa. Naha, 2000, p. 40).

[53] Например, уроженец Окинава (остров Исигаки) доцент университета Токай Ясукацу Масусима, проанализировав историю небольших островов Окинава, подчеркивает, что зависимость от американских баз сменилась после возвращения префек-

туры под суверенитет Японии зависимостью от дотаций. Отсюда вывод — для процветания Окинава необходимо независимое, «эндогенное» развитие, основанное на самостоятельных экономических связях всех маленьких островов с внешним миром. По его мнению, в этом случае в XXI в. Окинава сможет занять важное место во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе (см.: *Масусима Я.* Окинава-сёто кэйдзайси (дзюни сэйки кара гэндзай мадэ (Экономическая история Окинавских островов (от XII в. до наших дней). Токио, 2002, с. 371.

[54] http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2003/0917moeru.html

[55] Окинава таймудзу. 27.12. 2002.

[56] Окинава таймудзу. 23.12. 2003.

Н. Николаева

ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ: СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ЯПОНСКОЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ XIV–XV вв.

Проблема искусства и религии, их взаимодействия занимала важное место на протяжении всей истории человечества. Сложно и неоднозначно она проявилась в японской пейзажной живописи периода Муромати (1334–1551), времени подъема и высокого расцвета так называемой *суйбоку-га* (или *суми-э*) — монохромной живописи тушью.

Необходимо сразу оговориться, что в искусстве пейзажа очень трудно выделить сакральное начало. Взгляду зрителя предстает не божество в его каноническом изображении, особом условном облике, но обычная природная среда, в которой протекает жизнь человека. Перенося на шелк или бумагу образы природного мира, японский художник не «преодолевает» его зримый образ, но стремится найти способ воплотить в нем неявленное, скрытое начало.

Это становится возможным только благодаря эстетическим свойствам самой пейзажной живописи — особенностям композиции, ритмического построения, передающего пульс жизни природы — того «одухотворенного ритма живого движения», как то было сформулировано еще в V в. китайским теоретиком Се Хэ. Этот ставший знаменитым первый закон Се Хэ, изучавшийся и комментировавшийся на протяжении многих веков, содержал в себе и высшую цель живописи, и творческий метод художника, говорил о том его озарении, которое открывает вечное движение жизни природы, ее гармонию, двуединство вечного и изменчивого в мире. И только в таком высоком художественном образе и могло воплотиться сакральное, став единым с эстетическим.

Содержательный анализ любого произведения, в том числе пейзажа, требует внимания ко всем проявлениям религиозного контекста эпохи, как современной рассматриваемой картине, так и более ранней.

В истории Японии проблема, обозначенная как «искусство и религия», отмечена одной важнейшей особенностью. С архаических времен и до нового времени природа была главным объектом как художественного, так и религиозного осмысления. Культ природы во всех ее проявлениях — от могущественных стихий до цветка, птицы, ручья,

© Н. Николаева, 2006

камня — стал органичной частью национальной психологии, того «коллективного бессознательного» (по терминологии К.-Г. Юнга), проявляющегося на уровне как мирочувствования, так и самосознания человека и его места в мире.

Древние верования, включавшие анимизм и культ предков, позднее оформились в религиозную систему синтоизма, основой которого было обожествление всего мира — все его объекты почитались как божества-*ками*, присутствовавшие в посюстороннем, феноменальном мире, рядом с человеком, влияя на его жизнь во всех ее проявлениях.

Главная концепция синтоизма — идея целостности мира, единства природы и человека, всего вновь возникающего с уже бывшим, идея единого непрерывного времени и пространства, где существуют и боги, и люди. Это накладывало отпечаток на восприятие природы художником и зрителем его картины.

Воспринятый с континента и утвердившийся в VI–VII вв. буддизм хорошо адаптировался, приспособившись к местному складу мышления, в том числе и к размытости границ сакрального и профанного.

Известно, что местоположение буддийских храмов, как и синтоистских святилищ, было связано с горами и с поклонением горам, что сближало оба учения. В раннем буддизме, так же как и в синтоизме, все религиозные церемонии происходили вне храма, а вход в храм был разрешен только священнослужителям. В VII в. появились храмы особого типа — *дзингудзи*, размещавшиеся на территории синтоистских святилищ, а синтоистские — на территории буддийских храмов. На основе постепенного взаимовлияния сложилось синкретическое учение *хондзи суйдзяку*, где синтоистские божества были объявлены *аватарами* (воплощениями) будд и бодхисаттв, что способствовало гармоническому сосуществованию обеих религий в общественном сознании при разделении их специфических функций в жизни людей и государства.

Известный японский ученый Хадзимэ Накамура писал, что японский буддизм отвергал многие основные принципы учения, в том числе существование будды вне феноменального мира, а также главную цель — освобождение от привязанностей к эфемерному сущему[1]. Именно это противоречило японской ментальности — интересу к конкретному и чувственно-осязаемому.

Важно подчеркнуть, что по прошествии нескольких веков, когда буддизм уже имел государственную поддержку и широкое распространение во всех слоях общества, оказывал решающее воздействие на японскую культуру, синтоистский субстрат не исчезал полностью, постоянно присутствуя и в самом отношении к природному миру, и в формах его эстетического выражения. Тот, закрепленный в сознании метафорический перенос значений (божество — водопад, божество — дерево, божество — скала), ставший элементом сначала литературной поэтики, а затем и поэтики изобразительного искусства, оказался

главным методом художественного преображения действительности и средством художественного языка.

Очень важна и еще одна особенность: отношение к пространству, сформировавшееся в рамках синтоистского культа и оказавшее в позднейшие века воздействие на пространственное мышление и в архитектуре, и в изобразительных искусствах. Об этом писал в своей работе, посвященной исследованию синтоистского святилища Исэ, выдающийся современный архитектор Кэндзо Тангэ: «Вместо того чтобы представить себе божества в образах, человек мыслил образами пространства, населенного богами, и в разных символах воплощал это... места служили не только обиталищем божеств, но и символизировали их самих»[2].

Он отмечал далее, что подобная модель пространственных представлений была характерна для древнего периода, но сохранялась и позднее: «...пространство в японской архитектуре — природа сама по себе, пространство, дарованное природой. Даже если это пространство ограничено, оно не образует независимый мир, отдельный от природы, оно рассматривается в теснейшей связи со своим окружением и неизменно стремится к единению с природой»[3].

Сакрализация пространства как такового — существенный момент мировосприятия — повлияла на структуру художественного образа не только собственно в архитектуре, но и в искусстве садов и в пейзажной живописи, о которой пойдет речь.

Осознание природы как эстетической ценности зафиксировано в литературном памятнике VIII в. «Манъёсю», куда вошли и более ранние произведения. Как отмечала известная исследовательница памятника А. Глускина, песни V–VII вв. «в основном отражают религиозно-магическую практику синтоизма»[4], но большое место занимают и песни, посвященные четырем временам года с образами природы. Это было начало классической японской поэзии, расцвет которой наблюдался в эпоху Хэйан.

Связанный с древними верованиями культ природы, принявший форму синтоизма, с распространением буддизма был поддержан идеей принципиального единства всего живого, доктриной о наличии «естества Будды» (*буссё*) во всех природных объектах — от гор и морей до мельчайшей пылинки, а также в предметах. Так статус сакрального распространялся на всю среду обитания человека, что определяло отношение к нерукотворному и рукотворному, в том числе и к произведению искусства. Эта основополагающая идея разрабатывалась в школах эзотерического буддизма Тэндай и Сингон, где играла особенно большую роль.

Учение Сингон видело в искусстве путь к постижению истины. Если весь мир есть состояние Вселенского Будды Вайрочана, а он есть воплощение единой сакральной идеи, то любое творение человека, в том числе и произведение искусства, изначально слито с этой сакральной идеей.

В одном из сочинений основателя школы Сингон — Кукая говорится: «Вечная истина (татхата) превосходит чувственное, но лишь посредством чувственного может быть постигнута... сокровенное учение столь глубоко, что трудно выразить его на письме. Однако с помощью картин неясности могут быть рассеяны... Посредством искусства осознается совершенное состояние»[5].

Кукай считал, что занятия искусством могут дать в результате шедевр, который сам по себе является Буддой. Движение к сакральной истине через постижение произведения искусства указывает на неоднозначность содержания того и другого и требует не логического постепенного осмысления, но вчувствования, переживания, внутренней эмоциональной реакции.

Для Кукая все прекрасное несло в себе природу Будды в особо проявленном виде. Искусство, природа, учение в его представлении были триедины[6]. Через художественный образ лежал путь к слитой с ним сакральной истине, ибо если сама природа творчества сакральна, то и результат его есть воссоединение двух начал — сакрального и художественного. Кукай раскрывал, таким образом, природу эстетического и его суть. Учение о косвенном выражении истины не только способствовало эстетизации культуры, но повлияло на природу художественного образа, на его поэтику.

Известно, что Кукай был не только автором догматических трактатов, но и выдающимся поэтом и живописцем. Его творчество было свидетельством единого метода косвенной передачи сакральной идеи через художественный образ, всегда имеющий сложный подтекст, что и служило основой их органического слияния.

Таким образом, буддизм, используя метод адаптации учения к местным условиям — мироощущению и мирочувствованию, сложившимся под воздействием синтоизма, — включил в свою практику осмысления, во-первых, природу во всех ее проявлениях как воплощение Вселенского Будды, и, во-вторых, культуру, в том числе поэзию и живопись, искусство садов, театр как один из путей к пониманию сути учения. Известно, что прославленный поэт XII в. Сайгё утверждал, что сочинить стихотворение — это то же самое, что вырезать статую Будды и понять закон Будды.

В религиозной живописи, связанной с разными школами буддизма, в XI в. появились природные мотивы, игравшие подсобную роль фона, указывавшего на место действия. Таковы изображения шестнадцати учеников Будды (*Дзюроку ракан*) из Национального музея в Токио или росписи в Бёдоин — Павильоне Феникса в Удзи 1053 г., где наряду с центральной композицией на тему «Сошествия Будды Амида» были помещены пейзажные мотивы, напоминавшие природу, окружавшую храм.

Тринадцатый век отмечен появлением более развитых мотивов природы как в живописи с буддийскими сюжетами, например «Нисхождение Будды Амида на горы» (*Ямагоси — Амида*) первой половины

XIII в. (храм Дзэнриндзи, Киото), так и с синтоистскими. Выдающийся памятник такого рода — *Нати-но таки*, «Водопад Нати» (музей Нэдзу, Токио). Это одно из произведений, связанных с учением *хондзи суйдзяку* и потому получивших наименование *суйдзяку-га*. К ним принадлежат также *Касуга мандала*, *Кумано мандала* и другие, где имеются природные мотивы.

Но «Водопад Нати» производит совершенно особое впечатление своим сходством с реальным пейзажем. Это не сконструированный на основе китайских прототипов пейзаж, получивший распространение в следующем столетии. Он на первый взгляд кажется воспроизведением японской природы. Но это не совсем так. Водопад — это местное синтоистское божество, которому поклонялись в святилище Нати-дзиндзя. Его крышу можно рассмотреть в нижней части картины. Зритель видит дикие горы, низвергающиеся с вершин мощные струи водопада и поднимающееся за горами солнце. Все это и есть божество водопада в его величии и могуществе.

Картина принадлежит к типу так называемых пейзажных *мандала*, являя собой переходный этап в художественном освоении образа мироздания по учению *хондзи суйдзяку*. Природа как божество и природа как зрительно воспринимаемый объект — горный пейзаж с водопадом — сливаются воедино. Религиозное и эстетическое становятся равнозначными составляющими образа. В последующем это получит новое выражение в искусстве XIV–XV вв.

Еще один пример религиозной живописи со значительным использованием природных мотивов — двенадцать свитков художника Эни «Жизнеописание святого Иппэна» (*Иппэн сёнин эдэн*) 1299 г. (Национальный музей, Токио). Проповедник учения Будды Амида, он всю жизнь провел в странствиях по Японии. И хотя главное место в картинах занимают сцены проповедей в городах и деревнях, среди толпы верующих, есть большие фрагменты, изображающие Иппэна и сопровождавших его паломников на лесных дорогах, в покое и безмолвии гор и долин.

Если смотреть как бы с высоты, то создается контраст маленьких фигурок людей и пространства бескрайнего мира — воплощения Будды. Здесь впервые наметился перевод религиозной идеи из чисто сюжетного плана в художественно-образный: через одухотворенное изображение природы, а не через деятельность человека. В сценах, где природа занимает главное место, намечается слияние человека с окружающим миром, но нет еще разворота пространства как носителя сакральной идеи. Художественный эффект достигается средствами живописи *ямато-э*, т.е. главным образом с помощью цветовых сочетаний (вариант зелено-бирюзового тона от яркого и звучного до матово-приглушенного, передающего туманную дымку) и масштабных противопоставлений величественной природы и человека.

Пространственная композиция и цветовое решение создают возвышенный религиозно-философский контекст произведения, здесь лишь намеченный, а сюжетный план приобретает сакральный смысл через художественно-образное воплощение природного мира. От пейзажа как связующего звена для сюжетов или интервала в действии намечается переход к изображению природы как самостоятельной ценности.

Эстетическое осознание природы, выраженное в пейзаже как специфическом жанре живописи, относится к XIV и XV вв. и отчасти было связано с усилением после некоторого перерыва влияния китайской культуры (а также с распространением учения буддийской школы Дзэн).

Это учение начало проникать в Японию из Китая с конца XII в. и постепенно оказывало все большее влияние на японскую культуру. В XIII–XIV вв. одно из направлений Дзэн (*Риндзай*) получило статус официальной государственной идеологии. Учение Дзэн (по-китайски Чань) имело к тому времени в Китае разработанную догматику, значительное число монастырей по всей стране. Отвергая письменные источники как главное средство постижения истины, Дзэн видел основу в непосредственной передаче учения ученику от учителя, оказывавшего постоянную помощь в достижении «просветления» (или «пробуждения» — *сатори*) как главной цели.

Разные направления Дзэн предпочитали, кроме длительных медитаций и беседы-*мондо*, поиск ответа на вопросы, не имеющие логического смысла (*коан*), но, кроме того, адепты Дзэн важным средством на пути к истине считали невербальные знаковые системы: живопись, каллиграфию, искусство садов, продолжая в этом традиции эзотерических школ, в первую очередь Сингон.

Большое влияние Дзэн фактически на все слои общества было связано с его значительным практицизмом, вниманием к конкретному более, чем к абстрактному, т.е. с учетом национального мирочувствования. В отличие от других буддийских школ, Дзэн проповедовал возможность достижения «пробуждения» как пути к истине любым человеком в условиях обыденной жизни, ибо нирвана и сансара, духовное и светское, субъект и объект не разделены, но слиты в единый поток Бытия, который и есть синоним Будды.

Теория *сёкутай дзёбуцу* («в этом теле стать буддой») была особенно популярной, ибо облегчала главную задачу индивида — достичь состояния недуальности (*фуни*) как осознания своего единства с миром и увидеть вещи такими, какими они являются на самом деле, т.е. постичь Истину, сокровенный смысл Бытия. При этом большое значение приобретали личный опыт и интуитивное постижение истины, которое не может быть выражено словами. Отсюда — задача поиска невербальных средств выражения своего нового состояния, нового взгляда на мир, открывшейся человеку сакральной истины. Понятно, почему учение Дзэн уделяло большое внимание искусству. По мнению специа-

листов, дзэнское мироосмысление выражалось преимущественно через художественные образы.

Метафорический, символический язык искусства в силу своей полисемантичности и неполной определенности открывал каждому нечто особое и неповторимое, какую-то грань истины. Отказ от рационального метода познания и развитие интуиции оказывали самое непосредственное влияние на строение художественного образа в дзэнском искусстве, а свойственная дзэнскому сознанию парадоксальность изменяла эстетические ориентиры в обществе.

Дзэнская концепция «озарения», как важнейший элемент теории познания, предполагала и особый тип восприятия произведения искусства. Не постепенное движение от незнания к знанию, а мгновенное постижение сути, всей полноты смысла основывалось на особой структуре образа с его слитностью с универсальной сакральной идеей. Неудивительно, что именно на живопись с ее одномоментностью восприятия картины адепты учения обращали особое внимание.

Задача японского живописца состояла в поисках ритмического соответствия вновь создаваемого тому, что существует в мире. Ритмическая упорядоченность жизни природы с ее чередованием времен года, дня и ночи осознавалась как главный закон жизни вообще, в том числе и включенного в природную среду человека. Это и было одним из выражений сакральной идеи мироздания. С этим был связан и канонический ритм традиционного стиха, и ритм ритуального танца, и ритмическая композиция пейзажного свитка.

К началу XIV в. японское художественное сознание было подготовлено к выражению в образах пейзажа идейных концепций времени, сложных философско-религиозных проблем. В комплексе с даосскими идеями, также частично освоенными, создавалось то духовное поле, в которое был погружен живописец и которое, может быть помимо его воли, влияло на структуру художественного образа его произведений.

Контакты с Китаем, хотя и пережившим уже пик высокого расцвета пейзажной живописи, оказались для японских художников важнейшим стимулом для осознания природы как главного объекта претворения в искусстве, источником того принципиально нового, что появилось в живописи.

Для японской художественной культуры это было первое практическое знакомство с разработанной в Китае на протяжении нескольких веков системой пейзажной живописи *шань-шуй — горы-воды* (по-японски *сан суй*) как концепцией воспроизведения мира природы. Пейзаж *шань-шуй* был воплощением идеи, сложившейся в сфере китайской религиозно-философской мысли, теоретически закрепленной в многочисленных трактатах, посвященных в значительной части средствам выражения сакральной идеи Природы-Космоса, носителя Абсолютной Истины.

Постепенно, в течение длительного времени на практике и в теории китайской пейзажной живописи был разработан и подвергнут развернутой классификации «визуальный словарь» ставших каноническими элементов природного мира, из которых живописец, опираясь на определенные правила, мог составить композицию пейзажа — зимнего, весеннего, осеннего, в туманной дымке или сияющего красотой яркого дня, с могучими горными пиками, бурными потоками и водопадами или тихими лесными озерами. Всякий раз это был индивидуализированный, а не только сухо канонический, образ природы, прочувствованный художником, которому приоткрылся путь к постижению чего-то за формами, воспринимаемыми глазом.

Как известно, «внутреннее» в любом произведении искусства может быть выражено только через «внешнее», через тот художественно-образный язык, который дан художнику, и от его владения этим языком, его мастерства пейзаж может стать не просто некой суммой природных объектов, но выразить то содержание, тот глубокий смысл, ради которого живописец брался за кисть. К этому и шли постепенно первые японские пейзажисты.

Пейзаж должен был воспроизвести целостность мироздания, грандиозного и совершенного, ибо природа при всей конкретности ее отдельных проявлений – единый организм, и в каждом единичном проявляется Всеобщее, как во Всеобщем — единичное. Для воплощения этого и были найдены соответствующие формы: вертикальная плоскость живописного свитка, позволявшая передавать уходящие в бесконечность пространственные дали, а также монохромная техника с ее отказом от многоцветности реального мира, позволяющая воссоздавать не только умозрительное представление о природе, но и духовное состояние мастера, тот неповторимый момент, когда ему открывалось нечто, лежащее вне визуальных форм.

Еще в китайском трактате VIII в., приписываемом великому художнику Ван Вэю, говорилось: «Средь путей живописца тушь простая превыше всего. Он раскроет природу природы...»[7]. Так в живописи тушью предметно-материальное трансформировалось в нематериальное, присущее ментальной сфере.

Пейзаж Ситан «Пролет диких гусей над отмелью» (до 1317 г.) считается самой ранней из известных работ японских художников этого жанра. Первоначально свиток был частью картин на известную в Китае тему «Восемь видов рек Сяо и Сян». Проработка деталей и композиция указывают на начальный этап освоения жанра.

Части триптиха Гукэй (ок. 1360 — 1375 г.) — «Пейзаж во время дождя» и «Пейзаж с дровосеком и рыбаком» (Национальный музей, Токио) — располагались по сторонам центрального изображения «Каннон в белых одеждах», бывшего одним из многочисленных подражаний знаменитой картине китайского художника Му Ци XIII в. Само сопостав-

ление в одной композиции образа буддийского божества и пейзажей свидетельствует о тождественности смыслового содержания всех трех свитков, их внутреннем единстве.

Монохромная живопись *суйбоку-га* у первых дзэнских художников XIV и начала XV в., таких, как Мокуан, Као Нинга, Гёкуан Бомпо и других, была первоначальным освоением техники использования туши с ее размывами и сгущениями, специфическими возможностями линии и пятна. Мотивами их работ были главным образом изображения буддийских святых и известных дзэнских наставников, символических растений и птиц. Нередко похожие на беглые зарисовки, эти работы были еще «пробой кисти» более, чем выражением сложных дзэнских концепций[8]. Среди них были и подражания привезенным из Китая произведениям знаменитых там живописцев Ли Тана, Ма Юаня, Ся Гуя и даже таких, как Лян Кай и Му Ци с их предельно лаконичной манерой письма и виртуозным использованием всех приемов монохромной техники.

Монохромная живопись была распространена главным образом в дзэнских монастырях (в Киото одним из центров дзэнского искусства был Сёкокудзи, но также Нандзэндзи, Тофукудзи) и, подобно садам в этих же монастырях и пейзажной лирике в литературе *годзан бунгаку*, была не самодостаточной целью творчества, но средством передачи учения — дзэнской идеи единства мира и человека, их нераздельности, исчезновения различий между «я» и «не-я» (*фуни*).

Уже во второй половине XIV в. пейзаж стал занимать все более значительное место в дзэнской живописи. Чаще всего это были мотивы китайской природы, может быть и виденные художником во время пребывания в Китае, но имеющие опосредованное отношение к реальной натуре. Это были ставшие каноническими излюбленные мотивы вроде пейзажей четырех времен года или «Восьми видов рек Сяо и Сян».

Если японские художники и делали точные копии китайских оригиналов, то за этим стояла задача освоения композиционных приемов и так называемой воздушной перспективы, с помощью которой можно было передать безграничность пространства природы и целостность мироздания, близкие их мирочувствованию, сложившемуся еще в древний период, идущему от синтоизма и выраженному в идее одушевленности всего сущего, а позднее, как уже отмечалось, поддержанному буддизмом в учении о наличии естества будды (*буссё*) как в естественных, так и в рукотворных предметах.

В ранних пейзажах большое место занимал текст — стихотворный, дидактический, пояснявший что-либо, связанное с картиной. В картинах-стихотворениях (*сигадзику*) тоже можно видеть китайское влияние. Идея «трех совершенств» — каллиграфии, живописи, поэзии, имевших при единстве технических приемов исполнения кистью и тушью глубинные внутренние связи, — свидетельствовала, как считалось, не только об одаренности художественной, но и о нравственных качествах

человека, отражавшихся в его почерке. Сила и динамизм линии или ее мягкая текучесть и в живописи, и в каллиграфии были «картинами сердца», имевшими умозрительное отношение к реальности, но способными передать внутреннее состояние автора.

Дзэнские монахи путешествовали по стране, часто подолгу живя отшельниками в горах, где, как считалось, концентрируется жизненная энергия — *ки* (по-китайски *ци*), но, возвращаясь в монастырь, они хотели иметь для созерцания свиток живописи как модель, дававшую направление их интуитивным откровениям. В длительном созерцании природы — реальной или изображенной на картинах — адепты Дзэн постигали ее красоту как постоянную изменчивость и вечность, чувствуя себя органичной частью этого мира, свою «растворенность» в нем.

Так возник и оформился жанр «картины ученых келий». Самая ранняя из известных работ (1413 г.) принадлежит Минтё из монастыря Нандзэндзи, и в тексте говорится, что это — «Маленькая хижина в сокровенности горных ущелий», как и стали называть этот свиток. Он построен на основе изобразительных элементов китайского классического пейзажа с горами и водным потоком, с вертикально расположенными планами композиции, с тональными переходами туши, воспроизводящими туманную дымку и воздушную среду.

Мотивами «картин ученых келий» обычно были красивые места в горах, где на склоне или уступе скалы изображалась хижина с одинокой фигурой. Текст содержал стихи, воспевавшие жизнь на лоне природы — главного «собеседника» человека. В условиях монастыря такие картины исполняли роль своего рода иконы, созерцая которую можно было прийти к откровению истины, к «просветлению» — *сатори*. Сакральный смысл и его художественное воплощение в образах природы были едины и только так могли существовать.

Хотя японские художники постоянно видели природу своей страны, они писали, как уже отмечалось, лишь то, что соответствовало каноническим «знаменитым местам» Китая, руководствуясь убеждением, что истину надо «постичь сердцем», вспоминая афоризм древнекитайского мудреца Лао-цзы: «Не выходя из дома, познать Вселенную...». Таким образом, миметический аспект считался даже мешающим этому, ибо истина открывалась не в феноменальном мире, но вне его, постигалась «внутренним взором».

Надо подчеркнуть, что вслед за адептами эзотерических школ буддизма наставники Дзэн выделяли именно живопись как путь к «просветлению» ввиду одномоментности воздействия картины на человека и тем самым мгновенности постижения смысла. И чем более лаконичны были выразительные средства живописи, тем короче становился путь к истине, тем значительнее были суггестивные качества произведения, полнее и эстетическая, и сакральная насыщенность образа.

В XIV–XV вв. одновременно с монастырскими центрами развития живописи возникла школа художников семьи Ами при дворе сёгунов Асикага: Ноами, Гэйами и Соами, работы которых по смыслу были близки дзэнским идеям.

Пейзаж Гэйами «Монах, созерцающий водопад» (около 1478 г., музей Нэдзу, Токио) по мотиву близок работе китайского художника Ли Тана, находившейся в Дайтокудзи в Киото. Весьма вероятно, что Гэйами видел картину знаменитого китайского мастера, но не следовал в точности ни ее композиции, ни манере использования кисти и туши. Пейзаж Ли Тана состоит из двух свитков, и на одном из них изображен водопад на горном склоне и две крохотные фигурки людей, любующихся им. Весь задний план занимает гора, написанная мягкими размывами туши и закрывающая собой выход к дальним планам, отчего картина приобретает несколько камерный оттенок.

Гэйами выделяет именно водопад как центральный мотив, линия у него более твердая и насыщенная тушью, а формы обрисованы конкретнее и резче. Лишь в верхней части свитка скрываются за размытыми очертаниями облаков силуэты пропадающих вдали гор. Само строение образа у Гэйами вызывает ассоциации с водопадом-божеством, т.е. синтоистским подтекстом, который «накладывается» на дзэнскую медитацию, заявленную в названии. Пейзаж Гэйами по типу примыкает к «картинам ученых келий», с хижиной, приютившейся под скалой, и фигурами монаха и ученика на мостике через поток, но смысл его не однозначен: это и самоуглубление человека, пытающегося в процессе созерцания понять мир и себя в нем, и поклонение божеству-*ками*.

Известны и пейзажи Соами (конец XV — начало XVI в.), исполненные на раздвижных перегородках-*фусума* в Дайсэн-ин, одном из храмов монастыря Дайтокудзи. Эти пейзажи сопоставимы по смыслу со знаменитым садом этого храма. И символический сад, и живописные пейзажи предназначены для медитации и служат средством дзэнского постижения Истины мироздания.

Важным этапом в освоении законов пейзажного жанра, адаптации открытий, сделанных в Китае, к особенностям японского национального художественного сознания были произведения Тэнсё Сюбун и в особенности Тоё Ода, известного также под псевдонимом Сэссю. Как и его учитель, известный живописец Дзёсэцу, Сюбун был священником в монастыре Сёкокудзи. При покровительстве сёгунов Асикага он создал Эдокоро — нечто вроде Академии живописи, что делало художников более независимыми от буддийской церкви, но не влияло на религиозный смысл их произведений. С именем Сюбун связывают довольно много произведений, но ни одно из них не имеет его подписи. Одна из лучших приписываемых ему работ — «Чтение в уединенной хижине в бамбуковой роще» (Национальный музей, Токио), принадлежащая, как и многие работы его предшественников, к типу «картины ученых келий».

В его живописи так называемого китайского стиля пейзаж уже достиг качеств первообразцов в использовании средств монохромной живописи: передаче воздушной среды, кажущейся из-за тончайших размывов туши нестабильной и зыбкой, скрывающей в туманной дымке очертания далеких предметов. Как и китайские классики, он выносит на передний план изображение мощной скалы с деревьями на ее вершине, а нарочито асимметричное расположение этой скалы позволяет всю остальную часть свитка занять уходящим в беспредельность пространством как носителем космического начала. Здесь пространство уже не столько категория изобразительного языка, сколько органичная часть художественного мышления автора, выражение того сокровенного, что не выявляется в материальных формах.

Вслед за Сюбун его гениально одаренный ученик Сэссю продемонстрировал способность мыслить образами пространства, что было свойственно японской ментальности еще с древности, в синтоистски ориентированном сознании с его изначально поэтически-метафорическим ощущением мира природы как мира феноменального и сакрального одновременно. Здесь стоит припомнить слова Кэндзо Тангэ о способности мыслить образами пространства как такового, что сыграло важнейшую роль во всем развитии национального художественного мышления. В пейзажах Сэссю именно такой древний синтоистский субстрат способствовал выявлению новых особенностей художественного образа, его структуры, отличавших японское пейзажное искусство от китайских прообразов.

О жизни Сэссю известно не намного больше, чем о его предшественниках и современниках. Он родился в 1420 г. в Биттю (современная префектура Окаяма), в молодости приехал в Киото и стал дзэнским священником в Сёкокудзи, где учился живописи у Сюбун. Позднее, в 1463 г. он переехал в монастырь Ункокукан в провинции Суо (современная префектура Ямагути), который был в то время значительным культурным центром под покровительством аристократического клана Оути. В конце 1467 г. (по другим источникам, в 1468 г.) Сэссю уехал в Китай, где посещал не только дзэнские монастыри, но много путешествовал и интересовался местами, связанными с творчеством великих китайских художников.

Грандиозные ландшафты континента, отличавшиеся от японских, частично приоткрыли ему пафос китайских пейзажей, их особый композиционный строй, что оказалось важным для его последующего творчества. Во время пребывания в Китае (он вернулся на родину осенью 1469 г.) Сэссю исполнил четыре пейзажных свитка с традиционной темой времен года. Это не были копии китайских образцов, но здесь Сэссю наиболее близок им в использовании тех элементов «визуального словаря» пейзажной живописи, которые разрабатывались в течение нескольких веков.

Он использует и многие традиционные мотивы: вздымающиеся к небу острые горные пики, бурлящие у их подножия потоки, изогнутые вет-

рами деревья и др. Само строение композиций при взгляде с высоты, с четким разграничением нескольких планов, подчеркивающих уходящее в глубину пространство, масштабное сопоставление величественной природы и мелких человеческих фигур — все это отвечало канонам классического китайского пейзажа, раскрывавшего в сопоставлении сезонов года жизнь природы во времени, в неизменности и вечности ее ритмов. В этой работе видно, как Сэссю продолжал использовать все внешние, ставшие стереотипами приемы системы *сан суй*.

Но уже здесь определилось отношение художника к поверхности картины, понимание важнейшей роли незаполненной части бумажного листа или шелка, то, что стало определяться в японской эстетике термином *ёхаку*, когда подчеркивалось не только пространство, но его смысловая наполненность.

В сравнении с более зрелыми произведениями художника эти четыре свитка выполнены как бы неосознанно: кисть направлялась неким усилием, подчинявшимся безукоризненно выверенному канону, не требовавшему специальной внутренней оценки и индивидуального чувства.

Весь дальнейший путь творческого развития Сэссю состоял не в отказе или преодолении канона, но в наполнении его собственным духовным смыслом, связанным с национальным художественным мышлением и иным контекстом существования культуры, отличавшимся от того, когда работали великие китайские классики. Отсюда появление в художественном языке Сэссю новых черт: в понимании пространства, ритма, роли тушевой линии, каждого касания кисти к бумаге или шелку. Постепенно намечался переход к осознанному и индивидуально пережитому использованию всех средств выразительности монохромного пейзажа.

Между 1481 и 1484 гг. Сэссю предпринял длительное путешествие по стране, во время которого он делал множество зарисовок. Это дало ему собственное ощущение пейзажной живописи через японскую природу. Произошел синтез концептуального пейзажа *сан суй* и внутренне осознанной реальной природной среды. Результатом этого стал так называемый «Длинный свиток пейзажей» 1486 г. (из коллекции Мори), где почти на семнадцати метрах живописной плоскости разворачивается грандиозная панорама жизни природы в ее временных циклах от весны к зиме, в смене состояний каждого сезона, что и делает свиток не суммой отдельных сцен, но целостным по своей структуре произведением. Здесь раскрывается отношение ко времени как ценности, как неотъемлемому атрибуту жизни Природы-Космоса.

Композиционная особенность этого свитка — вынесение на передний план основных предметных форм, которые словно возникают на глазах у зрителя: скалы, деревья, рыбачьи лодки, деревенские дома приковывают взгляд своей конкретностью, что усиливается легкой подцветкой при главенстве монохромной техники с ее энергичными мазками туши, ломкой и выразительной линией. Легкая дымка, скрывающая четкость

очертаний изображенного на дальнем плане, передает пространственную глубину, а маленькие фигурки людей подчеркивают грандиозные масштабы и величие природного мира. Образ природы здесь предстает открытым не столько тихому созерцанию, сколько внутреннему его переживанию благодаря новым особенностям художественного языка, что проявится еще отчетливее в произведениях следующих лет.

Вглядываясь в разнообразие природы, постепенно приходя к пониманию закономерностей ее жизни, Сэссю оставался дзэнским мастером, относившимся к своему искусству как средству и пути к сокровенной сакральной Истине Бытия. Неудивительно, что, еще будучи в Китае, он стал подписывать свои работы псевдонимом «Тоё. Японец Дзэн», подчеркивая тем самым и свою религиозную принадлежность, и то, что он не китаец. В конце жизни он подписывал свои работы «Ункокукэн», по названию монастыря, где он жил. Но в фиксации своего имени на произведениях, что не было свойственно его предшественникам, проявилось и самосознание мастера, определившего цель своей жизни и творчества.

В конце 80-х и начале 90-х годов стали различимы две манеры Сэссю в исполнении пейзажей. Одна манера наиболее ярко проявилась в пейзаже «Зима», а другая — в «Пейзаже в стиле *хабоку*». Но, меняя почерк своих работ, Сэссю оставался японским художником, и будучи по мироощущению дзэнбуддистом, он шел к создаваемому образу природы не только от абстрактно-философских категорий понимания Природы-Космоса, но подключая к этому нечто более конкретное, лично пережитое. Он опирался на известный постулат Дзэн — «правил без правил», т.е. внутренней свободы в зависимости от определенного мотива и момента исполнения работы.

Величественный, исполненный внутренней силы пейзаж «Зима» передает прежде всего ощущение застылой неподвижности всего, от еле заметных в тумане обрывистых скалистых гор до крохотной фигурки человека, вроде бы сжавшегося и с трудом поднимающегося по ступеням виднеющегося вдали храма. Кисть мастера, будто прерывая движение, оставляет ломкие, образующие острые углы, сталкивающиеся линии. Их ритм создает напряжение, не мотивированное сюжетом, но исходящее от духовного состояния художника.

Самое выразительное в этом пейзаже — мощная вертикальная линия, резко «расколовшая» плоскость картины, завораживающая своей силой и определяющая всю ритмическую жизнь произведения, создающая совершенно особый, не соразмерный со всем остальным масштаб целого. Возникает образ огромной льдины, внезапно расколотой трещиной. Эта линия определяет тонус произведения, его эмоциональный смысл, как некий предопределенный момент в жизни природного мира и органично вплавленного в этот мир человека.

«Зима», может быть, самое великое произведение японской пейзажной живописи, несущее в себе тайну того, что открылось художнику

в какой-то особый миг, когда он в состоянии наития интуитивно нашел на плоскости бумажного листа место этой странной линии с ее постепенным наполнением тушью от едва заметного штриха сверху к переходящей в густые черные изломы, пропадающие за силуэтом холма.

Здесь можно говорить о слиянности сакрального начала и образного импульса, что «подразумевает обоюдный, двусторонний характер их взаимодействия на основе не одной лишь прямой, но и обратной связи между ними, ибо именно встречное движение от образных факторов к сакральной идее сообщает ей необходимый способ эстетической реализации и тем самым дает образную жизнь. В активности образного начала — залог многогранности творческого претворения этой идеи и ее органической адаптации к конкретным условиям различных исторических этапов и географических регионов»[9].

Необычность каллиграфии свитка «Зима» становится особенно очевидной при сравнении с парным к нему свитком «Осень», где сам почерк, манера наложения тушевой линии те же, но их плавный ритм, спокойные очертания холмов и пространство, уходящее в безбрежные дали, — все это создает совершенно иной образ мира природы. Масштабное сопоставление деревьев рядом с храмом на переднем плане на скале подчеркивает «далевое», плавное построение всей композиции — от выдвинутых к плоскости картины нагромождений скал к теряющимся в тумане силуэтам далеких вершин.

Здесь наполненная тушью кисть художника выделяет стебельки тростника на берегу реки, мелкую листву деревьев и другие тонкие детали. Покой, умиротворенность природы раскрывают иной, чем в пейзаже «Зима», строй духовного состояния мастера, может быть состояния «недуальности» (*фуни*), столь желанного для каждого адепта Дзэн и олицетворяющего слияние с миром природы, внутреннее единение с нею.

«Пейзаж в стиле *хабоку*», исполненный в 1495 г., имеет в верхней части несколько надлисей, в том числе надпись самого Сэссю, где говорится, что свиток был им подарен ученику Соэн по случаю его возвращения на родину, т.е. расставания с наставником. Подарок покидающему учителя ученику был одной из дзэнских традиций, связанной с самим методом обучения: передачей учения непосредственно в процессе совместной жизни, где важно было все — и диалоги-*мондо*, и житейские поступки, и работа в саду по его устройству, подобная работе над живописным произведением и имевшая то же самое предназначение созерцания мира природы, способность в малом и единичном увидеть Всеобщее и пережить «просветление», т.е. понять мир, каков он есть на самом деле.

Это пейзаж-послание и, может быть, наставление, которое изначально не выражаемо словами и скрывающее некую тайну того интимного внутреннего контакта, которым были связаны, возможно, долгие годы Сэссю и его ученик. В пейзаже важен не столько результат, но

ощущаемый процесс создания картины, поскольку это послание ученику не просто дополняет то, что сказано в тексте, но это и есть сам «текст», переданный языком живописи с ее мазками, линиями, сгущениями и размывами туши. Это чувства мастера, его внутреннее состояние, волнения данного момента. И одновременно, раз это послание, в нем содержится что-то особенно важное, касающееся учения Дзэн.

Как и всякое дзэнское произведение, пейзаж Сэссю наполнен отзвуками, исходящими из глубины, никогда неисчерпаемой и выражаемой порой только одной линией или пятном туши, бесконечное эхо, передающееся от одного другому и в конечном итоге открывающее всю полноту смысла.

Пейзаж выделяется ярко выраженной индивидуальностью манеры, почерка мастера, передачей не только идеи божественной Природы, но и переживания ее красоты человеком. Здесь подчеркивается не грандиозность мира, но его нестабильность. Кажется, что через мгновенье все изменится — очертания кроны дерева, склонившегося под порывом ветра, пропадут виднеющиеся сквозь туман горные пики, все неясно, нет тщательно выписанных деталей, напротив, они едва различимы.

Техника *хабоку* (по-китайски *по мо* — «прерванная тушь») состоит в том, что на влажную бумагу накладываются один на другой сначала совсем светлые мазки туши, затем более интенсивные, наконец, черные. От этого формы теряют четкость очертаний, они как будто возникают из окружающего пространства, как из Небытия возникает весь феноменальный мир. Такое «возникновение» и старался запечатлеть художник, утверждая, что мир есть процесс, он постоянно изменяется, и в этом состоит закон жизни Природы-Космоса. Если напомнить еще раз слова К. Тангэ о сакральном ощущении пространства, свойственном японской культуре, то можно сказать, что Сэссю в созданном им образе природного мира через художественный образ открывает слитое с ним сакральное начало, их неразрывную целостность. Может быть, в этом и заключался смысл «текста», переданного им ученику, или, вернее, подтекста — скрытого, не выражаемого словами.

Между 1502 г. и 1506 г. (годом смерти мастера) Сэссю было создано самое необычное для его времени произведение — зарисовка одного из прославленных своей красотой мест на побережье Японского моря, «Ама-но Хасидатэ» («Небесный мост»), где он сам побывал. Это величественная панорама, изображенная с высоты «птичьего полета», что позволяет окинуть взглядом огромное пространство, которое медленно разворачивается перед зрителем от расположенных у нижнего края картины скал к лесистой песчаной косе, далеко выдающейся в воды залива, затем к берегу со множеством больших и малых строений и силуэтам холмов за ними.

Сэссю использует ранее выработанные композиционные приемы, например выделение переднего плана, подчеркнутую асимметрию по-

строения, что дает возможность развития сюжета, но в целом это произведение не только принципиально новый взгляд на природу, но открытие новых путей для всего искусства японского пейзажа. Свойственное национальному сознанию, восходящее к древности поклонение природе, ощущение ее сакральной сущности получили конкретные формы выражения, воплотившиеся в воспроизведении красоты прославленного реального ландшафта.

При этом свободно раскинувшееся, уходящее в бесконечность пространство осталось, как и в других работах мастера, главным объектом внимания, носителем духовного смысла. Может быть, высшим проявлением гениальной одаренности Сэссю было слияние конкретного вида и возвышенного образа мира как воплощения Великого Космического Будды.

Сэссю открыл глубинные слои национального мироощущения и в сакральном, и в эстетическом восприятии природы. Он не только привнес в японскую живопись высокую культуру изобразительного языка, разработанного в Китае. Он адаптировал этот язык для выражения национального мирочувствования и передачи в пейзаже того сложного конгломерата религиозно-философских и художественных идей, которые были свойственны эпохе, когда он жил и работал. Он сделал пейзажную живопись проявлением японского национального духа.

Проблема искусства и религии, лишь обозначенная, но далеко не полностью разработанная в предлагаемой работе, затрагивает все сферы творческой деятельности в японской традиционной культуре. Это касается и непосредственно связанных с религиозными сюжетами живописи и скульптуры, но также и поэзии, разных жанров литературы, театра, ритуалов, в том числе и чайного действа, и др. Специалисты разного профиля не часто касаются этой важнейшей проблемы, подробное исследование которой могло бы прояснить ранее не попадавшие в поле зрения особенности как конкретных произведений, так и национального художественного сознания в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Nakamura H.* A History of the Development of Japanese Thought. Tokyo, 1967, p. 311.
[2] *Танге К.* Архитектура Японии. Традиции и современность. М., 1986, с. 28.
[3] Там же, с. 29.
[4] *Глускина А.* Заметки о японской литературе и театре. М., 1979, с. 148.
[5] Буддизм в Японии. М., 1993, с. 161, 162.
[6] Там же, с. 162.
[7] Тайны живописи (пер. В. Алексеева). Цит. по: Выставка китайской живописи. Л.,1937, с. 23.
[8] *Kanazawa H.* Japanese Ink Painting: Early Zen Masterpieces. Tokyo, New York, San Francisco, 1979.
[9] *Ротенберг Е.* Сакральная идея и художественный образ. — Библия в культуре и искусстве. «Випперовские чтения — 1995». М., 1996, с. 9.

А. Садокова

СИМВОЛИКА ВОДЫ В ЯПОНСКОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Одной из характерных особенностей фольклора японцев может считаться огромное количество произведений, непосредственно связанных с символикой водной стихии. При этом «водная стихия» понимается чрезвычайно широко и не ограничивается исключительно понятием «море», что было бы естественно для Японии как островного государства.

Море и морские божества занимают важное место в произведениях японского фольклора, но столь же значительными считаются все другие божества, связанные с водой. Такой подход представляется вполне закономерным, если учесть, что основными видами хозяйственной деятельности в Японии издавна были и рыболовство, и земледелие (прежде всего поливное рисоводство). Эти два типа культурно-хозяйственной деятельности японцев наложили свой отпечаток на формирование системы фольклорных представлений, связанных с водной стихией.

Так, благодаря рыболовству в японской народной традиции возникло представление о Подводном царстве, где обитает Дракон — повелитель водной (морской) стихии и где можно получить особое «рыбацкое счастье», будь то умение повелевать приливами и отливами, тайфунами или косяками рыб. Параллельно с этим сложилась и другая система почитания богов, также связанных прежде всего с морем. Этих просили ниспослать богатый улов, а также молили о безопасности в море.

Развитие земледелия, в свою очередь, привело к тому, что особо стали почитаться божества и духи пресноводных водоемов (рек, озер, прудов), а также те представители фауны, которые в них обитали. Особенно внимательно японцы относились к тем божествам, которые могли даровать дождь, а значит, богатый урожай.

Таким образом, в японской традиции водная стихия представляла собой единое целое, подразумевающее совокупность моря, рек, озер, прудов, болот, а также осадков, прежде всего дождя. Более того, синтоистское Божество воды — *Мидзу-но ками* зачастую понималось и как Божество моря, и как Божество реки.

© А. Садокова, 2006

Столь всеобъемлющее понимание в японском фольклоре символики воды привело к созданию огромного числа произведений повествовательного жанра, в основном легенд и сказок, в которых водная стихия выступала не только как фон при реализации действия, но и как своего рода «действующее лицо» произведения. Обратив внимание на важное место сказок и легенд, связанных с водной стихией, японские исследователи составили даже особую классификацию этих произведений, исходя из той роли, которую играет в них вода.

Так, в энциклопедическом словаре японских народных сказок исследовательницей Хисако Мацунами написана специальная статья «Легенды, связанные с водой» («Мидзу-но дэнсэцу»)[1]. Вслед за известным японским ученым Кунио Янагита (1875–1962) она отмечает, что среди японских легенд, связанных с природными стихиями (с деревьями, водой, камнями и скалами, горами и холмами), именно легенды о деревьях и воде наиболее многочисленны. При этом самое большое число легенд повествует о реках. Далее автор выделяет пять типов легенд, так или иначе относящихся к категории *мидзу-но дэнсэцу*.

Как наиболее характерные для японского фольклора называются легенды типа *отимидзу-дэнсэцу*, своего рода легенды о молодильной воде. Действительно, тема чудодейственной воды широко распространена в японском фольклоре и имеет ряд интересных особенностей. Дело в том, что непосредственный сюжет о молодильной воде реализуется почти исключительно в сказочном фольклоре и, несмотря на повсеместное хождение в стране, не отличается большим количеством версий и вариантов.

Сказки о молодильной воде, как правило, юмористические, имеющие неожиданную концовку, в которой и заключена их «соль». Чаще всего героями этих сказок бывают старик и старуха. Старик случайно находит источник молодильной воды (озеро или ручей), выпивает воду и становится молодым, сам не подозревая об этом. По возвращении старуха не признает его, начинается перепалка, в результате которой старик осознает, что годы отступили. Старуха не желает больше быть старой рядом со своим весьма помолодевшим мужем. Едва дождавшись, когда старик уснет, она убегает в лес, к озеру и пропадает. Концовка таких сказок забавна и поучительна: на следующий день старик находит на берегу озера младенца и понимает, что старуха, не совладав с собой, выпила слишком много воды и теперь он должен будет растить и воспитывать собственную жену[2].

Японские легенды о чудодейственной воде тематически значительно отличаются от сказок. В большинстве своем они имеют четко выраженную буддийскую направленность. Рождение целебной или наделенной другими необыкновенными свойствами воды связывается с деятельностью известных буддийских монахов или даже буддийских богов.

Среди легенд подобного рода самое значительное место занимают повествования о великой силе достопочтенного монаха Кобо-дайси (Кукая, 774–835) — выдающегося философа и просветителя, крупного религиозного деятеля японского буддизма, основателя школы Сингон. Следы пребывания Кобо-дайси можно обнаружить в Японии повсюду. Это разного рода чудеса, якобы совершенные великим Кобо-дайси и оставленные потомкам. Бóльшая часть этих чудес как раз и связана с наделением воды необычной силой.

Так, например, в префектуре Канагава особенно почитается гора Ояма, с историей и культурой которой связано огромное число легенд и преданий. Среди многочисленных достопримечательностей этой горы особо выделяются так называемые «семь чудес» (*нанафусиги*). Попутно отмечу, что своими «семью чудесами» славятся очень многие места в Японии — «семь чудес» могут быть у города, квартала, полуострова, горы и т.д. Под *нанафусиги* понимаются семь необыкновенных явлений религиозного или природного характера, собранные вместе на более или менее ограниченной территории.

На горе Ояма к «семи чудесам» относятся, например, камень, имеющий форму глаза и обладающий чудесной силой исцеления глазных болезней; пещера, в которой слышен звук морского прибоя; мост, приносящий несчастье (поэтому с него нельзя падать и нельзя ничего ронять); деревья, растущие как бы «наоборот» (у них толстые верхушки и тонкий ствол у земли); две статуи буддийского божества Дзидзо, одну из которых Кобо-дайси выцарапал ногтями за одну ночь из цельного куска камня, другая же, имевшая когда-то лицо взрослого человека и в одночасье поменявшая его, превратилась в статую Дзидзо с детским личиком.

Седьмым же «чудом» горы Ояма считается источник, берущий свое начало у ее подножия в тенистой низине. Как гласит местная легенда, Кобо-дайси, путешествуя по стране Сагами (современная преф. Канагава), не мог не посетить святую гору Ояма. Однако он был поражен, что в жаркий день здесь негде было напиться воды. Тогда он ударил посохом о землю, и из земли поднялась струя. Так появился чистейший источник на горе Ояма. И теперь звенящий ручей бежит по склону горы, обладая поистине необыкновенной способностью: хоть он и не широк, но никогда не пересыхает, хотя температура в этих местах достигает летом +38° и вокруг высыхают все небольшие водоемы.

Другой чудесный источник тоже родился, как говорят, после удара посоха великого Кобо-дайси. Он находится на полуострове Идзу, в одном из райских природных уголков Японии. Идзу знаменит своими горячими источниками, обладающими лечебными свойствами, так как они богаты всевозможными минеральными солями. Говорят, что когда-то Кобо-дайси повстречал в этих местах молодого парня, который нес на спине своего отца. У отца отнялись ноги, и он не мог передвигаться.

Сжалившись над несчастным, Кобо-дайси ударом посоха вызвал из-под земли струю чудесной горячей воды. Вода стекла в ложбинку, образовав небольшое озерцо. Сын опустил туда отца, и прямо на глазах здоровье вернулось к старику. Сегодня на месте «пребывания» Кобо-дайси построена беседка, внутри которой небольшой бассейн с зеленоватой водой. В него, как утверждают старожилы, до сих пор поднимается вода, вызванная из земли самим Кобо-дайси. А горячие источники Идзу — курортное место, где лечат болезни опорно-двигательной системы.

Примеры, подобные этим, обнаруживаются в Японии почти на каждом шагу. И очевидно, что одной из основных функций воды в народных представлениях и фольклоре японцев является ее целительная функция.

Вторую большую тематическую группу легенд, связанных с водой, составляют, по мнению японских ученых, легенды, в которых вода, т.е. водоем, является местом знамения, той точкой, где человека ждет знание о своей судьбе. «Эти легенды, — отмечает Хисако Мацунами, — основаны на представлениях о том, что в местах, где текут святые воды, можно наблюдать божественное провидéние: характерный звук воды или внезапное появление волн на поверхности водоемов»[3].

Известно, что чаще других местами звукового или зрительного знамения выступают пруды и реки, хотя на самом деле ограничений нет. Так, в известной буддийской легенде о безволосой девушке божественный знак является ее родителям в виде необычного свечения на морской глади. В месте свечения обнаруживается потом статуя Богини милосердия — Каннон (санскр. Авалокитемвара), и хотя родители погибают, девушка, молясь и служа Каннон, обретает свое счастье[4].

К этой же тематической группе в японской науке принято причислять и произведения, основанные на так называемом культе *хасихимэ* (букв. «Принцесса моста»). Речь идет об особого рода легендах, известных во многих районах страны, объединенных в целом одним сюжетом и образующих некий цикл *хасихимэ дэнсэцу* («Легенды о Принцессе моста»). Все они имеют романтико-историческую основу, так как повествуют о несчастной любви знатной девушки (которую в японском фольклоре принято называть *химэ*), часто исторически достоверного лица, которая в порыве ревности, полная печали, бросилась с моста.

Это событие способствовало появлению топонимов типа «Девичий мост» или «Мост печали». Известен и «Шепчущий мост», ступая на который как бы слышишь тихий шепот и вздохи погибшей девушки[5]. Таким образом, мосты приобретали не только свойственный им в мифологии символ переправы, связи мира мертвых и мира живых, но и являлись постоянным напоминанием ныне живущим о единстве этих двух миров, их близости, а также о быстротечности и иллюзорности земной

жизни. И это тоже рассматривалось как форма знамения, предопределенности судьбы.

Кроме того, девушка, столь достойно погибшая (с точки зрения средневековой японской морали), не умирала, а согласно синтоистским представлениям, превращалась в божество *ками* и почиталась как бог — хранитель моста[6]. Однако случалось и обратное. Существует предание, что одна юная особа во времена правления императора Сага (809–823) бросилась из-за жгучей ревности в воды реки Удзигава в окрестностях Киото, но, съедаемая злобой, приняла образ демона — *уни* и стала вредить жителям тогдашней столицы Киото[7]. При этом считается, что такая трактовка образа более поздняя, а в древности эта красавица не только почиталась, но и воспевалась. История ее гибели вдохновляла самых разных поэтов, а ее популярность среди влюбленных куртизанок и синтоистских жриц была столь велика, что эта дева, настоящее имя которой так и осталось неизвестным, получила новое личное имя. Сегодня она известна всем как Удзи-но хасихимэ (букв. «Принцесса моста в Удзи»).

Исходя из сказанного о второй тематической группе японских легенд, связанных с водой, можно говорить о ее функции как предопределения судьбы, места знамения свыше.

В определенной степени близка ко второй и третья группа легенд. Легенды третьей тематической группы объединены идеей эманации (присутствия) божества в конкретном водоеме. И хотя Хисако Мацунами полагает, что к этой группе следует отнести легенды о человеческих жертвоприношениях духам воды, думается, что круг легенд и народных представлений, связанных с водой как местом обитания божеств, гораздо шире.

Это связано с тем, что, согласно традиционной религии *синто*, божества-*ками* обитают во всех природных явлениях мира. Именно поэтому должен почитаться и бог конкретного водоема, с которым связана жизнь конкретных людей. При этом бог воды именуется повсюду *Мидзу-но ками* (Бог воды) или *Уми-но ками* (Бог моря).

Ономастикон этого божества весьма примечательное явление. По сути речь идет о едином божестве воды, выполняющем множество функций. Однако, в зависимости от района, одни функции превалируют над другими. Так, в районах, отдаленных от моря, божество именуется Богом воды. Как считают, он обитает в реках, прудах и озерах и выступает в функции бога–подателя влаги. В прибрежных районах он известен как Бог моря, а потому способствует улову и обеспечивает безопасность моряков.

Кроме того, в японской народной мифологии существовало еще одно божество, покровительствующее морю. Речь идет о Драконе — повелителе морской стихии, хозяине Подводного мира. Его функции почти исключительно были связаны с морем, хотя, справедливости

ради, замечу, что со временем все больше стала почитаться его функция подателя влаги, что роднило Дракона с Богом воды. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что, согласно многим местным поверьям и легендам, драконы, будучи покровителями моря, спокойно обитали в озерах, прудах и реках, о чем речь пойдет далее.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что разница между Богом воды, Богом моря и Богом-Драконом в целом весьма относительна. Создается впечатление, что мы имеем дело по крайней мере с тремя ипостасями одного и того же божества, хотя часто они рассматриваются и как самостоятельные. О многоликости Бога воды свидетельствует и тот факт, что в представлении японцев Бог воды может являться в виде черепахи, кита, змея и даже маленькой лягушки. Известны случаи, когда формой материализации Бога воды была большая ракушка или прибрежный камень[8].

В этом смысле примечателен г. Одавара в современной префектуре Канагава (бывшая земля Сагами). Этот город и сегодня является важным прибрежным центром префектуры, а в XVI в. был главным замковым городом всего района Канто. В японской истории замок Одавара прославился упорным сопротивлением феодального клана Ходзё (пять поколений которого правили Одавара) войскам Хидэёси Токутоми, стремившегося объединить страну. Осада замка длилась более трех месяцев, пока наконец Одавара не пал.

Как гласит древнее предание, тогда на территории замка находился камень, по форме напоминавший лягушку. Его почитали как *Каэругами* (Бог-Лягушка) и считали олицетворением Бога воды. В Одавара рассказывают, что накануне сдачи замка камень стал издавать жалобные звуки, как бы предрекая скорую погибель защитников Одавара и прощаясь с ними. С тех пор камень объявили святым, и согласно преданиям, за последние 400 лет он несколько раз «сообщал» одаварцам о приближающихся несчастьях[9]. Камень сохранился до сих пор, но сегодня не находится на территории некогда разрушенного, а затем частично восстановленного замка Одавара. Его вынесли в один из тихих районов, но статус защитника города он сохранил.

Именно охранительная функция Бога воды наиболее характерна для произведений японского фольклора, и поэтому тема человеческих жертвоприношений, на которую указывают японские исследователи, является, на мой взгляд, не столько определяющей, сколько представляющей собой лишь одно из звеньев в цепи взаимоотношений людей и Бога воды.

Более того, повествования о человеческих жертвоприношениях не столь многочисленны, что, конечно, не уменьшает трагизма, свойственного им. Едва ли не первое упоминание о событии такого рода содержится в древнем памятнике «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.), в той части, где речь идет об эпическом герое древности, богатыре страны Ямато — Ямато-такэру.

Так, в одном из эпизодов, рассказывающем о героическом походе Ямато-такэру, указывается, что налетел ураган, начался шторм и это грозило гибелью воинам великого богатыря. Тогда его супруга, не долго думая, бросилась в пучину вод, чтобы задобрить Повелителя морской стихии. Море утихло, а Ямато-такэру продолжил свой путь навстречу новым подвигам.

В народных легендах и преданиях в качестве объектов жертвоприношений также нередко оказывались юные девушки. Считалось, что сбрасывание в воду не означало смерть, а лишь способствовало переходу в новое качество — утопленные девушки должны были «поступить» в услужение к Богу воды. Местом жертвоприношения чаще всего, видимо, оказывались бурные реки. Так возникли многие местные гидронимы типа Река молодой жены, Река красавицы и т.д.

Известны также и тексты, в которых жертвы Богу воды приносились при совершении инициальных обрядов, т.е. обрядов всякого рода «начала», связанного с водой. Например, при строительстве новой плотины или нового моста.

Основу сюжета таких произведений составлял выбор достойного человека, который мог бы стать «человеческим столбом», первой опорой, «вкопанной» в дно бушующей реки. На самом же деле этот человек должен был быть просто утопленным на месте начала строительных работ. Нередко жертву определяли по жребию, но чаще хватали самых беззащитных — ребенка или случайного прохожего. Однако можно было оказаться жертвой и по недоразумению. В этом смысле показательна притча «Если б не крикнул фазан», в которой некий человек, сам того не ведая, предложил себя в качестве *икибасира* — «живого столба»[10].

Четвертую группу народных повествований, связанных с водой, составляли произведения о несметных богатствах водной стихии. При этом море рассматривалось как место обитания морского повелителя, чаще всего Бога-Дракона, а реки и пруды как «проход» в Подводное царство. «Особое значение придавалось дну этих водоемов, — отмечает Хисако Мацунами, — так как именно через него можно было получить богатство и сокровища»[11].

В японской фольклористике есть даже такое понятие, как «подарки от Бога воды» (*мидзу-но ками-но окуримоно*). Эти подарки, как правило, являются формой благодарности герою за совершенный им добрый поступок. Сюжеты таких историй не отличаются особым многообразием. Герой, обладая добрым сердцем, спасает какого-либо водного (морского) обитателя (краба, улитку, черепаху, рыбу). Через какое-то время к нему является посланник Бога воды и приглашает в гости к Повелителю, чтобы герой получил благодарность сполна. В качестве дара оказываются самые разные предметы и явления.

Например, герой получает возможность узнавать время тайфунов или пути косяков рыб, у бездетных родителей рождаются дети, к глу-

хим возвращается способность слышать. В качестве подарка может выступать колотушка счастья, дарующая золотые монеты и вообще разные золотые предметы, приносящие новые и новые богатства. Понятно, что данный мотив широко распространен и у других народов мира и известен как Д 812.7 «Получение даров от Дракона-Повелителя», а также как Д 812.7 «Получение даров от хозяина реки». Близок к ним и мотив F 420.5.1.7.2. «Получение даров от Духа воды»[12].

Однако не все дары, полученные в Подводном царстве, давали исключительно блага. Среди японских сказок и легенд встречается немало таких, финал которых трагичен и связан с гибелью героев. Это истории о том, как среди прочих даров герой получал шкатулку или ящик, которые нельзя было открывать по возвращении на землю. Поднявшись с морского дна, герой обнаруживает, что время на земле текло слишком быстро, прошли века и он теперь один среди чужих людей. Опечаленный, он открывает шкатулку, оттуда выплывает струйка дыма и герой в один миг стареет или умирает. Именно так и завершается самая известная японская легенда — легенда о рыбаке Урасима Таро.

Надо сказать, что у истории об Урасима Таро поистине удивительная судьба. Будучи, вероятно, одной из первых легенд о Подводном царстве и Дворце Дракона, эта легенда имела фантастическую популярность и пересказывалась во многих памятниках японской средневековой литературы.

Наиболее древним упоминанием о ней в литературном памятнике считается версия, изложенная в поэтической антологии VIII в. «Манъёсю» (№ 1740, кн. IX). Песня сложена в форме *нагаута*, т.е. «длинной песни», и подробно перелагает известную легенду. Интересно, что под номером 1741 помещена так называемая *каэси-ута* («ответная песня»), содержащая оценку неизвестного нам автора событий древней легенды:

В бессмертном мире он
Мог жить за веком век,
Но вот по воле сердца своего
Он сам пошел на лезвие меча,
Как безрассуден этот человек!
(Пер. А. Глускиной)[13]

Интересным и несколько неожиданным является вариант легенды об Урасима Таро, зафиксированный как произведение жанра *отогидзоси* — коротких анонимных рассказов XIV–XVI вв. В финале Урасима превращается в журавля с горы Хорай и вместе со своей супругой Морской черепахой олицетворяет символы дальневосточного долголетия[14].

Популярность фольклорной легенды об Урасима Таро, известном также как Мидзу-но э Урасимако, привела к обожествлению героя и почитанию его как синтоистского божества — покровителя семейно-

го, супружеского счастья и способствующего долголетию. Считается, что дух Урасима Таро пребывает в синтоистском храме Ура-дзиндзя в префектуре Киото.

Этот храм широко известен и под другим своим названиям — Урасима-дзиндзя, содержащим имя героя известной легенды. Правда, легендой историю об Урасима здесь никто не считает, так как говорят, будто в сокровищнице того храма до сих пор хранятся дары, полученные бедняком-рыбаком от Морского повелителя и его дочери — Принцессы-черепашки, в том числе та самая шкатулка, украшенная перламутром, в которой хранилась струйка дыма — символ молодости.

Среди сокровищ храма числятся и свитки-*эмаки*, созданные в эпоху Муромати (XIV в.), — иллюстрированный рассказ об Урасима Таро. Правда, в некоторых деталях картины противоречили устным источникам. Так, например, изображалось, что Урасима Таро отправился в Подводное царство не на спине большой черепахи, а на лодке. И был он не бедным рыбаком, а знатным юношей. Далее, всё во дворце Морского повелителя: и убранство, и пейзажи, и даже одежды Принцессы-черепашки — Камэхимэ и ее прислужниц — было выполнено в четко выраженном китайском стиле[15].

Однако даже эта китаизированность образа Урасима Таро не помешала ему оставаться истинно национальным фольклорным героем. Сказки и легенды о нем бытовали практически во всех районах Японии, приобретая нередко местный колорит. Во многих из них даже указывалось, что именно в этих местах Урасима Таро родился или, вернувшись на землю, открыл заветную шкатулку. Однако, несмотря на стремление разных районов приобщиться к образу Урасима Таро, принято считать, что его жизнь протекала в месте расположения современной префектуры Канагава, поблизости от знаменитых гор Хаконэ, необыкновенного по своей красоте природного парка.

В окрестностях Хаконэ рассказывают, что, когда Урасима Таро узнал, что на земле за время его отсутствия прошло триста лет, открыл шкатулку и увидел легкую струйку дыма, он в сердцах бросил ее крышку в сторону северных гор, а саму шкатулку — в сторону южных. С тех пор, как гласит легенда, на севере Хаконэ возвышается гора Футагояма, а на юге — гора Бункояма.

Название «Футагояма» построено на игре слов. Иероглифически оно записывается как «близнецы» и «гора». Гора получила свое название потому, что имеет раздвоенную вершину. Однако фонетически в названии четко слышится слово *фута*, что значит «крышка» и ассоциируется со шкатулкой Урасима Таро.

Название горы Бункояма буквально означает «Гора книгохранилища» (в современном языке слово *бунко* имеет значение «библиотека», «книгохранилище»), но, безусловно, понимается как «Гора сокровищ», что также объяснимо, если исходить из легенды об Урасима Таро. Итак,

в префектуре Канагава известная легенда относится к разряду топонимических.

Не менее знаменит в связи с легендой об Урасима Таро и главный город префектуры Канагавы — Иокогама. Там даже есть холмы Урасима Таро (Урасима Таро-га ока и Урасима Таро-цука), которые еще в XIX в. относились к числу столичных и окрестных достопримечательностей. Город Иокогама считается обладателем и еще одной реликвии. Как гласит местное буддийски окрашенное предание, покидая Морское царство, Урасима Таро получил от своей жены Камэхимэ много разных подарков, в том числе и статую богини милосердия Каннон, которая до конца XIX в. находилась в буддийском храме Кампукудзюдзи, а затем была перенесена в находившийся неподалеку храм Кэйундзи, где и хранится до сих пор. Эта статуя известна как Урасима Каннон[16].

И, наконец, пятую тематическую группу японских народных повествований, связанных с водной стихией, составляют те, в которых Бог воды является к людям в измененном облике (об истинном его облике точных сведений нет) — зооморфном или антропоморфном. Появление божества в таких случаях не является случайностью. Он приходит, чтобы испытать человека на доброту, ум, сострадание. Если Бог воды обнаруживает, что человек добродетелен, за проверкой следует *онгаэси* — благодарность от животных, олицетворяющих в данный момент Бога воды.

Интересно, что именно в этих народных повествованиях наиболее сильно проявилось взаимовлияние синтоистской и буддийской традиций. Даже само слово *онгаэси* заимствовано из буддийских легенд и преданий о благодарности животных.

Показательна в этом плане еще одна широко известная легенда о благодарности краба. Попутно заметим, что в других вариантах вместо краба действует лягушка[17]. Особой популярностью эта легенда пользовалась в г. Киото — древней столице Японии и даже послужила объяснением причины строительства там буддийского храма с необычным названием Канимандзи (букв. «Храм, полный крабов»).

В основе сюжета лежит история о том, как девушка спасла на рисовом поле маленького краба, которого мучали деревенские дети. А затем отец, спасая от змеи маленькую лягушку, ненароком пообещал змее свою дочь. Жених не замедлил явиться. Получив отказ, он из симпатичного парня тут же превратился в огромного змея, обвил дом, где девушка жила со своими родителями, намереваясь раздавить его как яичную скорлупу. Однако на помощь пришли крабы — их было так много, что змей не выдержал борьбы и сдох. А на месте чудесного избавления девушки и ее родителей построили храм Канимандзи[18].

Правда, для сборника легенд буддийских храмов Киото был выбран тот вариант легенды о крабе, где речь шла об особой вере девушки в могущество буддийских богов, в частности богини милосердия Кан-

нон. Именно богиня Каннон, как гласит эта версия, и не оставила девушку в беде. Однако в большинстве вариантов акцент делается на помощи синтоистского Божества воды, материализовавшегося в крабе, иногда с целью испытать девушку, а затем даровать ей счастье. Например, уже после чудесного избавления от змея устроить встречу с прекрасным юношей, нередко знатным и богатым.

Иногда Бог воды (или Бог моря) принимает и антропоморфный облик. Тогда он является к людям с целью защитить слабых и наказать злых. Такого рода истории получили широкое распространение на южных островах Японии — на архипелаге Рюкю. В одной из них, известной как «Бог моря», повествуется о злом старейшине деревни, который изводил рыбаков бесконечными вопросами, не признавая при этом ни один из ответов правильными.

Так, однажды он собрал рыбаков и потребовал, чтобы они ответили, что́ на земле самое вкусное. Рыбаки называли разные кушанья, и лишь один из них сказал про соль. Ответ разъярил старейшину, и он приказал утопить наглеца в море. Далее следует целая череда событий: бедный рыбак прыгает в воду и исчезает, старейшина же в силу обстоятельств признает свою неправоту. В финале оказывается, что рыбак, сказавший про соль, был самим Богом моря, решившим осмеять и наказать глупого и злого старейшину, плохо относившегося к рыбакам своей деревни[19].

Таким образом, четко прослеживается еще одна функция воды в японском повествовательном фольклоре — функция наказующая.

Суммируя же все сказанное, следует отметить, что водная стихия занимала важное место в произведениях японского повествовательного фольклора и можно говорить по крайней мере о пяти основных функциях воды. Так, наиболее значимой считается исцеляющая функция, далее следуют функция воды как места появления знака, определяющего судьбу; охранительная функция, дарительная и наказующая.

Однако, безусловно, этими функциями не ограничивается роль водной стихии в японском фольклоре. Кроме того, нельзя забывать, что вода в представлении японцев была и чрезвычайно опасным местом, где обитали многочисленные недобрые духи — *мидзу-но кай*. В системе японской народной демонологии именно духи воды считались самыми страшными, приносящими людям гораздо больше бед, чем демонологические существа, обитающие в лесу, на дороге, в доме и даже в преисподней[20].

Вообще в японской народной традиции, в народной мифологии, в фольклоре, в системе народных религиозных представлений роль воды велика и многогранна. Нельзя оставить без внимания и значение образа Дракона в японских сказках и легендах. Дракон как персонаж японской народной мифологии и фольклора — сложный и многофункциональный образ. Я уже говорила о связи Дракона с Богом воды и их

нередком отождествлении. При этом создается впечатление, что образ Дракона существует в японской традиции вроде бы в двух плоскостях: с одной стороны, он является одной из ипостасей божества воды, а с другой — совершенно самостоятельное, очень почитаемое божество, играющее в японской культуре огромную роль.

Иначе говоря, в японской народной традиции мы имеем дело, во-первых, с наслоением более позднего и заимствованного образа Дракона на систему собственно японских представлений о божествах воды и их функциях, а во-вторых, с восприятием японцами заимствованного образа во всем его великолепии и значимости. Это породило у японцев трепетное и уважительное отношение к Дракону, его обожествлению, а также проникновению его образа во все сферы японской духовной культуры. При этом думается, что именно слияние образов древних синтоистских божеств воды и Дракона привело к тому, что последний был «допущен» в самые сакральные сферы японской культуры, а вокруг него сложилась целая система религиозно-обрядовых действий, проводимых в основном синтоистскими храмами.

Местом особого почитания Бога-Дракона издавна считается префектура Канагава, в которой «пребывают» два самых известных дракона Японии — пятиглавый на острове Эносима, недалеко от древней столицы г. Камакура, и девятиглавый — в озере Асиноко в горах Хаконэ.

Во время моего длительного пребывания в префектуре Канагава (2000–2002), мне удалось убедиться, сколь значим культ Дракона для этих мест и сколь почитаемо все, связанное с водой.

Остров Эносима — одно из красивейших мест Канагава. Небольшой островок, находящийся меньше чем в километре от берега, имеет длину береговой линии всего 4 км, зато самая высокая точка достигает 61 м. Сегодня он соединен автомобильным и пешеходным мостом с побережьем залива Сагами, а когда-то существовала даже профессия переправщика на Эносима, и плата различалась в зависимости от тяжести поклажи[21]. Сегодня Эносима не только место отдыха, где находятся ботанический сад, смотровая площадка, множество ресторанчиков, в которых можно отведать всевозможные морские деликатесы, но и святое место, куда спешат многочисленные паломники, чтобы увидеть древний храмовый комплекс. К нему ведет оживленная торговая улочка.

Согласно храмовым преданиям, впервые маленькая кумирня в честь Бога-Дракона появилась в северной части острова, смотрящей на море, в 552 г. Эта сторона острова скалистая, обрывистая. У самой воды, в отвесной скале — грот, в котором обитает Пятиглавый дракон, покровитель острова. Однако помимо Дракона на Эносима чтят и других богов. Еще в древности здесь поклонялись Богу моря и Богу безопасности мореплавания.

Храмовой комплекс Эносима-дзиндзя, состоящий из трех стоящих в разных местах острова зданий, создавался постепенно. Один из храмов — Накацуномия был построен в 853 г., и лишь в 1182 г. по приказу сёгуна Ёритомо Минамото было воздвигнуто основное здание — Хэцуномия. Сохранилось предание, что Ёритомо Минамото было видение — к нему явилась сама богиня Бэнтэн и попросила построить в ее честь храм на острове Эносима.

Бэнтэн — любимая и очень почитаемая в Японии богиня. Она покровительствует женщинам, охраняет семейное счастье, считается богиней красноречия, а также всех видов музыкального и театрального искусства. Особую популярность культ Бэнтэн приобрел в XVI в., когда богиня была причислена к Семи богам счастья (Ситифукудзин)[22].

Храм на острове Эносима — один из трех самых главных храмов богини Бэнтэн в Японии (почитаются также храм Ицукусима-дзиндзя на о. Миядзима, недалеко от г. Хиросима, и храм Тикубусима-дзиндзя острова Тикубусима на озере Бива). Согласно храмовым летописям, когда-то остров Эносима был «создан» благодаря именно богине Бэнтэн.

Как гласит одна из древних легенд, однажды неизвестно откуда по небу приплыло большое облако и тут же раздались раскаты грома. Потом все стихло, и на облаке появилась прекрасная богиня, а из пучины морских вод поднялся остров, получивший название Эносима, что значит «Остров-картина»[23]. Здесь следует пояснить, что сегодня название острова записывается иероглифами «бухта» и «остров», однако слово «э» омонимично и фонетически имеет как значение «бухта», так и «картина» при разном иероглифическом написании этих слов.

Согласно другой легенде о появлении острова Эносима, когда-то, когда острова еще не было, в большом озере неподалеку от этого места обитал Пятиглавый дракон, державший в страхе все окрестные земли. Он заливал водой рисовые поля, нападал на скот, насылал ливни и ураганы. В четвертом месяце 13-го года правления императора Киммэй (552 г.) на небе страшно загрохотало, земля вокруг стала сотрясаться, а волны в озере поднялись до небес. Так продолжалось десять дней и ночей. Вода в озере все прибывала, пока оно не превратилось в море. И тогда со дна моря поднялся остров Эносима. Затем неизвестно откуда появилась богиня Бэнтэн в сопровождении детей. Она шла пританцовывая, а поднявшись на вершину острова, осталась там править. Дракон сразу признал величие Бэнтэн и прекратил свои бесчинства. Более того, очарованный ее красотой, он посватался к Бэнтэн, и она, как считается, дала свое согласие[24].

В г. Фудзисава той же префектуры Канагава, к которой административно относится остров Эносима, известен вариант этой легенды, в котором говорится, что среди бесчинств Пятиглавого дракона самым страшным было поедание детей. Он требовал все новых и новых жертв,

отбирая самых красивых и здоровых ребят. Лишь получив ребенка, Дракон на какое-то время утихал[25].

Надо сказать, что такая характеристика Дракона в японском фольклоре крайне редкое явление, но, вероятно, достаточно устойчивое. Логическим добавлением к такой характеристике может считаться факт появления богини Бэнтэн в сопровождении веселых и счастливых детей. Этим подчеркивается благосклонность Бэнтэн к семейным устоям, а значит, и к детям. И это тоже одна из побед Бэнтэн над Драконом, победа добра над злом.

Вступление Дракона в супружескую связь с богиней Бэнтэн привело к обожествлению образа Пятиглавого дракона, который стал почитаться божеством-подателем влаги земли Сагами. Это божество стало именоваться *Рюкомэйдзин*, т.е. «Светлое божество Дракон». Одним из основных мест поклонения этому божеству в префектуре Канагава является буддийский храм Рюкодзи, на территории которого стоит небольшое синтоистское святилище — вместилище души Пятиглавого дракона. Этот храм находится на побережье недалеко от острова Эносима. Принято считать, что богиня Бэнтэн и Божество-Дракон всегда должны быть рядом друг с другом.

Культ Дракона и Бэнтэн до сих пор занимает большое место в системе народных верований префектуры Канагава. Так, ежегодный праздник на Эносима становится событием префектурального значения. Это особая Большая церемония, которая проводится один раз в год, в первый день Змеи в новом году. По лунному календарю первый день Змеи приходится на конец марта — начало апреля (по григорианскому календарю). Небывалого же размаха этот праздник достигает один раз в 60 лет, когда случается первый день Змеи в первом году Змеи нового 60-летнего цикла.

Мне посчастливилось стать свидетелем некоторых торжеств на Эносима, посвященных культу Дракона и Бэнтэн в апреле 2001 г. Это было редкое везение: ведь 2001 год был первым годом Змеи в новом 60-летнем цикле! Главным событием праздника было торжественное перенесение уникальной деревянной скульптуры Пятиглавого дракона (*годзу-но рю*) из храма Рюкодзи в храм Эносима-дзиндзя и следующая за этим «встреча» двух реликвий: скульптуры Дракона и статуи богини Бэнтэн, а значит соединение Дракона и Бэнтэн. В принципе, соединение супругов происходит каждый год в первый день Змеи: из храма Рюкодзи несут *микоси* — закрытый паланкин, где восседает божество, но деревянную скульптуру выносят только один раз в 60 лет.

Помимо Пятиглавого дракона острова Эносима в префектуре Канагава почитают и других драконов, о чем сохранилось упоминание в старинных легендах и преданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нихон мукаси-банаси дзитэн (Словарь японских народных сказок). Токио, 1977, с. 858–859.

[2] Поле заколдованных хризантем. — Японские народные сказки. М., 1994, с. 112–116.

[3] Нихон мукаси-банаси дзитэн. С. 889.

[4] Японские народные сказки. . 201–203.

[5] Японские сказки. М., 1991, с. 311–312.

[6] *Кавагути К.* Нихон-но камисами дзитэн ёми токи (Энциклопедия японских синтоистских божеств: чтение, толкование). Токио, 2001, с. 247.

[7] Там же, с. 263.

[8] Сюкё дзитэн (Религиозная энциклопедия). Токио, 2001, с. 224.

[9] *Кавагути К.* Цит. соч., с. 297.

[10] Японские сказки. С. 358.

[11] Нихон мукаси-банаси дзитэн. С. 889.

[12] *Tompson Aarne A.* The Types of the Folk-Table. Helsinki, 1928.

[13] Манъёсю (Собрание мириад листьев). М., 1971, т. 2, с. 99.

[14] Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV–XVI веков. Отоги дзоси (пер. с яп. М. Торопыгиной). СПб., 1994, с. 134–141.

[15] *Кавагути К.* Цит. соч., с. 267.

[16] Там же.

[17] См., например: Японские народные сказки. С. 36–38.

[18] Кёто-но тэра дэра-но мукаси-банаси (Сказки буддийских храмов Киото). Нара, 1996, т. 2, с. 48–50.

[19] Японские народные сказки. С. 195–198.

[20] Подробнее о персонажах японской народной демонологии см.: *Садокова А.* Японский фольклор (в контексте мифолого-религиозных представлений). М., 2001, с. 61–112.

[21] Кёдо сирё дзитэн (Энциклопедия материалов краеведения). 1989, т. 14, с. 141.

[22] Подробнее о Семи богах счастья и культе Бэнтэн см.: *Садокова А.* Цит. соч., с. 147–170.

[23] Кёдо сирё дзитэн. Т. 14, с. 140.

[24] Фуруса то дэнсэцу (Старина и легенды). Токио, 1990, с. 60.

[25] Канагава-но дэнсэцу (Легенды Канагава). Иокогама, 1967, с. 135–136.

Авторский коллектив
(в алфавитном порядке)

Анин Константин Константинович, кандидат исторических наук, Московский государственный университет.

Денисов Юрий Дмитриевич, кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН.

Зайцев Валерий Константинович, доктор экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Кунадзе Георгий Фридрихович, кандидат исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Маркарьян Сэда Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН.

Николаева Наталья Сергеевна, доктор искусствоведения, член Всероссийского союза художников.

Рамзес Вадим Борисович, доктор экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, Институт стран Азии и Африки.

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, Московский государственный университет.

Authors' team
(in alphabetical order)

Anin Konstantin Konstantinovich, Ph. D., Moscow State University.

Denisov Yuri Dmitrievich, Ph. D., Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Kunadze Georgi Fridrihovich, Ph. D., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Leontieva Elena Lvovna, Ph. D., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Markaryan Seda Bagdasarovna, Prof., Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Natalya Sergeevna, Prof., Member, Russian Artists' Union.

Ramzes Vadim Borisovich, Prof., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Sadokova Anastasia Ryurikovna, Prof., Institute of Asian and African Countries.

Tikhotskaya Irina Sergeevna, Ph. D., Moscow State University.

Zaitsev Valery Konstantinovich, Prof., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Содержание

В. Рамзес
Резюме 4

В. Рамзес
Неюбилейные мысли к юбилею 15

В. Рамзес
Хет-трик Дзюнъитиро Коидзуми 38

Е. Леонтьева
Финансовый кризис и денежно-кредитная политика Банка Японии 80

В. Зайцев
Сбережения и рост японской экономики 134

Ю. Денисов
Ресурсы инновационного развития японской экономики 166

С. Маркарьян
Аграрный сектор в процессе реформирования 185

Г. Кунадзе
Япония и Китай: бремя «особых отношений» 227

И. Тихоцкая, К. Анин
«Неяпонская» Япония: Окинава в начале XXI в. 247

Н. Николаева
Искусство и религия: структура художественного образа в японской пейзажной живописи XIV–XV вв. 277

А. Садокова
Символика воды в японском повествовательном фольклоре 294

Contents

V. Ramzes
Résumé 4

V. Ramzes
Un-Jubilee Reflections on the Occasion of a Jubilee 15

V. Ramzes
A Hat-Trick by Junichiro Koizumi 38

E. Leontieva
Financial Crisis and Bank's of Japan Monetary and Credit Policy 80

V. Zaitsev
Savings and Japan's Economic Growth 134

Yu. Denisov
Innovation Resources of Japan's Economic Development 166

S. Markaryan
Agriculture in the Process of Reforming 185

G. Kunadze
Japan and China: a Burden of «Particular Relations» 227

I. Tikhotskaya, K. Anin
«Non-Japanese» Japan: Okinawa at the Start of the 21-st Century 247

N. Nikolaeva
Art and Religion: a Structure of Artistic Image in Japanese Landscape Painting (14-th and 15-th Centuries) 277

A. Sadokova
Water Symbolics in Japanese Narrative Folklore 294

Научное издание

ЯПОНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Н.Н. Щигорева*

Подписано к печати 10.05.06
Формат 60×88$^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 18,9. Усл. кр.-отт. 19,1. Уч.-изд. л. 22,4
Тираж 250 экз. Изд. № 8245. Зак. № 3532

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6